

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.

СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.

СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2025 Том 16 № 4

Специальная тема номера:

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ КЫРГЫЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИМЕНИ ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Научный журнал

Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Денисенко Владимир

Никифорович, доктор

филологических наук, профессор,

Российский университет дружбы

народов, Москва, Российская

Федерация

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Новоспасская Наталья

Викторовна, кандидат

филологических наук, доцент,

Российский университет дружбы

народов, Москва, Российская

Федерация

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ
СЕКРЕТАРЬ**

Лазарева Олеся Викторовна,

кандидат филологических наук,

доцент, Российский университет

дружбы народов, Москва,

Российская Федерация

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синякин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Индексируется Белом списке РЦНИ, РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.12.2025. Выход в свет 28.12.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 31,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1673. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3,
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2025

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2025 VOLUME 16 No. 4

Special Theme of the Issue:

**ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE KYRGYZ NATIONAL UNIVERSITY
NAMED AFTER JUSUP BALASAGYN**

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University, Moscow,
Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University, Moscow,
Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University, Moscow,
Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Klaudia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Yunsheng Ju, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexing: White List RCSI, Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.

Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aims and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online:
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticz@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor *O.N. Kolyseva*
Computer Design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze st., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
10 Miklukho-Maklaya st., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticz@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze st., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ КЫРГЫЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА

КНУ: Universitas Centum (от редакции)	1003
Сардарбек кызы Н., Крутиков Д.А. (Бишкек, Кыргызская Республика). Семиотика гармонизации межличностной коммуникации в современной русской прозе на материале рассказов В.С. Токаревой, Б.П. Екимова, Н.В. Горлановой	1005
Окулич-Казарина А.В., Алмакаева О.В., Акназарова А.Г. (Бишкек, Кыргызская Республика). Прецедентность в поэзии как стратегия языкового воздействия и манипулирования	1024
Дюшебекова Б.Т., Чепекова Г.С. (Бишкек, Кыргызская Республика). Образ-символ как элемент семиотической системы художественного дискурса Ч.Т. Айтматова	1039
Дюшекеева Д.Т., Исламова А.М. (Бишкек, Кыргызская Республика). Семантика неопределенности и средства ее выражения в русских и киргизских сказках	1055
Абылова А.К. (Бишкек, Кыргызская Республика). Отражение менталитета в пословицах и поговорках с локативным значением в русском и кыргызском языках	1062

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Карасик В.И., Китанина Э.А. (Москва, Российская Федерация). Осмысление осторожности в русской и английской лингвокультурах	1072
Ахренова Н.А., Тер-Минасова С.Г. (Москва, Российская Федерация). Эволюция политической медиариторики в Великобритании	1090
Москвичева С.А., Ли Сюэ (Москва, Российская Федерация). Социолингвистические категории языков КНР: структурная модель обыденных представлений и ее визуализация	1102
Krasikova E.A., Korovina S.G. (Moscow, Russian Federation). Cognitive Models of Humor in Anecdotal Discourse: Based on the Chinese Language (Когнитивные модели юмора в анекдотическом дискурсе на материале китайского языка)	1121

ЛИНГВИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Воробьев В.В. (Москва, Российская Федерация), Немыка А.А. (Краснодар, Российская Федерация). «КОСМОС» и «ХАОС» концептуального пространства языковой личности: парадоксы Сергея Довлатова	1144
Dzhusupov M. (Tashkent, the Republic of Uzbekistan), Mamirova Sh.K. (Shymkent, the Republic of Kazakhstan). Qualitative and Quantitative Characteristics of Functional-and-Stylistic and Emotional-Expressive Stylistic Markedness of the Adjective in the Literary Text: Based on V.M. Shukshin's Stories (Качественные и количественные характеристики функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной стилистической окраски имени прилагательного в художественном тексте: на материале рассказов В.М. Шукшина)	1154

Chulkina N.L., Timofeeva M.N. (Moscow, Russian Federation). Literary Translation as a Translingual Practice: C.D. Balmont and “The Murders in the Rue Morgue” by E.A. Poe (Художественный перевод как транслингвальная практика: К.Д. Бальмонт и «Убийство на улице Морг») 1173

Чжан Кэ, Цзяо Ян (Чанчунь, Китайская Народная Республика), Денисенко В.Н. (Москва, Российская Федерация). Филологический анализ субъективации повествования в художественном тексте 1189

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Киосе М.И., Прокофьева О.Н., Смирнова Е.Е. (Москва, Российская Федерация). Оценочное позиционирование в экспозиторном диалоге: когнитивно-семиотические основания 1205

Вольская Ю.А., Токсубаева А.А., Соловьев В.Д. (Казань, Российская Федерация). Аффективные нормы VAD для русского языка: корреляция с рейтингами абстрактности/конкретности 1225

Воейкова М.Д., Краснощекова С.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Ван Илин (Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика). Номинация персонажей в русских и китайских новостях 1242

Zabolotskikh A.V. (Moscow, Russian Federation), Sokolova E.E. (Dolgoprudny, Russian Federation), Tavberidze D.V., Medvedev Yu.S. (Moscow, Russian Federation). Transformation of Political Discourse: Language Weaponisation (Трансформация политического дискурса: язык как оружие) 1258

Novospasskaya N.V., Haddad A.D. (Moscow, Russian Federation). Features in Lexicography for Arabic Dialects: Multimedia Dictionary of the Syrian Dialect (Особенности лексикографирования арабских диалектов: мультимедийный словарь сирийского диалекта) 1272

Чигашева М.А. (Москва, Российская Федерация). Средства гендерной маркированности в письменной речи Сары Вагенкнехт 1288

Иванова И.Г., Егошина Р.А. (Йошкар-Ола, Российская Федерация). Акустический анализ интонационных характеристик вопросительных эмоционально окрашенных фраз во французском и марийском языках 1309

Сластникова Т.В., Черкашина Е.И. (Москва, Российская Федерация). Дискуссионные вопросы соблюдения правил согласования в сложных французских временах: на материале интернет-форума Reddit.com 1327

Кушнерук С.Л. (Челябинск, Российская Федерация). Критерии конфликтогенного миромоделирования в анонимном политическом дискурсе Telegram 1343

CONTENTS

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE KYRGYZ NATIONAL UNIVERSITY NAMED AFTER JUSUP BALASAGYN

KNU: Universitas Centum (<i>Editorial Note</i>)	1003
Sardarbek kyzy N., Krutikov D.A. (Bishkek, Kyrgyz Republic). Semiotics of Harmonization of Interpersonal Communication in Modern Russian Prose of V.S. Tokareva, B.P. Ekimov, N.V. Gorlanova's Stories	1005
Okulich-Kazarina A.V., Almakaeva O.V., Aknazarova G.A. (Bishkek, Kyrgyz Republic). Precedent in Poetry as a Strategy of Linguistic Influence and Manipulation	1024
Diushebekova B.T., Chepekova G.S. (Bishkek, Kyrgyz Republic). Image-Symbol as an Element of the Semiotic System of Artistic Discourse of Ch.T. Aitmatov	1039
Diushekeeva D., Islamova A. (Bishkek, Kyrgyz Republic). Semantics of Uncertainty and Means of Its Expression in the Text of Russian and Kyrgyz Folk Tales	1055
Abylova A.K. (Bishkek, Kyrgyz Republic). Reflection of Mentality in Proverbs and Sayings with Locative Meaning of Russian and Kyrgyz Languages	1062

LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

Karasik V.I., Kitanina E.A. (Moscow, Russian Federation). Conceptualization of Caution in the Russian and English Language and Culture	1072
Akhrenova N.A., Ter-Minasova S.G. (Moscow, Russian Federation). The Transformation of Political Media Rhetoric in Great Britain	1090
Moskvitcheva S.A., Li Xue (Moscow, Russian Federation). Sociolinguistic Categories of Languages in the PRC: a Structural Model of Everyday Representations and Its Visualization	1102
Krasikova E.A., Korovina S.G. (Moscow, Russian Federation). Cognitive Models of Humor in Anecdotal Discourse: Based on the Chinese Language	1121

LITERARY TEXT LINGUISTICS

Vorobyov V.V. (Moscow, Russian Federation), Nemyka A.A. (Krasnodar, Russian Federation). "COSMOS" and "CHAOS" of the Linguistic Persona's Conceptual Space: Sergey Dovlatov's Paradoxes	1144
Dzhusupov M. (Tashkent, the Republic of Uzbekistan), Mamirova Sh.K. (Shymkent, the Republic of Kazakhstan). Qualitative and Quantitative Characteristics of Functional-and-Stylistic and Emotional-Expressive Stylistic Markedness of the Adjective in the Literary Text: based on V.M. Shukshin's Stories	1154
Chulkina N.L., Timofeeva M.N. (Moscow, Russian Federation). Literary Translation as a Translingual Practice: C.D. Balmont and "The Murders in the Rue Morgue" by E.A. Poe	1173

Zhang Ke, Jiao Yang (Changchun, the People's Republic of China), Denisenko V.N. (Moscow, Russian Federation). The Phenomenon of Subjection of Narrative in an Artistic Text	1189

THEORY OF LANGUAGE

Kiose M.I., Prokofieva O.N, Smirnova E.E. (Moscow, Russian Federation). Evaluation Stance in Expository Dialogue: a Cognitive Semiotic Perspective	1205
Volskaya Yu.A., Toksubaeva A.A., Solovyev V.D. (Kazan, Russian Federation). Affective VAD Norms for Russian: Correlation with Abstractness/Concreteness Ratings	1225
Voeikova M.V., Krasnoshchekova S.V. (Saint Petersburg, Russian Federation), Yiling Wang (Shenzhen, the People's Republic of China). Naming of Actors in Russian and Chinese News	1242
Zabolotskikh A.V. (Moscow, Russian Federation), Sokolova E.E. (Dolgoprudny, Russian Federation), Tavberidze D.V., Medvedev Yu.S. (Moscow, Russian Federation). Transformation of Political Discourse: Language Weaponisation	1258
Novospasskaya N.V., Haddad A.D. (Moscow, Russian Federation). Features in Lexicography for Arabic Dialects: Multimedia Dictionary of the Syrian Dialect	1272
Chigasheva M.A. (Moscow, Russian Federation). Gender Marking Means in Wagenknecht's Written Discourse	1288
Ivanova I.G., Egoshina R.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Acoustic Analysis of Intonation Characteristics of Interrogative Emotionally Colored Phrases in French and Mari	1309
Slastnikova T.V., Cherkashina E.I. (Moscow, Russian Federation). Controversial Issues of Compliance with the Rules of Agreement in Complex French Tenses: Based on the Internet Forum Reddit.com	1327
Kushneruk S.L. (Chelyabinsk, Russian Federation). Criteria of Conflictogenic World-Modeling in Anonymous Political Discourse of Telegram	1343

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ КЫРГЫЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE KYRGYZ NATIONAL UNIVERSITY NAMED AFTER JUSUP BALASAGYN

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1003-1004

EDN: MMMCRF

Редакционная статья / Editorial

КНУ: Universitas Centum

100-летний юбилей Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына (далее — КНУ) является значимым событием, отражающим его вклад в развитие науки и системы высшего образования Кыргызской Республики. В течение столетия университет последовательно решает задачи, связанные с прогрессом науки и образования в контексте глобализационных процессов и цифровой трансформации общества.

Данное событие хронологически связано со 100-летием образования Кара-Кыргызской автономной области (2024), что обусловило потребность в формировании профессиональных образовательных учреждений. КНУ, основанный в 1925 г. как Кыргызский институт просвещения, явился одним из первых институциональных ответов на указанную потребность. Последующая реорганизация в Кыргызский государственный педагогический институт (1932) ознаменовала начало реализации программ высшего профессионального образования. Трансформация в Кыргызский государственный университет (1951) и присвоение статуса «национальный» (1993) закрепили ведущую роль университета в образовательной системе республики. В 2002 г. университету присвоено имя Жусупа Баласагына, выдающегося мыслителя и просветителя.

На начальном этапе функционирования КНУ включал четыре факультета: педолого-педагогический, физико-математический, общественно-экономический и литературно-лингвистический, которые обеспечили подготовку педагогических и научных кадров, внесших вклад в формирование интеллектуальной элиты Кыргызстана.

В настоящее время КНУ представляет собой многопрофильный университет, реализующий более 200 образовательных программ различных уровней по естественно-научным, техническим, экономическим, медицинским и гуманитарным направлениям. Университет ориентирован на развитие фундаментальных и прикладных научных исследований, что соответствует концепции исследовательского университета.

Контингент обучающихся составляет около 30 000 студентов. В составе профессорско-преподавательского состава (ППС) и сотрудников числятся около 3000 человек, в том числе 161 доктор наук, 583 кандидата наук, 94 профессора, 388 доцентов, 3 академика и 5 членов-корреспондентов Национальной академии наук КР. Кадровый потенциал университета также представлен 13 Заслуженными работниками образования КР, 2 Заслуженными деятелями науки КР, 2 Заслуженными деятелями культуры КР, 2 лауреатами Государственной премии в области науки и техники, 1 Героем Кыргызской Республики, 1 чемпионом Летних Олимпийских игр 1980 года и 9 Заслуженными тренерами КР.

За 100-летний период КНУ сыграл существенную роль в становлении системы высшего профессионального образования в Кыргызстане и продолжает способствовать ее развитию. Среди выпускников университета – видные государственные деятели, ученые, деятели культуры и образования. Значительный вклад в развитие университета внесли такие ученые-филологи, как К. Тыныстанов, Е. Поливанов, К. Юдахин, Г. Зенков, Ч. Джолдошева, юрист Л. Левитин, физики А. Жайнаков, О. Шаршекеев, Л. Тузов, химики С. Арбаев, Ш. Жоробекова, историки Б. Джамгырчинов, Д. Бактыгулов, географ К. Оторбаев и др.

Современные научные исследования, проводимые в КНУ — часть научной и образовательной деятельности в стране и мире. Университет сохраняет и развивает научные традиции, являясь одним из ключевых центров генерации знаний в Кыргызской Республике. Объединяя общечеловеческие идеалы с национальными идеями, КНУ участвует в активной гуманизации сознания и построении гармоничного общества.

Редакционная коллегия

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1005-1023

EDN: OMQARE

Научная статья / Research Article

Семиотика гармонизации межличностной коммуникации в современной русской прозе на материале рассказов В.С. Токаревой, Б.П. Екимова, Н.В. Горлановой

Н. Сардарбек кызы , Д.А. Крутиков

Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика
 skn@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблемам эффективной межличностной коммуникации в условиях динамично меняющегося социокультурного пространства. Семиотический анализ прозы В.С. Токаревой, Б.П. Екимова, Н.В. Горлановой позволяет выявить знаковые механизмы гармонизации коммуникативного взаимодействия и предложить новые подходы к интерпретации художественного текста в аспекте его знаковых систем. Цель исследования – выявление и анализ семиотических средств, используемых в рассказах В.С. Токаревой, Б.П. Екимова и Н.В. Горлановой для создания гармоничной межличностной коммуникации между персонажами. Результатом станет определение специфики авторского подхода к моделированию конструктивного диалога и его семиотического контекста. Основываясь на анализе рассказов В.С. Токаревой, Б.П. Екимова и Н.В. Горлановой, установлено, что гармонизация межличностной коммуникации в современной русской прозе достигается посредством использования комплекса семиотических средств, включающих вербальные и невербальные компоненты. Выявлена специфика авторского подхода к моделированию конструктивного диалога, заключающаяся в использовании языковых средств, служащих для достижения взаимопонимания и разрешения конфликтных ситуаций. Показано, что эффективное выявление семиотических ресурсов способствует раскрытию идейно-нравственного содержания произведений и формированию авторской позиции относительно гуманистических аспектов человеческого взаимодействия.

Ключевые слова: семантика, вербальные/невербальные знаки, конфликт, контекст

Вклад авторов: Н. Сардарбек кызы: разработка концепции исследования, сбор и анализ данных, написание текста статьи. Д.А. Крутиков: разработка концепции исследования, сбор и анализ данных, написание текста статьи, редактирование.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 09.04.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

© Сардарбек кызы Н., Крутиков Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сардарбек кызы Н., Крутиков Д.А. Семиотика гармонизации межличностной коммуникации в современной русской прозе на материале рассказов В.С. Токаревой, Б.П. Екимова, Н.В. Горлановой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1005–1023. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1005-1023>

Semiotics of Harmonization of Interpersonal Communication in Modern Russian Prose of V.S. Tokareva, B.P. Ekimov, N.V. Gorlanova's Stories

Nuraiym Sardarbek kyzy , **Denis A. Krutikov**

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic
 skn@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the growing interest in the problems of effective interpersonal communication in a dynamically changing socio-cultural space. Semiotic analysis of the prose of V.S. Tokareva, B.P. Ekimov, N.V. Gorlanova allows to reveal sign mechanisms of harmonization of communicative interaction and to offer new approaches to the interpretation of the artistic text in the aspect of its sign systems. The aim of the study is to identify and analyze the semiotic means used in the stories by V.S. Tokareva, B.P. Ekimov and N.V. Gorlanova to create harmonious interpersonal communication between characters. The result will be the definition of the specifics of the author's approach to modeling constructive dialog and its role in revealing the problems of the works. Based on the analysis of stories by V.S. Tokareva, B.P. Ekimov and N.V. Gorlanova, it is established that the harmonization of interpersonal communication in modern Russian prose is achieved through the use of a set of semiotic means, including verbal and nonverbal components. The specificity of the author's approach to the modeling of constructive dialog is revealed, which consists in the use of linguistic means serving to achieve mutual understanding and resolving conflict situations. It is shown that the effective identification of semiotic resources contributes to the disclosure of the ideological and moral content of works and the formation of the author's position regarding the humanistic aspects of human interaction.

Keywords: semantics, verbal signs, nonverbal signs, storytelling, conflict, context

Authors' contribution: Nuraiym Sardarbek kyzy: development of the research concept, data collection and analysis, writing the article. Denis A. Krutikov: development of the research concept, data collection and analysis, writing the article, and editing.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 09.04.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Sardarbek kyzy, N., & Krutikov, D.A. (2025). Semiotics of Harmonization of Interpersonal Communication in Modern Russian Prose of V.S. Tokareva, B.P. Ekimov, N.V. Gorlanova's Stories. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1005–1023. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1005-1023>

Введение

В современных междисциплинарных исследованиях в области лингвистики и литературоведения семиотический подход становится все более значимым инструментом для анализа художественных текстов, позволяя выявлять глубинные смыслы и механизмы гармонизации межличностной

коммуникации. В рамках данного исследования представляется необходимым рассмотреть основные методы и подходы, используемые в анализе художественных текстов с семиотической точки зрения.

Одним из фундаментальных подходов является семиотика как таковая, основы которой заложил Ф. де Соссюр, а развили такие исследователи, как Ю.М. Лотман, Р. Барт, У. Эко [1—4] и др. Данный подход позволяет рассматривать художественный текст как сложную знаковую систему, где каждый элемент, от отдельного слова до композиционной структуры, несет определенный смысл и участвует в формировании общего значения. Согласно Ю.М. Лотману культура сама признается семиосферой, где знаки взаимодействуют, создавая сложные смысловые паттерны [2]. Р. Барт акцентирует внимание на том, как знаки конструируют идеологию и социальные отношения [3], а У. Эко предлагает инструменты для анализа структуры и интерпретации знаков [4].

В рамках семиотического подхода важно учитывать структурный анализ художественного текста, направленный на выявление и описание его внутренней организации. Этот метод устанавливает связи между различными уровнями текста (лексическим, синтаксическим, композиционным) и определить, как они взаимодействуют для создания определенного эффекта [1]. Р. Якобсон, рассматривая лингвистику и поэтику, подчеркивает важность анализа структуры для понимания художественного текста [5].

Для понимания функционирования языка в коммуникативном процессе необходимо применение теории речевых актов, разработанной Дж. Остином и Дж. Сёрлем [6; 7]. Данная теория позволяет анализировать высказывания персонажей не только с точки зрения их семантического содержания, но и с точки зрения их коммуникативной функции. Понимание того, какие речевые акты используют персонажи, помогает определить, как они воздействуют друг на друга и как они стремятся к гармонизации отношений. С. Левинсон [8] также вносит вклад в прагматику, рассматривая контекст как ключевой фактор в интерпретации высказываний.

В аспекте анализа коммуникативных стратегий и тактик, используемых персонажами, необходимо опираться на работу О.С. Иссерс, которая подробно исследует различные способы достижения коммуникативных целей в русской речи [9]. Данный анализ выявляет какие стратегии и тактики оказываются наиболее эффективными для гармонизации межличностной коммуникации.

Важным является применение дискурс-анализа, для рассмотрения языка в контексте социального взаимодействия. Согласно В.И. Тюпе художественный дискурс обладает своими особенностями, определяющими способы создания и интерпретации текста [10]. Н. Фэркло анализирует, как дискурс влияет на социальные изменения и формирует идентичность [11]. М.Л. Макаров предлагает основы теории дискурса, помогающие понимать, как язык используется для достижения определенных социальных целей [12]. В.Е. Чернявская рассматривает текст с точки зрения поликодовости, интертекстуальности

и интердискурсивности, что позволяет увидеть текст в широком контексте культурных и исторических связей [13].

В рамках данного исследования учтены работы, посвященные творчеству В.С. Токаревой, Б.П. Екимова и Н.В. Горлановой. Некоторые из этих работ носят преимущественно литературоведческий характер [14–24], другие основаны на лингвистическом анализе [25–31], одно исследование выполнено на стыке литературоведения и психолингвистики [32]. Элементы семантико-семиотического подхода намечены в трудах Л.В. Коротенко [21], Л.В. Русиновой [30], О.И. Романовой [29], С.М. Фалчари [32], Н. Овсянниковой [25], Е.П. Пиликиной [26; 27].

Данные работы, предлагая ценные сведения о содержательных и формальных особенностях произведений В.С. Токаревой, Б.П. Екимова и Н.В. Горлановой, обогащают семиотический анализ в комплексе с другими методами и подходами, имеющими место в данном исследовании, намечают пути для семиотической интерпретации процессов гармонизации межличностной коммуникации.

Таким образом, анализ гармонизации межличностной коммуникации в современной русской прозе требует комплексного подхода, объединяющего семиотический, структуралистский, прагматический, дискурсивный и другие методы. Применение данных методов позволит раскрыть глубинные смыслы рассказов В.С. Токаревой, Б.П. Екимова и Н.В. Горлановой и определить их вклад в понимание процессов, способствующих конструктивному диалогу и гуманизации сознания коммуникантов.

Материалы и методы

Материалом исследования явились тексты малой прозы В.С. Токаревой «Рождественский рассказ», Б.П. Екимова «Не ругай меня» и Н.В. Горлановой «Я ехала домой», репрезентирующие различные модели межличностной коммуникации и отражающие авторские подходы к ее гармонизации. В исследовании задействована группа методов: семиотический анализ, дискурс-анализ, интерпретативный анализ, элементы лингвостилистического, психологического, контекстного типов анализа, метода сплошной выборки. Также принимается во внимание этико-филологический подход, связанный с аксиологией нравственно-гуманистических ценностей.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования постулируются следующие выводы.

В.С. Токарева использует различные знаковые системы для создания многогранного и эмоционального рассказа о прощении, искуплении и возможности начать новую жизнь. Через знаки непонимания и конфликтов она показывает сложность человеческих отношений, а через знаки гармонизации и примирения — возможность их улучшения и укрепления.

Б.П. Екимов мастерски применяет семиотические маркеры, в частности, повторяющуюся просьбу о прощении, как ключевой фактор гармонизации межличностных отношений между поколениями. Контекстуальные изменения в значении данной просьбы, от детской мольбы до признания старческой слабости, подчеркивают важность эмоционального отклика и сочувствия. Автор демонстрирует, что детское раскаяние, старческая просьба и взрослое прощение человеческих слабостей, выраженные через речевые и невербальные знаки, способны восстанавливать семейную гармонию и укреплять связь поколений, утверждая доброту как высшую ценность.

Н.В. Горланова использует знаковые системы для создания многогранного и реалистичного портрета окружающей действительности. Через столкновение разных характеров и точек зрения она показывает сложность и противоречивость жизни, а также возможность найти гармонию и смысл в самых неожиданных ситуациях.

Семиотический подход к анализу литературных текстов, посвященных проблемам межличностной коммуникации, представляется продуктивным и значимым. Он позволяет определить влияние культурных кодов и социальных норм на формирование речевых и поведенческих стратегий, направленных на гармонизацию отношений. Рекомендуется при этом задействовать для семиотических исследований тексты, подобные рассмотренным в данном исследовании, которые имеют большое нравственно-воспитательное значение и содержание, поскольку актуализируют процесс развития сознания и воспитания чувств в гуманном направлении.

Дискуссия

Семиотика прощения как путь к межличностной гармонии в «Рождественском рассказе» В.С. Токаревой

Рассказ В.С. Токаревой «Рождественский рассказ»¹, впервые опубликованный в 1995 г., повествует о взрослении, прощении и обретении гармонии. По сюжету рассказчица однажды приносит в школу герань для живого уголка, но ее одноклассник Борька Карпов разбивает горшок с цветком. Мотивация его поступка может быть истолкована по-разному: привлечь внимание или показать свою силу, возможно, из желания самоутвердиться перед другими мальчишками. Девочка расстроена и рассказывает об этом дома, где папа обещает наказать Борьку, но так и не делает этого. Пять лет спустя героиня встречает в автобусе солдата и узнает в нем Борьку Карпова. Замёрзший, со сломанным носом, потрепанный жизнью парень вызывает у героини сострадание. Героиня напоминает Борьке о сломанном цветке, но он ничего не помнит. Девушка кладет свою розу на колени растерянного Борьки и выходит. Парень глядит в окно на девушку и узнает ее. Глаза Борьки (1) «...вспыхнули узнаванием и стали красивыми, потому что в них появился смысл

¹ Токарева В.С. Хэппи энд : Повести и рассказы. М. : Квадрат, 1995.

и радость»² (далее указываются страницы рассказа по этому изданию/ — Авторы). Героиня отказывается встречать Новый год со своим парнем Толей и отмечает праздник в кругу семьи.

Случайная встреча героини с Борькой Карповым, погубившим когда-то из озорства ее горшок с геранью, становится катализатором для переосмысления прошлого. Семиотический анализ раскрывает роль символов и образов в передаче эмоциональных состояний и идеи прощения как пути к личностному росту. Нами выделено несколько семиотических аспектов.

Семиотика предметного мира. Цветок герани является символом уязвимости, хрупкости, олицетворяя детскую травму и определяя негативное отношение героини к Борьке на долгие годы. Цветок розы в финале рассказа символизирует самостоятельность, зрелость и переосмысление прошлого. Дарение розы — жест прощения, как Борьки, так и себя самой за долгую обиду. В этом аспекте роза символизирует надежду на новые, здоровые отношения.

Семиотика пространства. Выделяются такие значимые типы пространства, как семья (квартира героини), школа, автобус, улица. При этом пространство семьи понимается рассказчицей сакральным для рассказчицы сакральным. Героиня отказывается встречать Новый год со своим парнем Толей, общение с которым ее тяготит. Она сообщает ему, что будет отмечать праздник с родными. (2) «— *И ты вернешься в этот старушатник?*» (С. 420) — спрашивает Толя. Разговорное, уничижительное слово с негативной коннотацией отразило неуважительность Толи к другим людям, что еще более укрепило желание героини встретить Новый год в своем кругу: (3) «...*это бабушка, кошка, папа и мама*» (там же). Каждое из указанных понятий наполняется позитивно значимой семантикой, реализующейся в семантических инвариантах — «счастье», «довольство», «душевный комфорт». Семья — это знаковая система, транслирующая принятие и поддержку.

Образ автобуса ассоциируется с пограничным пространством — встречи с прошлым, где происходит ключевой момент прощения. Дорога символизирует внутреннее путешествие героини от обиды к прощению.

Семиотика телесности. Сломанный нос Борьки выступает как знак пережитого насилия и тягот судьбы, вызывая у героини сострадание. Искалеченное лицо парня символизирует уязвимость и страдание. С семиотикой телесности связано преображение Борьки Карпова: в момент узнавания героини в его глазах появляются смысл и радость. Преображение символизирует возможность обретения человеческого достоинства и красоты даже через боль.

Семиотика речи. «Сильные и жесткие слова упрека» (С. 421) — знаки долго сдерживаемой обиды, теряющие смысл при встрече героини с реальным Борькой. Семиотическими маркерами в дискурсе неожиданной встречи рассказчицы с Борькой в финале являются фразы: (4) «Привет!» (там же) и (5) «С Новым годом!» (там же). Они реализуются в данном контексте

² Токарева В.С. Мало ли что бывает... : Повести и рассказы. М. : АСТ, 2000. С. 422.

как символы готовности к примирению, открытости и человечности, отказа от враждебности.

Семиотика жеста. В данном случае значимым невербальным актом является дарение розы рассказчицей Борьке Карпову. Это полисемантический жест, выражающий одновременно прощение и примирение. Борька реагирует на действие героини с явно выраженным смущением и неуверенностью. Роза, положенная парню на колени, «как на памятник» (там же), интерпретируется как памятник прошлому и возможность исцеления.

Семиотика времени. Новый год выступает в рассказе как символ обновления, возможности отпустить обиды и построить новые отношения. В этой связи обращает на себя внимание семантика заглавия — «*Рождественский рассказ*», которая является жанроформирующим и семиотически актуальным признаком, реализующемся в метафорическом значении чуда, преображения личности в добром движении души.

Семиотика финала связана с оптимистическим завершением рассказа, которое наполнено верой в межличностную гармонию. Возвращение в семью, речь президента, радостные крики (6) «*Ура!*» (С. 422) создают атмосферу единства и надежды.

Выделены следующие вербальные знаки. На уровне лексики преобладают слова с нейтральной и негативной коннотацией в первой части рассказа, отражающие пессимистическое мировоззрение героини: «*пораженка*» (С. 422), «*старушатник*» (там же), «*вялая, липкая энергия*» (там же), «*напрасные страдания*» (там же). В финале появляются слова с положительной коннотацией, свидетельствующие о гармонизации: «*обрадовались*» (там же), «*жизнь прекрасна*» (там же), «*несмотря ни на что*» (там же). Метафоры и сравнения: «*кепка с твердым околышем, как у Жириновского*» (С. 420), «*липкая энергия, похожая на смог*» (там же), «*нос... прилег на щеки*» (там же) усиливают эмоциональное воздействие и передают субъективное восприятие героини. На уровне синтаксиса в тексте преобладают простые предложения, отражающие прямолинейность и откровенность повествования. Имеют место риторические вопросы: (7) «*Так чего же я хочу через пять лет?*» (С. 421), подчеркивающие внутренние сомнения и размышления героини, восклицания, выражающие эмоциональный подъем в финале: (8) «*Ура!*» (С. 422).

Трижды повторенное риторическое обращение: (9) «*Прощай, мой черный ангел. Прощайте, мои напрасные страдания. Прощай, моя роза неземной красоты. Продержись как можно дольше...*» (там же) — отражает новое состояние сознания героини. Негативное претворяется в доброе и светлое. В желании, адресованном розе, актуализируется символика любви и взаимопонимания, нежности и симпатии — того, что гармонизирует межличностные отношения.

В финале актуализирована такая фигура речи, как градация, имеющая восходящий характер: (10) «*Потом забили куранты. Мы поднялись с бокалами и закричали “Ура!”. И кошка тоже включила свой моторчик и запела о том, что жизнь прекрасна, несмотря на быстротечность*

и на бессмысленную жестокость. Несмотря ни на что...» (там же). Автор выстраивает фразы таким образом, что усиливается ощущение радости и благополучия в финале. Семиотически значимым является образ кошки, включившей «свой моторчик», семантически он отражает апофеоз праздничного настроения.

Значимыми являются речевые акты. Так, отказ (11) «Все отменяется» (С. 420) выражает протест и нежелание следовать предписанному сценарию. Вопрос (12) «Не узнаешь?» (С. 421) — это попытка установить контакт и вызвать воспоминания. Напоминание (13) «Ты мне еще цветок сломал» (там же) — проявление обиды и упрека. Извинение/примирение (14) «С Новым годом!» (там же) — попытка завершить конфликт и начать новую главу.

Диалог рассказчицы с Борькой — ключевой момент рассказа, демонстрирующий изменение в отношениях между персонажами. Краткие реплики и паузы подчеркивают неловкость и напряжение в начале разговора. Узнавание в конце диалога и вспыхнувшие глаза Борьки — невербальный знак, свидетельствующий об изменении его отношения к героине.

С невербальными знаками связаны:

1. *Кинесика*. Поза солдата (скрюченный, замерзший) — отражение его тяжелого положения и пережитого. Движения героини (подходит к солдату, протягивает розу) — проявление сочувствия и готовности к примирению. Растерянность и непонимание Борьки, когда героиня протягивает ему розу, затем — узнавание и осознание.

2. *Проксемика*. Дистанция между героиней и Толей — отчуждение и нежелание сближаться. Приближение к солдату — стремление к контакту и сочувствию.

3. *Паралингвистика*. Тон голоса героини (от упрекающего до сочувствующего) — отражение ее эмоционального состояния. Темп речи (отрывистый в начале диалога до более спокойного в конце) — свидетельство изменения ее настроения.

4. *Внешний вид*. Например: кепка Толи как символ обыденности и конформизма; солдатская шинель Борьки как символ его жизненного положения и пережитых трудностей; роза — символ красоты, прощения и новой надежды.

Семиотический анализ продемонстрировал, как недобрые чувства героини преодолеваются внезапным, неожиданным для нее самым добрым душевным порывом. Это говорит о том, что рассказчица всю жизнь носила и развивала в себе добрые чувства, которые проявились в данной ситуации. Она давала свободу развития своим врожденным добрым чувствам и не концентрировалась на негативных мыслях и эмоциях. В этом рассказе добрый человеческий порыв рождает встречную радость, теплоту, просветление.

Семиотический аспект речеповеденческих реакций персонажей как фактор гармонизации в рассказе Б.П. Екимова «Не ругай меня»

Рассказ «Не ругай меня» (1998) повествует о трогательной связи поколений в одной семье, живущей в старом деревенском доме. На первый план

здесь выдвигается добрый контакт, сохранившийся в сознании другого человека и давший свои плоды через долгие годы. Первый эпизод рассказывает о маленьком Пете, опоздавшем к обеду и умоляющем бабушку не ругать его, что вызывает улыбку и смягчает строгий нрав бабушки. В другом эпизоде, спустя много лет, Петя, уже взрослый, помогает перевезти постаревшую бабушку из деревни в город на зиму. Сборы затягиваются, и Петя начинает ворчать на медлительность бабушки. В момент его раздражения бабушка произносит ту же фразу, что и в детстве: (15) «*– Не ругайте меня, пожалуйста*»³ (С. 4) (далее указываются страницы рассказа по этому изданию. — Авторы). Эти слова трогают уже взрослого Петю, напоминая о детской непосредственности и любви. Он смягчается и с усмешкой соглашается не ругать бабушку. Рассказчик, наблюдая за этой сценой, размышляет о быстротечности жизни и о том, как время меняет людей. Финальная сцена заставляет задуматься о ценности семейных уз и о важности прощения и понимания.

Семиотические маркеры в речеповеденческих реакциях персонажей рассказа оказывают непосредственное влияние на гармонизацию отношений внутри семьи. При этом маркер «Не ругай меня, пожалуйста» становится ключевым в аспектах семантической и прагматической наполненности в различных контекстах рассказа. Проследим, как это воплощается в речеповеденческих реакциях персонажей.

1. Эпизод с Петей в детстве.

В начале эпизода бабушка демонстрирует строгий тон и использует упреки, выражая свое недовольство опозданием Пети. Ее речь насыщена наставлениями и императивными конструкциями, что свидетельствует о ее доминирующей позиции и стремлении контролировать ситуацию. Например, фраза: (16) «*Это ты виноват. Приучил, он никого не слушает. Никакой ответственности. Надо с детских лет. Надо...*» (С. 3) — выражает не только упрек, но и попытку установить правила и нормы поведения. Семиотически это — язык власти и контроля, направленный на формирование у ребенка чувства вины и ответственности. Отец Пети, напротив, проявляет сдержанность и пытается смягчить ситуацию. Он молча наблюдает за происходящим, готовый вмешаться в случае необходимости. Его роль — посредник, стремящийся предотвратить конфликт. Его молчание само по себе является семиотическим знаком — он выражает несогласие с излишней строгостью бабушки Пети, не вступая в открытое противостояние.

Кульминацией эпизода становится просьба Пети: (17) «*– Не ругай меня, пожалуйста, ладно?..*» (там же). Эта фраза — ключевой элемент гармонизации в данном эпизоде. Интонация, использование уменьшительно-ласкательных форм («*пожалуйста*»), выражение уязвимости («*не ругай*») — все это создает впечатление искренности и раскаяния. С точки зрения теории речевых актов, эта просьба имеет сильную иллокутивную силу (выражение мольбы) и оказывает перлокутивный эффект (смягчение гнева бабушки, получение

³ Екимов Б.П. Житейские истории // Новый мир. 1998. № 3. С. 3—17.

прощения). Этот речевой акт становится попыткой восстановить гармонию, нарушенную его опозданием.

Невербальные реакции. Внешний вид Пети: (18) *«Стояли друг против друга строгая мать моя и маленький Петя, взъерошенный воробышко: пальто — нараспашку, волосы — дыбом, на лице и в глазах — наивная детская просьба»* (там же) — усиливает эффект его слов. Эти детали создают образ искреннего и раскаивающегося ребенка, который осознает свою вину и просит о прощении. Невербальные знаки подчеркивают искренность его просьбы. Как результат коммуникации просьба Пети оказывает магическое воздействие на бабушку. Она меняет свой тон, улыбается и говорит: (19) *«Ну, ладно. Тогда не будем ругать»* (С. 4). Таким образом, детская просьба становится ключом к восстановлению гармонии в семье.

2. Эпизод с бабушкой в старости.

В зрелом возрасте Петя, казалось бы, утратил детскую непосредственность. Его фразы полны раздражения и нетерпения. Он упрекает бабушку за медлительность и неорганизованность: (20) *«...копошишься, два халата не сложишь, так можно и до снега, с работы другой раз отпрашиваюсь»* (там же). Семиотически это — язык фрустрации и усталости, вызванной пожилым возрастом бабушки и необходимостью заботиться о ней. В его речевых актах прослеживается досада. В ответ на упреки Пети бабушка робко повторяет ту же просьбу, что и в детстве: (21) *«Не ругайте меня, пожалуйста»* (там же). Однако в данном контексте эта просьба звучит иначе. Она выражает не столько вину, сколько беспомощность и смирение. Просьба произносится тихим голосом, с оттенком покорности. Это — язык слабости и зависимости. Она не может нести ответственность.

В ряду невербальных реакций фиксируются состояние бабушки, ее болезненный вид усиливает эффект ее слов. Теперь она не та строгая бабушка, а слабая старушка, нуждающаяся в заботе и понимании. Петя не может остаться равнодушным к ее состоянию. Его текущее восприятие бабушки становится знаком переосмысления. Испытывая раздражение, он не может отказать бабушке в прощении и, вздыхая, говорит: (22) *«Ладно, не будем тебя ругать»* (там же). В его голосе звучит не только усталость, но и любовь, сочувствие. Семиотически это — язык принятия и прощения. Он больше не сердится. Повторение просьбы, произнесенной в детстве, вновь приводит к гармонизации отношений. Петя осознает, что перед ним — не просто старая женщина, а его бабушка, нуждающаяся в его заботе и любви.

Сравнение двух эпизодов позволяет выделить ряд аспектов.

1. Повторяющиеся семиотические паттерны. Ключевым элементом гармонизации в обоих эпизодах является просьба о прощении. Эта просьба, произнесенная с искренностью и раскаянием, оказывает сильное воздействие на другого человека, смягчая его гнев и вызывая сочувствие.

2. Изменения в семиотических паттернах: в разные периоды жизни, паттерны речевого поведения выстраиваются по-разному. Петя — строгая

бабушка, Петя — любящий внук. В первом эпизоде Петя — ребенок, а бабушка — взрослый. Во втором все меняется. Меняется эмоциональный фон коммуникации. В первом эпизоде доминирует строгость и раскаяние, во втором — усталость и сострадание.

Роль контекста. Значение просьбы (23) «*Не ругай...*» (С. 3—4) меняется в зависимости от контекста. В детстве это — просьба о снисхождении за конкретный поступок. В старости — это признание своей слабости и потребность в сострадании.

Роль дома и семейного пространства. Старый дом является символом стабильности и преемственности поколений. Именно в этом доме происходят ключевые события, формирующие отношения между членами семьи. Семейное пространство становится местом, где происходит гармонизация.

Что касается интерпретации знаковых систем в контексте авторского замысла, то в аспекте авторской позиции усматривается четкий посыл: любовь, прощение и понимание являются основой гармоничных отношений между людьми, особенно в семье. Автор подчеркивает важность сочувствия к старшему поколению, их потребностям и страхам. Актуализируется символическое значение знаков. Так, представленный в разных модификациях императив (24) «*Не ругай...*» (там же) становится символом потребности в принятии и прощении, а также символом связи между поколениями. Значительна роль знаковых систем и в выражении авторского идеала. Автор показывает, что даже в моменты конфликтов и непонимания можно найти путь к гармонии, если проявлять человечность. Посыл автора звучит определенно: доброта рождает доброту. Сколько бы ни прошло лет, а когда-то проявленная доброта все равно получает отклик от того, к кому она когда-то была проявлена (в данном случае от внука Пети). В аксиосфере рассказа доброта позиционируется как высшая ценность и качество души человека. Автор также утверждает ценность семейных отношений, важность сохранения памяти о прошлом и уважения к старшему поколению.

Таким образом, гармонизация в рассказе достигается благодаря использованию определенных семиотических механизмов, таких как искренняя просьба о прощении, выражение сочувствия и понимания, учет контекста и личностных особенностей другого человека. Речеповеденческие реакции персонажей играют ключевую роль в создании атмосферы доверия и человечности. Правильно выбранные слова и тон голоса могут изменить ситуацию и восстановить гармонию в отношениях. Контекст оказывает существенное влияние на интерпретацию семиотических знаков. Одна и та же фраза может иметь разное значение в зависимости от ситуации и эмоционального состояния говорящего. Важно отметить, что гармонизация в рассказе достигается не только через рациональное понимание, но и через эмоциональный отклик на другого человека. Важно не только понимать, что говорит другой, но и чувствовать его переживания.

Семиотика консенсуса как способ гармонизации конфликта в рассказе Н.В. Горлановой «Я ехала домой»

Автобиографический рассказ Н.В. Горлановой «Я ехала домой» (2002) представляет большой интерес с точки зрения семиотики консенсуса, то есть системы знаков и символов, посредством которых достигается понимание и согласие между различными акторами, изначально находящимися в состоянии противостояния. Главная тема рассказа — забота о душевном мире других людей и мгновенное понимание молодыми людьми этой любви человека, проявленной к ним героиней рассказа.

В произведении повествуется о поездке писательницы в плацкартном вагоне, где ее попутчиками оказываются демобилизованные солдаты и команда юных фехтовальщиков с эксцентричным тренером. Тренер, несмотря на свои наставления о трезвой жизни и заочном образовании, сам находится в состоянии сильного опьянения, что вызывает иронию и недоумение. Автор, возвращаясь из Москвы без заключенных договоров и денег, остро ощущает экономические трудности, контрастирующие с беспечностью молодых спортсменов. В вагоне разгорается конфликт между фехтовальщиками, спровоцированный поведением тренера и личными обидами. Писательница пытается урегулировать ситуацию, призывая к уважению и тишине, что приносит свои плоды. По прибытии домой она осознает, что эта поездка, несмотря на дискомфорт, стала источником ценных наблюдений о жизни и людях.

1. Конфликт как столкновение семиотических систем. В рассказе конфликт возникает как столкновение различных семиотических систем, представленных разными группами пассажиров плацкартного вагона. Для героини, помимо профессиональной самореализации и материальной стабильности важны культурные коды, в ряду которых значимое место отводится таким этическим ценностям, как уважительность, чуткость, деликатность. Ей противостоят, с одной стороны, демобилизованные солдаты, говорящие на языке армейского быта, упрощенных моральных установок и примитивного гедонизма. С другой стороны, фехтовальщики и их тренер, живущие в мире соревнований, дисциплины и специфической профессиональной лексики.

Столкновение этих семиотических систем проявляется в вербальных и невербальных знаках. Речь тренера, перемежающаяся армейским жаргоном, поучениями и пьяными откровениями, вызывает у героини раздражение и отторжение. Его совет: (25) «*В район! Там все бухают, а ты не пей*»⁴ (С. 121) (далее указываются страницы рассказа по этому изданию. — Авторы) — это попытка навязать определенный семиотический код, который, однако, сам тренер нарушает своим поведением. Это несоответствие между словом и делом становится ключевым моментом конфликта.

Дембельские истории, полные армейского юмора и критики командиров, также демонстрируют особую семиотическую систему, основанную на опыте службы и иерархии. Фраза: (26) «*Был такой случай...*» (С. 120) — становится

⁴ Горланова Н.В. Рассказы // Новый мир. 2002. № 9. С. 117–123.

своеобразным маркером этой системы, открывающим пространство для обмена опытом и создания общей идентичности.

Фехтовальщики, в свою очередь, используют спортивную лексику и профессиональные жесты, понятные только им. Это создает ощущение замкнутости и отчужденности от остального вагона.

2. Поиск консенсуса через семиотическую адаптацию. Несмотря на изначальное противостояние, в рассказе прослеживаются попытки поиска консенсуса через семиотическую адаптацию. Героиня, изначально дистанцирующаяся от окружающих, постепенно начинает понимать и принимать их знаковые системы. Она замечает детали, характеризующие каждого из персонажей: перстень тренера, пластырь на голове фехтовальщика, русалочий смех проводницы и др.

Кульминацией этого процесса становится эпизод конфликта между героиней и фехтовальщиками. На ее просьбу: (27) «– *Ребята, – сказала я. – Давайте спать! Ночь ведь*» (С. 122) — они реагируют восклицанием: (28) «*Кому-то хочется спать, а нам не хочется!*» (С. 123), демонстрируя нежелание учитывать интересы других. Однако благодаря использованию языка убеждения и апелляции к общечеловеческим ценностям героине удается найти точки соприкосновения, и конфликт переходит в поиск общего языка и уважения к другим. Чтобы успокоить расшумевшихся парней, предложивших ей написать рассказ о том, как они мешали ей спать, писательница находит добрые слова: (29) «– *Кому это интересно? Рассказ должен ситуацию просветлять, а не затемнять. Тем более, что вы — люди неплохие, а вырастете — будете вообще хорошими, просто разнервничались... это бывает. Сейчас давайте все замолчим*» (там же). Эта речеповеденческая стратегия позволяет снизить уровень агрессии и создать атмосферу взаимного уважения.

3. Молчание как знак принятия и консенсуса. В рассказе молчание играет важную роль в достижении консенсуса. После того как героиня высказывает свои аргументы, фехтовальщики замолкают. Этот акт молчания можно интерпретировать как признание правоты и готовность к компромиссу. Молчание становится знаком согласия и завершения конфликта: (30) «*Ребята пошептались, куда-то вышли (может, покурить, но точно не знаю), потом вернулись и тихо улеглись. Больше я не слышала от них ни слова. Почему? Сие тайна великая есть*» (там же). Произошло мгновенное осознание молодыми людьми важности деликатного, мягкого поведения в общении людей друг с другом. Это говорит о том, как душа каждого человека изначально расположена к доброму, позитивному общению. Одновременно писательница актуализирует роль литературы, показывая, что творчество должно утверждать позитивные идеалы, просветлять жизнь.

4. Семиотика финала. Опыт столкновения с другими семиотическими системами стал для героини источником вдохновения и новым этапом в понимании мира. Это подчеркивается фразой младшей дочери героини: (31) «*Зато мама вышла с выражением рассказа на лице!*» (там же). Автор дает понять,

что мир полон различных знаковых систем, и поиск консенсуса — это непрерывный процесс. В финальной фразе: (32) *«Всегда в чем-то проигрываешь, а в чем-то выигрываешь. Только так и бывает. О жизнь, ты прекрасна, прекрасна!»* (там же) — заключено признание ценности опыта и продолжение поиска смысла.

Вербальные знаки:

1. *На уровне лексики.* Широко представлена лексика, отражающая разные социальные слои и характеры персонажей — разговорная, жаргон, книжная. Используется ирония и сарказм для создания комического эффекта и выражения авторской позиции (напр.: *«Есенинский экземпляр»* (С. 120)). Выделяются слова с негативной коннотацией, отражающие социальные проблемы и личные переживания (напр.: *«бухают»* (С. 120, 121), *«цены подскочили»* (С. 121), *«пылесос»* (фигурально о жене, непрерывно заимствующей денежные средства у мужа) (С. 122)) и др.; слова с положительной коннотацией, выражающие оптимизм и любовь к жизни (напр.: *«просветлять»* (С. 123), *«хорошими»* (там же), *«уважать»* (там же)) и др.

2. *На уровне синтаксиса.* Имеет место смешение простых и сложных предложений, отражающее поток сознания героини и динамику происходящих событий; использование риторических вопросов (напр.: (33) *«Кому это интересно?»* (там же)) для привлечения внимания читателя и выражения сомнений; восклицания (напр.: (34) *«О жизнь, ты прекрасна, прекрасна!»* (там же)) для выражения эмоций и авторской позиции и др.

3. *На уровне речевых актов.* Выделены: поучения (наставления тренера, часто противоречивые), жалобы (выражение недовольства и безысходности), комплименты (проявление интереса к проводнице и флирта), вопросы (попытки завязать дискуссию и самоутвердиться), уговоры (попытка установить порядок и прекратить конфликт) и др.

4. *На уровне диалога.* Диалоги играют ключевую роль в раскрытии характеров персонажей и развитии сюжета. Реплики часто перебивают друг друга, отражая хаотичность и эмоциональность общения. Диалоги демонстрируют столкновение разных точек зрения и ценностей.

Невербальные знаки.

1. *Кинесика и проксемика.* В рассказе кинесика и проксемика проявляются в основном через метафорические описания поведения и косвенные упоминания о движениях и пространственном взаимодействии. Автор художественно ярко использует жесты, мимику, позы для передачи атмосферы напряжения и конфликта. Акцент делается на агрессивном, импульсивном поведении молодых фехтовальщиков, их нарушении личного пространства других людей, что символизирует неуважение к общественным нормам и личностным границам. Кинесические и проксемические знаки также отражают контраст с внутренним состоянием рассказчицы, которая стремится к спокойствию и уединению, что подчеркивает разницу поколений и мировоззрений.

2. *Паралингвистические элементы* в рассказе создают атмосферу напряжения, конфликта и дискомфорта. Они помогают читателю ощутить присутствие в вагоне, почувствовать раздражение и возмущение от происходящего. Так, упоминание криков подразумевает повышение громкости голоса, что указывает на эмоциональное возбуждение, агрессию или протест. Этот аспект передает атмосферу конфликта и нарушения спокойствия в вагоне. Например, метафорическая фраза (35) «*В их голосах уже мелькали невидимые шпаги*» (С. 122) подразумевает, что голоса стали острыми, угрожающими, возможно, с саркастическими или раздраженными интонациями. Это создает ощущение словесной перепалки. Автор использует паралингвистические элементы для передачи эмоционального состояния персонажей и для создания контраста между ними.

3. *Внешний вид*. В семиотической системе рассказа внешний персонажей занимает важное место. Например: одинаковые синие свитера фехтовальщиков как дресс-код, принадлежность к команде; пластырь на голове раненого фехтовальщика как свидетельство пережитого конфликта и физической уязвимости; отсутствие переднего зуба у героини как символ финансовых трудностей и важности материальной независимости.

Вербальные и невербальные знаки проявления конфликта (громкие споры и оскорбления, агрессивные жесты и позы, нарушение личных границ и вторжение в чужое пространство) и примирения (умолкание и прекращение споров, уход в себя и размышления, тихое лежание и отсутствие агрессивных действий) составляют органичную семиотическую систему в поэтике рассказа.

Таким образом, рассказ «Я ехала домой» представляет собой глубокое исследование семиотических механизмов, лежащих в основе межличностной коммуникации. Конфликт возникает как столкновение различных знаковых систем, связанных с различиями в социальном статусе и мировоззрении участников коммуникации, а консенсус достигается через семиотическую адаптацию, использование языка гуманного убеждения. Поиск понимания и согласия — это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания к знакам и символам, формирующим нашу реальность.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что семиотические ресурсы играют ключевую роль в моделировании гармоничной межличностной коммуникации в современной прозе В.С. Токаревой, Б.П. Екимова и Н.В. Горлановой. Полученные результаты вносят вклад в изучение механизмов конструирования коммуникативной гармонии в художественном тексте и могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвященных анализу языка и стиля современных писателей.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб. : Искусство-СПб, 2000.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, Универс, 1994.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998.
5. Яacobсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
6. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов = Избранное / пер. с англ. яз. В.П. Руднева; Смысл и сенсibiliи / пер. с англ. яз. Л. Б. Макеевой. М. : Идея-Пресс, 1999.
7. Серль Дж. Речевые акты: эссе по философии языка / пер. В.З. Демьянков, И.М. Богуславский. М. : Едиториал УРСС, 1999.
8. Левинсон С. Прагматика / пер. с англ. Д.В. Складнева. М. : Языки славянской культуры, 2003.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : УРСС, 2003. EDN: QQQRLD
10. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение, Серия «Лекции в Твери»).
11. Фэркло Н. Дискурс и социальное изменение / пер. с англ. И.Г. Беляевой. М. : Per Se, 2002.
12. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003.
13. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. EDN: ZFQAKN
14. Великанова И.В. Поэтика прозы Б.П. Екимова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. EDN: NHPRQL
15. Даниленко Ю.Ю. Проза Нины Горлановой: поэтика, генезис, статус : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. EDN: ZNSQTN
16. Герасимчук М.С. Объект-ситуация в когнитивной модели зрительного восприятия в рассказах Бориса Екимова (циклы «Память лета» и «Житейские истории») // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 44–49. EDN: SCCWNR
17. Голайденко Л.Н., Ханнанова Э.Ю. Речевые особенности повестей В. Токаревой // Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук : сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, Омск, 11 мая 2017 года. Т. IV. Омск: Инновационный центр развития образования и науки, 2017. С. 11–13. EDN: YRSIHP
18. Демина Л.И. Жанровые особенности современной прозы: «Житейские истории» Б.П. Екимова // Родная Кубань: литературно-исторический журнал. 2020. 27 нояб. Режим доступа: https://rkuban.ru/media/publ/publikatsii_6297.html (дата обращения: 15.07.2025.) EDN: MLXXFN
19. Желтова Н.Ю. «Рождественский рассказ» В. Токаревой: проблематика и поэтика // Альманах «Русского Дома Диккенса». Тамбов, 2006. Вып. 1. С. 97–101.
20. Загороднева К.В., Алисултанова Э.Р. Поэтика Нины Горлановой как литератора и живописца: к постановке проблемы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 148–153. EDN: YSELJD
21. Коротенко Л.В. Интертекстуальность как средство раскрытия имплицитной информации в афоризмах В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 2–2. С. 71–77. EDN: JRGTBN
22. Крутиков Д.А. Авторский идеал в рассказах Б.П. Екимова 2000-х гг. // Вестник Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. 2019. № 3. С. 21–26. EDN: MTLOAV

23. Максимова Т.О. Блог Нины Горлановой: самоопределение в художественном дискурсе // Филология в зоне актуальности: вызовы времени : сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых, Пермь, 1–2 апреля 2014 г. / Редакционная коллегия: М.П. Абашева, Е.Е. Бразговская, Ю.Ю. Даниленко, Ф.А. Катаев. Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2014. С. 64–67. EDN: TASFKH
24. Миронова М.В. Стилистая доминанта рассказов Виктории Токаревой // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 106–110. EDN: JKFDXT
25. Овсянникова Н. Семантика названия в «Рождественском рассказе» Виктории Токаревой // Пасхальные чтения : материалы Четырнадцатой Межвузовской научно-методической конференции, Москва, 5–6 мая 2016 г. Т. XIV. М. : Литера, 2017.
26. Пилюкина Е.П. Метафора в прозе Н. Горлановой: структура и семантика // Славянские чтения—2019 : сб. материалов Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 25–26 апреля 2019 г. / отв. ред. Л.В. Климина. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 2019. С. 80–84. EDN: RIAINS
27. Пилюкина Е.П. Словообразовательная метафора в прозе Нины Горлановой // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство : межвузовский сб. / отв. ред. А.В. Курочкина. Уфа : Башкирский государственный университет, 2019. С. 338–343. EDN: XBPDQT
28. Пранцова Г.В. Чтобы не попасть в команду черного ангела... : духовно-нравственные ценности в «Рождественском рассказе» В. Токаревой // Уроки литературы. 2011. № 12. С. 8–11.
29. Романова О.И. Способы семантизации диалектных лексем в произведениях Б. Екимова // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 227–229. EDN: SHMPLB
30. Русинова Л.В. Авторская метафора в прозе В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой: от слова-понятия к слову-образу // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 1. С. 99–111. EDN: OWABDJ
31. Утешева А.Р. Структура и функции фразеологизмов в произведениях Бориса Петровича Екимова // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2020. № 2 (31). С. 142–144. EDN: FASPIG
32. Фалчари С.М. Рождественский рассказ конца XX века: Виктория Токарева // Язык, сознание, коммуникация. Т. 50. М. : МАКС Пресс, 2014. С. 336–343.

References

1. Lotman, Y.M. (1970). *The Structure of the Artistic Text*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
2. Lotman, Y.M. (2000). *Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).
3. Barthes, R. (1994). *Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, Univers. (In Russ.).
4. Eco, U. (1998). *The Absent Structure*. Saint Petersburg: Petropolis. (In Russ.).
5. Jakobson, R.O. (1975). Linguistics and poetics. In: *Structuralism: "for" and "against"* (pp. 193–230). Moscow: Progress. (In Russ.).
6. Austin, J.L. (1999). How to do things with words = Selected works, V.P. Rudnev (Transl.); *Sense and Sensibilia*, L.B. Makeeva (Transl). Moscow: Ideya-Press. (In Russ.).
7. Searle, J.R. (1999). *Speech acts: An Essay in the Philosophy of Language*, V.Z. Demyankov, I.M. Boguslavsky (Transl.). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
8. Levinson, S.C. (2003). *Pragmatics*, D.V. Sklyadneva (Transl). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.).
9. Issers, O.S. (2003). *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*. Moscow: URSS. (In Russ.).
10. Tyupa, V.I. (2002). *Literary Discourse* (Introduction to the Theory of Literature). Tver: Tver State University publ. (In Russ.).
11. Fairclough, N. (2002). *Discourse and Social Change*, I.G. Belyaeva (Transl). Moscow: Per Se. (In Russ.).

12. Makarov, M.L. (2003). *Fundamentals of Discourse Theory*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
13. Chernyavskaya, V.E. (2009). *Text Linguistics: Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).
14. Velikanova, I.V. (2004). *Poetics of B.P. Ekimov's prose* [PhD Thesis]. Volgograd: Voronezh State University publ. Volgograd. (In Russ.).
15. Danilenko, Yu.Yu. (2006). *Nina Gorlanova's Prose: Poetics, Genesis, Status* [PhD Thesis]. Perm: Perm State University publ. (In Russ.).
16. Gerasimchuk, M.S. (2014). Object-Situation in the Cognitive Model of Visual Perception in Boris Ekimov's Stories (Cycles "Memory of Summer" and "Everyday Stories"). *Ural'skiy filologicheskiiy vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii*, 2, 44–49. (In Russ.). EDN: SCCWNR
17. Golaydenko, L.N., & Khannanova, E.Yu. (2017). Speech Features of V. Tokareva's Stories. In: *Actual issues and prospects for the development of humanities: Proceedings of the international scientific-practical conference, Omsk* (Vol. IV, pp. 11–13). Omsk: Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki. (In Russ.).
18. Demina, L. I. (2020, November 27). Genre Features of Modern Prose: "Everyday stories" by B.P. Ekimov. *Rodnaya Kuban': literaturno-istoricheskiiy zhurnal*. URL: https://rkuban.ru/media/publ/publikatsii_6297.html (accessed: 21.02.2025). (In Russ.).
19. Zheltova, N.Yu. (2006). "Christmas story" by V. Tokareva: problems and poetics. *Al'manakh "Russkogo Doma Dikkensa", 1*, 97–101. (In Russ.).
20. Zagorodneva, K.V., & Alisultanova, E.R. (2017). Poetics of Nina Gorlanova as a Writer and Artist: towards the Problem Statement. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4, 148–153. (In Russ.). EDN: YSELJD
21. Korotenko, L.V. (2008). Intertextuality as a Means of Revealing Implicit Information in the Aphorisms of V. Tokareva, N. Gorlanova and L. Ulitskaya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2–2, 71–77. (In Russ.). EDN: JRGTBH
22. Krutikov, D.A. (2019). The Author's Ideal in the Stories of B.P. Ekimov of the 2000s. *Bulletin of the Kyrgyz National University Named after Zhusup Balasagyn*, 3, 21–26. (In Russ.). EDN: MTLOAV
23. Maksimova, T.O. (2014). Nina Gorlanova's Blog: Self-Determination in Artistic Discourse. In: *Philology in the area of relevance: challenges of the time: Proceedings the All-Russian Scientific Conference of Young Scientists*, Perm, 1–2 April (pp. 64–67). Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University publ. (In Russ.). EDN: TASFKH
24. Mironova, M.V. (2008). Stylistic 'Dominant of Victoria Tokareva's Stories. *Tambov University Review: Series Humanities*, 6, 106–110. (In Russ.). EDN: JKFDXT
25. Ovsyannikova, N. (2017). Semantics of the Title in Victoria Tokareva's "Christmas Story". In: *Easter readings: Materials of the Fourteenth Interuniversity Scientific and Methodological Conference*, Moscow, Vol. XIV. Moscow: Litera. (In Russ.).
26. Pilikina, E.P. (2019). Metaphor in N. Gorlanova's Prose: Structure and Semantics. In: *Slavic Readings—2019: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Sterlitamak (pp. 80–84). Sterlitamak: Bashkir State University publ. (In Russ.). EDN: RIAINS
27. Pilikina, E.P. (2019). Word-formation Metaphor in Nina Gorlanova's Prose. In: *Modern problems of literary criticism, linguistics and communication studies through the eyes of young scientists: traditions and innovation* (Vol. X. pp. 338–343). Ufa: Bashkir State University publ. (In Russ.).
28. Prantsova, G.V. (2011). In order not to get into the team of the black angel ...: spiritual and moral values in V. Tokareva's "Christmas Story". *Uroki literatury*, 12, 8–11. (In Russ.).
29. Romanova, O. I. (2014). Methods of Semantization of Dialectal Lexemes in B. Ekimov's the works. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3(46), 227–229. (In Russ.). EDN: SHMPLB
30. Rusinova, L.V. (2010). Author's Metaphor in the Prose of V. Tokareva, N. Gorlanova and L. Ulitskaya: from Word-Concept to Word-Image. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1(1), 99–111. (In Russ.). EDN: OWABDJ

31. Utesheva, A.R. (2020). Structure and Functions of Phraseological Units in the Works of Boris Petrovich Ekimov. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal StRIZH*, 2(31), 142–144. (In Russ.). EDN: FASPIG

32. Falchari, S.M. (2014). Christmas story of the late XX century: Victoria Tokareva. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* (Vol. 50, pp. 336–343). Moscow: MAKSS Press. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Сардарбек кызы Нурайым, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: аксиология, психолингвистика, культурология; *e-mail*: skn@mail.ru

ORCID: 0009-0003-7416-9394; SPIN-код: 3639-1235; Author ID: 947138.

Крутиков Денис Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: аксиология, психолингвистика, культурология; *e-mail*: denis.krutikov@knu.kg

ORCID: 0009-0001-7317-594X; SPIN-код: 8484-3684; Author ID: 945447.

Information about the authors:

Sardarbek kzyzy Nuraiym, Dr. Sc. (Philology), Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547, Frunze str., Bishkek, Kyrgyz Republic); *Research interests*: axiology, psycholinguistics, cultural studies; *e-mail*: skn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5617-1982; SPIN-code: 3639-1235; Author ID: 947138.

Denis A. Krutikov, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Russian and Slavic Philology Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547, Frunze str., Bishkek, Kyrgyz Republic); *Research interests*: axiology, psycholinguistics, cultural studies; *e-mail*: denis.krutikov@knu.kg

ORCID: 0000-0002-3983-7989; SPIN-code: 8484-3684; Author ID: 945447.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1024-1038

EDN: MNGGSC

Научная статья / Research Article

Прецедентность в поэзии как стратегия языкового воздействия и манипулирования

А.В. Окулич-Казарина , О.В. Алмакаева , А.Г. Акназарова

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

 ok-anna85@mail.ru

Аннотация. Прецедентность в поэзии рассматривается как стратегия языкового воздействия и манипулирования, выявлены ее механизмы и функции в формировании читательского восприятия и эмоционального отклика. Прецедентные феномены в поэзии рассматриваются как мощный, но часто скрытый инструмент языкового манипулирования, позволяющий поэту влиять на сознание читателя, вызывая определенные ассоциации, эмоции и оценки без прямого выражения. Авторы классифицируют прецедентные феномены по типу претекста (высказывание, ситуация, имя) и по форме их существования во вторичном контексте (цитата, аллюзия, реминисценция, перифраза, мотив). Отмечается, что цитаты имеют меньший эффект воздействия, чем реминисценции и аллюзии, поскольку они однозначнее интерпретируются читателями. Однако трансформация цитат и их включение в новый контекст может служить инструментом воздействия. В статье также подробно описываются функции прецедентных феноменов (людическая, парольная, моделирующая, эвфемистическая, эстетическая и оценочная). Особо выделяется прагматическая функция, где прецедентный феномен выступает как инструмент создания определенного состояния адресата, становясь стратегией воздействия и манипулирования. Уникальность статьи заключается в анализе механизмов языковой манипуляции в поэзии через призму прецедентности, демонстрация того, как авторы используют культурные и литературные отсылки для тонкого формирования читательского восприятия, эмоций и ценностей, делая его активным, но часто неосознанным участником процесса. Примеры из произведений русскоязычных поэтов Кыргызстана демонстрируют, как использование прецедентных высказываний, аллюзий и реминисценций, создание ассоциативных полей позволяют поэтам достигать сложных прагматических целей и обогащать подтекст произведения.

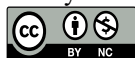
Ключевые слова: художественный текст, тип претекста, высказывание, ситуация, имя

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 09.04.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

© Окулич-Казарина А.В., Алмакаева О.В., Акназарова А.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Окулич-Казарина А.В., Алмакаева О.В., Акназарова А.Г. Прецедентность в поэзии как стратегия языкового воздействия и манипулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1024–1038. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1024-1038>

Precedent in Poetry as a Strategy of Linguistic Influence and Manipulation

Anna V. Okulich-Kazarina^{ID}✉, Olesya V. Almakaeva^{ID},
Gulumkan A. Aknazarova^{ID}

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic
✉ ok-anna85@mail.ru

Abstract. The precedent in poetry is a strategy of linguistic influence and manipulation to identify its mechanisms and functions in shaping reader perception and emotional response. Precedent phenomena in poetry are considered as a powerful, but often hidden tool of linguistic manipulation, allowing the poet to influence the reader's consciousness, causing certain associations, emotions and assessments without direct expression. The authors classify precedent phenomena by the type of pretext (utterance, situation, name) and by the form of their existence in a secondary context (quotation, allusion, reminiscence, periphrasis, motive). It is noted that quotations have less impact than reminiscences and allusions, as they are interpreted more unambiguously by readers. However, the transformation of quotations and their inclusion in a new context can serve as a tool of influence. The article also describes the functions of precedent phenomena (ludic, password, modeling, euphemistic, aesthetic and evaluative). The pragmatic function is particularly emphasized, where the precedent phenomenon acts as a tool for creating a certain state of the addressee, becoming a strategy of influence and manipulation. The uniqueness of the article lies in analysis of the mechanisms of linguistic manipulation in poetry through the prism of precedent, demonstrating how the authors use cultural and literary references to subtly shape the reader's perception, emotions and values, making them an active, but often unconscious participant in the process. Examples from the works of Kyrgyzstan poets demonstrate how the use of precedent statements allows poets to achieve complex pragmatic goals and enrich the subtext.

Key words: literary text, type of pretext, utterance, situation, name

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 09.04.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Okulich-Kazarina, A.V., Almakaeva, O.V., & Aknazarova, G.A. (2025). Precedent in Poetry as a Strategy of Linguistic Influence and Manipulation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1024–1038. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1024-1038>

Введение

Ключевым инструментом в процессе коммуникации является текст, который обладает синтаксико-смысловой цельностью и внешней информативностью. Имманентной составляющей коммуникативной функции текста является воздействие, поскольку сообщение по своей сути предполагает

определенную степень влияния и регулирования поведения участников коммуникативного акта. Г.Г. Матвеева предлагает «выделить прагматическую функцию текста как часть коммуникативной функции, потому что прагматическая функция играет огромную роль в акте общения» [1. С. 34].

Способность текста достигать определенного коммуникативного эффекта и оказывать целенаправленное прагматическое воздействие на реципиента определяется как его прагматический потенциал. Формирование данного потенциала является результатом комплексного выбора и взаимодействия таких текстовых параметров, как подбор и организация информации, соответствующей поставленной прагматической задаче; использование специфических лексических, грамматических и стилистических единиц для кодирования сообщения; методы организации внутренней логики текста и т.д. В современных лингвистических исследованиях утвердилось убеждение о высокой продуктивности прагматического аспекта при анализе художественного текста.

Актуальность исследования заключается в прагмалингвистическом подходе в рассмотрении понятия прецедентности в поэтическом тексте. Прагматический потенциал текстов реализуется через различные инструменты языкового воздействия и манипулирования. Языковая манипуляция в поэзии понимается не как обман, а представляет собой искусное управление восприятием читателя через неявные языковые и стилистические механизмы, действуя на уровне подтекста, имплицатур, фоновых знаний, апеллируя к эмоциям и подсознанию. Цель работы — проанализировать прецедентность в поэзии как стратегию языкового воздействия и манипулирования, выявив ее механизмы и функции в формировании читательского восприятия и эмоционального отклика.

Соотношение понятий языкового воздействия и манипулирования в рамках художественного текста

Одним из наиболее значимых направлений применения прагматического подхода в анализе художественного текста является интерпретация его скрытого содержания, так как он «устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую читатель должен „извлечь“, пройдя через цепочку умозаключений» [2. С. 232].

В поэтическом тексте прагматическая функция языка приобретает особую сложность и глубину, поскольку его основная цель не сводится к прямой передаче информации. Здесь доминирует эстетическое и эмоциональное воздействие, а также стремление к формированию уникального читательского опыта. В этом контексте языковое воздействие и манипуляция выступает как специфическая, часто тонкая и многоуровневая реализация прагматического потенциала, направленная на скрытое влияние на сознание и подсознание читателя.

В рамках прагмалингвистического подхода основой для классификации разновидностей речевого воздействия служит типология речевых актов. Выделяются следующие разновидности речевого воздействия в зависимости от интенций говорящего: оценочное, социальное, эмоциональное воздействие, разъяснение, волеизъявление и информирование [3; 4].

В лингвистике манипуляцию или манипулирование исследователи изучают как разновидность речевого воздействия (Л.Г. Навасартян, И.А. Стернин, Г.А. Копнина, Е.В. Денисюк и др.). Согласно И.А. Стернину ключевым критерием для дифференциации речевого воздействия и манипуляции выступает степень осознанности действий адресата: «Речевое воздействие — это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д. А манипулирование — это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [5. С. 67—68].

В аспекте исследования прагматики художественного текста мы обращаем внимание лишь на некоторые стороны языкового манипулирования, в частности, то, что а) воздействие осуществляется скрытно и направлено на достижение конкретного эффекта, выгодного для инициатора коммуникации [6. С. 93]; б) важным аспектом манипуляции является создание у реципиента ложного ощущения самостоятельности в интерпретации полученной информации и автономности выбора формы ответного действия, основанного на его собственных умозаключениях [7. С. 85]; в) с точки зрения реципиента эмоционально-психологический результат такого воздействия, как правило, в итоге должен быть положительным [8. С. 46].

Языковая манипуляция в поэзии — это не обман или негативное воздействие. Это, скорее, искусное управление восприятием читателя через неявные языковые и стилистические механизмы. Манипуляция в поэзии действует на уровне подтекста, имплицатур, фоновых знаний, апеллируя к эмоциям и подсознанию. Поэтическая форма (ритм, рифма, метафоричность) часто служит «оболочкой», которая делает манипулятивное воздействие более приемлемым и менее критически оцениваемым. Поэтический язык допускает различные интерпретации. Поэт может намеренно использовать слова и образы с множеством значений, чтобы вызвать определенные, нужные ему ассоциации, оставляя при этом возможность для читателя «додумать» смысл.

Таким образом, центральной в поэзии является манипуляция эмоциями читателя, цель которой — создание глубокого, многослойного воздействия на эмоциональную, когнитивную и ценностную сферы читателя, часто без его полного осознания этого процесса. [9. С. 85] Важно отметить, что в поэзии грань между «манипуляцией» (в негативном смысле) и обычным художественным воздействием часто очень тонка и зависит от интенции автора и этической оценки результата.

Поэтами используется ряд изобразительно-выразительных средств, а также стратегий, которые выполняют в том числе и манипулятивную функцию. Так, метафора создает новые, часто неожиданные ассоциации, что позволяет автору незаметно «внедрить» в сознание читателя определенную оценку или эмоциональный фон. Символы активизируют коллективное бессознательное, культурные коды, архетипы. Это позволяет вызвать у читателя сильные, часто неосознанные эмоциональные реакции и ассоциации, привить определенные ценности или представления. С помощью инверсии можно сместить акцент, выделить ключевую информацию, что косвенно влияет на ее восприятие и значимость. Эпитеты могут неявно навязать оценку. Риторический вопрос вовлекает читателя в диалог, заставляя его самого прийти к определенному выводу, который уже заложен в вопросе. Это создает иллюзию самостоятельного мышления у читателя, тогда как поэт направляет его к своей точке зрения и т.п.

Подробнее остановимся на феномене прецедентности, которая может выступать в качестве стратегии воздействия и манипулирования. В контексте художественного текста в целом и поэзии в частности прецедентные феномены служат мощным, но часто скрытым инструментом языкового манипулирования, позволяя поэту влиять на сознание читателя, вызывая определенные ассоциации, эмоции и оценки, не прибегая к прямому выражению.

Способы существования и функции прецедентных феноменов в художественном тексте

С тех пор как в 1986 г. термин «прецедентность» был введен Ю.Н. Карауловым, прошло уже около 40 лет, но только в последнее время этот термин получил широкое распространение в лингвистике. На сегодняшний день можно говорить о теории прецедентности, которая является непосредственным продолжением теории интертекстуальности, и хотя до сих пор нет четкого определения границ двух теорий и границ взаимодействия интертекстуальных и прецедентных феноменов, ее можно считать состоявшейся.

Терминологическая база теории прецедентности развивается, но в целом в основе понимания прецедентных феноменов лежит первоначальное определение Ю.Н. Караулова, согласно которому прецедентные тексты являются готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками, используемыми для обращения к «ментальному контексту» [10. С. 220]. Прецедентный феномен отражает отношения между сознанием языковой личности (чаще коллективной) и текстом, между коллективной культурной памятью и современностью.

Разграничение прецедентных феноменов проводится по самым разным основаниям: в зависимости от того, к какому типу претекста восходит прецедентный феномен, различают прецедентные высказывание, ситуацию и имя; в зависимости от характера интерпретации претекста говорят о цитатах (точных и трансформированных), перифразах, аллюзиях, реминисценциях и т.д. как типах прецедентных феноменов.

Г.Г. Слышкин предлагает несколько оснований деления прецедентных феноменов: а) по носителю прецедентности выделяются феномены, имеющие разную степень распространенности и известности — от групповых до общечеловеческих прецедентных текстов (см. также подобную классификацию по уровню прецедентности В.В. Красных и других авторов [11. С. 63]: *социально-прецедентные феномены* — групповые феномены, национально-прецедентные феномены, например русские, и универсально-прецедентные феномены — наиболее широко известные); б) *по тексту-источнику* (от крылатых фраз до обширных цитат); в) *по тому, как данный текст был усвоен* — добровольно или принудительно; г) *по степени опосредованности восприятия*: прецедентные тексты, ставшие таковыми при непосредственном восприятии, заимствованные прецеденты или заново интерпретированные [12. С. 70].

В рамках исследования русскоязычных художественных текстов нам представляется целесообразным классифицировать прецедентные феномены, во-первых, по типу претекста или затекстовой действительности, к которой обращен прецедентный феномен, а во-вторых, по форме, в которой существует прецедентный текст во вторичном контексте:

а) цитата — дословная выдержка из какого-либо текста: «Ни следовательно Викентьев не тревожил меня, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник... Короче, никого тут не было»¹ (последние строки эпилога романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»);

б) аллюзия — использование намек на реальные общеизвестные факты, события. Например, в стихотворении «Октябрь — месяц грусти и простуд» И. Бродский обращается к прецедентной ситуации Октябрьской революции:

Октябрь — месяц грусти и простуд,
а воробьи — *пролетарьят* пернатых —
захватывают в брошенных пенатах
скворечники, как *Смольный институт*²;

в) реминисценция (в поэзии) — черты, признаки, отзвуки чужого или ранее написанного произведения; отражение чьего-либо влияния в художественном произведении: «Она сокрушенно махнула белоснежным платочком. „Ей-богу, у нее сейчас из рукава косточки полетят“»³ (отсылка к «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина);

г) перифраза — описательное выражение, заменяющее прямое название и содержащее в себе признаки не названного прямо предмета, например, строки стихотворения И. Бродского:

¹ Михалкова Е. Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

² Бродский И. Октябрь — месяц грусти и простуд: стихотворение. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/30482/oktyabr-mesyac-grusti-i-prostud> (дата обращения: 12.01.2025).

³ Михалкова Е. Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба с препятствиями: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=51201> (дата обращения: 12.01.2025).

Помолись лучше вслух, как второй *Назорей*,
за *бредущих с дарами* в обеих
половинках земли *самозванных царей*
и за всех *детей в колыбелях*⁴.

В данном случае событие не названо, однако упоминание ключевых слов и характеристик, а также прозвище Назорей однозначно отсылает читателя к рождению Христа;

д) мотив — составная часть темы, сюжета произведения искусства⁵.

Прецедентное высказывание — «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [11. С. 106]. Прецедентная ситуация — внеязыковой, когнитивный феномен: некая «эталонная» жизненная ситуация, значимая с точки зрения мышления и обычно несущая определенные ассоциативные оттенки. Прецедентное имя — индивидуальное имя, связанное с каким-либо прецедентным текстом или ситуацией, либо символическое имя, обозначающее совокупность устойчиво воспринимаемых качеств [13. С. 60].

Описанные классификации накладываются друг на друга, образуя многомерное описание прецедентности. Так, например, прецедентные высказывания могут быть по форме цитатами в своей неизменной форме или трансформированными, но узнаваемыми. Прецедентные имена могут функционировать как аллюзии или реминисценции, и даже как мотивы. Необходимо отметить, что прецедентные феномены часто не имеют четкого разграничения в рамках использования. Так, например, имя Наполеон может использоваться и как прецедентное имя, и как знак прецедентной ситуации: «когда пришел Наполеон» = Отечественная война 1812 года.

Прецедентные феномены отражают определенные интенции автора позднейшего текста, что проявляется в наборе функций таких феноменов [14. С. 42; 15]. Первой и самой яркой функцией, на наш взгляд, выступает а) людическая, то есть функция языковой игры, в рамках которой читатель (обладающий тем же набором фоновых, экстралингвистических знаний, что и автор) вовлекается процесс декодирования «текста в тексте»:

– Почему я?

– Потому что ты *толстый и красивый парниша*⁶ (цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»).

⁴ Бродский И. Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...: стихотворение. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/30993/sneg-idet-ostavlyaya-ves-mir-v-menshinstve> (дата обращения: 12.01.2025).

⁵ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000.

⁶ Михалкова Е. Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

Опишем другие функции прецедентов:

б) парольная, в рамках которой с помощью прецедента создается общий «язык», набор смыслов, используемый автором и его адресатом:

И шансы найти *этого нехорошего человека* близки к нулю, — вслух закончила Света свою мысль⁷ (цитата из фильма режиссера А. Серого «Джентльмены удачи»);

в) моделирующая, которая создает определенные представления о мире в виде модели, например, поведенческой:

Матильда, пыхтя, затащила сумку в номер. Она хотела попросить кого-нибудь помочь ей, но за стойкой на первом этаже сидела женщина типажа *Авада Кедавра* — умри все живое⁸ (цитата-заклинание из книг о Гарри Поттере Дж. К. Ролинг);

г) эвфемистическая функция, которая позволяет сослаться на предмет или явление, не называя его:

– Почему я не могу влиять даже на какую-то дурацкую аш-два-о?!
Валентина Андреевна сочувственно улыбнулась и заметила, что пока это *получилось только у одного человека*.

– И я хочу быть таким человеком <...>.

– Боюсь, моя девочка, тебе бы это не понравилось. *Из доступных нам свидетельств почти неоспоримо следует, что к его умению прилагалась весьма неприятная процедура*.

– Какая? – всхлипнула Белка.

– *Распятие на кресте*, – кротко сказала Валентина Андреевна⁹ (аллюзия на библейский текст);

д) эстетическая функция:

Он до сих пор уверен, что для его сестры я *чистейшей прелести чистейший образец*¹⁰ (цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Мадонна»);

е) функция оценки:

Это я под впечатлением от Шверник. *Знойная женищина, мечта поэта*¹¹ (характеристика мадам Грицацуевой, героини романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»);

⁷ Михалкова Е. Котов обижать не рекомендуется: роман. М. : АСТ, 2012. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=17780> (дата обращения: 12.01.2025).

⁸ Михалкова Е. Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Михалкова Е. Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба с препятствиями: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=51201> (дата обращения: 12.01.2025).

¹¹ Михалкова Е. Нежные листья, ядовитые корни: роман. М. : АСТ, 2015. Режим доступа: <https://loveread.ec/book-comments.php?book=48418> (дата обращения: 12.01.2025).

ж) прагматическая функция, в рамках которой прецедентный феномен выступает как инструмент создания определенного состояния адресата. Например, использование в качестве исходного текста детской мнемонической фразы — считалочки для правильного рисования человечков — в стихотворении И. Бродского «Представление» способствует созданию ироничного настроения:

*Эта личность мне знакома! Знак вопроса вместо тела.
Многоточие шинели. Вместо мозга — запятая.
Вместо горла — темный вечер. Вместо буркал — знак деления.
Вот и вышел человечек, представитель населенья¹².*

Выполняя прагматическую функцию, прецедентный феномен становится инструментом и стратегией воздействия на читателя и — в определенной мере — манипулирования.

Функционирование прецедентных феноменов в поэзии в качестве инструмента языкового воздействия и манипулирования

Автор художественного произведения использует прецедентные феномены, рассчитывая на то, что читатель узнает их и активирует соответствующие знания и ассоциации, хранящиеся в его долговременной памяти. Как мы видим, многие прецедентные феномены несут в себе устойчивую оценку, отсылая к которой поэт автоматически переносит ее на описываемые явления или персонажей. Выбор конкретных прецедентных текстов или ситуаций диктует определенную интерпретационную рамку.

Узнавание и интерпретация прецедентного текста происходит одновременно с чтением художественного произведения, формируя многомерность и многослойность передаваемых смыслов, обогащая подтекст произведения разнообразными и порой неожиданными ассоциациями реципиента. Художественный текст оказывается пространством для диалога не только читателя и автора, но и диалогов «автор vs предшествующий текст», а также «культурно значимый предшествующий текст vs читатель». Прецедентный текст в рамках нового художественного произведения сам оказывается частью культурного кода и одновременно формирует его.

С другой стороны, прецедентные феномены участвуют в создании подтекста и имплицитных смыслов в поэзии. Это изящная форма воздействия на читателя, которая позволяет автору не просто передавать информацию, но и тонко формировать восприятие, эмоции, убеждения и ценности читателя, делая его активным, но часто неосознанным участником этого процесса. Опишем далее некоторые случаи использования прецедентных феноменов в поэзии в качестве инструмента воздействия и манипуляции.

Так как цитация — наиболее явная форма существования прецедентных высказываний, она имеет меньший эффект воздействия. Цитата, даже

¹² Бродский И. Представление: стихотворение. <https://lib.ru/BRODSKIJ/present.txt> (дата обращения: 12.01.2025).

видоизмененная, обнаруживается и часто однозначно интерпретируются читателям, создавая эмоциональный и эстетически фон для нового высказывания, но не переходя в область манипуляции. Однако при трансформации цитата переосмысливается в новом художественном высказывании, что делает ее инструментом воздействия и манипуляции. Например, в стихотворении В.И. Шаповалова, народного поэта Кыргызской Республики, происходит трансформация прецедентного высказывания: «...мир праху твоему и праху миру твоему...»¹³. Простая перестановка слов приводит к обретению нового смысла: прощание с покойным соотносится с полной уверенностью в крахе мира, в конце всего живого — и человека, и поэзии.

Включение прецедентного высказывания в другой контекст также ведет к трансформации его смысла. В стихотворении «Чаша» В.И. Шаповалов обращается к христианской тринитарной формуле:

...И ширилась могла, пожирая сердца,
И все, что я вынес
Во имя отца
И сына,
Сдержать про себя я не смог
И выдохнул богу в отравленный смог:
— Сегодня я полную чашу испил!¹⁴.

То, что слова «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» используются при крещении, определенным образом воздействует на восприятие стихотворения: рождается ряд ассоциаций *крещение — крест, крест — тяжелая ноша, испытание, крещение — переход в иное состояние духа*. Страдания лирического героя связаны с переходом в иную «земную» и духовную ипостась — из сына в отца.

Стихотворение «Азбука» также содержит реминисценцию на текст Библии:

...у каждого в начале было — Слово.
Взгляни на прошлое — увидишь свет¹⁵.

Благодаря прецедентному высказыванию восприятие текста направляется в определенное русло. Возникающие ассоциации *Слово — мудрость — Библия — Священная книга, свет — мир — мудрость — учение* формируют мысль об общности истоков человеческой мудрости, воплощенной в Слове, которая далее разворачивается в стихотворении.

В произведении К. Убайдуллаевой «Узы»¹⁶ текст сказки Антуана де Сент-Экзюпери присутствует в виде многих прецедентных высказываний: точных и неточных цитат, реминисценций («я чувствую, как огромные баобабы впились в корни в почву моей души»; «...есть звезда, где, смеющийся и счастливый, мой друг встречает очередной закат»; «И зорким

¹³ Шаповалов В.И. Восходят травы: Поэмы. Лирика. Фрунзе : Кыргызстан, 1982. С. 84.

¹⁴ Шаповалов В.И. Прощание с журавлем: Лирика. Поэма. Фрунзе : Мектеп, 1987. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Убайдуллаева К. Узы // Литературный Кыргызстан. 2020. № 3 (август). С. 117—118.

сердцем я быстро найду планету» и др.), которые манипулируют на уровне эмоций читателя, вызывая стойкие ассоциации: лис приручен — узы — Маленький принц улетел / умер — тоска лиса — желание умереть, чтобы снова встретиться с принцем. Но «Узы» — новое художественное произведение, лишь основывающиеся на экспрессивности сказки. В нем описано чувство тоски по любимому, подобное тому, что испытывал бы лис после исчезновения Маленького принца. Явные переклички со сказкой дают возможность с самого начала настроить читателя на нужный эмоциональный лад, сообщить ему о необходимой экспрессии. Приведем конец этого стихотворения:

Я снова стану единственным в целом свете
Из сотни тысяч таких же других комет.
И это важно, ведь мы навсегда в ответе
За тех, кто будет плакать, когда нас нет¹⁷.

Предполагаемая встреча с любимым становится продолжением и счастливым концом сказки, поэтому известнейшие цитаты А. де Сент-Экзюпери, ставшие прецедентными, трансформируются и приобретают иной смысл. В данном случае манипуляции эмоциональным состоянием адресата достигает свои цели: стихотворение «Узы» остается для читателя самостоятельным поэтическим высказыванием, обогащенным эмоциями и экспрессией текста-предшественника.

Гораздо большим эффектом воздействия, чем цитаты, обладают текстовые реминисценции и аллюзии. Они могут присутствовать в поэтическом тексте в виде прецедентных высказываний и прецедентных имен, опирающихся на прецедентную ситуацию. Аллюзии существуют в тексте в виде метафор, метонимий, перифраз, создавая переклички с прецедентными ситуациями и с теми эмоциями и оценками, которые их устойчиво сопровождают. Приведем пример из поэзии А.И. Никитенко:

Хлебнул лишений и скитаний
с тех пор, когда давным-давно
моя держава, как „Титаник“,
перекренясь, ушла на дно¹⁸.

Проведение параллели «крушение Титаника — распад СССР» порождает ряд близких ассоциаций (разрушение, трагедия, гибель) и чувств (ужас, потерянности, беспомощность и невозможность предотвратить), что, конечно, позволяет этой метафоре воздействовать на эмоции читателя.

Пример тонкого и ненавязчивого манипулирования находим в поэзии В.И. Шаповалова:

Этот голос... живой и веселый под занавес —

¹⁷ Убайдуллаева К. Узы // Литературный Кыргызстан. 2020. № 3 (август). С. 117–118.

¹⁸ Никитенко А.И. Тень птицы: стихотворения разных лет. Воспоминания друзей. Бишкек : Салам, 2018. С. 85.

глас Марины и Анны, и Лидии глас!
 Сладок час — отташкентились да отрязались,
 отъелабужились все укоры из глаз...¹⁹.

Использованные прецедентные имена — Марина (Цветаева) и Анна (Ахматова), а также окказионализмы «отташкентились» и «отъелабужились» вводит читателя в определенный круг ассоциаций: имя Марины Цветаевой неразрывно связана с г. Елабугой, где она закончила свою жизнь, а имя Анны Ахматовой — с Ташкентом, где она провела почти три года войны (1941—1944). И тот, и другой ряд включает компонент «страдания». Приставка *от-* имеет значение отделения, удаления и завершения действия, что позволяет интерпретировать смысл окказионализмов как «конец, завершение страданий». Такими средствами создается определенная атмосфера негорестного, легкого и светлого ухода, когда заканчиваются страдания и остается память.

Текстовые реминисценции также дают поэту широкое поле для воздействия на восприятие читателя и манипулирование им. Аллюзии и реминисценции использованы в сонете В.И. Шаповалова:

В ее огромном, светлом, грустном взоре —
Плач Ярославны, звонкий *голос Зои*,
 Набат войны и мирное жнивье²⁰.

Реминисценция отсылает читателя к тексту «Слова о полку Игореве», аллюзия — к истории Зои Космодемьянской; обе они связаны с войной и женской судьбой в период войны, обе связаны с образом России. Формируется ассоциативное, метафорическое представление о России как о женщине, перенесший многие лишения, но оставшейся верной себе и своему пути. Отсылка к прецедентам, таким образом, создает фон множественных ассоциаций с необходимой поэту экспрессией.

Рассмотрим реминисценцию на миф об Ариадне в следующем стихотворении того же автора:

...нет *нити* и нет *Ариадны*,
 на чет или нечет
 в нас время не ставит всеядно,
 безмерностью лечит²¹.

Ариадна и ее нить символизирует выход из лабиринта, из запутанности, а также память о пройденном пути. В сознании читателя намеренно создается образ лабиринта запутанных воспоминаний, из которого уже нет выхода.

Другие реминисценции на тексты греческих мифов встречаем в стихотворениях Шаповалова «Илиада» (Гомер, Троянский конь, Ахилл, Патрокл,

¹⁹ Шаповалов В.И. Кочевье: стихотворения и поэмы. Фрунзе: Кыргызстан, 1979. С. 39.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же. С. 44.

фрагменты сюжета), «Фрагмент Одиссеи» (Зевс, Европа, Пенелопа, переосмысление сюжета), где благодаря отсылкам формируется общая идея цикличности истории, ее повторяемости и замкнутости на самой себе.

Заключение

Прагматический потенциал поэзии реализуется через разнообразные инструменты языкового воздействия и манипулирования, в том числе через прецедентность. Прецедентные феномены выполняют ряд функций, отражающих интенции автора позднейшего текста, среди которых мы выделяем прагматическую функцию, которая превращает их в активные инструменты воздействия и манипулирования, способные формировать внутренний опыт читателя. Оказываясь в новом контексте, трансформируясь и переосмысляясь, они выводят известные идеи на новый уровень, позволяют углубить и разнообразить смыслы художественного высказывания, формируют широкий подтекст. Прецедентные феномены, таким образом, — не застывшие речевые формулы, а живые, актуальные тексты, позволяющие обогатить более поздние произведения.

Автор произведения, включая прецедентные феномены, рассчитывает на их узнавание читателем и активацию соответствующих знаний и ассоциаций. Многие прецеденты несут в себе устойчивую оценку, и их выбор определяет интерпретационную рамку для читателя.

Мы видим, что существует обратная зависимость между эксплицитностью прецедентного феномена и его манипулятивным эффектом: более явные формы, например, цитаты, обладают меньшим воздействием, в отличие от тонких имплицитных форм (аллюзий и реминисценций), которые оказывают значительно большее манипулятивное воздействие, так как действуют на подсознательном уровне, обходя критическое осмысление и способствуя формированию «ложного ощущения самостоятельности» в интерпретации. В итоге использование прецедентов преобразует опыт чтения в динамичный интертекстуальный диалог, где художественный текст не только отражает, но и активно формирует культурный код. Считаем, что поэтическая манипуляция является искусной и этически обоснованной техникой, направленной на создание глубокого, многослойного и часто положительного эмоционального и когнитивного воздействия на реципиента, обогащая эстетический опыт через мастерское использование взаимодействия языка и культурной памяти.

Библиографический список

1. *Матвеева Г.Г.* Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов н/Д. : Рост. гос. ун-т, 1984. EDN: VOEYTH
2. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М. : Языки русской культуры, 2011.
3. *Навасартян Л.Г.* Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2017. EDN: NGQUMK
4. *Манухина И.А.* Гендерные предпочтения в выборе стратегий и тактик речевого поведения (на материале диалогов современной американской литературы) // Современное

гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2017. С. 18–21. EDN: ZVOSCT

5. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж : Истоки, 2001. EDN: ZVOSCT

6. *Фролова О.Е.* Реакция на манипулятивное речевое воздействие // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 90–94. EDN: YSFXNR

7. *Спиртова Д.А.* Квазиаргументы как инструмент речевого манипулирования аудиторией СМИ // Медиа-Альманах. 2019. № 4 (93). С. 84–92. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2019.8492> EDN: QZNMND

8. *Сараев М.Д.* Способы языкового манипулирования // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. № 4. С. 44–51. EDN: AZYWMR

9. *Чаковская М.С.* Текст как сообщение и воздействие. М. : Высшая школа, 1986.

10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. EDN: PWFIXL

11. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–85.

12. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. EDN: QSLPHN

13. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002.

14. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2007.

15. *Эбзеева Ю.Н., Дуалич Н.М.* Семиотика медицинского дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 802–820. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820> EDN: HXZDAT

References

1. Matveeva, G.G. (1984). *Actualization of the Pragmatic Aspect of a Scientific Text*. Rostov-on-Don: Rostov State University. (In Russ.). EDN: VOEYTH

2. Paducheva, E.V. (2011). *Semantic Research (Semantics of Time and Type in the Russian Language; Semantics of Narrative)*. Moscow : Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

3. Navasartyana, L.G. (2017). *Linguistic Means and Speech Techniques of Information Manipulation in the Media (based on the material of Russian newspapers)* [PhD Thesis]. Ulyanovsk. (In Russ.). EDN: NGQUMK

4. Manukhina, I.A. (2017). Gender Preferences in the Choice of Strategies and Tactics of Speech Behavior (based on the dialogues of modern American literature). In: *Modern humanitarian scientific knowledge: a multidisciplinary approach: materials of international scientific-practical conference* (pp. 18–21). Barnaul: AltGTU publ. (In Russ.).

5. Sternin, I.A. (2001). *Introduction to Speech Impact*. Voronezh: Istoki. (In Russ.). EDN: ZVOSCT

6. Frolova, O.E. (2018). Reaction to Manipulative Speech Influence. *Socio- and Psycholinguistic Research*, 6, 90–94. (In Russ.). EDN: YSFXNR

7. Spirtova, D.A. (2019). Quasi-Arguments as a Tool of Speech Manipulation of the Media Audience. *Medi@lmanah Journal*, 4(93), 84–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2019.8492> EDN: QZNMND

8. Saraev, M.D. (2018). Methods of Linguistic Manipulation. *Uchenye Zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 4, 44–51. (In Russ.). EDN: AZYWMR

9. Chakovskaya, M.S. (1986). *Text as a Message and Impact*. Moscow: Higher School. (In Russ.).

10. Karaulov, Yu.N. (1987). *The Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: PWFIXL

11. Krasnykh, V.N., Gudkov, D.N., Zakharenko, I.N., & Bagaeva, D.N. (1997). Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 9. Philology*, 3, 62–85. (In Russ.).
12. Slyshkin, G.G. (2000). *From Text to Symbol: Linguistic and Cultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse*. Moscow: Academia. (In Russ.). EDN: QSLPHH
13. Krasnykh, V.V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
14. Nakhimova, E.A. (2007). *Precedent Names in Mass Communication*. Yekaterinburg: Uralsk State Pedagogical University. (In Russ.). EDN: QCNWZL
15. Ebzeeva, Y.N., & Dugalich, N.M. (2024). Semiotics of Medical Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 802–820. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-802-820> EDN: HXZDAT

Сведения об авторах:

Окулич-Казарина Анна Валерьевна, старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: теория языка; диахроническая лингвистика; *e-mail*: ok-anna85@mail.ru

ORCID: 0009-0006-1023-7572, SPIN-код: 5850-4508, AuthorID: 1206137.

Алмакаева Олеся Владимировна, старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: теория языка; теория речевого воздействия; синтаксис русского языка; *e-mail*: o_lesja1987@mail.ru

ORCID: 0009-0005-6356-131X, SPIN-код: 3903-0067, AuthorID: 1033629.

Акназарова Гулумкан Анварбековна, старший преподаватель кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: методика преподавания и обучения; теория языка; *e-mail*: gaknar@mail.ru

ORCID: 0009-0007-3050-0937, SPIN-код: 5608-1484, AuthorID: 946239.

Information about the authors:

Anna V. Okulich-Kazarina, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language, Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: theory of language; diachronic linguistics; *e-mail*: ok-anna85@mail.ru

ORCID: 0009-0006-1023-7572, SPIN code: 5850-4508, AuthorID: 1206137.

Olesya V. Almakayeva, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language, Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: theory of language; theory of speech influence; syntax of the Russian language; *e-mail*: o_lesja1987@mail.ru

ORCID: 0009-0005-6356-131X, SPIN code: 3903-0067, AuthorID: 1033629.

Gulumkan A. Aknazarova, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language, Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: teaching and learning methods, theory of language; *e-mail*: gaknar@mail.ru

ORCID: 0009-0007-3050-0937, SPIN code: 5608-1484, AuthorID: 946239.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1039-1054

EDN: MSZHTY

Научная статья / Research Article

Образ-символ как элемент семиотической системы художественного дискурса Ч.Т. Айтматова

Б.Т. Дюшебекова , Г.С. Чепекова

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская
Республика

 diush.bt@gmail.com

Аннотация. Образ-символ является ключевым элементом семиотической системы рассказов и повестей Ч.Т. Айтматова, актуальность изучения которого заключается в возможности более глубокого понимания многомерного идейно-смыслового, нравственного и эмоционального содержания произведений Ч.Т. Айтматова, что требует от читателя активной внутренней творческой работы по интерпретации художественного текста. Исследование многозначной структуры символа позволяет концентрированно охватить множество конкретных и универсальных смыслов образной системы произведений, понять определенные возможности достижения выразительности языка. Анализ литературных произведений основан на теоретических положениях классической и культурной семиотики и имеет целью выявление знаковой природы символических образов в рассказах и повестях Ч.Т. Айтматова. При изучении образов-символов на материале произведений Ч.Т. Айтматова использовались аналитико-герменевтический метод для выявления целей автора в передаче интенциональных символов, метод контекстуального анализа для изучения особенностей возникновения и функционирования символов и их взаимоотношений с другими элементами текста, типологический и лингвокультурологический методы для выявления повторяющихся, акцентированных элементов текста и определения семантики символов, изучение культурно-исторического фона для интерпретации символов, а также семиотический метод для определения более глубоких и абстрактных значений образов-символов в структуре художественного текста. Особое внимание уделяется образам с философским и культурно-мифологическим значением (дождь, река, озеро, гроза, деревья, мелодия, птицы, яблоко и др.) как смысловым концентратам и связующим звеньями между художественным текстом и этнокультурным контекстом. Исследование показало, что образы-символы определяют семантическое поле произведений, передают глубину и многозначность замысла писателя, характеризуются не только художественный прием, но и средство семиотической связи между художественно-мифологическим, историко-культурным и личностным уровнями смысла.

Ключевые слова: семиотика, художественный текст, интерпретация, полисеманτικότητα, знаковая система, культурный код

© Дюшебекова Б.Т., Чепекова Г.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 19.05.2025; дата приема в печать: 15.09.2025.

Для цитирования: Дюшебекова Б.Т., Чепекова Г.С. Образ-символ как элемент семиотической системы художественного дискурса Ч.Т. Айтматова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1039–1054. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1039-1054>

Image-Symbol as an Element of the Semiotic System of Artistic Discourse of Ch.T. Aitmatov

Baktygul T. Diushebekova , Gulmira S. Chepeкова

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic
 diush.bt@gmail.com

Abstract. An image-symbol are examined as key elements of the semiotic system in the stories and novels of Ch.T. Aitmatov. The study of symbolic images helps for deeper understanding of the multidimensional ideological, semantic, moral and emotional content of the works of Ch.T. Aitmatov, which requires the reader for active internal creative work in order to interpret the literary text. The study of the multi-valued structure of the symbol allows us to concentrate on a variety of specific and universal meanings of the figurative system of works, to understand certain possibilities for achieving the expressiveness of language. The analysis of literary works is based on the theoretical principles of classical and cultural semiotics, and aims to identify the nature of symbolic images in the stories and novels of Ch.T. Aitmatov. When studying symbolic images based on the works of Ch.T. Aitmatov there were used the analytical and hermeneutic method to identify the author's goals in the transmission of intentional symbols, the method of contextual analysis to study the features of the appearance and functioning of symbols and their relationships with other elements of the text, typological and linguocultural methods to identify repetitive, accentuated elements of the text and determine the semantics of symbols, the study of cultural and historical background for the interpretation of symbols., as well as a semiotic method for determining deeper and more abstract meanings of symbolic images in the structure of a literary text. Special attention is paid to images with philosophical and cultural-mythological significance (rain, river, lake, thunderstorm, trees, melody, birds, apple, etc.) as semantic concentration and connecting links between the literary text and the ethnocultural context. The study showed that symbolic images in the stories and novels of Ch.T. Aitmatov determine the semantic field of the works, convey the depth and ambiguity of the writer's intention. Thus, symbols in the works of Ch.T. Aitmatov are not only an artistic device, but also a means of semiotic connection between literary, mythological, historical, cultural and personal levels of meaning.

Keywords: semiotics, literary text, interpretation, polysemanticism, symbolic system, cultural code

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 19.05.2025; accepted: 15.09.2025.

For citation: Diushebekova, B.T., & Chepekova, G.S. (2025). Image-Symbol as an Element of the Semiotic System of Artistic Discourse of Ch.T. Aitmatov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1039–1054. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1039-1054>

Введение

Понятие символа занимает центральное место в семиотике — науке, исследующей знаковые системы, культуру и процессы коммуникации. В рамках семантического подхода символ рассматривается как особый тип знака, чье значение устанавливается на основе устойчивой, социально и культурно обусловленной конвенции. Ю.М. Лотман подчеркивал, что символ — «аксиологически маркированное семиотическое образование», где одно содержание выступает «планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [1. С. 240]. Данная трактовка символа, где поверхностный смысл скрывает глубинное значение, подчеркивает культурную глубину символа и его способность транслировать важные смыслы. Автор также отмечает, что символ обладает текстовой природой. «Символ и в плане выражения, и в плане содержания представляет собой некоторый текст, т.е. обладает некоторым единым — замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста. Символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность. Он легко вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение» [2. С. 240]. С этим связана его существенная черта: «память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [2. С. 241].

С.Г. Воркачев, развивая идеи Ю.М. Лотмана, рассматривает символ как протермин «концепта», способный «передавать категориальное значение семантики в целом — любой смысл, понятие» [3. С. 14]. Кроме того, по мнению С.Г. Воркачева, «важнейшими отличительными характеристиками символа выступают признаки, связанные с многозначностью, неопределенностью и даже противоречивостью символизируемого содержания. Это и расплывчатость и зыбкость его семантических границ, и многослойность, и глубина, и в конечном счете неисчерпаемость заключенных в нем смыслов» [4. С. 7]. Такая интерпретация символа как «открытого» знака, лишённого жесткой семантической границы, перекликается с тезисом Ю.М. Лотмана о культурной древности символа и усиливает его как аналитическую категорию. Таким образом, символ в семиотике приобретает междисциплинарную значимость, охватывая как структуру знака, так и содержательное наполнение культурных кодов. Это объясняет, почему тема символа сохраняет устойчивую научную актуальность, особенно в сфере художественного текста.

Художественный текст как система знаков был главным объектом семиотического анализа в трудах таких ученых, как Ю.М. Лотман, В.В. Иванов,

Ю.И. Левин, В.Н. Топоров и др., «при этом художественный текст признается наивысшей ступенью в иерархии текстов культуры. Это многослойное и семантически неоднородное образование, вступающее в сложные отношения с внешним контекстом» [5. С. 24]. С.С. Аверинцев сближает символ с образом, указывая, что «всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ)» [6. С. 826]. По мнению Е.В. Шелестюк, «источником символа является чувственный образ — отражение предметов и явлений реального мира» [7. С. 126]. Как отмечает В.В. Колесов, «символ — понятийный образ, или образное понятие» [8. С. 62]. Таким образом, художественный текст оказывается двойственной сущностью — он одновременно знак и образ, объединяющий конкретное и абстрактное, индивидуальное и универсальное.

Цель настоящей статьи — проанализировать сущность образов-символов в ранних произведениях Ч.Т. Айтматова, через которые писатель раскрывает ключевые темы человеческого бытия, нравственного выбора и культурной памяти. Как подчеркивал Ю.М. Лотман, «символ связан с памятью культуры, и целый ряд символических образов пронизывает по вертикали всю историю человечества или ее большие ареальные пласты» [9. С. 225].

Семиотический подход к анализу художественных произведений Ч.Т. Айтматова позволяет выявить символические структуры, лежащие в основе произведения, и рассмотреть их как элементы знаковой системы, формирующей художественное и философское пространство произведения. Произведения Ч.Т. Айтматова насыщены сложной системой образов, в основе которой лежат многозначные символы, функционирующие не только как художественные средства, но и как элементы культурного и знакового пространства. С точки зрения семиотики, символ в текстах Ч.Т. Айтматова представляет собой не просто художественный образ, а знак, обладающий устойчивыми культурными коннотациями и функциями в знаковой системе художественного текста. Они выступают как полноценные семиотические единицы, несущие глубокие смыслы и выполняющие важную коммуникативную функцию. Следовательно, символ в контексте нравственных исканий Ч.Т. Айтматова «выражая конкретное коннотативное значение, несет в себе определенную прагматическую направленность, актуализируя национальное и общечеловеческое в художественной картине мира писателя» [10. С. 586].

Семиотический анализ символических образов в произведениях Ч.Т. Айтматова

Для исследования символики в художественных текстах были выбраны произведения Ч.Т. Айтматова, одного из самых известных кыргызских писателей, не в связи с тем, что его произведения были переведены на 176 языков мира, активно переводились, печатались и изучались не только на родине, но и в других странах, а в связи с тем, что идеи и нравственные ценности, выраженные в его публицистических и художественных трудах, достигают общечеловеческого значения. И немалую роль в создании такого уровня

обобщения играют образы-символы в его произведениях, так как именно символы являются одним из самых эффективных способов типизации и передачи философского осмысления жизни.

Использование символа как конкретного, «чувственно» воспринимаемого, осязаемого, пластичного образа, при этом обладающего предельной обобщенностью, стало определенной традицией для Ч.Т. Айтматова. Уже в ранних его произведениях символика не только присутствует, но даже вынесена в название произведений. Так, один из ранних рассказов Ч.Т. Айтматова называется «Белый дождь». В контексте семиотического анализа название произведения можно рассматривать как вербальный знак, заранее кодирующий смысловую доминанту повествования: белый дождь становится центральным образом-символом, через который раскрывается тема внутреннего преобразования и обновления личности.

Это рассказ об освоении целинных земель, о молодежном трудовом движении, о приметах нового времени в кыргызском селе. На фоне новых начинаний разворачивается история любви двух молодых людей. Но главная героиня рассказа — пожилая женщина Сейнеп-апа — страдает от того, что ее единственная дочь скоро оставит родной дом, и она уже чувствует себя одинокой и покинутой. Переломный момент в развитии событий связан со значимым моментом в сознании Сейнеп-апы: разговором с родственниками, которые успокаивали ее, убеждали в необходимости освоения «Старого кочевья», земли которого уже давно ждали таких молодых людей, как Саадат, дочь Сейнеп-апы, и ее жених. Токой-аке как старший в семье напомнил ей: «Эх, Сейнеп, в молодости ты пошла за любимым человеком на все трудности, так почему же твоя дочь не имеет права устроить свою жизнь и трудиться вместе с любимым, а?» «А зять твой Касымджан не безродный скиталец, а замечательный джигит, первый тракторист в бригаде. Родители его в городе живут. Говорят, что они хорошие, уважаемые люди»¹. Когда женщина молча покидала дом родственника, «никто так и не понял, согласилась она с ним или нет»².

Кульминационный эпизод рассказа сопровождается описанием образа-символа белого дождя («как жаан — мелкий, морозящий дождь»). В Кыргызско-русском словаре приводятся цитаты из художественных текстов известных писателей, в которых белый дождь характеризуется как «длительный мелкий дождь», «дошел до костей, одежду хоть выжимай», «шел всю ночь»³. «На дворе шел такой сильный дождь, что не видно было ни гор, ни деревьев, ни дальних домов. Все было объято водянистой мглой. — Ишь, как обложило! Это белый дождь, считай — два-три дня без передышки пойдет...»⁴.

¹ Айтматов Ч. Белый дождь // Прощай, Гульсары! Фрунзе : Кыргызстан, 1967. С. 554.

² Там же. С. 554.

³ Кыргызско-русский словарь: в 2 кн. / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе : Главная редакция Кыргызской Советской Энциклопедии, 1985. С. 208.

⁴ Там же. С. 555.

Описание этого весеннего дождя, в серой дождливой мгле которого Сейнеп-апа увидела, что «распахано море земли, прорыты большие арыки, и первые всходы яровой пшеницы, мокрые, зеленые, робко пробиваются сквозь толщу земли»⁵. Образ-символ белого дождя отражает изменение сознания пожилой женщины, придерживающейся старых родовых устоев, передает борьбу в ее сознании противоречивых мыслей и ее постепенное принятие неизбежных перемен в жизни людей. Белый дождь как будто смывает устаревшие традиционные представления. И, как молодые зеленые всходы, появляется новое понимание перемен, происходящих в жизни. «Не узнать «Старого кочевья»! Где клочок земли, не давший плодов? Где арык, по которому не поднялась вода»? — размышляла Сейнеп-апа⁶. Вместо чувства покинутости и одиночества она, оценив труд молодых, испытала чувство гордости за их большие дела.

Образ-символ белого дождя передает не только весеннее обновление природы, ранние всходы на новых целинных землях, но и обновление представлений Сейнеп-апы о жизни. В нем также заложены связь времен и поколений, поступательное движение жизни вперед, обновление самой жизни. Следовательно, «белый дождь» — это не просто атмосферное явление, но культурно нагруженный символ, означающий очищение, обновление, переход. Описание дождя создает семиотическое поле переходного состояния — между незнанием и прозрением, между прошлым и будущим.

Таким образом, образ-символ белого дождя в рассказе выполняет сразу несколько семиотических функций: во-первых, как иконический знак он представляет весеннюю природу и дождь в его зрительно осязаемом аспекте; во-вторых, как индексальный — указывает на сезон, эмоциональное состояние и атмосферу неопределенности; в-третьих, как символ — обозначает очищение, обновление и внутреннюю трансформацию.

Еще один рассказ Ч.Т. Айтматова, который называется «Красное яблоко», тоже содержит в названии символ. Это рассказ о дисгармоничных отношениях в семье, о невнимании и непонимании друг друга супругами. Но образ-символ красного яблока вселяет надежду на примирение и счастливое будущее. Перед тяжелым разговором о расставании с женой главный герой рассказа Исабеков везет маленькую дочь на прогулку за город, где он сможет спокойно объяснить ей сложившуюся ситуацию в семье. Образ-символ красного яблока соединяет две основные сюжетные линии в рассказе: юношеские воспоминания Исабекова о его безответной любви и события сегодняшнего дня. Когда-то в студенческие годы он проделывал с окраины длинный путь в городскую библиотеку почти каждый день, чтобы увидеть девушку, в которую он был влюблен, но которой не мог открыться, признаться в своих чувствах. Но однажды он нашел в опустевшем осеннем саду последнее, никем не

⁵ Киргизско-русский словарь: в 2 книгах / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе : Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. С. 556.

⁶ Айтматов Ч. Белый дождь // Прощай, Гульсары! Фрунзе : Кыргызстан, 1967. С. 556.

замеченное, случайно уцелевшее «большое, в два мужских кулака, багрово-красное яблоко»⁷. И это невероятно ароматное чудо он решил подарить любимой, решил разделить с ней эту красоту, эту радость, он решил, что так он «откроет ей свои мечты»; «И у него дух перехватило от небывалого счастья. Да, он расскажет ей обо всем, о том, как вспомнил о ней..., что постоянно думает о ней, потому что всегда, когда он встречается в жизни что-то хорошее, красивое, ему хочется, чтобы она была рядом, чтобы она видела, чувствовала и радовалась вместе с ним, потому что только с ней он может ощутить полноту прекрасного»⁸. «Но девушка отказалась от подарка, от его признания в любви. «Она уходила от своего красного яблока»⁹.

Символ красного яблока в рассказе является символом любви, мечты и счастья. Образ-предмет наполняется эмоционально-чувственным содержанием, отражая внутренний мир героя, он понятен читателю, так как несет в себе и обобщенно-типическое общечеловеческое понимание любви и счастья. В Литературном энциклопедическом словаре так охарактеризовано это свойство образа-символа: «...категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоего смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немыслимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой, так что в напряжении между ними и раскрывается символ. Переходя в символ, образ становится „прозрачным“; смысл „просвечивает“ сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива»¹⁰.

Такое же последнее осеннее яблоко находит и маленькая дочь Исабекова во время прогулки перед тяжелым разговором. И она решила подарить его самому дорогому человеку — маме. И Исабеков понял, что «она, оказывается, все понимает». А еще он понял, как не хватало его жене внимания, заботы и любви. Рассказ заканчивается текстом телеграммы жене Исабекова, еще не отправленной в Москву: «„Сабира, мы едем к тебе.“ Девочка взяла ручку и четкими буквами приписала: „Встречай нас, мама. Мы возем тебе красное яблоко“»¹¹.

Таким образом, автором был использован символ, во-первых, как прием психологического анализа для более точной и выразительной передачи надежды, радости, горя, счастья, многогранного чувства любви всех главных героев рассказа — Исабекова, его жены и маленькой дочери, и во-вторых, автору удалось передать философское осмысление любви как основы гармоничной и счастливой жизни.

⁷ Айтматов Ч. Красное яблоко // Прощай, Гульсары! Фрунзе : Кыргызстан, 1967. С. 492.

⁸ Там же. С. 494.

⁹ Там же. С. 495.

¹⁰ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 379.

¹¹ Там же. С. 498.

И.В. Сошникова так пишет о рассказах Ч.Т. Айтматова «На реке Байдамтал» и «Сыпайчи»: «Художественная символика как цельная эстетическая система выразительности и изобразительности в раннем творчестве Ч. Айтматова еще не сложилась. В его ранних рассказах художественная символика выступает прежде всего в форме традиционных олицетворений природы. Через такие образы-символы раскрываются внутренние состояния героев, происходит их типизация» [11. С. 7–8]. Однако уже в ранних рассказах Ч.Т. Айтматова наметилась тенденция передачи в условных формах категорий более обобщенного характера. Мы считаем, что в рассказе Ч.Т. Айтматова «На реке Байдамтал» уже использована символика не только в виде пейзажных олицетворений, она несет более глубокие смысловые уровни. Так описывается грозная река во время ночной стихии — оползней, схода грязевых потоков: «Дождь обрушился внезапно. Мутные потоки, рожденные в мгновение ока, безудержно неслись по склонам, промывая зияющие овраги, с корнями вырывая старые ели, сталкивая в пропасти камни. В конце своего разрушительного бега они вливались в реку Байдамтал. Почерневшая, вздущаяся река клокотала в ущелье, не находя себе место»¹². В рассказе несколько раз возникают опасные моменты в жизни главного героя, и все они связаны с покорением природы: освоение целинных земель, пахота на крутых косогорах с риском для жизни, переправа через бурную реку. И не всегда он выходит победителем в этих схватках: он пустил под откос трактор, на котором решил доказать всем, что можно пахать на косогорах, он трусливо сбежал с места аварии, он бы погиб во время схода грязевых потоков, если бы люди с гидрогеологического пункта не спасли его. Но все же он преодолел все трудности и, главное, нашел мужество признать свои ошибки. Невероятным напряжением воли и физических сил он починил переправу через бурную реку — подвесную люльку на стальном тросе, и придавала сил, вдохновляла его вспыхнувшая любовь к девушке-гидрологу, уважение ее нелегкого труда, ведь она каждый день переправлялась через реку. Он понял, что надо не убежать, а вернуться в совхоз, преодолеть стыд перед работниками, с мнением которых он не стал считаться, перед которыми он был лишком самоуверенным, и поэтому потерпел такую неудачу. Ему еще предстоит ответить за разбитый трактор, признать с достоинством свою вину и понести наказание. Скромной, обаятельной, но в тоже время сильной духом девушке с гидрогеологического пункта он напишет в прощальной записке, что встреча с ней «была самым трудным и самым счастливым днем»¹³ его жизни, он пожелает «ей победы над Байдамталом»: «Я верю, Асия, Байдамтал будет покорен!...»¹⁴.

Грозная река, олицетворяющая непокорную природную стихию, имеет и другую, более глубокую и значимую смысловую нагрузку. Это основное средство раскрытия характеров персонажей. Река проверяет людей на

¹² Айтматов Ч. На реке Байдамтал // Прощай, Гульсары! Фрунзе: Кыргызстан, 1967. С. 499.

¹³ Там же. С. 525.

¹⁴ Там же. С. 525.

прочность, преодоление реки является толчком для развития характера главного героя. Главное же символическое значение данного пейзажного образа — это не только мужественное преодоление бурной стихии как доказательство своих возможностей, а осознание своей состоятельности как человека, преодоление себя: своих сомнений и ошибок, своего эгоизма, стыда и позора перед людьми, признание вины и готовность понести наказание.

В рассказе Ч.Т. Айтматова «Плач перелетной птицы» образы-символы функционируют как семиотические знаки, формирующие глубинный смысл произведения и отражающие мировоззрение традиционной культуры. Рассказ Ч.Т. Айтматова «Плач перелетной птицы» отличается, как и многие его рассказы и повести, емкостью содержания. И во многом способствуют этому образы-символы, созданные автором в этом рассказе. В произведении переданы события джунгарского нашествия на земли кыргызов и героическое сопротивление народа захватчикам. Главный герой рассказа, манасчи Элеман, стал идейным вдохновителем народа в трудные годы. Писатель исследует природу такого художественного феномена, как сказительство народного героического эпоса. Эпос «Манас» в рассказе — это символ единства народа, это сама суть народа.

И до сегодняшнего дня не утрачено это объединяющее народ значение эпоса. Ч.Т. Айтматов писал: «„Манас“ — концентрация воли, идеи и мысли во времени и геопространстве целого народа. Триумф побед и горечь поражений, отображенные в диалектике бытия, в деяниях героических личностей, олицетворяющих вековые, неугасимые мечты народа о свободе и независимости, сопровождаются поразительным повествованием о человеческих судьбах, поступках, характерах, трагических конфликтах, размышлениями о смысле, о предназначении человека на земле, размышлениями, восходящими и к вечным, универсальным обретениям духа — к поискам морально-нравственных истин, ведущих к гуманистическим прозрениям, к проблемам общечеловеческих параметров»¹⁵.

Выбрав для художественного воплощения один из самых драматических периодов в истории народа, писатель показал, что велика роль сказителей эпоса и самого эпоса в консолидации народа в борьбе за независимость, в поддержании силы духа и единства. Враги преследовали громоподобного манасчи Элемана, очень высоко оценили его голову, так как понимали его роль в борьбе за сохранение народа. «Манас», таким образом, показан автором как знамя их борьбы за свободу, как символ, объединяющий кыргызов, сохранивший их идентичность на протяжении тысячелетий.

Интересен в рассказе Ч.Т. Айтматова «Плач перелетной птицы» и такой символ, как озеро Иссык-Куль. Слово Озеро автор пишет с большой буквы, показывая отношение людей к Священному озеру (одно из толкований названия озера). Мать будущего сказителя хочет помолиться прекрасному «оку

¹⁵ Айтматов Ч. «Манас» — наша духовная ипостась // Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 7. Статьи. Выступления. Эссе. Диалоги. М., 1999. С. 198–199.

земли»: «Ступая по песку, сосредоточенная и уже отчужденная от обычных забот и обычных мыслей, она шла к Озеру, одухотворенная, взволнованная, взирая на голубую, зыбкую гладь воды и вздымавшиеся в сиреневой дали на той, на далекой, призрачной стороне призрачные вершины снежного хребта, на призрачные облака над ними. Это был тот пространственный мир, доступный взгляду и пониманию, в котором жил человек, и от которого он зависел, это был мир могучий и вседарящий, как бог, как земное воплощение самого бога»¹⁶. В семиотическом плане Озеро — это символ божественной связи между людьми и великим суровым Тенгри — богом неба, который узнавал о радостях и невзгодах людей, глядя в голубые воды «ока земли». Образ «ока земли» задает метафизическое измерение текста, где природа не просто фон, а активный участник событий, «читаемый» как сакральный текст.

Единение с природой, ее одухотворение наиболее ярко проявились в заключительной части произведения. Символизируют «душу» природы перелетные птицы, которым открывается картина залитого кровью и усеянного трупами людей поля битвы в Талчуйской долине, итог которой решал дальнейшую судьбу народа. Образ-символ пролетающих журавлей выступает как материализованный образ природы, самой Земли, скорбящей о судьбах людей и о своей судьбе. Журавли, летящие в «реке бесконечной», являющей собой «незримо текущее Время в необъятной Вселенной»¹⁷, — это голос окружающего нас природного мира, в котором слились воедино человеческие размышления и дух природы. Необъятность неба и дали, куда стремятся журавли, взгляд на Землю, напоминающую «детячье темечко», изображают пространственный мир куда более масштабный, чем переданный в рассказе. Образ-символ перелетных птиц, а также связанные с ним образы бесконечного неба, реки времени и земных далей, передают масштабность и универсальность проблематики произведения. Семиотически журавли — это иконический знак, который символизирует «душу» природы, универсальный порядок и вечное течение времени. Их полет означает концепт вечного времени, космического движения, превосходящего бренность человеческих конфликтов.

Финальные строчки рассказа: «Но вот снова весна, и опять журавлиные крики в выси...»¹⁸ — свидетельствуют о бесконечном обновлении жизни, о величии природы, на фоне которых человеческие конфликты теряют свою актуальность и значение. Также финал рассказа фиксирует круговорот бытия — важную семиотическую оппозицию «смерть — возрождение». Этот повторяющийся мотив указывает на циклический характер времени и бессмертие природы как универсального кода. Таким образом, в небольшом по объему произведении образы-символы играют значительную роль в передаче

¹⁶ Айтматов Ч. Плач перелетной птицы // Рассказы: для юношества. Фрунзе : Мектеп, 1987. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 20.

сложного и емкого содержания. Все природные образы в рассказе образуют целостную семиотическую систему, в которой через символические коды транслируется философская идея единства человека, природы и космоса.

В повести Ч.Т. Айтматова «Джамиля» также важную роль для осмысления всех содержательных пластов произведения играют символические образы, формируя особую знаковую систему, через которую раскрываются ключевые идеи произведения. Первоначальное название повести — «Мелодия», так назвал ее сам молодой автор, явно придавая большое значение этому образу-символу. Интересна история переименования этого произведения. А.Т. Твардовский, главный редактор литературно-художественного журнала «Новый мир», предложил изменить название повести, тем самым подчеркивая актуальность нарождающегося для второй половины 50-х гг. процесса, который ярко выразится в русской и других литературах в творчестве «шестидесятников», — рост самосознания личности, ее право на свободное самоопределение; и с этим вполне согласился автор.

Однако важна и функциональная роль музыкального образа-символа. Это композиционный узел, где соединяются все сюжетные линии повести, и это один из кульминационных моментов в повествовании. Песня Данияра — это не только момент, когда Джамиля поняла, как глубок и прекрасен внутренний мир этого, казалось бы, ничем не примечательного парня. Это и момент зарождения любви в душе самой Джамили. Это было и сопереживание чувства прекрасного в чутком сердце будущего художника — подростка Сеита, чувства, рожденного красотой песни и зарождающейся любовью. Образ-символ песни Данияра, таким образом, является одним из главных средств раскрытия характеров всех главных героев повести.

В семиотическом плане песня — это символ, несущий эстетическое и этическое значение одновременно: она одновременно и зов к свободе, и выражение любви, и форма художественного озарения. Через песню раскрываются внутренние смыслы персонажей, она становится поворотным пунктом в их судьбах, а также способом трансформации восприятия мира Сеитом, будущим художником. Это делает музыкальный образ своеобразным семиотическим маркером перехода от повседневного к высшему, духовному. И во всех последующих за уходом Джамили из дома событиях автор видит последствия песни Данияра. Глядя на свою картину, Сеит думает: «Прислонись к Данияру. Пусть он споет тебе свою песню о любви, о земле, о жизни!», «Он зовет и меня в путь-дорогу...»¹⁹. И заканчивается повесть словами: «Пусть в каждом мазке моем звучит песня Данияра! Пусть в каждом мазке моем бьется сердце Джамили!»²⁰. Таким образом, песня Данияра — это емкий символ, выполняющий сразу несколько важных функций в произведении.

В повести «Джамиля» есть еще один образ-символ, и он также возникает в другом кульминационном моменте произведения. Признание в любви

¹⁹ Айтматов Ч. Джамиля // Прощай, Гульсары! Фрунзе : Кыргызстан, 1967. С. 367.

²⁰ Там же.

Джамили сопровождается описанием грозы: «И снова заматались в тучах синие всполохи, с сухим треском переломился над головой гром»²¹. А излияние чувств влюбленных героев в этот момент сродни потокам хлынувшего дождя: «Бурными порывами, словно целуя землю, хлынул дождь, подстегнутый понизу ветром. Наискось, через все небо раскатывался могучими обвалами гром. Весенним палом тюльпанов зажигались на горах яркие вспышки зарниц. Гудел, неистовствовал в яру ветер»²². В рамках семиотического анализа гроза и дождь – это символы очищения, обновления и высвобождения внутренней энергии, скрытых чувств. Метафорическая насыщенность описания грозы и дождя делает эту природную картину кодом глубинных эмоциональных сдвигов, которые происходят в мире героев. Природная стихия здесь одухотворена, она входит в резонанс с человеческими чувствами, являясь знаковой параллелью к кульминационному моменту повести.

Сеит, впоследствии ставший художником, нарисует картину, на которой изображены Данияр и Джамиля. «Они идут по осенней степной дороге. Перед ними широкая светлая даль»²³. Эта картина будет всегда дорога Сеиту, всегда напоминать о Данияре и Джамиле: «Подолгу я смотрю на них, и каждый раз веду с ними разговор»²⁴. «Широкая светлая даль» на картине ассоциируется со счастливым будущим, большими возможностями свободных в своем выборе людей, со светлой любовью, которая будет сопровождать их по жизни. Эта финальная картина представляет собой визуальный семиотический знак будущего и свободы. Изображение героев, идущих вдаль, кодирует не только воспоминание, но и ценностный ориентир, представляющий символ пути, выбора, любви и творчества.

Таким образом, образы-символы песни, грозы, дороги, картины образуют семиотическую систему, в которой каждый знак указывает за пределы буквального, раскрывая метафизические и этические пласты повести. Писатель с большим мастерством вписывает в повествование семиотический диалог между природой, искусством и внутренним миром человека, придавая тексту многослойность и универсальность.

В повести Ч.Т. Айтматова «Первый учитель» образно-символическая система играет важную роль в раскрытии авторского замысла и может быть рассмотрена как семиотическая структура, где каждый символ выступает в роли знака, несущего идеологическое, культурное и эмоциональное значение. Уже в первом абзаце появляется один из ключевых символов — два больших тополя, которые автор-повествователь называет «мои родные тополя». Для него это символ родного дома, родной земли. Он наделяет их «особым языком», «своей особой певучей душой». В селе эти тополя называли тополя Дюйшена. Когда-то их посадил молодой учитель на холме рядом с первой школой,

²¹ Айтматов Ч. Джамиля // Прощай, Гульсары! Фрунзе: Кыргызстан, 1967. С. 361.

²² Там же. С. 362.

²³ Там же. С. 367.

²⁴ Там же. С. 367.

которую он сам и организовал. В семиотическом плане это индексальные знаки, напрямую указывающие на память о прошлом, на связь героя с родной землей и с теми людьми, кто сформировал его как личность. Эти деревья являются знаками принадлежности к духовному и культурному наследию, а также символом преемственности поколений. Название «тополя Дюйшена» превращает их в персонализированный знак, ассоциирующийся с учителем, который стал родоначальником нового, просветленного будущего.

Немаловажную роль играет в повести такой символ, как портрет Ленина, прикрепленный к стене школы. Этот символ выступает, с одной стороны, как конвенциональный идеологический знак эпохи, обозначающий политический контекст времени, а с другой — трансформируется в экзистенциальный символ надежды, мечты о светлом будущем. Твердая убежденность и энтузиазм молодого учителя не пропали даром. Он смог внушить своим ученикам мысль: «Если бы вы знали, дети, какое прекрасное будущее вас ожидает!»²⁵, открыть «новый, не слыханный и не виданный прежде мир»²⁶. Портрет Ленина является в произведении не только атрибутом идеологии того времени, но и передает стремление к лучшей, светлой и справедливой жизни. И только позже, через много лет, бывшая ученица Дюйшена, а теперь академик Алтынай Сулайманова, поняла, что рассказы ее учителя были «сложенными в народе сказаниями о великом вожде»²⁷. Но тогда «каждое слово учителя, каждая буква, показанная им, — все для меня было свято»²⁸. Для Алтынай и других детей портрет Ленина становится сакрализированным знаком, в который они верят. В этом контексте он функционирует не как реалистическое изображение, а как знак-мотиватор, канал между представлением о будущем и личной судьбой героев.

Особое место в семиотической структуре занимает образ самого Дюйшена, который в восприятии Алтынай становится живым символом доброты, справедливости и новой жизни. Первый учитель Алтынай сыграл неоценимую роль в ее жизни: спас девочку от насильственного брака и отправил учиться, тем самым определив ее будущее. Учитель Дюйшен в глазах его учеников сам стал символом доброты, человечности, новой жизни, которую он претворял «с таким необыкновенным упорством, с такой нечеловеческой настойчивостью»²⁹. Алтынай Сулайманова размышляла: «Сам того не ведая, он совершил подвиг»³⁰. И как память о его подвиге остались посаженные им на холме тополя, их видно с любого места. Как и высокие стремления Дюйшена, его тополя всегда стремятся к солнцу, к небу. Алтынай Сулайманова поняла, что должны были пригласить не ее в качестве почетного гостя при открытии новой школы в селе, а ее первого учителя. Действия учителя

²⁵ Айтматов Ч. Первый учитель // Прощай, Гульсары! Фрунзе : Кыргызстан, 1967. С. 250.

²⁶ Там же. С. 251.

²⁷ Там же. С. 252.

²⁸ Там же. С. 252.

²⁹ Там же. С. 253.

³⁰ Там же. С. 251.

Дюйшена выходят за рамки бытового, приобретая характер подвига, в результате чего он трансформируется в икону человеческого достоинства. Через его образ Айтматов передает смысл человеческого знака как носителя высокой духовной истины.

С благодарностью к своему учителю и памятью о нем связан еще один образ-символ в повести Ч.Т. Айтматова «Первый учитель» — это образ чистого горного родника. Описывая такие родники, героиня на самом деле характеризует людей, подобных учителю Дюйшену: «Бывают такие родники в горах: проляжет новая дорога, тропа к ним забывается, все реже заворачивают туда путники напиться воды, и родники понемногу зарастают мятой и ежевикой. А потом и не заметишь их со стороны. И редко, кто вспомнит о таком роднике да свернет к нему с большака в жаркий день утолить жажду. Придет человек, разыщет то заглохшее место, раздвинет заросли и тихо ахнет: давно никем не замутненная, прохладная вода необыкновенной чистоты поразит его своим спокойствием и глубиной своей. И увидит он в том роднике и себя, и солнце, и небо, и горы...»³¹ Скромный простой человек Дюйшен, как этот горный родник, тоже имеет доброе сердце и глубокую душу.

В семиотическом плане родник выступает как природный знак чистоты, скрытой силы и вечности, который можно «прочитать», если остановиться, всмотреться, вслушаться. Как и тополь, он — невербальный знак памяти и истины, сохраняющий духовную энергию прошлого в настоящем.

Таким образом, в повести Ч. Айтматова «Первый учитель» символические образы — тополя, портрет, родник — образуют цельную семиотическую систему, в которой «фиксируются базовые ценности культуры» [12. С. 112].

Заключение

Семиотический анализ символических образов в раннем творчестве Ч.Т. Айтматова позволяет выявить сложную и многослойную структуру его художественного мира. Во всех произведениях писателя символ выступает не только как выразительное художественное средство, но и как носитель глубинных культурных, философских и этических смыслов. Символы в его произведениях обладают не только эстетической функцией, но и формируют ценностные ориентиры, выражают внутреннее состояние героев, служат медиаторами между личной судьбой и коллективной памятью.

Многие символы вынесены в названия произведений: «Белый дождь», «На реке Байдамтал», «Красное яблоко», «Первый учитель» и др. В рассмотренных нами произведениях символы природы, предметов, образов-артефактов приобретают статус семиотических знаков, через которые передаются ключевые идеи обновления, преображения, любви, преемственности поколений. Эти символы становятся элементами культурного кода, которые позволяют осмыслить исторические и нравственные реалии, отраженные в

³¹ Айтматов Ч. Первый учитель // Прощай, Гульсары! Фрунзе : Кыргызстан, 1967. С. 278.

художественном тексте. Это еще раз подтверждает, что Ч.Т. Айтматов сознательно использует символы, которые выходят за пределы локального художественного значения и включаются в семиотическое пространство кыргызской и мировой культуры.

В связи с этим исследование символики в творчестве Ч.Т. Айтматова — это еще незаконченный процесс. Это подтверждает целесообразность дальнейшего изучения его творчества с позиции семиотики, особенно в контексте взаимодействия национальной культурной традиции и универсальных гуманистических ценностей.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000.
2. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : Искусство-СПб, 2010. С. 240–249.
3. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Дискурс и его типология в российской лингвистике // Актуальные проблемы педагогической филологии лингвистики. 2019. № 3. С. 14–21. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21> EDN: EPXQOO
4. Воркачев С.Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 3. С. 3—14. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1> EDN: GCIIDL
5. Макерова С.Р. Художественный текст и семиотический анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2014. № 1. С. 22—29. EDN: SJGMPT
6. Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 6. С. 826–831.
7. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125—141. EDN: SJPBXX
8. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб. : ЮНА, 2002.
9. Лотман Ю.М. Символ — ген сюжета // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : Искусство-СПб, 2010. С. 220–239.
10. Сардарбек к. Н., Крутиков Д.А. Семантико-семиотическая парадигма аксиосферы и духовно-нравственных доминант романов Ч.Т. Айтматова // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 581—598. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-581-599> EDN: OBLWFZ
11. Сошникова И.В. Реалистическая художественная символика в творчестве Ч. Айтматова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1989.
12. Дербішева З.К. Когнитивно-концептуальный подход к изучению кыргызского языка // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2017. Т. 17. № 9. С. 111–115. EDN: ZXFLUP

References

1. Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. (In Russ.).
2. Lotman, Yu.M. (2010). Symbol in the Cultural System. In: *Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds. Articles. Researches. Notes* (pp. 240–249). Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. (In Russ.).
3. Vorkachev, S.G., & Vorkacheva, E.A. (2019). Discourse and its typology in Russian linguistics. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 14–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21> EDN: EPXQOO

4. Vorkachev, S. G. (2021). Semiotics of the Symbol according to the Russian Scientific Discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7(3), 3–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1> EDN: GCIIDL
5. Makerova, S.R. (2014). Text of Fiction and Semiotic Analysis. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 1, 22–29. (In Russ.). EDN: SJGMPT
6. Averintsev, S.S. (1978). Symbol. In: *Short Literary Encyclopedia* (Vol. 6. pp. 826–831). Moscow: Soviet Encyclopedia. (Original work published 1962–1978). (In Russ.).
7. Shelestyuk, E.V. (1997). On the Linguistic Study of the Symbol. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 125–141. (In Russ.). EDN: SJPBXX
8. Kolesov, V.V. (2002). *Philosophy of the Russian Word*. Saint Petersburg: YUNA. (In Russ.).
9. Lotman, Yu.M. (2010). Symbol — the Gene of the Plot. In: *Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds. Articles. Researches. Notes* (pp. 220–239). Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.).
10. Sardarbek kyzy, N., & Krutikov, D.A. (2024). Semantic-Semiotic Paradigm of Axiosphere and Spiritual and Moral Dominants of Ch.T. Aitmatov's Novels. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 581–598. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-581-599> EDN: OBLWFZ
11. Soshnikova, I.V. (1989). *Realistic Artistic Symbolism in the Works of Ch. Aitmatov* [PhD Thesis]. Frunze. (In Russ.).
12. Derbisheva, Z.K. (2017). Cognitive-Conceptual Approach to the Study of the Kyrgyz Language. *Vestnik of Kyrgyz-Russian Slavic University*, 17(9), 111–115. (In Russ.). EDN: ZXFLUP

Сведения об авторах:

Дюшебекова Бактыгуль Тукуновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, семиотика, литературоведение; *e-mail*: diush.bt@gmail.com
ORCID: 0009-0000-5778-8482; SPIN-code: 3623-0933; AuthorID: 946096.

Чепекова Гулмира Саалиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, семиотика; *e-mail*: chepekova@mail.ru
ORCID: 0009-0000-3696-6788; SPIN-code: 9004-4214; Author ID: 1009338.

Information about the authors:

Baktygul T. Diushebekova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: linguoculturology, semiotics, literary studies; *e-mail*: diush.bt@gmail.com
ORCID: 0009-0000-5778-8482; SPIN-code: 3623-0933; AuthorID: 946096.

Gulmira S. Chepekova, PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of the Russian Language of the Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720033); *Research interests*: linguoculturology, semiotics; *e-mail*: chepekova@mail.ru
ORCID: 0009-0000-3696-6788; SPIN-code: 9004-4214; Author ID: 1009338.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1055-1061

EDN: MTXQOS

Научная статья / Research Article

Семантика неопределенности и средства ее выражения в русских и киргизских сказках

Д.Т. Дюшекеева✉, А.М. Исламова

Кыргызско-Российский Славянский университет им Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская
Республика

✉ diush.bt@gmail.com

Аннотация. Существующий в лингвистике интерес к категории определенности / неопределенности с точки зрения функционального подхода и в сопоставительном аспекте обусловил обращение авторов исследования к семантике неопределенности и средствам ее выражения в русских и киргизских сказках. Отражено философское понимание категории определенности / неопределенности понимания в представлении Анаксимандра, Аристотеля и Гегеля и анализируется лексика с семантикой неопределенности в сказках, которая разделена по смысловым категориям. Определены средства выражения неопределенности в выделенных смысловых категориях; лексика с неопределенной семантикой в русских и киргизских сказках даны в сопоставлении. Использованы методы сплошной выборки, количественный, описательный и сопоставительный методы.

Ключевые слова: сказочные формулы, философия

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 11.12.2024; дата приема в печать: 15.09.2025.

Для цитирования: Дюшекеева Д.Т., Исламова А.М. Семантика неопределенности и средства ее выражения в русских и киргизских сказках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1055–1061. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1055-1061>

Semantics of Uncertainty and Means of Its Expression in the Text of Russian and Kyrgyz Folk Tales

Dinara T. Diushekeeva✉, Aiperi M. Islamova

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic

✉ diush.bt@gmail.com

Abstract. The interest in the category of certainty / uncertainty in linguistics from the point of view of a functional approach and in a comparative aspect led the authors of the study to turn to the semantics of uncertainty and the means of its expression in Russian and Kyrgyz fairy tales. The article reflects the philosophical understanding of the category of certainty / uncertainty of understanding in the representation of Anaximander, Aristotle and Hegel and analyzes the vocabulary with the semantics of uncertainty in fairy tales, which is divided into semantic categories. The authors have identified the means of expressing uncertainty in the selected semantic categories; vocabulary with uncertain semantics in Russian and Kyrgyz fairy tales are given in comparison. Continuous sampling methods, quantitative, descriptive and comparative methods were used.

Keywords: fairy tale formulas, philosophy

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 11.12.2024; accepted: 15.09.2025.

For citation: Diushekeeva, D.T., Islamova, A.M. (2025). Semantics of Uncertainty and Means of Its Expression in the Text of Russian and Kyrgyz Folk Tales. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1055–1061. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1055-1061>

Введение

Неопределенность — это понятие, которое используется во многих отраслях знания; в лингвистике оно понимается как семантика, выражающая отношение имени «к классу подобных ему феноменов». Основная функция семантики неопределенности в лингвистике — это указание на невыделенность из ряда подобных ему феноменов, т.е. «соотнесенность со множеством»¹. Семантика неопределенности в лингвистике изучается с середины XIX в. До этого времени считалось, что категория определенности / неопределенности — это исключительно философская категория и именно на философских определениях определенности / неопределенности основывается интерпретация этой универсальной категории в остальных науках.

Впервые наиболее отчетливо представления об определенности / неопределенности нашли отражение в учении Анаксимандра при характеристике им общего первоначала (субстанции, из которой возник окружающий мир). Если Фалес считал первоначалом воду, Анаксимен — воздух, а Гераклит — огонь, то Анаксимандр считал, что первоначалом всего является так называемый

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 349.

«апейрон» — «вечная, неизмеримая, бесконечная субстанция, из которой все возникло, все состоит и в которую все превратится». Одна из главных характеристик апейрона — это неопределенность, т.е. «отсутствие конкретных свойств по отношению ко всем возможным его состояниям» [1. С. 10].

По мнению Анаксимандра, определенность вторична, неопределенность первична, определенность рождается на базе неопределенности и возвращается в нее, в то время как неопределенность независима.

Аристотель понимал под неопределенностью «объективную лишенность определенного бытия, определенного качества, количества, места, времени и т.д.» [1. С. 15]. Интересно представление Аристотеля о неопределенности как о зародыше, по его мнению, неопределенность включает в себе возможность стать чем-то определенным: кусок древесины имеет возможность стать столом, диваном, частью крыши и т.д.. и этот переход совершается благодаря движению и трансформации.

Гегель в «Науке логики» так же говорит о так называемом «чистом бытии» — «самом абстрактном, пустом бытии, лишенном всякой определенности» [1. С. 20]. По мнению вышеупомянутых философов, неопределенность и определенность соотносятся друг с другом как хаос и космос: как космос возник из хаоса, так и определенность возникает из неопределенности.

Неопределенность как категория фольклорного текста рассматривается в работах Я.Д. Беляевой [2]; Е.А. Бобкова рассматривает неопределенность в высказываниях различных типов [3; 4]. С.В. Гричин исследует категорию определенности в аспекте авторизации [5]; Я.О. Уляшева анализирует логико-философские основы рассмотрения категории определенности [6]. И.В. Кондаков рассматривает выражение неопределенности в жанре сказок и отмечает, что «неопределенность тяготеет к трансформации в определенность», а сказка как тип текста особенно тяготеет к неопределенности, так как ориентирована на игру воображения читателя [7].

В рамках предложенного И.В. Кондаковым направления нами были отобраны сказки из сборника А.Н. Афанасьева и кыргызские народные сказки². В исследовании использован метод сплошной выборки, описательный и сопоставительный методы.

Результаты исследования

Мы используем следующее определение сказке: «Сказка — это один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел <...> От других видов художественного эпоса сказка отличается тем, что сказочник рассказывает ее, а слушатели воспринимают прежде всего как поэтический

² Сайт кыргызских сказок. Режим доступа: <https://new.bizdin.kg/> (дата обращения: 13.03.2024). Афанасьева А.Н. Народные русские сказки: в 3 томах. Т. 1 / под ред. Л.Г. Барага, Н.В. Новикова. М. : Наука, 1984.

вымысел, игру фантазии»³. Будучи нацеленной на игру воображения читателя, сказка использует для этого разные методы: причудливые описания, сказочные предметы, нереальные места, а также формулировки с неопределенным значением, которые будоражат воображение. В неопределенности большая площадка для создания чего-то разного. Неопределенность, выраженная словесно в художественных произведениях стремится обрести определенные черты в воображении читателя, причем у каждого по-разному. Так, при прочтении словосочетания «*красота неописуемая*» каждый читатель представляет ту красоту, которая для него подходит под определение «неописуемости». И если этот образ невозможно передать другими словами, то рассказчик цепляется за единственно определенное — словесную формулировку. Поэтому сказочные формулы устойчивы и переходят из поколения в поколение, из уст в уста.

О семантике неопределенного пространства в текстах русских заговоров и заклинаниях писала Я.Д. Беляева, отмечая сходство поэтических формул с семантикой неопределенности в русских заклинаниях и заговорах со сказочными формулами с такой же семантикой. Я.Д. Беляева указывала на то, что такие словесные формулы служат для усиления суггестивного эффекта и таинственности заговора, и так как «сакральные тексты обычно воспринимаются на веру, без рациональной оценки» [2. С. 32].

В сказках неопределенность представлена в следующих смысловых категориях: 1) неопределенность в обозначении места действия; 2) неопределенность в обозначении направления движения; 3) неопределенность продолжительности действия; 4) неопределенность количества; 5) неопределенность источника возникновения; 6) неопределенность образа.

Неопределенность в обозначении места действия выражается с помощью следующих сказочных формул: *в некотором царстве, в некотором государстве; в одной деревне; невиданное царство, небывалое государство*⁴. Н.М. Герасимова отмечала, что обозначение места действия в сказках может быть представлено в разных вариантах, которые порой противоречат друг другу, «<...> но стабильной всегда остается смысловая установка — отнесение действия в далекое и неопределенное место» [8. С. 20], а также утверждает, что обозначение места в сказках всегда метафорично.

Неопределенность в обозначении направления движения: *заехали молодцы за тридцать земель; снарядились в путь дорогу далекую; королевич ударил коня — и был таков; пускай идет — куда сам знает; пошел он куда глаза глядят; пойдя же ты за тридцать озер; вихрь унес неведомо куда*; использование формы множественного числа в значении обобщения — один из способов выражения семантики неопределенности направления движения:

³ Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 383.

⁴ Здесь и далее примеры из *Афанасьева А.Н.* Народные русские сказки : в 3 томах. Т. 1 / под ред. Л.Г. Барага, Н.В. Новикова. М. : Наука, 1984.

за темные леса, за дремучие боры; отпустить его на все четыре стороны, на все ветры полуденные, на все выюги зимние, на все вихри осенние.

Неопределенность продолжительности действия: *долго ли, коротко ли; шел ни много ни мало; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; много ли мало ли* они купались; *долго ли, коротко ли* они ехали — *никому не ведомо*; лексические повторы помогают выразить значение неопределенности продолжительности действия: *ехал-ехал; летел-летел; таскал-таскал; ждать-пождать.*

Неопределенность количества всегда используется для обозначения чего-то неисчислимого: *расставлял свое войско тьму-тьмущую; богатство невиданное и неслыханное; несчетное число возов хлеба, бочек, вина, пива; вот тебе сундук — до дна его не добирай — всегда полон будет.*

Неопределенность источника: *отколь ни взялся — вороной конь бежит; неоткуда взялся* мужичок *руки железны; невидимая* музыка им чудесные песни *наигрывает; тотчас откуда ни возьмись — стол накрыт.*

Неопределенность образа: дочь была *хороша-расхороша; красоты неопикуемой; вышила такую хорошую корону, что глядеть — не нагладисься, такой красавец, что ни в сказке сказать, ни пером описать; сделалась душой-девицей, да такую прекрасною, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.*

Средства выражения семантики неопределенности в этих сказочных формулах и словосочетаниях можно в целом разделить на несколько групп:

- 1) словосочетания, содержащие неопределенные местоимения: *в некотором царстве, в одной деревне* и т.д.;
- 2) словосочетания, имеющие отрицательную частицу или приставку не: *невиданное царство, несчетное количество, неведомо куда* и др.;
- 3) словосочетания с редупликацией и лексическими повторами: *хороша-расхороша; тьма-тьмущая; ехал-ехал; летел-летел* и др.;
- 4) синтаксические конструкции, содержащие противопоставление: *долго ли, коротко ли; много ли, мало ли* и др.;
- 5) слова во мн.ч. со значением обобщения: *на все ветры полуденные; на все вихри осенние; за темные леса* и др.;
- 6) фразеологизмы: *и был таков; куда глаза глядят.*

Ярким примером сказочных формул с семантикой неопределенности является сказочное выражение *поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что*. Это распространенный сказочный сюжет русских, белорусских и украинских сказок, основная сюжетная линия которого строится на том, что герой сказки получает задание *пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что*, являющееся в принципе невыполнимым из-за своей неопределенности. Но сумев выполнить это невыполнимое задание, главный герой получает свое вознаграждение. В итоге выясняется, что *то, не знаю что* — это нечто невидимое глазу, обладающее голосом и всемогуществом. Здесь под неопределенностью понимается нечто, что сильнее всего определенного и побеждает любые другие волшебные инструменты. *То, не знаю что*

символизирует возможность трансформации во что угодно и способность пожелать любое материальное и любое определенное.

В кыргызском языке неопределенность в сказках представлена менее ярко. Здесь есть только неопределенность времени действия, выраженная в сказочных формулах зачастую с использованием неопределенного местоимения *бир* ‘один’: *илгери-илгери; илгери бир өткөн заманда; бир заманда; мурунку бир заманда; илгери бир кылымдарда* ‘давным-давно’, а также неопределенность продолжительности действия, выраженная с помощью лексических повторов: *жүрүп олтуруп, жүрүп олтуруп* ‘шел-шел’, *уктай берип, уктай берип* ‘спал-спал’, *жүрө берет, жүрө берет* ‘шел-шел’, либо противопоставления *аз жол жүрдүбү, көп жол жүрдүбү* (соответствует русскому *много ли, мало ли прошел*).

Иногда встречается неопределенность количества, которая также составляется с помощью отрицания: *көз жетпеген деңиз* (букв. ‘необозримое море’), *малынын санын билбеген бай* (неисчислимое множество, букв. ‘богач, который не знает сколько у него богатства’).

Заключение

Таким образом, сказка как тип текста особенно тяготеет к неопределенности, так как ориентирована на игру воображения читателя. Лексика и сказочные формулы с семантикой неопределенности используются с целью игры воображения читателя, привязывают рассказчика к сказочным формулировкам и представлены в следующих смысловых категориях: неопределенность места действия, неопределенность направления движения, неопределенность продолжительности действия, неопределенность количества, неопределенность источника возникновения, неопределенность образа. Все эти смысловые категории выражаются с помощью редуplikаций и лексических повторов, неопределенных местоимений, противопоставления, отрицательных частиц и приставок, конструкций во множественном числе со значением обобщения. В рассмотренных кыргызских сказках семантика неопределенности представлена менее ярко и не во всех смысловых категориях.

Библиографический список

1. Визир П.И., Урсул А.Д. Диалектика определенности и неопределенности. Кишинев : Штиинца, 1976.
2. Беляева Я.Д. Семантика неопределенного пространства и средства ее выражения в текстах русских заговоров // Лингвокультурология. 2021. № 15. С. 30–36. EDN: CWJPBF
3. Бобкова Е.А. Градация определенности и неопределенности в высказываниях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 1. С. 167–171. https://doi.org/10.52452/19931778_2024_1_167 EDN: AZUBYV
4. Бобкова Е.А. Распределение определенности и неопределенности в речевых актах разных типов // Инновационная наука. 2023. № 8(1). С. 39–41. EDN: UETIYM
5. Гречин С.В. Категория определенности/неопределенности в аспекте авторизации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 144–156. <https://doi.org/10.17223/18137083/55/16> EDN: WAIKEF

6. Уляшева Я.О. Логико-философский анализ понятийной категории определенности-неопределенности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. № 57 (2). С. 59–66. EDN: HVQLRR
7. Кондаков И.В. Поэтика смысловой неопределенности // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 2–2(35). С. 172–182. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-2-172-182> EDN: XQRUEX
8. Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки: к проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры // Советская этнография. 1976. № 5. С. 18–28.

References

1. Vizir, P.I., & Ursul, A.D. (1976). *Dialectics of certainty and uncertainty*. Chisinau: Stiinta. (In Russ.).
2. Belyaeva, Ya.D. (2021). The Semantics of Undefined Space and the Means of Its Expression in the Texts of Russian Spells. *Lingvokulturologiya*, 15, 30–36. (In Russ.). EDN: CWJPBF
3. Bobkova, E.A. (2024). Gradation of Definiteness and Indefiniteness in Utterances. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 1, 167–171. (In Russ.). https://doi.org/10.52452/19931778_2024_1_167 EDN: AZUBYV
4. Bobkova, E.A. (2023). Distribution of Definiteness and Uncertainty in Speech Acts of Different Types. *Innovation Science*, 8(1), 39–41. (In Russ.). EDN: UETIYM
5. Grichin, S.V. (2016). The Category of Definiteness/Indefiniteness in Authorization Aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2, 144–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/55/16> EDN: WAIKEF
6. Ulyasheva, Ya.O. (2006). Logical and philosophical analysis of the conceptual category of certainty and uncertainty. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, 57(2), 59–66. (In Russ.). EDN: HVQLRR
7. Kondakov, I.V. (2018). Poetics of the Semantic Uncertainty. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2–2(35), 172–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-2-172-182> EDN: XQRUEX
8. Gerasimova, N.M. (1978). Formulas of the Russian fairy tale: on the problem of stereotyping and variation of traditional culture. *Soviet Ethnography*, 5, 18–28. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Дюшекеева Динара Табылдиевна, преподаватель кафедры русского языка гуманитарного факультета, Кыргызско-Российский Славянский университет им Б.Н. Ельцина (720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, д. 44); *сфера научных интересов*: категория неопределенности, лексическая семантика, фольклор; *e-mail*: diush.bt@gmail.com

Исламова Айпери Мирлановна, преподаватель кафедры русского языка гуманитарного факультета, Кыргызско-Российский Славянский университет им Б.Н. Ельцина (720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, д. 44); *сфера научных интересов*: категория неопределенности, лексическая семантика, фольклор; *e-mail*: risha.stylik@gmail.com

Information about the authors:

Dinara T. Dushekeeva, Senior Lecturer, Department of Russian language, Faculty of Humanities, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (44 Kievskaya, Str., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000); *Research interests*: category of uncertainty, lexical semantics, folklore; *e-mail*: diush.bt@gmail.com

Aiperi M. Islamova, Senior Lecturer, Department of Russian language, Faculty of Humanities, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (44 Kievskaya, Str., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000); *Research interests*: category of uncertainty, lexical semantics, folklore; *e-mail*: risha.stylik@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1062-1071

EDN: MUDURZ

Научная статья / Research Article

Отражение менталитета в пословицах и поговорках с локативным значением в русском и кыргызском языках

А.К. Абылова

Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская
Республика

 abylova76@mail.ru

Аннотация. Актуальность изучения отражения особенностей национального менталитета через языковые единицы, в частности пословицы и поговорки с локативным значением в русском и кыргызском языках, обусловлена возрастающим интересом к репрезентации национального менталитета в языке, особенно в контексте межкультурной коммуникации. Особое внимание в статье уделяется локативным единицам, поскольку они выражают не только пространственные отношения, но и культурно значимые концепты, тесно связанные с национальной картиной мира. Сопоставительное изучение русских и кыргызских пословиц с локативным значением позволяет выявить как универсальные, так и уникальные особенности пространственного восприятия и этноментальных установок в двух культурах. Целью данного исследования является сопоставительный анализ лингвокультурных особенностей пословиц и поговорок с локативным значением в русском и кыргызском языках и установление особенностей отражения в них национального менталитета. В ходе исследования были использованы сопоставительный, контекстуальный и культурно-семантический методы, позволившие выявить особенности отражения менталитета в пословицах и поговорках с локативным значением, а также установить сходства и различия в языковом и культурном восприятии пространства двух народов. Проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на ментальные и культурные особенности русского и кыргызского народов, можно найти немало точек соприкосновения. Сделан вывод: что ментальные установки, отраженные в языковой картине мира, могут варьироваться в зависимости от историко-культурных условий формирования народа. Локативные образы в пословицах и поговорках демонстрируют специфику пространственного восприятия и ценностных ориентиров каждой из рассматриваемых культур.

Ключевые слова: локативность, языковая картина мира, национальный характер, национальный колорит, народный быт, образ жизни, мировосприятие

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 19.02.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

© Абылова А.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Абылова А.К.* Отражение менталитета в пословицах и поговорках с локативным значением в русском и кыргызском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1062–1071. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1062-1071>

Reflection of Mentality in Proverbs and Sayings with Locative Meaning of Russian and Kyrgyz Languages

Almash K. Abylova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, *Bishkek, Kyrgyz Republic*
 abylova76@mail.ru

Abstract. The relevance of the reflection of the features of national mentality through linguistic units, in particular, proverbs and sayings with locative meaning in Russian and Kyrgyz languages is due to the growing interest in the issues of reflecting national mentality in language, especially in the context of intercultural communication. The article pays special attention to locative units, since they express not only spatial relations, but also culturally significant concepts closely connected with the national picture of the world. A comparative study of Russian and Kyrgyz proverbs with locative meaning allows us to identify both universal and unique features of spatial perception and ethno-mental attitudes in these cultures. The purpose of this study is a comparative analysis of the linguocultural features of proverbs and sayings with locative meaning in the Russian and Kyrgyz languages and the establishment of the features of reflection of the national mentality in them. During the study, comparative, contextual and cultural-semantic methods were used, which made it possible to identify the features of the reflection of mentality in proverbs and sayings with locative meaning, as well as to establish similarities and differences in the linguistic and cultural perception of the space of the two peoples. The analysis conducted allows us to assert that, despite the mental and cultural characteristics of the Russian and Kyrgyz peoples, many points of contact can be found. As a result of the study, the author comes to the conclusion that mental attitudes reflected in the linguistic picture of the world can vary depending on the historical and cultural conditions of the formation of the people. Locative images in proverbs and sayings demonstrate the specificity of spatial perception and value orientations of each of the cultures under consideration.

Keywords: locativity, linguistic picture of the world, national character, national color, folk life, way of life, worldview

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 19.02.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Abylova, A.K. (2025). Reflection of Mentality in Proverbs and Sayings with Locative Meaning of Russian and Kyrgyz Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1062–1071. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1062-1071>

Мудрость и дух народа ярко проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа.

М.М. Дубровин

Введение

Язык является важнейшим средством отражения и передачи культурных ценностей, мировоззренческих установок и менталитета народа.

Вопрос национальной специфики и менталитета получил освещение в работах С.Г. Тер-Минасовой [1], В.В. Колесова [2], В.Н. Телия [3], Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [4], Е.С. Яковлевой [5], Д.Б. Гудкова [6], Г.Д. Гачева [7] и др.

С.Г. Тер-Минасова придает особое значение вопросу изучения национальной специфики языка, так как он отражает и формирует характер конкретного носителя. Этот характер в коллективном сознании отражается через менталитет, представляющий собой глубинный уровень культуры, внутри которого раскрывается система ценностей человека, укоренившаяся в сознании многих поколений [1].

Значительный вклад в исследование менталитета внес В.В. Колесов. Он предлагает следующую трактовку понятия «менталитет»: «Менталитет в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; менталитет проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [2].

На основании приведенного подхода можно сформулировать следующие положения: во-первых, менталитет — это устойчивое мировоззренческое образование, воплощающееся в системе ценностных ориентиров и культурных стереотипов. Он воспроизводится в исторической перспективе и функционирует независимо от изменяющихся внешних условий. Во-вторых, менталитет реализуется на индивидуальном уровне через чувства, разум и волевые акты, формируясь благодаря языковым и культурным механизмам социализации. Таким образом, менталитет является элементом народной ментальности, структурирующим этнокультурное пространство народа.

Менталитет любого народа отражается в особенностях его быта, истории, религии, культуры, традиций, обычаев. К основным факторам, которые формируют национальный менталитет, относят географическое местоположение народа, климатические условия, исторические этапы, уклад жизни и т.д. Особенности менталитета, мировоззрение народа, ценностные ориентиры находят отражение в устном народном творчестве. Пословицы и поговорки занимают в этом пространстве особое место: они функционируют как когнитивные модели, через которые формируется и транслируется менталитет народа. Особенно интересны в этом отношении языковые единицы с локативным значением, в которых категория пространства приобретает символическо-культурное измерение.

Пространственные ориентиры, зафиксированные в пословицах и поговорках, позволяют проследить специфику этнокультурного восприятия мира. Особенно значимо это в условиях глобализации, когда возрастает интерес к культурной самобытности и традиционным формам народной мудрости.

Цель исследования — сопоставительный анализ пословиц и поговорок с локативным значением в русской и кыргызской лингвокультурах для выявления универсальных и уникальных особенностей пространственного восприятия в двух культурах.

Результаты

Исследование показало, что национальный менталитет находит свое выражение в отражении особенностей быта, обычаев, исторического и культурного наследия народа, преимущественно в устойчивых языковых единицах, к числу которых относятся пословицы и поговорки. Посредством пословиц и поговорок передаются характерные для конкретного народа когнитивные установки, тип мышления, способы интерпретации окружающего мира и особенности ментального восприятия. В данных единицах языка отражаются элементы повседневной жизни, народного быта, национального характера, нравов, верований и суеверий.

Каждый национальный язык обладает уникальным фондом пословиц и поговорок. Пословицы и поговорки как устойчивые языковые формулы аккумулируют жизненный опыт поколений, формируя образ мира, характерный для конкретного народа. Особый интерес представляют пословицы с локативным значением, в которых пространственные ориентиры приобретают символическую нагрузку и становятся знаковыми элементами национальной картины мира. Данные языковые единицы в различных языках отличаются культурно-национальной спецификой, что обусловлено различиями в историко-культурных традициях и социокультурных установках. И.М. Снегирев сказал: «Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями, как в пословицах, в кои облекается его дух, ум и характер»¹.

Как подчеркивает В. Н. Телия, «ментальные установки культуры» могут варьироваться в зависимости от образа жизни, бытовых условий, а также исторически сложившихся реалий. Через пространственные ориентиры также прослеживается формирование «установок культуры» народов [3].

Человек не рождается с «чувством пространства», пространственные понятия его всегда определены той культурой, к которой он принадлежит. Ю.С. Степанов отмечает следующие особенности национально-культурного восприятия пространства: обращение с пространством — определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране моделями [8; 9].

¹ Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1999. С. 133–140.

Очень точно специфику этого феномена сформулировал Ю.М. Лотман: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой “здравый смысл”. При этом у обычного человека эти и ряд других пластов образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое. На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [10. С. 334].

Каждой национальной картине мира свойственен свой набор концептов, определяющих пространственные понятия, наиболее точно отражающие мировосприятие и миропонимание определенного народа. Следует отметить, что восприятие пространства напрямую зависит от национальных культур. В русской языковой картине мира пространство представлено понятиями *Родина, простор, ширь, раздолье, дом, семья, этнос* и т.д. По мере освоения цивилизации пространство человека расширяется. По мнению Г.Д. Гачева, русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность [7].

Так, пословица *Где родился, там и пригодился*² репрезентирует связь человека с местом своего происхождения. Родная земля воспринимается не только как географическое место, но и как часть идентичности. Пословица подчеркивает мысль, что именно на родной земле человек сможет принести максимальную пользу. Русскому менталитету присуще стремление к устойчивости, избеганию перемен. Пословица утверждает, что не нужно искать счастья вдалеке — все нужное уже есть рядом. Также в ней заложена идея долга перед Родиной: ты родился здесь — значит, именно здесь твое место и твоя ответственность.

Аналогичную семантическую нагрузку несут выражения *Где сосна выросла, там она и красна; Ищи добра на стороне, а дом люби по старине*³, где дом и родная местность выступают символами духовной устойчивости и укорененности.

Понятие о доме в русской культурной парадигме символизирует пространство безопасности, уюта, независимости и личной власти. Человек чувствует себя защищенным в своем жилище и вправе устанавливать там свои правила. В русском менталитете он связан с душевным теплом, гостеприимством и собственностью, которую нужно беречь. Данное значение реализуется в следующем примере: *Мой дом — моя крепость*⁴. В приведенной поговорке лексема *крепость* актуализирует коннотативное значение и символизирует надежность, долговечность, прочность.

² Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1989.

³ Там же.

⁴ Там же.

Пословица *В гостях хорошо, а дома лучше*⁵ выражает предпочтение собственного пространства, независимо от внешних условий, подчеркивается привязанность к дому и корням. Дом — символ стабильности, семьи, уклада и душевного покоя. Даже если в гостях лучше условия, комфортнее, богаче — все равно свое милее.

Аналогичную установку содержит выражение *Глуна та птица, которой свое гнездо не мило*⁶, в котором через метафорический образ гнезда показана важность родного как основы личности, и нужно помнить и беречь то место, откуда ты вышел. Коннотативное значение данных пословиц позволяет судить о ценности своего дома для русской лингвокультуры. Значимость дома как микропространства можно проследить на примере следующей пословицы: *Дома и стены лечат (помогают)*⁷.

В пословице *На чужой сторонушке рад родной воронушке* выражена идея, что вдали от дома все родное становится ценным. Даже обычный ворон — не самая привлекательная птица — вызывает радость, если он родной. Это говорит о глубокой привязанности к своим корням, к родной земле, семье, дому, привычному миру.

Каждый народ по-своему воспринимает мир, а языковая картина мира тесно связана с национальной картиной мира. Мировоззрение человека формируется на основе образа мира с учетом физического и духовного опыта. Поэтому каждая языковая картина мира имеет свой национальный колорит.

Пространственные представления занимают особое место в культуре кыргызского народа, традиционно ведущего кочевой образ жизни. Эти представления ярко отражаются в пословицах, где важную роль играют такие категории, как *алыс* ‘далеко’, *жакын* ‘близко’, *тоо* ‘гора’, *туз* ‘равнина’, *уй* ‘дом’, *жайлоо* ‘пастбище’, *кең талаа* ‘широкая степь’ и др. Пословицы с пространственным значением не только описывают физическое пространство, но и выражают духовные, моральные и философские ценности народа. Одним из ярких примеров отражения кочевого менталитета кыргызов является пословица *Көчкөн журтуңдун баркын конгон журтуңда билесиң* досл. ‘Цену родному краю понимаешь лишь на чужбине’⁸. Для кыргызов изначально свойственна динамическая пространственная модель мира (кочевая культура), где понятия *көчүү* и *конуу* являются базовыми категориями мышления.

Нами отмечены следующие *пространственные ориентиры*:

1. *көчкөн журт* ‘место исхода’ (пространство, из которого ушел / покинул) — имплицитно подразумевает действие перемещения (*көчүү* ‘кочевать / переезжать’);
2. *конгон журт* ‘место прибытия’ (пространство, в котором оказался) — имплицитно подразумевает завершенность движения (*конуу* ‘остановиться / обосноваться’).

⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1989.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Здесь и далее источник примеров — Пословицы и поговорки кыргызского народа: из собрания акад. К.К. Юдахина / сост. Д. Давлетбакова. Бишкек : Илим, 1997.

Пространственный переход позволяет переосмыслить ценность старого пространства. Несмотря на кочевую мобильность, у кыргызов сильная эмоциональная связь с родной землей, которая является не просто физическим пространством, а опорным духовным центром. Родина представляется не тем, что далеко или идеализировано, а именно той землей, на которой ты родился и живешь. В традиционном кыргызском сознании родная земля — не просто территория, а священное пространство, связанное с культурой. Даже если земля кажется неприметной, бедной или скромной, она драгоценна, потому что она своя.

Уважение к своей культуре, к родной природе, к месту, где родился и вырос, лежит в основе следующих пословиц с локативным значением *Туулган жер* ‘место, где ты родился’. Родная земля воспринимается как самая лучшая, даже если в других местах есть больше материальных благ: *Туулган жердин таши алтын, суусу дары, Туулган жердин кадырын алыста жүрсөң билесиң* ‘Вода родного края кажется целебной, камни — как золото’.

Родная земля — высшая ценность. Не еда, не богатство, не удобства определяют, куда человек хочет вернуться, а родство с землей предков. Кочевой образ жизни требовал уметь отличать временные удобства от вечных ценностей.

‘Ат тойгон жерине качат, эр туулган жерине качат’ (дословный перевод: Конь бежит туда, где сыт был; человек — туда, где родился).

И в русской, и в кыргызской культурной традиции ценится личное пространство, даже если оно скромное. В пословице *‘Өз үйүм — өлөң төшөгүм’* подчеркиваются такие качества, как скромность и умение довольствоваться малым. В культуре русского и кыргызского народов важна была не роскошь, а возможность иметь свою юрту (в кыргызской культуре) и хатку (в русской культуре), свое место для жизни, где человек чувствует себя хозяином.

Своя хатка — свой простор; своя хатка — родная matka.

В условиях кочевой жизни кыргызов — все временно, но каждое место заслуживает доброго отношения.

‘Конгон жерге коргон сал, түнөгөн жерге түркүк как’ (дословный перевод: На земле, где обосновался — строй ограду; на месте, где переночевал — установи опору (вбей столб)).

Не важно, долго ты живешь в каком-то месте или просто переночевал, — нужно относиться к нему с благодарностью и ответственностью.

Место выбирается не только по природным и практическим признакам (вода, пастбища), но и по социальному окружению. В качестве иллюстрации можно привести кыргызскую пословицу *‘Конуш алгыча, коңшу ал’* (дословный перевод: Прежде чем обзавестись местом (жильем), обзаведись хорошими соседями), в которой локативное значение тесно переплетается с ментальными установками. Здесь выбор пространства (конкретного места

для проживания) рассматривается не только с утилитарной, но и с социальной точки зрения. Пословица отражает коллективистский характер кыргызского менталитета, подчеркивая важность гармоничных социальных связей и добрососедства. Через локативный образ стоянки передается культурно значимая установка: пространство обретает ценность не само по себе, а в контексте человеческих отношений.

В пословице *‘Төрдө орун болсо, эшикке жакын отурба’* (не садись к дверям близко, если есть место выше) раскрывается многоуровневое понимание пространства:

- 1) физическое (реальное место в доме);
- 2) социальное (иерархия, уважение);
- 3) культурное (ценности гостеприимства, традиций).

В юрте, где все на виду и почти нет перегородок, распределение пространства строго символично. «Төр» — самое почетное место в юрте (обычно напротив входа, где сидят старшие, уважаемые гости). Это не просто угол комнаты, а социальное пространство, которое говорит: «Ты — важен, тебя уважают, ты здесь как дома». Предложить гостю «төр» — значит открыть перед ним все свое пространство, а следом и сердце. Таким образом, через физическое размещение человека выражается отношение к нему.

В традиционной кыргызской культуре распределение мест в юрте строго иерархично, статус человека определен местом, где он сидит: *‘Ат карыса чөп керек, адам карыса төр керек’* (когда лошадь состарится, ей нужен уход; когда человек состарится, ему нужен почет).

Земля, выбранная отцом, воспринимается как благословенное место. В менталитете кочевого народа выбор места имел важнейшее значение, и доверие к выбору отца показывает уважение к его жизненному опыту.

Пословица *‘Ата конгон жерге атаң менен кон’* (Остановись на том месте, где стоял твой отец — уважай традиции и родную землю) имеет не только культурно-мировоззренческое, но и пространственное значение, которое особенно важно в контексте кочевой традиции кыргызского народа. В буквальном смысле пословица указывает на необходимость останавливаться (ставить юрту) там, где уже остановился отец. Пространство, на которое указывает отец, — это не просто территория, а обжитое, освященное место, безопасное и пригодное для жизни. Следовать за отцом — значит обустраиваться в проверенном, надежном пространстве. В кочевом быту выбор стойбища — вопрос жизненной важности: с точки зрения климата, воды, пастбищ и безопасности. С другой стороны, пространственное значение включает идею, что нужно жить там, где жили предки, не терять связь с родными местами, уважать территорию рода.

Кыргызские пословицы с пространственным значением часто связаны с юртой, пастбищами, горами, отражают важность передвижения, родовых связей и гармонии с природой. Для кыргызского менталитета характерна особая ценность территории как временного, но важного жизненного пространства, в котором человек должен вести себя достойно и с уважением.

Наконец, пословицы

*‘Жайлоосуз эл — жашоосуз эл’ (народ без джайлоо — народ без жизни).
‘Жайлоодо жан, кыштоодо мал топтолот’ (на джайлоо накапливается
здоровье, на кыштоо — скот), ‘Кең тала — көчмөндүн ырыскысы’
(широкая степь — удел кочевника).*

демонстрируют уникальное для кочевого менталитета восприятие природы как источника жизненной энергии, благополучия. В них *джайлоо*, *степь* выступают не просто как географический фон, а как источник культурной и биологической жизнеспособности.

Важную роль в жизни кочевого народа играли *раздолья*, *безграничные просторы*, где можно было свободно передвигаться, пасти скот, ставить юрту, он был жизненно зависим от земли. Кочевник свое «*ырыскы*» (доля, удача, благословение) получает от земных просторов.

Заключение

1. В русской культуре представление о пространстве связано с родиной, домом, семьей, деревней. В кыргызском ментальном восприятии оно ассоциируется с такими понятиями, как Ата-Журт ‘Родина’, «тоо» ‘гора’, түз (равнина), «боз үй» (юрта), «жайлоо» (пастбище), «кең талаа» (широкая степь), «суу» (вода) и др., что связано с кочевой культурой кыргызского народа и тесной его связью с природой.

2. Дом в обеих культурах — это не только место проживания, но и символ безопасности, уюта, независимости и личной власти.

3. В кыргызской культуре физическое размещение пространства отражает отношение к окружающему миру и играет важную роль в формировании мировоззрения.

4. В кочевом быту выбор места стоянки — вопрос жизненной важности, зависящий от климата, наличия воды, пастбища, безопасности. Важно жить на земле предков, сохранять связь с родными местами и уважать территорию своего рода.

5. И в русской, и в кыргызской культурных традициях ценится личное пространство, даже если оно предельно скромное.

6. Русская и кыргызская культура характеризуется привязанностью к своим корням, родной земле, привычной среде обитания.

Библиографический список

1. Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
2. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006.
3. Телия В.Н. Русская фразеология в зеркале национального менталитета (от мировидения к миропониманию) // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 238–269.
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983.

5. Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины мира. М., 1994.
6. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов РКИ. М. : Изд-во МГУ, 2000.
7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира : курс лекций. М., 1998.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2001.
9. Степанов Ю.С. Пространство и миры — «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие // *Философия языка: в границах и вне границ*. Харьков, 1994. Т. 2.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.

References

1. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Language and intercultural communication*. Moscow. (In Russ.).
2. Kolesov, V.V. (2006). *Russian mentality in language and text*. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
3. Telia, V.N. (1996). Russian phraseology in the mirror of the national mentality (from worldview to world understanding). In: *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects* (pp. 238—269). Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
4. Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1983). *Language and culture*. Moscow. (In Russ.).
5. Yakovleva, E.S. (1994). *A Fragment of the Russian Linguistic Picture of the World*. Moscow. (In Russ.).
6. Gudkov, D.B. (2000). *Intercultural Communication: Teaching Problems*. Moscow: Moscow State University Press. (In Russ.).
7. Gachev, G.D. (1998). *National images of the world*. Moscow. (In Russ.).
8. Stepanov, Yu.S. (2001). Constants: a dictionary of Russian culture. Moscow: Academic project. (In Russ.).
9. Stepanov, Yu.S. (1994). Space and worlds — “new”, “imaginary”, “mental” and others. Vol. 2. In: *Philosophy of language: within and beyond borders*. Kharkov. (In Russ.).
10. Lotman, Yu.M. (1996). *Inside thinking worlds*. Moscow. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Абылова Алмаш Камчыбековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики русского языка факультета русской и славянской филологии, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (720033, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, этнолингвистика, функциональная грамматика, теория перевода; *e-mail*: abylova76@mail.ru
ORCID: 0009-0009-2914-8811, SPIN-код: 3206-3807, AuthorID: 1206095.

Information about the author:

Almash K. Abylova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practices of Russian Language of the Faculty of Russian and Slavic Philology, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze St., Bishkek, 720033, Kyrgyz Republic); *Research interests*: linguacultural studies, ethnolinguistics, functional grammar, translation theory; *e-mail*: abylova76@mail.ru
ORCID: 0009-0009-2914-8811, SPIN-code: 3206-3807, AuthorID: 1206095.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1072-1089
EDN: MVXHKC

Научная статья / Research Article

Осмысление осторожности в русской и английской лингвокультурах

В.И. Карасик^{ID}✉, Э.А. Китанина^{ID}

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация
✉ vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются семиотические характеристики осторожности как регулятива поведения в русской и английской лингвокультурах. Охарактеризованы понятийные, образно-ситуативные и ценностные признаки этого концепта на материале толковых и синонимических словарей, данных национальных корпусов русского и английского языков, пословиц и афоризмов. В значительной мере признаки осторожности в сравниваемых культурах совпадают, при этом стремление субъекта избежать неблагоприятных обстоятельств уточняется как предусмотрительность, продуманность и заботливость. Осторожность осмысливается как положительно оцениваемое поведение, противопоставляемое неосторожности и чрезмерной осторожности. Образно-ситуативные характеристики осторожности уточняют опасную ситуацию, в которой оказывается субъект, неблагоприятные последствия недостаточно точных движений и необдуманной речи. Апелляции к осторожности часто появляются в речевых жанрах «призыв» и «совет». Основное различие между пониманием осторожности в русском и английском языковом сознании состоит в том, что в русском языке синкретично выражены опасение и забота в этом концепте, а в английском они представлены в двух основных номинантах, основной смысл которых можно определить как позицию рационального либо эмоционально-эмпатического отношения к реальности. Ценностные признаки концепта «осторожность» в паремиологии сводятся в основном к напоминанию о том, что нужно быть бдительным и вести себя предусмотрительно. Существует определенное различие в понимании осторожности в пословицах и афоризмах: в практических назиданиях акцентируется польза осторожности и подчеркивается вред неосторожности, в размышлениях о человеческой природе критически оценивается чрезмерная осторожность.

Ключевые слова: концепт, понятие, образ, ценность

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

© Карасик В.И., Китанина Э.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Карасик В.И., Китанина Э.А. Осмысление осторожности в русской и английской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1072–1089. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1072-1089>

Conceptualization of Caution in the Russian and English Language and Culture

Vladimir I. Karasik , Ella A. Kitanina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

 vkarasik@yandex.ru

Abstract. The conceptual, figurative-situational, and value-based features of this concept are characterized using data from explanatory and synonym dictionaries, national corpora of the Russian and English languages, proverbs, and aphorisms. The paper deals with semiotic characteristics of caution as a behavioral regulative in the Russian and English language and culture. To a significant extent, the features of caution in the cultures being compared coincide, with the subject's desire to avoid unfavorable circumstances being specified as foresight, thoughtfulness, and care. Caution is understood as a positively evaluated behavior, contrasting with recklessness and excessive caution. The figurative-situational characteristics of caution clarify the dangerous situations in which the subjects find themselves, as well as the unfavorable consequences of imprecise movements and thoughtless speech. Appeals to caution often arise in the speech genres of “call” and “advice.” The main difference in understanding caution in Russian and English linguistic consciousness lies in the fact that in Russian, fear and care are syncretically expressed within this concept, while in English, they are represented by two main nominators, whose primary meanings can be defined as positions of rational or emotionally empathetic attitudes toward reality. The value-based features of the concept of “caution” in paremiology primarily serve as reminders to be vigilant and act prudently. There is a certain difference in the understanding of caution in proverbs and aphorisms: practical admonitions emphasize the benefits of caution and highlight the harms of recklessness, while reflections on human nature critically evaluate excessive caution.

Keywords: concept, notion, image, value

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 03.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Karasik, V.I., & Kitanina, E.A. (2025). Conceptualization of Caution in the Russian and English Language and Culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1072–1089. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1072-1089>

Введение

Проблемы аксиологической лингвистики привлекают к себе внимание многих современных исследователей, поскольку ценности как высшие ориентиры поведения образуют концентрат культуры, а одной из важнейших функций языка является сохранение и передача культуры, закодированной в содержании языковых единиц [1–17]. Известно, что ценности осмысливаются

как бинарные семантические образования, в которых требуемое положение дел неразрывно связано со своим антиподом: смелость противопоставляется трусости, ум — глупости, верность — предательству. Вместе с тем оцениваемое поведение подразумевает шкалу, на которой выделяются не только полярные точки, но и недостаточное и избыточное проявление качества. В этом плане представляет интерес концепт «осторожность», который еще не был, по нашим данным, предметом специального лингвокультурологического анализа. Как и другие регулятивы поведения, этот концепт имеет определенную этнокультурную специфику.

В качестве материала для анализа взяты данные толковых и синонимических словарей русского и английского языков, примеры из «Национального корпуса русского языка» и «Британского национального корпуса», пословицы и афоризмы.

Концептуальное моделирование реальности осуществляется в виде описания понятийных, образных и ценностных признаков концепта.

В более широком контексте осторожность соотносится с мужеством и благоразумием как принципами поведения и высшими добродетелями у Аристотеля¹ [18]. Психологически мужество возникает как реакция на страх и выражается в триаде «трусость — мужество — безрассудство», при этом крайние члены этой триады рассматриваются как пороки, и средний концепт — как добродетель. В свою очередь мужество проявляется как смелость, т.е. преодоление страха, а также как готовность и способность переносить испытания и страдания. Смелость включает эмоциональную и рациональную составляющие, и осторожность в этом плане является рациональной характеристикой смелости, хотя со стороны может выглядеть как трусость.

Понятийные характеристики осторожности

Понятийные признаки рассматриваемого ментального образования следующим образом раскрываются в словарных дефинициях.

Осторожный — 1. Предусматривающий возможную опасность, действующий обдуманно, осмотрительно. || Совершаемый, проводимый с предосторожностью, с осмотрительностью. || Сдержанный, слабый, нерезкий. Сдержанный, нерезкий, нерешительный². Осторожность — свойство осторожного, отсутствие опрометчивости, осмотрительность³. Осторожничать — (разг.). Проявлять чрезмерную осторожность⁴. 1. Крайне осмотрительный в

¹ Аристотель. Никомахова этика. Большая этика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–374.

² Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.

³ Там же.

⁴ Там же.

своих действиях, поступках. 2. Совершаемый, производимый с предосторожностью; сдержанный, слабый, нерезкий. 3. Совершаемый не в грубой форме; бережный, заботливый, тактичный⁵.

Cautious — careful to avoid danger or risks⁶. Manifested or characterized by caution — alertness and prudence in a hazardous situation; care, wariness⁷. Careful — 1. Used to tell someone to think about what they are doing so that something bad does not happen. 2. Trying very hard to avoid doing anything wrong or to avoid damaging or losing something. 3. Paying a lot of attention to details, so that something is done correctly and thoroughly⁸. 1. Cautious in one's actions. Taking pains in one's work; exact; thorough. 3 (of things) done or performed with accuracy or caution. 4. Solicitously mindful⁹. Careless — 1. Not paying enough attention to what one does. 2. Not exact or thorough. 3. Done or said heedlessly or negligently; unconsidered. 4. Not caring or troubling; having no care or concern¹⁰.

В приведенных дефинициях рассматриваемого концепта выделяются следующие признаки: 1) возможное неблагоприятное развитие обстоятельств, 2) стремление субъекта избежать неблагоприятных обстоятельств, 3) внимательное отношение к ситуации, 4) обдуманность действий, 5) сдержанность, 6) заботливость. Этнокультурная специфика осмысления осторожности в понятийных признаках прослеживается в том, что в русском языковом сознании на понятийном уровне критически оценивается чрезмерная осторожность (существует глагол «осторожничать»), в английской лингвокультуре этот концепт представлен в двух вариантах — рациональном и эмоциональном, в первом случае акцентируется риск и стремление его избежать (*cautious*), во втором случае подчеркивается забота о ком-либо (в том числе и о себе) и тщательное выполнение действий (*careful*).

Осмысление осторожности выражено в синонимических группах слов, уточняющих этот концепт. Приведем толкование синонимов слов «осторожный» и «неосторожный» в словаре синонимов русского языка.

1. *Осторожный, осмотрительный, опасливый (разг.)*. Такой, который поступает осторожно во избежание чего-либо неприятного, нежелательного. *Осмотрительный* — тот, кто действует крайне осторожно, взвешивает все обстоятельства, предусматривает возможную опасность, неприятность и т.п.; *опасливый* — очень осторожный из боязни перед кем-, чем-либо. 2. *Осторожный, бережный, бережливый*. Исполненный осторожности из желания не

⁵ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.

⁶ Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978.

⁷ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York : Portland House. 1989.

⁸ Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978.

⁹ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York : Portland House. 1989.

¹⁰ Ibid.

повредить что-либо, не потревожить, не причинить боли, неприятного ощущения и т.п. кому-либо. Слова *бережный* и более редкое *бережливый* указывают на проявление крайней осторожности по отношению к кому-, чему-либо¹¹. *Неосторожный, неосмотрительный, опрометчивый*. О человеке: действующий, поступающий без необходимой осторожности. *Неосторожный* — не предусматривающий возможной опасности в данный момент или в будущем; *неосмотрительный* — не предусматривающий возможной опасности преимущ. в будущем, не думающий о последствиях; слово *опрометчивый* указывает на неосторожность кого-либо, связанную с поспешностью, необдуманностью действий¹².

Можно видеть, что синонимы слова «осторожный» уточняют два вектора осмысления этого концепта — стремление избежать опасности и желание не повредить что-либо, при этом прослеживается оценочная градация («недостаточно осторожный — осторожный — чрезмерно осторожный»).

В английском языке более детально осмысливается рассматриваемый концепт. Толкования синонимов уточняют следующие семантические признаки осторожности и неосторожности.

Careful / *осторожный*, *cautious* / *осмотрительный*, *discreet* / *сдержанный* и *wary* / *настороженный* подразумевают бдительное отношение к чему-то. *Careful* подразумевает защиту от ошибок, уделяя строгое и внимательное внимание деталям и зачастую стараясь применять здравый смысл. *Cautious* подразумевает страх перед неблагоприятной ситуацией и необходимость исследования перед тем, как прийти к выводам. *Discreet* подразумевает благоразумие в речи и действиях, а также надежность в качестве доверенного лица. *Wary* подразумевает бдительное ожидание опасности, которую подозревают или боятся¹³.

Careful описывает человека, который всеми силами старается действовать ответственно и мудро. *Cautious* описывает того, кто движим страхом или робостью, принимая меры против возможной опасности или потерь. Осмотрительный человек (*cautious*) так боится возможных последствий, что никогда не сделает положительное утверждение; он тратит деньги так осторожно, что кажется скупым. *Prudent* описывает человека, который трезво и умеренно учитывает будущее. *Discreet* относится к тем, чьи слова и действия подчиняются разуму, а не порыву. Такой человек говорит в соответствии с осторожной оценкой того, что ситуация предполагает; он действует только тогда, когда выбрал наилучший для себя путь. *Circumspect* описывает того, кто смотрит перед тем, как прыгнуть (английский фразеологизм *Look before you leap*), как в речи, так и в действиях. *Wary* описывает человека, который бдительно следит за всем, что его окружает¹⁴.

¹¹ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Сов. энциклопедия, 1969.

¹² Там же.

¹³ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Portland House. 1989.

¹⁴ The Scribner-Bantam English Dictionary. (1979). E.B. Williams – General Editor. New York: Bantam Books.

Cautious / осторожный, *circumspect* / предусмотрительный, *wary* / настороженный, *chary* / осмотрительный, *calculating* / расчетливый— сопоставимы по значению «внимательное отношение к опасностям, с которыми можно столкнуться, или рискам, которые могут возникнуть, а также проявление такого внимания». *Cautious* обычно подразумевает страх, особенно страх неудачи или вреда для себя или других, и предусмотрительность при планировании или благоразумие в действиях, чтобы избежать или минимизировать опасности неудачи или риски катастрофы. *Circumspect* часто подразумевает меньший страх, чем *cautious*; однако обычно предполагает проявление большего благоразумия и сдержанности, особенно при принятии решений или в действиях, а также рассмотрение всех возможных последствий, чтобы избежать морального, социального, делового или политического ущерба, который может произойти непреднамеренно. *Wary* обычно несет гораздо более сильную коннотацию подозрительности, чем *cautious*, и иногда подразумевает менее обоснованный страх. Часто эти термины также подразумевают бдительность в наблюдении за трудностями или опасностями или хитрость в том, чтобы избежать их. *Chary* подразумевает осторожность по отношению к тому, что у них есть, или что они могут дать, сказать или сделать. *Calculating* подразумевает осторожность человека, который тщательно и преднамеренно планирует способ достижения своих собственных, часто эгоистичных целей, учитывая любую возможную опасность и способы ее преодоления¹⁵.

Детально охарактеризовано неосторожное поведение.

Careless / неосторожный, *heedless* / невнимательный, *thoughtless* / бездумный, *inadvertent* / непреднамеренный обозначают отсутствие заботы или внимания. *Careless* часто подразумевает отсутствие ответственности или беспокойства; в таком случае это слово обычно передает атмосферу непринужденности, спонтанности и легкости, и несет мало или совсем не несет оттенка вины. *Heedless* также подразумевает безразличие, но акцентирует внимание на невнимательности или неспособности увидеть, заметить, учесть или прокомментировать, а не на лени или халатности; этот термин часто также ассоциируется с легкомысленностью, поверхностностью или ветреностью. *Thoughtless* может подчеркивать отсутствие размышлений или предвидения. Чаще всего это слово указывает на недостаток внимательности или заботы о других. *Inadvertent* используется для описания ошибок, промахов или недоразумений, возникающих в результате невнимательности или рассеянности, вызванной сосредоточением на других вещах¹⁶.

Толкования приведенных слов можно рассматривать как этюды в области практической психологии. Видны следующие уточняющие признаки в

¹⁵ Webster's New Dictionary of Synonyms / ed. in Chief P.B. Gove. Springfield, Mass.: Merriam, 1978.

¹⁶ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1989). New York: Portland House.

этих номинациях оттенков осторожности: страх перед неблагоприятным развитием обстоятельств, благоразумие и здравый смысл в планировании и осуществлении действий, бдительность, трезвость и умеренность в оценке обстоятельств, иногда эгоистичность в расчетах. Разумеется, эти слова вряд ли используются в ежедневном разговорном общении, лексикографы охарактеризовали поведение людей с позиций определенного социального круга и, как представляется, определенного возраста.

Образно-ситуативные характеристики осторожности

Образно-перцептивные характеристики осторожности видны в высказываниях, описывающих осторожное и неосторожное поведение людей. В «Национальном корпусе русского языка»¹⁷ приводятся следующие примеры.

Осторожные действия обусловлены опасными ситуациями:

А она бы мне отвечала: «Осторожней, дорогой, я слышала в новостях, что на Урале такой снег, такие заносы, поосторожнее, не гони...»
(Е. Гришковец).

Я ей намекнула осторожно, что если с ее вегето-сосудистой, почками и печенью еще и курить... то можно деньги на учебу уже не собирать...
(Ю. Осипова).

Передвигаться приходится осторожно, чтобы не свалиться вниз, к подножью горы (И. Яковлев).

Примерами опасных ситуаций являются возможные аварии на дороге, проблемы со здоровьем, передвижение в горной местности и т.д.

Типичными ситуациями, в которых следует вести себя осторожно, являются переходы, подъемы и спуски:

Выйдите, пожалуйста, из машины. Осторожней, не упадите!
(А. Колесников).

С его высокого крыльца по ступеням осторожно спускалась женщина
(Б. Екимов).

Описаны конкретные действия, требующие осторожности:

И через два часа мальчишку осторожно подняли на поверхность
(М. Носков).

...постарайтесь как можно осторожнее освободить ботинки пострадавшего из креплений и столь же бережно расстегнуть клипсы горнолыжных ботинок; ни в коем случае не снимайте их (В. Иванова).

Как и всякий, кто несет на руках человека, Рубахин ничего не видел под ногами и ступал осторожно (В. Маканин).

В качестве типичных действий, требующих осторожности, названы спасение раненых и пострадавших.

¹⁷ Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.05.2025).

Приводится описание действий, связанных с точными движениями:

Мы хотим внимательно и осторожно продолжать работы по консервации росписи (О. Кабанова).

Осторожно вынимать из картонной коробки завернутые в газетную бумагу елочные игрушки — любимый ритуал моего детства (С. Спивакова).

Чтобы в креме не образовалось комочков, сыпь муку через сито небольшими частями, все время осторожно помешивая (А. Степанова).

Бьющиеся предметы, произведения искусства и некоторые виды приготовления пищи требуют осторожного отношения.

При описании ситуаций, участники которых должны быть внимательными и осторожными, называются неблагоприятные последствия недостаточно осторожных действий:

Когда-то сюда была проложена настоящая дорога, сначала лесенка, потом что-то вроде шоссе — сейчас же ничего не было: осталась только неверная, все время осыпающаяся под ногами тропинка, и идти по ней надо было осторожно, держась за кусты и выбирая место, куда встать, а то сразу ухнешь по колено в бурьян или частый крапивник (Ю. Домбровский).

Пользуйтесь феном осторожно — под действием сухого горячего воздуха волосы могут стать тонкими и ломкими (И. Покровская).

Он выбрал леску и осторожно, чтобы не запутаться, отбросил в сторону ее рабочую часть (Ф. Искандер).

В этих примерах уточняется то, чего следует избежать.

Отдельную группу примеров составляют ситуации отношений между людьми, связанные с соблюдением закона или общением со сверхъестественными существами:

Сверстники его давно образумились, утишили свои голоса, посolidнели, выглядели благонравными мужами, осторожно несущими свои звания и степени (Д. Гранин).

Я работаю осторожно, валюту и золото не беру (С. Довлатов).

В восточнославянской мифологии Мороз — существо уважаемое, но и опасное: чтобы не вызывать его гнев, обращаться с ним следовало осторожно; прося не губить урожай, его задабривали; им пугали детей (Е. Душечкина).

Люди ведут себя осторожно, понимая, что иначе они потеряют то, что им дорого.

Примеры неосторожности часто иллюстрируют непродуманную речь:

В памяти всплывают ссоры, неосторожно сказанные слова, совершенные поступки — словом, все то, что омрачало наши взаимоотношения (Е. Власова).

«Заслужил премию Дарвина», — неосторожно прокомментировала Татьяна, и Артем не разговаривал с ней три дня (Н. Радулова).

Так, майор М. Залевский, — когда его, награжденного за храбрость кадрового офицера царской армии, после неосторожно рассказанного анекдота разжаловали и отправили рядовым в штрафбат (А. Пуговкин).

Можно видеть, что неосторожные слова приводят к различным неблагоприятным последствиям для тех, кто поступает необдуманно.

Типичны ситуации опасного развития событий вследствие неосторожности людей:

Болото было гнилым: только ступишь неосторожно на кислую твердь, она чавкнет — и нет человека, будто и не было никогда (И. Краева).

Один из создателей манчестерского дифференциального анализатора А. Портер вспоминал, как однажды он неосторожно наклонился над прибором и его галстук затянули вращающиеся шестеренки (В. Шилов). ...вскорости после завершения строительства владельцы неосторожно влезли в политику, устроили заговор против Медичи и были вырезаны на корню (О. Набокова).

Такая неосторожность может быть фатальной.

Неосторожность может сильно обидеть человека:

А в одиннадцать лет едва не покончил с собой, когда взрослые неосторожно засмеялись, видя, как неловко он взобрался на лошадь... (В. Недошивин).

Журналиста удивил такой подход, но больше он ничего не стал спрашивать, потому что боялся неосторожно обидеть Ши (М. Богатов).

Существуют символические образы ситуаций, требующих осторожности:

Что ж, я был юн, глуп, не ведал ничего о том, как скользка дорожка, на которую я столь неосторожно ступил (Н. Климонтович).

Хождение по скользкой поверхности может привести к травме.

Таким образом, образно-ситуативное описание осторожности представлено в виде типичных ситуаций опасности, оказания помощи пострадавшим, избегания нарушений закона, возможных последствий неосторожного поведения, включающего слова и поступки.

Осмысление образно-ситуативных признаков осторожности в английской лингвокультуре показано в следующих высказываниях, размещенных в «Британском национальном корпусе»¹⁸.

В приведенных примерах выделяется группа высказываний, в которых требование осторожности прямо обусловлено возможными опасностями для здоровья и жизни:

Be very cautious about approaching through a gap in a row of trees. Будьте очень осторожны, подходя через промежуток в ряду деревьев.

Remember to use light weights and be very cautious when first exercising the spinal erectors. Не забывайте использовать легкий вес и будьте очень

¹⁸ Режим доступа: <https://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 05.05.2025).

осторожны при первых упражнениях для мышц, выпрямляющих позвоночник.

Help young children to develop a sensibly cautious attitude by taking care with everyday household products. Помогите маленьким детям развить разумно осторожное отношение, осторожно обращаясь с повседневными бытовыми продуктами.

Подобные высказывания обычно оформлены как предостережения в виде советов.

Осторожность как внимательное отношение к возможным неблагоприятным последствиям развития событий детально представлено в текстовой выборке:

We must, therefore, I believe, be very cautious in opening the door to the reception of material not readily or ordinarily accessible to the citizen whose rights and duties are to be affected by the words in which the legislature has elected to express its will. Поэтому, я считаю, мы должны быть очень осторожными, открывая двери для получения материалов, которые не доступны или не являются обычными для граждан, права и обязанности которых будут затронуты словами, которыми законодатель избрал выразить свою волю.

Another is that governments must be cautious in their regulatory policies, avoiding 'excessive' regulation that might damage profitability. Еще одно — правительства должны быть осторожны в своей регуляторной политике, избегая «чрезмерного» регулирования, которое может повредить прибыльности.

This fact tends to make full-time reserve police very cautious in their behaviour, for they feel they have less opportunity to ease. Этот факт заставляет сотрудников резервной полиции, работающих на полную ставку, быть очень сдержанными в своем поведении, так как они ощущают, что у них меньше возможностей расслабиться.

Обратим внимание на то, что в публичной речи содержатся призывы проявлять осторожность, при этом акцентируется усиление такого отношения к действительности в виде интенсификатора *very cautious* (*очень осторожны*).

В приведенных примерах указываются причины, требующие обдуманного и осторожного отношения к чему-либо:

British investigative writer Anthony Summers says: "I think we have to be extremely cautious. Hundreds if not thousands of people were shot and buried in the woods". Британский автор расследований Энтони Саммерс говорит: «Я думаю, что мы должны быть чрезвычайно осторожны. Сотни, если не тысячи людей были расстреляны и похоронены в лесах».

Practitioners are understandably cautious, given the serious consequences of an allegation of misconduct. Практикующие специалисты достаточно осторожны с учетом серьезных последствий обвинений в неправомерных действиях.

Capital spending is rigorously controlled, and in general this has permitted a cautious approach to the adoption and dissemination of new expensive technologies. Капитальные расходы строго контролируются, и в целом это позволило придерживаться осторожного подхода к внедрению и распространению новых дорогих технологий.

Осторожность требуется при проведении определенных работ:

Be very cautious when drilling and cutting in case there are cables and pipes just below the surface. Будьте очень осторожны при сверлении и резке, чтобы не повредить кабели и трубы, расположенные прямо под поверхностью.

Although some of the rock is a little on the loose side, so a cautious approach is wise until the final solid corner is reached. Хотя некоторые из камней немного рыхловаты, поэтому разумно проявлять осторожность, пока не будет достигнут окончательный прочный угол.

В социальной практике упоминаются виды деятельности, требующие осторожности в принятии решений:

In planning public expenditure it is better to be prudent and make a deliberately cautious assumption on the growth of future resources. При планировании государственных расходов лучше быть благоразумными и делать сознательно осторожные предположения о росте будущих ресурсов.

It is curious, however, that jurists seem to have been slow and cautious in proposing new wordings. Однако любопытно, что юристы, похоже, медленно и осторожно предлагали новые формулировки.

Politicians were cautious of such powers in the hands of one officer. Политики с осторожностью относились к таким полномочиям в руках одного офицера.

Вместе с тем избыточная осторожность иногда вызывает критику:

But his cautious frame of mind was already beginning to irritate some of the comrades. Но его осторожный настрой уже начал раздражать некоторых товарищей.

Тонкое различие между осторожностью как опасением и как заботой прослеживается в высказываниях, в которых используется прилагательное *careful*:

Be careful when wheeling a trolley over any uneven ground if your child is in the seat. Будьте внимательны, когда катите тележку по неровной поверхности, если ваш ребенок сидит в ней.

Be very careful of recipes which recommend sesame oil. I would only ever use a tiny quantity. Будьте очень осторожны с рецептами, в которых рекомендовано кунжутное масло. Я бы использовал его только в малом количестве.

A word of warning: be careful not to park illegally as your vehicle is liable to be towed away. Предупреждение: будьте осторожны, чтобы не парковаться незаконно, так как ваш автомобиль может быть эвакуирован.

Обратим внимание на речевое действие «совет», в составе которого используются лексические обозначения осторожности. Такую осторожность можно охарактеризовать как эмпатическую.

Вместе с тем во многих случаях размывается грань между рациональной и эмоционально-эмпатической осторожностью (*cautious – careful*):

But if you are not careful you can still end up on the street and losing money. Но если вы не будете осторожны, можете оказаться на улице и потерять деньги.
If we are not careful we will have a bulge in the prison population. Если мы не будем осторожны, нас ожидает увеличение числа заключенных.

Во многих случаях наблюдается осмысление осторожности как тщательного выполнения определенных действий:

Careful attention to detail ensures that we create a unique interior using only the finest timbres. Тщательное внимание к деталям обеспечивает создание уникального интерьера с использованием только лучших материалов.

Legal enforcement of contracts demands a careful justification, for legal sanctions inevitably place fetters upon a person's freedom of action. Правовое обеспечение исполнения контрактов требует тщательного обоснования, поскольку юридические санкции неизбежно ограничивают свободу действий человека.

Each of these proposals deserves careful examination from both points of view. Каждое из этих предложений заслуживает тщательного рассмотрения с обеих точек зрения.

Акцентируется понимание осторожности как обдуманного принятия решения:

So BBC bosses have to be ultra careful about who they hire for the wholesome, long-running show. Итак, руководители BBC должны быть предельно осторожны с теми, кого они нанимают для этого добродушного, долгоиграющего шоу.

A strong background in quantitative analysis, careful attention to detail and an ability to work to tight deadlines are essential skills. Сильная база в количественном анализе, внимательное отношение к деталям и умение работать в условиях жестких сроков — это необходимые навыки.

Mrs Thatcher was careful on the whole to appoint her supporters to the important economic ministries. Госпожа Тэтчер в целом была осторожна в назначении своих сторонников на важные экономические министерства.

Обратим внимание на использование слова *careful* при характеристике деятельности учителей:

This careful bridging from projection to non-projection is yet another skill a teacher needs to acquire. Это тщательное наведение мостика от проекции к непроецированию — еще один навык, который необходимо приобрести учителю.

The teacher who uses this aid will have to be particularly careful to keep it secret and so not publish any libel to anyone at all. Учитель, который пользуется этим пособием, должен быть особенно осторожен, чтобы сохранить его в тайне и, таким образом, вообще не публиковать никакой клеветы в адрес кого бы то ни было.

If we are not very careful black and white children in schools are seen as in need of a different education. Если мы не будем очень осторожны, то чернокожие и белые дети в школах будут рассматриваться как нуждающиеся в разном образовании.

В текстовых примерах прослеживается понимание осторожности как избегания крайностей:

They thought that this required the abandonment of any directive or heroic leadership and the careful balancing of rival right and left political factions in the Cabinet. Они считали, что для этого необходимо отказаться от каких-либо директив или героического руководства и тщательно сбалансировать соперничающие правые и левые политические фракции в кабинете министров.

The core of Plant's argument is a careful statement of the case for social citizenship. В основе аргументации Планта лежит тщательное изложение доводов в пользу социальной ответственности.

The House is careful to avoid mention of any determination of whether or not a particular privilege exists. Палата представителей тщательно избегает упоминаний о каком-либо определении того, существует ли та или иная привилегия.

Ситуативные характеристики проявления осторожности в англоязычных примерах во многом совпадают с такими характеристиками в русском языке, уточняя ситуации возможных опасностей и необходимости точных внимательных действий. Наблюдается некоторое различие между двумя типами осторожности — рациональной и эмоционально-эмпатической, при этом эмпатическая осторожность часто осмысливается как тщательное выполнение определенных действий, обдуманность и избегание крайностей.

Ценностные характеристики осторожности

Ценностные характеристики осторожности выражаются в высказываниях, существующих для рекомендаций правильного поведения и фиксирующих отношение людей к соблюдению или нарушению таких норм. Приведем примеры пословиц.

Следует знать, что осторожность — это благо:

Береженье лучше вороженья (рус.). Опасенье — половина спасенья (рус.). От малого опасенья великое спасенье (рус.). Осторожного коня и зверь не берет (рус.). Осторожность — мать безопасности (англ.). Осторожность — лучшая часть храбрости (англ.). Все можно, только осторожно (рус.). Осторожность головной боли не причиняет (рус.).

Следует знать, что нужно быть бдительным и вести себя предусмотрительно:

Не всякому верь, запирай крепче дверь! (рус.). Не доглядишь оком, запла-тишь боком (рус.). В доме, где чутко спят, краж не бывает (инд.). Ска-зал бы словечко, да волк недалеко (рус.). Берегись молчащей собаки и тихой воды (англ.). Берегись бед, пока их нет (рус.). Не спросившись броду, не суйся в воду! (рус.). Береги бровь, глаз цел будет (рус.). С медведем дружись, а за топор держись (рус.). Дружиться дружись, а за саблю держись! (рус.). Не клади волку пальца в рот (рус.). Не стой там, где дрова рубят (рус.). Лучшие перестраховаться, чем потом со-жалеть (англ.).

Следует знать, что надеяться нужно на себя, а не на других:

Кто сам себя стережет, того и Бог бережет (рус.). Береженого и Бог бережет (рус.).

Следует знать, что есть мера осторожности:

Так гни, чтоб гнулось, а не так, чтоб лопнуло (рус.). Не проявлять излишней осторожности — тоже осторожность (евр.). Играя осто-рожно, ты однозначно проиграешь (итал.).

Следует знать, что не нужно идти на неоправданный риск:

Всегда вытаскивай змею из норы чужими руками (итал.). Люди, живу-щие в стеклянных домах, не должны бросаться камнями (англ.).

Следует знать, что осторожность приходит с опытом:

Унция осторожности стоит фунта ученья (англ.). Первая пороша — не санний путь (рус.).¹⁹

Назидание в пословице сводится к прямой рекомендации. В отличие от пословиц афоризмы представляют собой суждения о человеческой природе, хотя в ряде случаев имеют и назидательный смысл.

Отметим совпадение в содержании пословиц и афоризмах, утверждаю-щих, что осторожность есть благо:

Осторожность никогда не бывает излишней (Гораций). Осторож-ность — самое старшее дитя мудрости (В. Гюго). Горячая лошадь

¹⁹ Режим доступа: <https://posloviz.ru/category/ostorozhnost> (дата обращения: 05.05.2025).
Режим доступа: <https://bbf-journal.ru/sayings/tag/4813> (дата обращения: 05.05.2025).

вместе со всадником может сломать себе шею как раз на той тропинке, по которой осторожный осел идет не спотыкаясь (Г.Э. Лессинг). Ступайте с осторожностью и с оглядкой по узкой и извилистой тропе Добра (Т. Браун).

Воздается хвала молчанию и немногословию как проявлению осторожности:

Осторожность в словах выше красноречия (Ф. Бэкон). Молчание — алтарь осторожности (Б. Грасиан). Беда, когда у человека не хватает ума, чтобы хорошо сказать, или здравого смысла, чтобы осторожно промолчать (Ж. де Лабрюйер).

Сказано, что отсутствие осторожности приносит несомненный вред:

Большие способности без осторожности почти неизменно ведут к трагическому концу (Л. Гамбетта). Если среди живущих людей осторожные в большинстве, то это потому, что неосторожных уже нет среди живых (Э. Брильянт).

Об осторожности люди иногда вспоминают слишком поздно:

Когда капкан захлопывается, начинаются разговоры о внимании и осторожности (Д. Квиллар).

Отмечены характеристики осторожности:

Разумная осторожность выражается не столько в том, что человек никогда не совершает ошибки, сколько в том, что он не допускает ее повторения (К. Боуви). Осторожным полезны ошибки других (Федр).

Обращает на себя внимание критика излишней осторожности:

Тот, кто сверхосторожен, малого достигнет (Ф. Шиллер). Боязливый называет себя осторожным, скупой — экономным (П. Сир). Осторожность — хорошая вещь, но даже черепаха не сделает ни одного шага, если не высунет голову из панциря (Анон.). Те, кто заранее подготовился ко всем жизненным неожиданностям, лишают себя радости (Э. Форстер). Из всех видов осторожности осторожность в любви наиболее губительна для настоящего счастья (Б. Рассел). Идеалисты, которым хватило глупости отбросить осторожность, продвинули человечество вперед и обогатили мир (Э. Гольдман).

Осмысление осторожности в пословицах и афоризмах сводится к высокой оценке предусмотрительности и обдуманности действий и критике недостаточной и избыточной осторожности. Отношение к осторожности как принципу поведения дает возможность противопоставить реалистов и романтиков. Судя по количеству ценностно маркированных высказываний, численное превосходство остается за реалистами в пословицах, но в афоризмах отчетливо слышен голос романтиков.

Подведем основные итоги.

Осторожность как регулятив поведения вариативно концептуализируется в русской и английской лингвокультурах. В значительной мере признаки осторожности в сравниваемых культурах совпадают, при этом стремление субъекта избежать неблагоприятных обстоятельств уточняется как предусмотрительность, продуманность и заботливость. Основное различие между пониманием осторожности в русском и английском языковом сознании состоит в том, что в русском языке синкретично выражены опасение и забота в этом концепте, а в английском они представлены в двух основных номинантах, основной смысл которых можно определить как позицию рационального либо эмоционально-эмпатического отношения к реальности. Существует определенное различие в понимании осторожности в пословицах и афоризмах: в практических наставлениях акцентируется польза осторожности и подчеркивается вред неосторожности, в размышлениях о человеческой природе критически оценивается чрезмерная осторожность.

Библиографический список

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур, 2011.
2. *Воркачев С.Г.* Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. Волгоград : Парадигма, 2014.
3. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография. М. : Изд-во РУДН, 1997. EDN: VCEMLM
4. *Дементьев В.В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал ком, 2013. EDN: RENHUT
5. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. EDN: SBJJWJ
6. *Китанина Э.А.* Эволюция ценностных ориентиров в постиндустриальную эпоху: концепт «справедливость» // *Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / под ред. Н.А. Боженковой, М.Р. Желтухиной.* М. : ИНФРА-М, 2023. С.76–87. EDN: YWIGPU
7. *Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М. : URSS, 2016.
8. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М. : Гнозис, 2008. EDN: TZVHDJ
9. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М. : Гнозис, 2002.
10. *Куссе Х.* Культуроведческая лингвистика / пер. с нем. М. : Гнозис, 2022. EDN: UXIEZN
11. *Кэ Чжан, Денисенко В.Н.* Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2024. Т. 15. № 3. С. 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855> EDN: HXKQXQ
12. *Пименова М.В.* Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово : КемГУ, 2007.
13. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград : Перемена, 2004.
14. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. EDN: QOFIUL

15. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2008. С. 8–20. EDN: UHHSZR
16. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М. : ФЛИНТА, Наука, 2012.
17. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002.
18. Ирхин В.Ю. Категории осторожности и смелости в философии и духовных традициях // Concorde. 2018. № 1. С. 46–53. EDN: YMLCFQ

References

1. Wierzbicka, A. (2011). *Semantic Universals and Basic Concepts*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.). EDN: VCEMLM
2. Vorkachev, S.G. (2014). *The Embodiment of Meaning: Conceptualia Selecta: Monograph*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.). EDN: REHCUT
3. Vorobyov, V.V. (1997). *Linguoculturology (Theory and Methods): Monograph*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
4. Dementyev, V.V. (2013). *Communicative Values of Russian Culture: The Category of Personality in Lexis and Pragmatics*. Moscow: Global Com. (In Russ.). EDN: REHCUT
5. Karasik, V.I. (2019). *The Language Spiral: Values, Signs, Motives*. Moscow: Gnosis. (In Russ.). EDN: SBJJWJ
6. Kitanina, E.A. (2023). The Evolution of Value Orientations in the Post-Industrial Era: The Concept of “Justice”. In: *Language: The Life of Meanings vs. The Meaning of Life: Monograph*, Bozhenkova, N.A., Zheltukhina M.R. (eds.) (pp. 76–87). Moscow: INFRA-M. (In Russ.). EDN: YWIGPU
7. Kovshova, M.L. (2016). *The Linguoculturological Method in Phraseology: Codes of Culture*. Moscow: URSS. (In Russ.).
8. Krasavsky, N.A. (2008). *Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures: Monograph*. Moscow: Gnosis. (In Russ.). EDN: TZVHDJ
9. Krasnykh, V.V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology: A Course of Lectures*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
10. Kusse, H. (2022). *Cultural Linguistics*. Moscow: Gnosis. (In Russ.). EDN: UXIEZN
11. Ke, Zhang, Denisienko, V.N. (2024). Expression, Thinking, and Cognition: The Roots of Differences between the Russian and Chinese Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 841–855. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-841-855> EDN: HXKXQ
12. Pimenova, M.V. (2007). *The Concept of Heart: Image. Notion. Symbol: Monograph*. Kemerovo: Kemerovo State University publ. (In Russ.).
13. Slyshkin, G.G. (2004). *Linguocultural Concepts and Metaconcepts: Monograph*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
14. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. An Exploratory Study*. Moscow: School of “Languages of Russian Culture”. (In Russ.). EDN: QOFIUL
15. Sternin, I.A. (2008). *Description of the Concept in Linguoconceptology. Linguoconceptology*. Iss. 1. I.A. Sternin (Ed.) (pp. 8–20). Voronezh: Istoki. (In Russ.). EDN: UHHSZR
16. Shakleyn, V.M. (2012). *Linguocultural Studies: Traditions and Innovations*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.).
17. Shmelev, A.D. (2002). *The Russian Language Model of the World: Materials for a Dictionary*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
18. Irkhin, V.Yu. (2018). Categories of Caution and Courage in Philosophy and Spiritual Traditions. *Concorde*, 1, 46–53. (In Russ.). EDN: YMLCFQ

Сведения об авторах:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, теория языковой личности, теория дискурса, семиотика; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8306-5317; SPIN код: 6068-6478; Scopus ID 57193175093; ResearcherID: C-3975-2016.

Китанина Элла Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, лингвистическая семантика, прагматика, теория дискурса; *e-mail*: eakitanina@pushkin.institute

ORCID: 0000-0002-1936-9495, SPIN-код: 5324-7367, AuthorID: 491753.

Information about the authors:

Vladimir I. Karasik, Dr.Sc. (Philology), Professor of the General and Russian Linguistics Department Philology Faculty, Pushkin State Russian Language Institute (6 Str. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117485); *Research interests*: language and culture studies, linguistic personality theory, theory of discourse, semiotics; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8306-5317; SPIN code 6068 6478; Scopus ID 57193175093; ResearcherID: C-3975-2016.

Ella A. Kitanina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the of the General and Russian Linguistics Department Philology Faculty, Pushkin State Russian Language Institute (6 Str. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117485); *Research interests*: language and culture studies, linguistic semantics, pragmatics, theory of discourse; *e-mail*: eakitanina@pushkin.institute

ORCID: 0000-0002-1936-9495, SPIN-code: 5324-7367, AuthorID: 491753.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1090-1101

EDN: MXKGIU

Научная статья / Research Article

Эволюция политической медиариторики в Великобритании

Н.А. Ахренова¹, С.Г. Тер-Минасова²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,

Российская Федерация

nakhrenova@mail.ru

Аннотация. Эволюция политической медиариторики в Великобритании с 1940-х гг. по наше время рассматривается авторами как три основных этапа: эпоха монолога (1940–1970-е), период медиатизации и диалогизации (1980–2009) и современная эра алгоритмизации и цифровой фрагментации (с 2010 г.). На каждом этапе анализируются изменения на лексическом, синтаксическом, стилистическом и прагматическом уровнях. Методологическую основу составляют корпусная лингвистика, критический дискурс-анализ и компьютерная лингвистика с использованием материалов Lancaster Corpus, Hansard и транскриптов BBC. Результаты показывают, что политический язык трансформировался от сложных литературных форм (У. Черчилль) к упрощенным, диалогическим и эмоционально заряженным форматам (Т. Блэр, Б. Джонсон, К. Стармер). Ключевые изменения включают сокращение длины предложений, рост использования местоимения «you», отказ от архаизмов в пользу разговорной лексики, преобладание императивов и эллипсиса. Особое внимание уделяется феномену «алгоритмического идиолекта» — новой системы языковых средств, ориентированной на машинное распознавание и виральность контента. Исследование подчеркивает влияние технологических платформ и их алгоритмов на формирование политического дискурса, а также переход от идеологизированного общения к персонализированному и эмоциональному взаимодействию.

Ключевые слова: эволюция дискурса, корпусная лингвистика, алгоритмический идиолект, диалогизация, цифровая фрагментация

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 09.04.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Ахренова Н.А., Тер-Минасова С.Г. Эволюция политической медиариторики в Великобритании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1090–1101. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1090-1101>

© Ахренова Н.А., Тер-Минасова С.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Transformation of Political Media Rhetoric in Great Britain

Natalia A. Akhrenova¹, Svetlana G. Ter-Minasova²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 nakhrenova@mail.ru

Abstract. The evolution of political media in Great Britain from the 1940s to our time is considered by the authors as three main stages: the era of monologue (1940s–1970s), the period of mediatization and dialogization (1980–2009), and the modern era of algorithmization and digital fragmentation (2010–present). Each stage is analyzed for changes at the lexical, syntactic, stylistic, and pragmatic levels. The methodological framework comprises corpus linguistics, critical discourse analysis, and computational linguistics, utilizing materials from the Lancaster Corpus, Hansard, and BBC transcripts. The results demonstrate that political language has transformed from complex literary forms (W. Churchill) to simplified, dialogic, and emotionally charged formats (T. Blair, B. Johnson, K. Starmer). Key changes include a reduction in sentence length, an increased use of the pronoun “you,” a move away from archaisms towards colloquial vocabulary, and a predominance of imperatives and ellipsis. Particular attention is paid to the phenomenon of the “algorithmic idiolect” — a new system of linguistic means optimized for machine recognition and content virality. The research highlights the influence of technological platforms and their algorithms on the formation of political discourse, as well as the shift from ideologically charged communication to personalized and emotional interaction.

Key words: discourse evolution, corpus linguistics, algorithmic idiolect, dialogization, digital fragmentation

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflicts of interest related to this research.

Article history: received: 09.04.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Akhrenova, N.A., & Ter-Minasova, S.G. (2025). The Transformation of Political Media Rhetoric in Great Britain. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1090–1101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1090-1101>

Введение

Глобальная цифровая трансформация кардинально изменила лингвистический ландшафт политической коммуникации. Однако лингвистические реакции на эти вызовы варьируются в зависимости от политико-культурного контекста. Данное исследование ставит целью проследить лингвистическую эволюцию политической медиариторики в Великобритании на материале речей премьер-министров с 1940 г. по настоящее время. Акцент делается на анализе конкретных языковых средств: лексики, синтаксиса, стилистических приемов и коммуникативных стратегий.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью системного анализа исторических этапов развития британской политической медиариторики. Современные исследования часто фокусируются на текущих трендах цифровой эпохи, упуская из виду историческую перспективу, без которой невозможно понять природу современных коммуникативных

стратегий и прагматических предпосылок их эволюции. Кроме того, растущее влияние алгоритмических систем платформ социальных сетей на производство и распространение политического контента требует междисциплинарного лингвистического осмысления.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ эволюции британской политической риторики в контексте смены медиаформатов, выявление ключевых лингвистических трансформаций и их связи с алгоритмической логикой цифровых платформ.

Научная новизна работы заключается, прежде всего, в историко-диахроническом подходе к изучению политической медиариторики, который охватывает период от эпохи радио до эры социальных сетей, что позволяет выявить макролингвистические тенденции в широком историческом контексте. Кроме того, научную новизну исследования определяет первый опыт выявления и описания феномена «алгоритмического идиолекта» как новой системы языковых средств, оптимизированной под машинное распознавание и максимизацию виральности контента. Достоверности полученных результатов способствует комплексный анализ трансформаций на всех уровнях языка: морфосинтаксическом, лексико-семантическом и дискурсивно-прагматическом.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории политического дискурса и медиалингвистики путем интеграции в них концепции алгоритмического детерминизма. Работа вносит вклад в понимание того, как технологические платформы и их алгоритмы становятся активными соучастниками конструирования политического высказывания.

Практическая значимость заключается в возможности применения полученных результатов для разработки инструментов лингвистической экспертизы политического контента в цифровой среде; прогнозирования тенденций трансформации публичной сферы под влиянием алгоритмических систем; создания практических рекомендаций для политических коммуникаторов по адаптации риторических стратегий к требованиям новых медиа.

Методологическую основу исследования составляют принципы корпусной лингвистики, критического дискурс-анализа и компьютерной лингвистики. В работе применяется следующий комплекс методов: корпусный анализ на материале Lancaster Corpus, электронного архива парламентских дебатов Великобритании (Hansard) и расшифровок BBC; частотный и статистический анализ с использованием программного обеспечения AntConc для выявления объективных количественных изменений (длина предложения, частотность частей речи, местоимений, ключевых слов); сравнительно-сопоставительный анализ стилистических и синтаксических особенностей речей ключевых политических акторов разных эпох британской политики; дискурс-анализ для интерпретации выявленных языковых закономерностей в широком социально-политическом и технологическом контексте.

Эволюция политической медиариторики в Великобритании

Политическая риторика представляет собой уникальное явление, находящееся на стыке языка, власти и медиа и, несмотря на малую изученность этого феномена современной коммуникации, вызывает заслуженный интерес у исследователей современного медиапространства [1; 2], цифровой коммуникации и интернет-лингвистики [3; 4]. В британском контексте она всегда служила не просто инструментом коммуникации, но и своеобразным зеркалом эпохи, отражая глубинные социальные и технологические трансформации. За последние восемь десятилетий мы наблюдаем радикальную эволюцию политического языка — от торжественных, почти литературных речей Уинстона Черчилля до клиповых обращений Кира Стармера в TikTok. Эта метаморфоза обусловлена фундаментальными изменениями в медиаландшафте, которые, по выражению Маршалла Маклюэна [3], не просто изменили каналы передачи информации, но трансформировали саму природу коммуникации, в нашем случае политической медиакommunikации.

Так, период с 1940 по конец 1970-х гг. мы условно называем эпохой монолога, который не подразумевал обратной связи от адресата, не требовал изучения и сбора эмоциональных реакций, было рассчитано на некоего усредненного коллективного адресата.

Следующим этапом эволюции политической медиариторики мы считаем временной отрезок с 1980 до 2009 г. и предлагаем именовать его периодом медиатизации и диалогизации политической медиариторики. В этот период в активно развивающемся формате взаимодействия в медиапространстве является формат теледебатов, разнообразных телемостов, телевизионных интервью, с приходом технологий Веб 2.0 начинают активно развиваться блоги и микроблоги политиков, социальные сети, живые журналы, вики форматы, где люди имеют возможность вступить в диалог с политиком.

Начиная с 2010 г. в силу вступила эра цифровой фрагментации, ранжирования и алгоритмизации политической медиариторики, сегодня мы находимся на самом пике развития всех процессов так называемой алгоритмической политической медиариторики.

Методологической основой исследования является корпусный анализ (Lancaster Corpus, Hansard, BBC transcripts), частотный анализ с использованием программы AntConc, сравнительно-сопоставительный анализ стилистических и синтаксических особенностей, дискурс-анализ политических выступлений. В табл. 1 представлена характеристика каждого из приведенных выше этапов развития медиариторики.

Таблица 1. Характеристики каждого этапа эволюции медиариторики

Период	1940 – конец 1970-х	1980–2009	2010 – по настоящее время
Доминирующий медиаформат	Радио, телевидение (монолог)	ТВ-ток-шоу, пресс-конференции	Соцсети, цифровые платформы
Стиль речи	Торжественный, литературный	Диалогичный, адаптивный	Клипový, фрагментированный
Лексика	Архаичная, военная, книжная	Идеологизированная → разговорная	Сленг, мемы, эллипсис
Синтаксис	Сложные конструкции (30+ слов)	Упрощение (20–25 слов)	Крайняя упрощенность (10–15 слов)
Риторика	Монолог, анафоры, метафоры	Диалог, повторы, личные истории	Персонализация, виральность
Пример политика	Уинстон Черчилль	Маргарет Тэтчер, Тони Блэр	Борис Джонсон, Кир Стармер

Источник: составлено Н.А. Ахреновой, С.Г. Тер-Минасовой.

Source: compiled by Natalia A. Akhrenova, Svetlana G. Ter-Minasova.

Обсуждение и результаты исследования

Первый период развития британской политической медиариторики характеризуется доминированием монологических форм коммуникации. Основными медиа этого времени были радио и телевидение, которые транслировали заранее подготовленные речи без возможности интерактивного взаимодействия с аудиторией.

Ярчайшим представителем этой эпохи стал Уинстон Черчилль, чьи выступления представляют собой образец торжественной, почти литературной риторики. Анализ его знаменитой речи “Their Finest Hour” (18 июня 1940 г.) позволяет выделить ключевые особенности политического языка того времени.

На лексическом уровне обращает на себя внимание обилие архаизмов, например: *yea, peril, abyss*, что отражает, помимо социального происхождения оратора, его возрастные характеристики, а также иллюстрирует принятые в риторике изучаемого периода приемы и техники. Кроме того, наблюдается присутствие военной терминологии, что обусловлено историческими событиями времени произнесения речи, например: *armored columns, expeditionary force* и т.д.

Стилистический анализ выявляет преобладание метафор войны, апокалиптические метафоры: *sink into the abyss of a new Dark Age; the whole fury and might of the enemy* и т.д. Следующим по частотности употребления стилистическим приемом можно считать возвышенные, драматичные эпитеты, например: *colossal military disaster, deadly attacks* и др. Наряду с эпитетами мы встречаем обилие эмоционально окрашенных прилагательных: *terrible losses, immense profound mind, cruel heel*.

Редко используемым, но выразительным приемом можно считать сравнения: *like the brave men of Barcelona (I believe our countrymen will show*

themselves capable of standing up to it, like the brave men of Barcelona), что по своей сути является аллюзией на события 1938 г., когда армия итальянского диктатора Муссолини три дня бомбила Барселону, но люди продолжали сопротивляться. Практически единичный случай иронии используется для выражения сарказма в адрес врага, ср.: *We shall be delighted to offer Signor Mussolini a free passage through Gibraltar*.

Синтаксис У. Черчилля отличается исключительной сложностью. Средняя длина предложения составляет 34 слова, при этом 65% конструкций представляют собой сложноподчиненные предложения. Характерным примером можно считать фразу: *If we can stand up to him, all Europe may be free and the life of the world may move forward into broad, sunlit uplands*.

Оратор использует инверсию для придания драматизма своей речи и осуществления воздействия на аудиторию, например: *Never in the field of human conflict was so much owed by so many to so few*.

Частотным синтаксическим средством в речи У. Черчилля являются причастные обороты, например: *...the masses of troops assembled on the beach and forming an ideal target...*

Важно отметить, что риторика этого периода ориентирована на письменные нормы, даже в устных выступлениях. Местоимение “we” доминирует (45 % случаев), подчеркивая коллективный характер борьбы, в то время как “I” практически отсутствует (всего 3 %).

К типичным риторическим приемам можно отнести: использование анафоры, например:

*We shall go on to the end, we shall fight in France,
We shall fight on the seas and oceans,
We shall fight with growing confidence and growing strength in the air, we
shall defend our Island, whatever the cost may be,
We shall fight on the beaches,
We shall fight on the landing grounds,
We shall fight in the fields and in the streets,
We shall fight in the hills;
We shall never surrender, and even if, which I do not for a moment
believe, ...*

Антитезы придают речи политика больше экспрессии и убедительности, например: *If we can stand up to him, all Europe may be free... if we fail, the world will sink into the abyss*.

Упомянутые выше риторические приемы придают особую ритмическую окраску речи, которая в сочетании с фонетическими стилистическими приемами, такими как ассонанс, аллитерация, формируют воздействующий эффект, который даже в отсутствии мультимодальности коммуникации политика и целевого коллективного адресата, оказывают мощное персуазивное воздействие.

С появлением телевидения начинается постепенная трансформация политического языка. Первой иллюстрацией подобной трансформации можно считать речь Гарольда Макмиллана “Winds of Change” (1960), в которой демонстрируется некоторое упрощение синтаксиса при сохранении официального тона. Однако настоящий перелом происходит в 1964 г. с первыми телевизионными дебатами между Эдвардом Хитом и Гарольдом Вильсоном. Сравнительный анализ их выступлений показывает результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2. Сравнение стилей презентации Э. Хита и Г. Вильсона

Эдвард Хит	Гарольд Вильсон
Монологичность: отвечал длинно, как на парламентских слушаниях	Диалогичность: короткие реплики, обращение к зрителям (<i>You know, the Labour...</i>)
Лексика: технические термины («экономическая стабильность»)	Лексика: упрощенные формулировки (<i>working families</i>)
Жесты: скованность	Жесты: сигара в руке, расслабленная поза

Источник: составлено Н.А. Ахреновой, С.Г. Тер-Минасовой.

Source: compiled by Natalia A. Akhrenova, Svetlana G. Ter-Minasova.

Победа Г. Вильсона на выборах свидетельствует о том, что новая телевизионная эстетика начинает преобладать над традиционной парламентской риторикой.

Второй период характеризуется переходом от монолога к диалогическим формам коммуникации. Этот процесс был обусловлен как развитием телевизионных форматов (ток-шоу, прямые эфиры), так и изменениями в политической культуре.

Самыми яркими представителями британской политики этого периода можно считать премьеров-министров Маргарет Тэтчер и Тони Блэра. Маргарет Тэтчер стала мастером контролируемого медиаимиджа. Она искусно использовала новые телевизионные форматы, особенно пресс-конференции и ток-шоу. Ее интервью в программе Granada's World in Action (1983) стало образцом контролируемой спонтанности. Тони Блэр довел процесс диалогизации до логического завершения. Он активно экспериментировал с новыми форматами, включая первые онлайн-кампании. Его выступление The young country на партийной конференции 1997 г. демонстрирует идеальный баланс между традиционной риторикой и медиатизированным общением. Проводя сравнительный анализ выступлений М. Тэтчер и Т. Блэра, мы наблюдаем следующие тенденции, представленные в табл. 3.

М. Тэтчер активно использует такие стилистические, средства как:

1. Исторические и военные метафоры: *Europe is not the creation of the Treaty of Rome* (историческая метафора); *We have rolled back the frontiers of the state* (военная метафора).

2. Эпитеты (возвышенные, идеологические): *glorious revolution, magnificent traditions, noblest inheritance*.

3. Сравнения (simile) (редко, но выразительно): *like inviting Genghis Khan to speak on peaceful coexistence* (ирония).

4. Ирония (сарказм в адрес оппонентов): *If you believe some of the things said about my views on Europe...*

5. Описательные прилагательные (идеологически окрашенные): *unwieldy, inefficient and grossly expensive* (о CAP).

Таблица 3. Сравнительный анализ речей Маргарет Тэтчер и Тони Блэра

Критерий	Маргарет Тэтчер	Тони Блэр
Стиль	Формальный, идеологизированный, исторический	Эмоциональный, персонализированный, упрощенный
Лексика	Архаизмы, военные термины, книжная лексика	Разговорная речь, политический сленг
Синтаксис	Длинные предложения (28 слов), 55 % сложных конструкций	Короткие фразы (18 слов), 50 % простых предложений
Риторические приемы	Повторы, антитезы, военные метафоры	Правило трех, личные нарративы, инклюзивные местоимения
Медиастратегия	Контролируемые интервью, пресс-конференции	Теледебаты, онлайн-коммуникация
Пример фразы	« <i>The lady's not for turning!</i> »	« <i>Education, education, education!</i> »

Источник: составлено Н.А. Ахреновой, С.Г. Тер-Минасовой.

Source: compiled by Natalia A. Akhrenova, Svetlana G. Ter-Minasova.

В то время как стилистика высказывания Тони Блэра характеризуется:

1. Метафорами, но бытовыми и крайне эмоционально окрашенными: *Politics may be the art of the possible, but give the impossible a go; The vision is painted in the colours of the rainbow.*

2. Эмоционально окрашенными эпитетами, которые близки к разговорности: *wonderful history, magnificent traditions, hellish hard.*

3. Образными сравнениями (simile), также тяготеющими к разговорности: *like the Britain of 1997* (сравнение с прошлым).

4. Легкая, тонкая ирония: *In Opposition, you say 'thank you' and everyone goes away happy.*

5. Описательные прилагательные: *bitterly controversial, utterly unanticipated.*

На лексическом уровне в речи Тэтчер преобладают архаизмы (*heirs to the legacy, yea* (редко, но встречается)); идеологическая лексика (*sovereign states, central planning, free enterprise*. Характерной чертой ее выступлений является отсутствие сленговых и просторечных выражений, использование значительного числа описательных прилагательных (22 прилагательных на 100 слов), в то время как Т. Блэр активно использует разговорную лексику (*hellish hard, give it a go, snapshot of opinion*); политический сленг (*spin, New Labour*). Однако в речах политика отсутствуют архаизмы, преобладает

современная лексика; количество описательных прилагательных значительно ниже (12 на 100 слов).

М. Тэтчер использовала риторiku власти и идеологической конфронтации, что может быть объяснено той социально-политической обстановкой, в которой управляла страной премьер-министр, тогда как Т. Блэр сделал ставку на эмоциональную вовлеченность и упрощение языка. Это отражает переход от авторитарного стиля к популистскому, обусловленный, в первую очередь, изменением медиаформатов (от классического ТВ к интерактивным форматам).

На синтаксическом уровне высказывания выделяются следующие тенденции (табл. 4):

Таблица 4. Синтаксические особенности речей М. Тэтчер и Т. Блэра

Параметр	Тэтчер	Блэр
Средняя длина предложения, слов	28	18
Сложноподчиненные предложения, доля, %	55	30
Сложносочиненные предложения, доля, %	25	20
Простые предложения, доля, %	20	50
Эллипсис (пропуск слов)	Редко	Часто (« <i>More jobs. Fewer unemployed.</i> »)

Источник: составлено Н.А. Ахреновой, С.Г. Тер-Минасовой.

Source: compiled by Natalia A. Akhrenova, Svetlana G. Ter-Minasova.

Приведем примеры типичной структуры предложений для исследуемых политиков:

М. Тэтчер: *We must never forget that east of the Iron Curtain, people who once enjoyed a full share of European culture, freedom and identity have been cut off from their roots* (31 слово, 2 придаточных).

Т. Блэр: *Look at our economy. At ease with globalization* (6 слов, эллипсис).

Период в развитии политической медиариторики, начавшийся приблизительно с 2010 г. и продолжающийся по настоящее время, характеризуется фрагментацией политического дискурса под влиянием цифровых медиа. Борис Джонсон и Кир Стармер представляют два полюса современной медиариторики.

Борис Джонсон сознательно культивировал образ «контролируемого хаоса», в то время как Кир Стармер представляет собой более системный вариант цифровой риторики.

Однако сравнительно-сопоставительный анализ демонстрирует общность лингвистического репертуара двух политических фигур современности. Мы можем отметить обилие разговорных конструкций (*Get Brexit done*); меметичные сравнения, например, с *The Incredibles*; намеренно небрежные видео в соцсетях.

Лингвистический анализ его выступлений выявляет (табл. 5).

Таблица 5. Грамматические особенности выступлений Б. Джонсона и К. Стармера

Средняя длина предложения, слов	16
Частотность императивов, %	25
Обилие местоимения «you», %	30
Эллипсис	More jobs. Better wages
Персонализированные обращения	You've been ignored

Источник: составлено Н.А. Ахреновой, С.Г. Тер-Минасовой.

Source: compiled by Natalia A. Akhrenova, Svetlana G. Ter-Minasova.

Таким образом, на лингвистическом уровне мы видим адаптацию коммуникации современных британских политиков с обществом под алгоритмы соцсетей.

Корпусный анализ (Lancaster Corpus) демонстрирует радикальные изменения:

- 1) синтаксис упростился на 60 % по сравнению с 1940-ми гг.;
- 2) местоимение «you» выросло с 5 до 30 %;
- 3) средняя длина предложения сократилась с 34 до 14 слов.

Используя методы корпусной лингвистики, материалы Lancaster Corpus и открытых баз политических текстов, можно выявить ключевые различия в синтаксической структуре, лексико-грамматических чертах, риторических приемах в речах «отцов-основателей» британской политической медиариторики и наших современников, отражающие эволюцию британской политической риторики, прошедшую путь от монолога к диалогу. Полученные результаты представлены в табл. 6.

Таблица 6. Корпусный анализ: ключевые различия

Параметр	У. Черчилль (1940)	К. Стармер (2023)
Длина предложения, слов	28–35	12–18
Сложные предложения, %	65	18
Местоимение «We», %	45 (нация)	50 («я + вы»)
Местоимение «You», %	5	30
Архаизмы, слов	12 на 1000	0
Императивы, %	3	25 («Let's do it»)
Лексико-грамматические черты	Архаизмы. Военные метафоры	Разговорная лексика
Риторические приемы	Анафоры. Антитеза	Повторы-слоганы: Education. NHS. Jobs. Вопросы к аудитории: Isn't it time for a fresh start?

Источник: составлено Н.А. Ахреновой, С.Г. Тер-Минасовой.

Source: compiled by Natalia A. Akhrenova, Svetlana G. Ter-Minasova.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что медиариторика эволюционировала от монологических форм к диалогическим, а затем к фрагментированным цифровым форматам. К ключевым изменениям можно отнести: отказ от архаизмов в пользу разговорной лексики; замену сложных синтаксических конструкций простыми; преобладание императивных и эллиптических форм. Риторические стратегии также трансформировались в зависимости от алгоритмических механизмов, задействованных владельцами социальных сетей, для модерации контента в зависимости от целевого адресата: от коллективного «мы» к персонализированному «вы», от исторических аллюзий к поп-культурным отсылкам, от логической аргументации к эмоциональным триггерам.

Ключевым трендом в эволюции политической медиакommunikации в Великобритании под влиянием цифровых технологий становится переход от партийно-идеологического дискурса к персонализированному и эмоциональному. Риторика сместилась от аргументации, основанной на партийных программах, характерной для эпохи печатных СМИ, к фокусу на личности лидера, его эмоциях и персональной истории.

Возрастающая роль телевидения, а затем и социальных сетей, способствовала доминированию коротких, емких, эмоционально заряженных сообщений.

Стиль коммуникации Тони Блэра (риторика «третьего пути») эволюционировал к более прямому эмоциональному вовлечению в эпоху Дэвида Кэмерона и достиг апогея в популистской риторике кампании Brexit Бориса Джонсона, где упрощение сложных сущностей и апелляция к «здравому смыслу» стали ключевыми стратегиями.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния искусственного интеллекта на политический дискурс, включая: Deepfake-выступления; чат-ботов в политической коммуникации; алгоритмическую персонализацию сообщений.

Как показывает наше исследование, если У. Черчилль создавал свои речи для истории, то современные политики вынуждены говорить для алгоритмов социальных сетей. Эта фундаментальная трансформация требует переосмысления традиционных подходов к изучению политической коммуникации.

Библиографический список

1. Ахренова Н.А. Эволюция политической медиариторики: от монолога к цифровой фрагментации // Медиалингвистика. Вып. 12. Язык в координатах массмедиа : материалы IX Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. СПб. : Медиапир, 2025. С. 168–173.
2. Ахренова Н.А., Голубцова, Е.В. Зененко Н.В. [и др.]. Лингвопрагматические особенности коммуникации власти и общества в цифровой среде: от государственных порталов к искусственному интеллекту // Информационная война: формы ведения и методы лингвистического анализа. М. : ФЛИНТА, 2025. С. 69–101. EDN NGWNQO.

3. Добросклонская Т.Г., Логинова П.Г. Политическая медиариторика: системный подход к исследованию речевых практик политического медиадискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12. № 4. С. 47–54. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-4-47-54> EDN RGQOQW
4. Логинова П.Г. Генезис политической медиариторики: французский вектор / П.Г. Логинова. М. : Директ-Медиа, 2024. EDN VVCMAF
5. McLuhan M. *Understanding Media. The extensions of man*. McGraw-Hill, 1964.

References

1. Akhrenova, N.A. (2025). Evolyutsiya politicheskoi mediaritoriki: ot monologa k tsifrovoy fragmentatsii Medialingvistika. In: Vip. 12. *Yazik v koordinatakh massmedia : mat-li IX Mezhdunar. nauchn. konferentsii* (SanktPeterburg, 25–28 iyunya 2025 g.), L.R. Duskaeva & A.A. Malishev (Eds.) (pp. 168–173). Sant Petersburg: Mediapapir. (In Russ.).
2. Akhrenova, N.A., Golubtsova, Ye.V., Zenenko, N.V., et al. (2025). Lingvopragmaticheskie osobennosti kommunikatsii vlasti i obshchestva v tsifrovoy srede: ot gosudarstvennikh portalov k iskusstvennomu intellektu. In: *Informatsionnaya voyna: formi vedeniya i metodi lingvisticheskogo analiza* (pp. 69–101). Moscow: FLINTA. (In Russ.). EDN NGWNQO
3. Dobrosklonskaya, T.G., & Loginova, P.G. (2023). Politicheskaya mediaritorika: sistemnyi podkhod k issledovaniyu rechevikh praktik politicheskogo mediadiskursa. *Nauchnie issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, 12(4), 47–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-4-47-54> EDN RGQOQW
4. Loginova, P.G. (2024). *Genезis politicheskoi mediaritoriki: frantsuzskii vector*. Moscow: Direkt-Media. (In Russ.). EDN VVCMAF.
5. McLuhan, M. (1964). *Understanding Media. The extensions of man*. McGraw-Hill.

Сведения об авторах:

Ахренова Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, главный специалист по стратегическому развитию, профессор кафедры теории и практики иностранных языков института иностранных языков, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: дискурс-анализ, цифровая гуманитаристика, медиалингвистика, интернет-лингвистика, межкультурная коммуникация; *e-mail*: nakhrenova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1265-5595, SPIN-код: 9818-1046, AuthorID: 265006.

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); *сфера научных интересов*: межкультурная коммуникация, методика преподавания иностранных языков, антропологистика, сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: nakhrenova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4274-6674, SPIN-код: 6415-9521, AuthorID: 666456.

Information about the authors:

Natalia A. Akhrenova, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor, Chief Specialist for Strategic Development of the Institute of Foreign Languages, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: discourse analysis, digital humanities, media linguistics, Internet linguistics, intercultural communication; *e-mail*: nakhrenova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1265-5595, SPIN-код: 9818-1046, AuthorID: 265006.

Svetlana G. Ter-Minasova, Dr.Sc. (Philology), Professor, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskiye Gory, Moscow, Russian Federation, 119991); *Research interests*: intercultural communication, foreign language teaching methodology, anthropolinguistics, comparative linguistics; *e-mail*: nakhrenova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4274-6674, SPIN-code: 6415-9521, AuthorID: 666456.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1102-1120

EDN: MYXWSV

Научная статья / Research Article

Социолингвистические категории языков КНР: структурная модель обыденных представлений и ее визуализация

С.А. Москвичева , Сюэ Ли

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 moskvitcheva@mail.ru

Аннотация. Анализируются социальные представления китайской молодежи о наиболее значимых социолингвистических категориях (родной, общий, национальный и др. язык) в синоязычном пространстве. Целью исследования было построение структурной модели когнитивного поля данных номинаций, взятых не в логико-рациональном, или концептуальном векторах, а с точки зрения обыденных смыслов, связанных с данными номинациями. Искомая структура коррелирует с лексико-семантическим полем, но имеет иную природу. Основным методом исследования стала комплексная методика построения модели структуры репрезентаций (ММСР), которая включает следующие этапы: составление специальной анкеты, анкетирование, анализ полученных результатов в соответствии с разработанными в ММСР индексами оценки, согласия и дистанции. Построение и визуализация модели структуры представлений в виде графа, интерпретация результатов, анкетирование проводилось среди китайских студентов вузов РФ нефилологических специальностей, всего приняло участие 95 человек. В результате исследования получена ментальная карта структуры представлений изучаемых категорий. Ее анализ показал, что структура обыденных представлений социолингвистических категорий хорошо организована, что говорит о ее значимости в языковой и когнитивных картинах мира молодых китайцев. В структуре выделяется управляющее ядро представлений, в которой входят такие номинации *путунхуа*, *му юй* (родной язык), *хуа юй* (китайский язык). На периферии оказываются номинации нестандартизованных вариантов языка по типу говоров. Центр структуры (зона седиментации) обеспечивает ее пластичность, преемственность и возможность апроприации говорящими. Зона неопределенности связана с номинацией *фан янь* (диалект) и свидетельствует о неоднозначности восприятия данной категории, его неустойчивости и высокой вероятности функциональной динамики.

Ключевые слова: социолингвистическая категоризация, китайский язык, репрезентация языка, понятие, ментальная карта, модель структуры репрезентаций

Вклад авторов: концепция исследования, разработка методики комплексного анализа представлений, дизайн и визуализация модели структуры – С.А. Москвичева. Разработка, анкеты, проведение анкетирования, частичная обработка результатов – Ли Сюэ. Оба автора одобрили окончательный текст статьи.

© Москвичева С.А., Ли Сюэ, 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: работа выполнена в рамках проекта 050738-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

История статьи: дата поступления: 23.07.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Москвичева С.А., Ли Сюэ. Социолингвистические категории языков КНР: структурная модель обыденных представлений и ее визуализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1102–1120. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1102-1120>

Sociolinguistic Categories of Languages in the PRC: a Structural Model of Everyday Representations and Its Visualization

Svetlana A. Moskvitcheva , **Li Xue**

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 moskvitcheva@mail.ru

Abstract. The article analyzes the social perceptions of Chinese youth regarding the most significant sociolinguistic categories (native, common, national, and other languages) within the Chinese-speaking space. The objective of this study was to construct a structural model of the cognitive field associated with these nominations, approached not from logical-rational or conceptual perspectives but through the lens of everyday meanings attributed to them. The primary research method employed was a comprehensive methodology for constructing a Model of the Structure of Representations (MSR), which encompassed several stages: developing a specialized questionnaire, conducting surveys, analyzing the results in accordance with MSR evaluation indices — namely evaluation, agreement, and distance — constructing and visualizing the representation structure model as a graph; followed by interpreting the findings. The survey involved 95 Chinese students majoring in non-humanities disciplines at Russian universities. As an outcome of this investigation, a mental map illustrating the structure of representations for the studied categories was developed. Analysis revealed that the structure of everyday representations of sociolinguistic categories is well-organized, which indicates its significance within young Chinese individuals' linguistic and cognitive worldviews. This structure is characterized by a governing core of representations comprising nominations such as putonghua, mu yu (native language), and hua yu (Chinese language). In contrast, non-standardized language varieties like dialects occupy peripheral positions. The central area of this structure — the sedimentation zone — facilitates flexibility, continuity, and potential appropriation by speakers. Furthermore, an uncertainty zone is linked to nomination fang yan (dialect), reflecting its ambiguous perception along with inherent instability and high likelihood for functional dynamics.

Keywords: sociolinguistic categorization, languages of the PRC, Chinese language, concept, mental map, model of structure of social representations

Authors' contribution: research concept, development of the methodology of comprehensive analysis of representations, design and visualization of the structural model – S.A. Moskvitcheva. Development of the questionnaire, conducting the survey, and partial processing of the results – Li Xue.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interest.

Financing: the work was carried out within the framework of project 050738-0-000 of the RUDN grant support system for scientific projects.

Article history: received: 23.07.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Moskvitcheva, S.A., & Xue, Li. (2025). Sociolinguistic Categories of Languages in the PRC: a Structural Model of Everyday Representations and Its Visualization. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1102–1120. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1102-1120>

Введение

Социолингвистические категории языков (государственный язык, первый язык и др.), являясь частью терминосистемы социолингвистики, одновременно обладают высокой общественной значимостью и мобилизационным потенциалом в рамках дискурса власти, языковых активистов и простых носителей того или иного языка или его варианта. Известно, что значимость единицы определяется ее местом в структуре и не является ни психологическим коррелятом вещи, ни проекцией значения по оси референции. Значимость той или иной номинации социолингвистической категории языков может быть определена как совокупность дифференциальных признаков в рамках лексико-семантического поля данной терминосистемы, поскольку все они являются языковыми единицами. Вместе с тем, значимость данных единиц может определяться и на когнитивном уровне, где они реализуются в виде индивидуальных или социальных представлений (репрезентаций). Именно ко второму типу относится предлагаемая к обсуждению структурная модель представлений, связанных с социолингвистическими категориями языков КНР, значимость которых определяется не в терминах лексико-семантических категорий, а их местом на ментальной карте носителей синоязычного пространства.

«Социолингвистика в отличие от других областей языкознания, таких как типология и компаративистика не выработала четкой классификаций языков по их функции в обществе, статусу и особенностям функционирования» [1. С. 9]. Создание непротиворечивой социолингвистической классификации языков осложняется количеством и качеством задач, решаемых в рамках социолингвистики. Вместе с тем существует большое количество более или менее общих и частных классификаций языков с точки зрения тех или иных социолингвистических параметров (В.А. Аврорин, Г.В. Степанов М.И. Исаев, Ю.Д. Дешериев, А.Д. Швейцер, Э. Хауген, Х. Клосс, Ж. Муляшич и др.).

Предмет нашего исследования, а именно классификация по типам социолингвистических категорий языков (государственный, национальный, этнический, родной и т.д.) стоит в ряду аспектирующих (частных) социолингвистических классификаций. Детальная разработка данной классификации, также как и идея создания типологии на основе концептуализации номинаций миноритарных языков в европейском регионе принадлежит А. Вио и его коллегам [2–5]. Работа под его руководством выполнялась в рамках ряда научных исследований в 2010–2018 гг. Одним из ее результатов стало создание Базы

данных CLME (Catégorisation des langues minoritaires en Europe (Категоризация миноритарных языков в Европе))¹.

В Базе данных представлены номинации и их дефиниции на целом ряде европейских языков (французский, английский, испанский, итальянский, русский и др.), что создает широкие возможности для исследования социолингвистической категоризации пространств. Вопросы, связанные с номинациями социолингвистических категорий языков в синоязычном пространстве, обсуждалась в работах О.И. Завьяловой [6], Ли Сюэ [7. С. 99–113]. В вышеупомянутых работах задачи по выявлению структуры поля номинаций социолингвистических категорий не ставились, хотя и были определенные попытки подойти к вопросам структуры социолингвистических номинаций языков через понятия прототипа [8. С. 49–69].

Вместе с тем выявление структурных отношений в поле номинаций языков не менее важно, чем создание их номенклатуры. Представляется, что это второй необходимый этап исследования данной проблематики, поскольку именно анализ структуры приводит к пониманию векторов динамики языковой ситуации.

Структурирование поля номинаций возможно по нескольким направлениям.

Во-первых, поскольку данные номинации представляют собой термины и являются частью терминосистемы социолингвистики, возможно их структурирование в понятийном, логико-рациональном ключе, то есть в собственно дисциплинарном поле социолингвистики. В таком случае речь идет о классическом лексико-семантическом поле терминов-понятий исследуемой области.

Во-вторых, поскольку большая часть данных номинаций активно используется в ряде публичных дискурсов (языковые идеологии, языковой активизм и др.), где часто размывается или вообще теряется их собственно терминологическая природа, но приобретаются дополнительные контекстуальные и ситуативные смыслы, можно говорить о существовании особой структуры социолингвистических категорий языков в поле дискурсивных идеологических формаций [9]. Эти единицы близки к концепту, понимаемому вслед за Н.Д. Арутюновой и Ю.С. Степановым как «понятие, погруженное в культуру», то есть как понятия эмоционально переживаемые и аксиологически нагруженные.

Наконец, в-третьих, данные номинации являются словами естественного языка и как таковые отсылают к обыденным представлениям носителей языка об устройстве и организации окружающего языкового пространства. В этом смысле, с когнитивной точки зрения, речь идет о социальных представлениях [10–14]. Структуру в виде модели, соотносимой с ментальной картой этих

¹ База данных CLME находится в открытом доступе по ссылке: <https://baseclme.u-bordeaux-montaigne.fr/> (дата обращения 15.05.2025).

последних, а также алгоритм ее построения мы предлагаем к обсуждению в данной статье.

Обращение к обыденным представлениям о понятиях, связанных с социолингвистическими категориями языков, представляется обоснованным. Членение и стратификация языкового пространства, как правило, осуществляемое государством и на территории государства, прямо или косвенно затрагивает интересы всех граждан. Статусы языков производны и прямо коррелируют с его функциональным и символическим потенциалом, возможностями использования языка в различных ситуациях и сферах коммуникации, а это чувствительные для социума области языковой политики и планирования. Статус языка может оказаться и мобилизационным ресурсом, и как раз в таких случаях акторы социальных движений апеллируют не к понятийному рационально-логическому смыслу термина, а к его обыденным значениям, а значит не к понятию, а к представлению.

Методология исследования

Методология исследования в теоретическом плане опирается на идеи и разработку методики структурирования социальных представлений (далее термин представление и репрезентация используются как синонимы) о языке, изложенную в работах В. Морера [14]. Подробно адаптированная и уточненная версия данной методики изложена в работах С.А. Москвичевой [15; 16]. Вместе с тем считаем необходимым кратко изложить основные принципы и этапы анализа.

Предлагаемая количественно-качественная методика построения структурной модели представлений включала пять этапов: отбор номинаций и составление анкеты, анкетирование, обработка результатов анкетирования методом Комплексной методики моделирования структуры представлений, визуализация модели, интерпретация полученных данных. На первом этапе для анализа были отобраны номинации социолингвистических категорий языков. Результат с переводом на русский и английский языки, а также с транслитерацией представлен в табл. 1. Перевод номинаций выполнен при помощи Большого китайско-русского словарей и Словаря Term online². Вместе с тем авторы отдают отчет в том, что часть предложенных вариантов перевода нуждается в уточнении, поскольку реалии, стоящие за номинациями различны.

Отбор номинаций осуществлялся следующим образом: ряд номинаций (2, 6, 8, 10, 11, 12) были отобраны нами как безусловно важные понятия, обозначающие специфичные реалии синоязычного пространства. Остальные номинации были отобраны после опроса группы (в двадцать человек) китайских-студентов первого курса магистратуры (филологи и лингвисты). Им было предложено в течение 10 минут написать 10–15 китайских терминов,

² Большой БКРС. Режим доступа: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 14.09.2025); Term online. Режим доступа: <https://www.termonline.cn/> (дата обращения: 14.09.2025).

связанных с социолингвистической категоризацией языков. Из полученных списков терминов были отобраны 12 наиболее частотных.

Таблица 1. Номенклатура исследуемых номинаций социолингвистических категорий синоязычного языкового пространства

Table 1. The nomenclature of the examined nominations pertaining to sociolinguistic categories within the Chinese-speaking space

Номинации / Nominations	Транслитерация / Transliteration	Перевод на русский / Translation into Russian	Перевод на английский / Translation into English
1. 本地话	Бэньдихуа	Локальный вариант/ диалект (нейтрально)	Vernacular
2. 国语	Гоюй	Национальный (государственный) язык	National language
3. 民族语言	Миньцзу юйянь	Этнический/ национальный язык	Ethnic language
4. 母语	Муюй	Родной язык	Mother tongue
5. 土话	Тухуа	Местный диалект/говор (оттенок пренебрежения)	Aboriginal vernacular
6. 普通话	Путунхуа	Путунхуа/ Общенациональный китайский язык	Putonghua
7. 少数民族语言	Шаошу миньцзу юйянь	Язык этнического / национального меньшин- ства	Minority language
8. 白话	Байхуа	Простая речь	Written vernacular Chinese/ baihua
9. 族际通用语	Цзучзи тунюн юй	Лингва франка	Lingua franca
10. 官话	Гуаньхуа	Мандаринский язык	Mandarin
11. 方言	Фанянь	Диалект	Dialect
12. 文言	Вэньянь	Классический китайский язык	Classical Chinese
13. 标准语	Бяочжуньюй	Стандартный/ литературный язык	Standard language
14. 汉语	Ханьюй	Китайский язык	Chinese language
15. 通用语	Тунъюньюй	Общий язык	Common language
16. 官方语言	Гуаньфанюйянь	Официальный язык	Official language
17. 华语	Хуаюй	Китайский язык	Standard Chinese
18. 第一语言	Ди'и юйянь	Первый язык	First language
19. 地方话	Дифанхуа	Местный диалект	Local dialect
20. 民族共同语	Миньцзу гунтунюй	Национальный общий язык	National common language

Источник: составлено С.А. Москвичевой, С. Ли.

Source: compiled by Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue.

Далее была сформирована анкета на китайском языке, в которой в том же порядке и под теми же номерами, что и в Таблице 1, были представлены номинации социолингвистических категорий. На следующем этапе было проведено анкетирование. Респондентами стали китайские студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры из разных регионов КНР, обучающиеся в российских вузах на негуманитарных специальностях. Возраст респондентов был от 20 до 30 лет. Анкетирование проводилось в мае-июне 2025 г. Респондентам было предложено выбрать четыре номинации, которые, с их точки зрения, имеют наибольшую значимость в области категоризации языкового пространства КНР и оценить их в +2, далее выбрать еще четыре номинации, которые наименее значимы и оценить их в –2, затем выбрать четыре номинации, которые более или менее значимы (оценка +1), и, наконец, выбрать четыре номинации, которые скорее незначимы (оценка –1). Четыре номинации в каждой анкете остаются неоцененными. Всего было получено 95 корректно заполненных анкет. Тот факт, что мы работали не со специалистами в данной области, позволяет предположить, что в результате анкетирования была получена оценка именно представлений (репрезентаций) обыденного сознания, а не понятий, связанных с социолингвистической категоризацией языкового пространства КНР.

Полученные в результате анкетирования данные были обработаны по методике построения структуры репрезентаций (Модель МСР), разработанной одним из авторов статьи [15; 16] с опорой и под влиянием работы В. Морера и П.-А. Деруссо [14]. Структура репрезентаций строится с использованием математического аппарата и опирается на три количественных показателя: индекс оценки репрезентации, индекс согласия, индекс дистанции.

Индекс оценки рассчитывается по приведенной ниже формуле (рис. 1) и показывает, насколько высоко данная репрезентация оценивается респондентами. Чем выше его показатель, тем более значимой оказывается репрезентация в когнитивном поле респондентов. В предлагаемой модели минимальна оценка равна –2, а максимальная +2.

$$\bar{x}_j = \frac{1}{N} \times \sum_{i=1}^N x_{i,j}$$

Рис. 1. Формула индекса оценки: N означает количество респондентов,

$x_{i,j}$ — оценка одним любым респондентом одной номинации.

Figure 1. The formula of the evaluation index: N denotes the number of respondents,

$x_{i,j}$ is the rating of any one respondent for one nomination

Индекс согласия (σ_i) рассчитывается по формуле, приведенной на рис. 2 и показывает, насколько высок разброс оценок респондентов относительно той или иной репрезентации. N означает общее количество ответов, x_{ij} — показатель оценки респондентами номинаций, а $\bar{x}_j$ — среднее арифметическое показателя оценки номинаций.

$$\sigma_i = \sqrt{\frac{1}{N} \cdot \sum_{i=1}^N (x_{i,j} - \bar{x}_j)^2}$$

Рис. 2. Формула индекса согласия (среднее квадратическое отклонение)

Figure 2. The formula of the consent index (average square deviation)

Индекс дистанции применяется в работах по психологии [12; 13; 17] откуда он и был заимствован. Формула, по которой он рассчитывается, заимствована из [15] и приведена на рис. 3. В отличие от индекса оценки и индекса консенсуса, которые ориентированы, собственно, на репрезентации и являются математическим выражением их характеристик, индекс дистанции ориентирован на респондентов и оценивает их когнитивное поле. Данный индекс рассчитывается по каждому респонденту отдельно и показывает, какое место те или репрезентации занимают в его сознании. Далее эти данные сводятся по всем респондентам [17. С. 210]. Значения индекса дистанции в нашей системе измерения равна от 0 до 4. Чем меньше показатель индекса дистанции, тем выше связь между представлениями в сознании респондентов.

$$D_{jA,jB} = \sqrt{\frac{1}{N} \cdot \sum_{i=1}^N (x_{i,jA} - x_{i,jB})^2}$$

Рис. 3. Формула индекса дистанции: $D_{jA,jB}$ означает индекс дистанции между номинацией jA и номинацией jB , а $x_{i,jA}$ и $x_{i,jB}$ – оценки индивидом x номинаций A и B

Источник: составлено Б. Маурером и П.-А. Деруссо [14. С. 109].

Figure 3. The formula of the distance index: $D_{jA,jB}$ denotes the distance index between nomination jA and nomination jB , and $x_{i,jA}$ and $x_{i,jB}$ are individual x 's assessments of nominations A and B

Source: compiled by B. Maurer, P.-A. Desrousseaux [14. P. 109].

Совмещение трех индексов дает возможность построить и визуализировать модель структуры репрезентаций социолингвистических категорий синоязычного пространства у образованных молодых граждан КРН.

Результаты

По индексу оценки распределение исследуемых номинаций приведено в табл. 2. Категории расположены на шкале по возрастанию индекса оценки слева направо.

В самом первом приближении анализ показывает, что категории распределяются по трем группам. Во-первых, это это номинации 5, 9 и 19 верхней части табл. 2, которые получают однозначно низкую оценку. Это периферия

поля номинаций. Во-вторых, это номинации 6, 4, 14 нижней части, которые получают однозначно высокую оценку. Это ядро поля номинаций. К ним, но с большим отрывом, примыкает номинация 2. Далее идут номинации центра (но не ядра) (20, 10, 8, 12, 18, 7, 1, 11, 17, 15, 13, 3, 16).

Таблица 2. Индекс оценки номинаций социолингвистических категорий синоязычного пространства
Table 2. Evaluation index of nominations of sociolinguistic categories in the Chinese-speaking space

Номинация / Nomination	5	9	19	20	10	8	12	18	7
Показатель / Score	−1.21	−1.18	−0.95	−0.64	−0.55	−0.49	−0.43	−0.33	−0.18

Номинация / Nomination	1	11	17	15	13	3	16	2	14	4	6
Показатель / Score	−0.03	0.04	0.15	0.13	0.15	0.19	0.40	0.91	1.44	1.46	1.55

Источник: составлено С.А. Москвичевой, С. Ли.
Source: compiled by Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue.

По индексу согласия распределение номинаций представлено в табл. 3. Значения расположены слева направо по увеличению показателя согласия.

Таблица 3. Индекс согласия (дисперсия оценки) номинаций социолингвистических категорий синоязычного пространства
Table 3. The agreement index (evaluation variance) of the nominations of sociolinguistic categories in the Chinese-speaking space

Номинация / Nomination	1	11	12	13	3	20	8	7	10
Показатель / Score	1.52	1.4	1.33	1.23	1.25	1.25	1.25	1.24	1.22

Номинация / Nomination	16	17	15	9	19	2	18	5	4	6	14
Показатель / Score	1.21	1.19	1.16	1.1	1.05	1.05	1.0	0.99	0,94	0.90	0.86

Источник: составлено С.А. Москвичевой, С. Ли.
Source: compiled by Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue.

Максимальные разногласия вызывает значимость номинаций 1 (*бенди-хуа*) и 11 (*фан янь*) с показателями 1,52 и 1,4 соответственно. Поляризованы мнения и относительно номинации 12 (*веньянь*). Это говорит о том, что они расположены в зоне максимальной неопределенности с точки зрения их динамики, а значит, эти категории имеют определенный мобилизационный потенциал и при определенных условиях могут послужить ресурсом в актах языкового и культурного планирования. Напротив, позиции номинаций 14, 6,

4 максимально устойчивы, а если учесть факт их наибольших показателей и по индексу оценки, то необходимо признать, что именно они являются безусловным ядром, определяющим и задающим смыслы всей структуре.

Результаты анализа по **индексу дистанции** между всеми номинациями приведены в виде матрицы (рис. 4).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1	-	-																		
2	2,013	-																		
3	2,039	1,801	-																	
4	2,371	1,566	1,955	-																
5	2,224	2,581	2,150	2,998	-															
6	2,371	1,619	2,208	1,298	3,169	-														
7	2,072	2,055	1,586	2,191	1,824	2,437	-													
8	1,922	2,093	1,974	2,490	1,664	2,630	1,768	-												
9	2,241	2,505	2,123	3,045	1,425	3,154	1,922	1,680	-											
10	1,889	2,093	2,031	2,548	1,701	2,548	2,065	1,717	1,747	-										
11	2,250	2,210	1,858	2,188	2,080	2,203	1,658	2,057	2,380	2,181	-									
12	2,252	2,283	2,024	2,475	1,847	2,492	1,753	1,955	1,965	1,960	1,720	-								
13	2,049	1,704	1,914	2,169	2,250	2,090	1,809	1,989	2,132	1,783	2,162	2,075	-							
14	2,326	1,455	2,013	1,257	2,984	1,076	2,317	2,482	3,007	2,511	2,212	2,384	2,075	-						
15	2,070	1,759	1,765	1,944	2,008	2,065	1,750	1,925	1,995	1,812	1,903	2,013	1,603	2,055	-					
16	2,174	1,812	1,830	1,992	2,324	1,762	2,049	2,072	2,362	1,835	1,824	1,883	1,648	1,798	1,536	-				
17	2,042	1,638	1,708	1,989	2,191	1,989	1,783	1,827	2,222	1,867	1,878	1,858	1,832	1,741	1,701	1,689	-			
18	1,642	1,944	1,738	2,280	1,759	2,308	1,847	1,539	1,651	1,440	1,855	1,858	1,838	2,215	1,511	1,676	1,596	-		
19	1,917	2,384	2,098	2,774	1,294	2,864	1,792	1,717	1,556	1,765	1,957	1,900	1,989	2,774	1,957	2,229	1,987	1,579	-	
20	2,220	2,231	1,878	2,795	1,741	2,675	1,812	1,798	1,559	1,774	2,049	1,818	1,861	2,600	1,832	2,029	2,031	1,661	1,804	-

Рис. 4. Матрица индекса дистанции

Источник: составлено С.А. Москвичевой, С. Ли.

Figure 4. The distance index matrix

Source: compiled by Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue.

Напомним, что поскольку речь идет о дистанции между номинациями на когнитивном уровне, то есть в сознании индивида, то индекс дистанции считается по каждому респонденту, а затем полученные значения сравниваются. Ориентированность на респондентов, а не на номинации, является принципиальным отличием данного индекса от двух других. В матрице представлены показатели дистанции между всеми номинациями. В нашей модели структуры номинаций мы предлагаем учитывать только наиболее близкие значения. Условимся, что таковыми мы будем считать показатель до 1,6. Все значения ниже данного показателя выделены на рисунке желтым цветом и жирным шрифтом. Остальные цвета незначимы и используются для облегчения восприятия рисунка. В табл. 4 представлены пары номинаций с наиболее близкой когнитивной дистанцией. Анализ связей совмещен с анализом и интерпретацией модели структуры репрезентаций социолингвистических категорий в синоязычном пространстве.

Совмещение данных трех индексов позволяет построить модель структуры представлений, визуализация которой дана на рис. 5. Под рисунком для удобства мы еще раз приводим номинации с их номером в иероглифики и транслитерации.

Таблица 4. Пары номинаций с минимальными показателями дистанции
Table 4. Pairs of nominations with minimum distance indicators

Номинация / Nomination	6–14	4–14	5–19	4–6	5–9	2–14	15–18
Покатель / Score	1, 08	1,26	1,29	1,30	1,42	1,46	1,51

Номинация / Nomination	15–16	8–18	9–20	9–19	2–4	8–19	3–7	17–18
Покатель / Score	1,54	1,54	1,56	1,57	1,57	1,58	1,59	1,60

Источник: составлено С.А. Москвичевой, С. Ли.
Source: compiled by Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue.

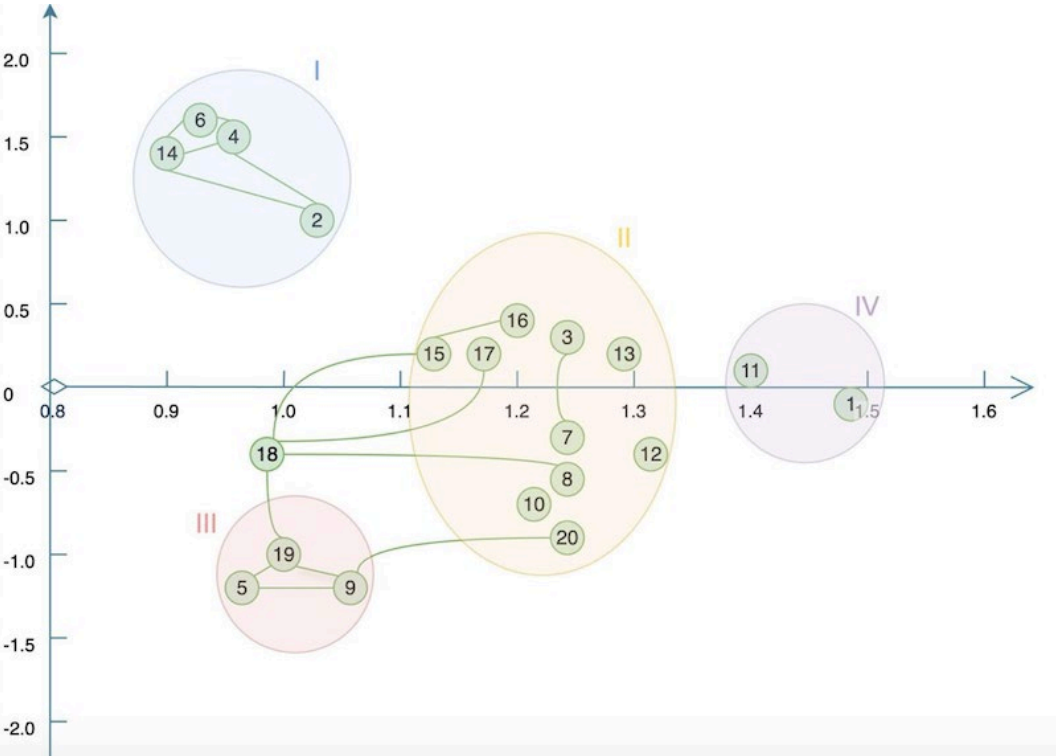

Рис. 5. Структура представлений социолингвистических категорий синоязычного пространства (в группе китайцев в возрасте от 20 до 30 лет)

Источник: составлено С.А. Москвичевой, С. Ли.

Figure 5. The structure of representations of sociolinguistic categories in the Chinese-speaking space (in the Chinese group aged from 20 to 30 years)

Source: compiled by Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue.

Легенда:

По оси абсцисс (x) отложены показатели индекса согласия в интервале от 0,8 до 1,6.

По оси ординат (y) отложены значения индекса оценки в интервале от –2 до +2.

Линиями соединены номинации с минимальными показателями индекса дистанции.

Круги, обозначенные римскими цифрами, группируют подмножества номинаций: I — ядро структуры II — центр, III периферия (антиядро), IV — зона максимальной неопределенности.

Номинации: 1. 本地话 (Беньдихуа). 2. 国语 (Гоюй). 3. 民族语言 (Миньцзу юйянь). 4. 母语 (Муюй). 5. 土话 (Тухуа) 6. 普通话 (Путунхуа). 7. 少数民族语言 (Шаошу миньцзу юйянь). 8. 白话 (Байхуа). 9. 族际通用语 (Цзуцзи тунюньюй). 10. 官话 (Гуаньхуа). 11. 方言 (Фанъянь). 12. 文言 (Вэньянь). 13. 标准语 (Бяочжунюй). 14. 汉语 (Ханьюй). 15. 通用语 (Тунюньюй). 16. 官方语言 (Гуаньфан юйянь). 17. 华语 (Хуаюй). 18. 第一语言 (Ди'и юйянь). 19. 地方话 (Дифанхуа). 20. 民族共同语 (Миньцзу гунтуьюй).

Обсуждение результатов

Полученная структура номинаций представляет собой ментальную карту, отражающую место, значение и динамический потенциал той или иной социолингвистической категории в когнитивной синоязычной картине мира. Ее задача не просто ранжировать номинации по шкале ценностей, а показать их место в структуре, тем самым определив их функцию и потенциальную социальную динамику. Анализ полученной структуры и ее описание учитывает как количественные, так и качественные параметры модели. Обсуждение количественных показателей включает следующие вопросы:

1. Где и как группируются номинации по оси y относительно 0;
2. Присутствуют ли в модели существенные выбросы и экстремально высокие показатели относительно оси y (индекс оценки близкий к +2 или -2);
3. Присутствуют ли выбросы вправо и экстремально высокие значения по оси x (зоны высокий неопределенности по индексу согласия);
4. Какое количество связей отмечается между номинациями (индекс дистанции со значением $< 1,6$);
5. Сформированы ли кластеры (пучки) преставлений и каково их количество.

При обсуждение качественных параметров структуры предлагается обратить внимание на следующие аспекты:

1. Каково значение и функция четырех выделенных зон в рамках данной структуры;
2. Есть ли корреляции между семантикой номинаций и ее вхождения в зоны ядра, центра, периферии и неопределенности;
3. Какие социальные и политические процессы в обществе косвенно маркируются вхождением номинации в ту или иную зону.

Перейдем к обсуждению и интерпретации структурной модели репрезентаций. Поле представлений социолингвистических категорий синоязычного пространства представляет собой хорошо организованную, практически эталонную структуру с четко выраженным ядром (I), центром (II), периферией (III) и зоной неопределенности (IV). Большинство элементов структуры оказываются связаны друг с другом (15 связей с индексом дистанции менее 1,6), что говорит о высокой апроприации и значимости данных категорий в сознании молодого поколения китайцев.

На графике, который является визуализацией модели структуры представлений, видно, что большинство номинаций группируются на оси у около нуля в интервале от $-0,5$ до $+0,5$. Присутствуют три выброса в сторону высокой положительной оценки (6, 4, 14 и условно 2) и три выброса в сторону отрицательной оценки (9, 5, 19). Важно, что номинации как положительного выброса, так и отрицательного имеют высокий показатель индекса согласия. Кроме того, данные номинации образуют два кластера, внутри которых показатели индекса дистанции незначительны. Кластер номинаций 6, 4, 14 и 2 формирует безусловное ядро структуры (подмножество I на графике), кластер номинаций 5, 19, 9 (подмножество III) формирует периферию поля представлений. Отметим, что периферия структуры через номинацию 18 (и условно 20) оказывается связанной с центром. Ядро же структуры изолировано.

Ядро структуры представляет собой наиболее стабильную часть поля представлений, в нем актуализованы безусловные на данный момент и прошедшие проверку временем ценности и нормы. «Ядро отражает консенсус группы, играет нормативную роль, выражающуюся непосредственно в суждениях и действиях, в суждениях в отношении действий» (Бовина, 2010: 15). В ядро исследуемой структуры входят такие номинации, как *путунхуа*, *му юй* (родной язык), *ханьюй*. К ним примыкает, но с существенно более низкими показателями как оценки, так и консенсуса (индекс согласия) *гоюй*. Фактически можно говорить о сформированности на когнитивном уровне синонимии этих понятий. В кластере данных представлений интересна номинация *му юй* (родной язык). Если на нашу модель наложить данные инструмента Google Ngram, мы увидим, что рост использования номинации *му юй* начинается с 80-х гг. XX в. и резко возрастает к десяткам лет XXI в. На рис. 6 представлена динамика использования номинаций 4. По всей видимости, эти данные свидетельствуют о возрастании роли психологической парадигмы и нарративов в области языковых идеологий и политики, поскольку неопределенная категория «родной язык», безусловно, относится к этим последним.

Периферия структуры (**зона III** на графической модели) включает представления о таких категориях, как *ту хуа* (5), *дифан хуа* (19) и *цзуцзи ту юй* (9). Все три элемента данного кластера также связаны между собой по индексу дистанции. Две номинации (5 и 19) отсылают к миноритарному скорее нестандартному, функционально слабому типу идиома. Номинация 5

имеет коннотации, связанные с пониманием данного идиома как непрестижного, «деревенского». Номинация 19 имеет сему «вымирающий», «угрожаемый» язык. В общем и целом, на периферию структуры представлений уходят номинации, связанные с обозначением небольших говоров, поддиалектов, наречий, но это не традиционные китайские диалекты (фан янь). Номинация 9, которую можно приблизительно перевести как *lingua franca*, также находится на периферии структуры. В целом это объяснимо, поскольку общим языком в КНР является путунхуа и потребности в другом общем языке нет и быть не может.

母语 母 语 (родной язык)

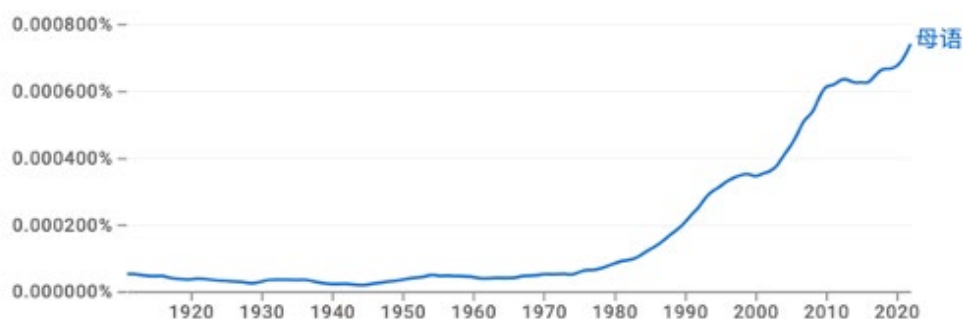

Рис. 6. Ngramm номинации му юй с 1920-х гг. XX в.

(Рисунок представляет собой снимок с экрана инструмента Google Ngramm)

Источник: составлено С.А. Москвичевой, С. Ли.

Figure 6. Ngramm of the nomination Mu Yu since the 1920s of the twentieth century

(The picture is a screenshot from the Google Ngramm tool screen)

Source: compiled by Svetlana A. Moskvitcheva, Li Xue.

В центре структуры (зона II) расположены номинации с условно невысокими показателями оценки и со средними значениями показателями индекса согласия. Вместе с тем центр структуры представляет собой крайне важный кластер репрезентаций. Это место, где проходят процессы седиментации, если использовать геологическую метафору М. Мерло-Понти [18]. Подобно реке, которая накапливает отложения, формирует русло и направляет потоки воды, центр структуры накапливает прошедшие проверку временем представления и создает фундамент структуры. Если ядро управляет последней, то центр обеспечивает пластичность структуры, ее адаптивность, возможность каждому, кто взаимодействует с ней, найти наиболее близкие ему смыслы. В центре нашей структуры находятся все номинации исторических форм существования китайского языка (гуаньхуа (10), байхуа (8), веньянь (12). Там же расположена номинация хуаюй (17), важная для поддержания языкового единства с китайской диаспорой. Значимые названия не собственно китайских, общих для всех социолингвистических категорий языков

(национальный язык (3), язык национальных меньшинств (7), стандартный язык (13), официальный язык (16) и др.) также находится здесь.

Четвертая последняя зона (**Зона IV**) представляет собой зону неопределенности поля представлений. В нее входят две номинации: 1 (*бендикуа* ‘локальный вариант’) и 11 (*фан юй* ‘диалект’ в традиционном понимании в рамках языковой ситуации КНР). Их показатель оценки предельно близок к 0 (–0,03 для номинации (1) и 0,04 для номинации (11)). Без учета индекса согласия можно сделать неверный вывод о незначимости данных номинаций в картине представлений молодых китайцев о социолингвистической категоризации пространства КНР. Однако максимальные для данной структуры значения индекса согласия (напомним, что максимальный показатель 2 означает полное несогласие среди респондентов, 0 — полное согласие) говорят о высокой поляризации мнений: для части респондентов эти номинации очень важны, для части совершенно не важны. Если ядро структуры задает общие смыслы и ценности общества, зона центра является фундаментом и седиментирует и аккумулирует традиции, то зона неопределенности задает векторы ближайшей динамики (в нашем случае речь идет динамики языковых идеологий), которые могут отвечать потребностям общества или по оси сохранения диалектов как языкового (коммуникативно функционального) и культурного наследия КНР, или же по оси модернизации и полного перехода на путунхуа, где диалектам, по всей видимости, отводится роль исключительно культурного наследия. Судя по полученным результатам последний сценарий не вызывает вопросов у значительной части респондентов. В любом случае номинации зоны неопределенности это своего рода мобилизационный потенциал языковой политики и планирования. На основании данных только этой модели сделать достоверные выводы о векторах динамики языковых идеологий было бы легковесно, но рискнем выдвинуть одну гипотезу. Низкая оценка и высокий индекс согласия по номинации 5 (*ту хуа*) возможно свидетельствуют, учитывая всеобщий рост уровня грамотности и образования, о понимании ценности традиционной культуры, что приводит к определенной переоценке местных говоров того или иного диалектного континуума. Их восприятие как исключительно неграмотной «деревенской» речи уходит не периферию восприятия данных реалий.

Заключение

Исследование структуры обыденных представлений о социолингвистических категориях через оценку их номинаций в группе образованных китайцев в возрасте от 20 до 30 лет позволил сделать ряд интересных заключений. Полученная структура представлений хорошо организована. В ней четко выделяется ядро, центр, периферия и зона неопределенности. В ядро структуры ожидаемо вошли такие номинации, как *путунхуа* и *хань юй*, однако практически экспоненциальный рост значимости номинации *му юй* (родной язык)

говорит о значительных сдвигах в системе языковых идеологий КНР в сторону увеличения роли психологической парадигмы. На периферии структуры преимущественно оказываются номинации, связанные с обозначением местных слабо функциональных говоров. Центр структуры, который мы предлагаем называть зоной седиментации (используя терминологию феноменологической школы философии), является ее основой: в ней аккумулируются, традиции, история, культура нации и социума. В центральной зоне нашей модели оказались такие номинации, как *вень янь*, *гуаньхуа*, *бай хуа* и др. Именно центр структуры позволяет любому индивиду найти нужные именно ему смыслы и способствует процессам апроприации исследуемых категорий, но понятых через призму культуры и социума. Наконец, зона неопределенности является источником динамики языковых идеологий и связанных с ней процессов языковой политики и планирования. В нашей модели в зоне неопределенности ожидаемо казалась номинация *фан янь* (диалект).

Предлагаемая модель по своей природе не является вариантом модели лексико-семантического поля терминосистемы номинаций социолингвистических категорий языков, поскольку речь идет исключительно об отношении и оценке репрезентации, а не о дефиниции феномена. В свою очередь, полученные зоны репрезентаций не являются кластерами единиц, связанных категориальными лексико-семантическими отношениями по типу синонимии или гипонимии, хотя, вне всякого сомнения, определенные и часто явные корреляции между полученными кластерами репрезентаций и лексико-семантическими категориями внутри терминосистемы номинаций социолингвистических категорий языков существуют. Однако, это корреляции, обусловленные и опосредованные актуальностью и ценностью тех или иных идеологий и нарративов в обществе относительно вопросов социолингвистической категоризации языкового пространства. По этим же причинам данная модель не является и моделью концептуального поля. В одном из классических пониманий концепт соотносим с понятием, но это понятие, нагруженное дополнительными культурными смыслами (Ю.С. Степанов). Предлагаемая модель оперирует не понятиями и даже не смыслами, а представлениями (репрезентациями) о них, через призму их оценки и отношения к ним. Они и представлены на графе (см. рис. 5), визуализирующем полученную структуру. Значимость данных феноменов в современном обществе определяется местом их репрезентаций в предлагаемой структурной модели.

Библиографический список

1. *Перехвальская Е.В.* Русские пиджины. СПб. : Алетейя, 2008. EDN: YQECEN
2. *Bousquet J., Platon S., Viaut A.* Identifier et catégoriser les noms des langues minoritaires en Europe occidentale. Pessac : Maison des sciences de l'homme, 2014.
3. *Moskvitcheva S., Viaut A.* Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2014.
4. *Viaut, A. (Ed.).* Catégories référentes des langues minoritaires en Europe. Bordeaux-Pessac : Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2021.

5. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М. : Восточная литература, 2010. EDN: QVSKBN
6. Xue L. From Nominations of Socio-Ethnic Groups to Categorization of Minority Languages in China: Semantic Analysis // Moskvticheva S., Viaut A. (eds.) *Minority Languages from Western Europe and Russia: Language Policy*. Cham: Springer, 2019. P. 99–113. https://doi.org/10.1007/978-3-030-24340-1_8
7. Moskvticheva S. Prototypical Notions of Minority Languages in the Soviet Union and Russia: “Native Language” (*rodnoj âzyk*) and “National Language” (*nacional'nij âzyk*) // Moskvticheva S., Viaut A. (eds.). *Minority Languages from Western Europe and Russia. Comparative Approaches and Categorical Configurations*. Cham: Springer (Serie Language Policy), 2019. P. 49–69.
8. Москвичева С.А. Терминология в области социолингвистических категоризаций языков: поиск идеала или точки зрения? // Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4. С. 45–62. EDN: YUPFER
9. Moscovici S. Des représentations collectives aux représentations sociales // Jodelet, D. (dir.). *Les représentations sociales*. Paris : P.U.F., 1989. P. 79–104.
10. Moscovici S. La nouvelle pensée magique. Représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. Vol. XLV. No. 405. P. 137–143.
11. Jodelet D. Les représentations sociales : regard sur la connaissances ordinaires. *Le courrier du CNRS: Dossier scientifique Sciences cognitives*. 1993. № 79. P.109.
12. Jodelet D. Les représentations sociales. Paris : Presses Universitaire de France, 2003.
13. Бовина И.Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20. EDN: PBDSON
14. Maurer B., Desrousseaux P.-A. Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête. Paris : Édition des archives contemporaines, 2013.
15. Москвичева С.А., Александрова О.И., Эбзеева Ю.Н. Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11> EDN: ZDVECW
16. Москвичева С.А., Сувандии Н.Д., Александрова О.И. Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых тувинцев // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 203–225. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.12>
17. Abric J.-C. L'organisation interne des pratiques sociales : systèmes central et système périphérique, in : Guimelli, C. (dir.). *Structure et transformation des représentations sociales*. Paris : Delachaux et Niestlé, 1994. P. 73–84. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.12> EDN: UBAOVE
18. Merleau-Ponty, M. *Phénoménologie de la perception*. Paris : Gallimard, 1945.

References

1. Perekhvalskaya, E.V. (2008). *Russian pidgins*. Saint-Petersburg: Aletheia. (In Russ.). EDN: YQECEN
2. Bousaet, J., Platon, S., & Viaut, A. (eds.). (2014). *Identifier et catégoriser les noms des langues minoritaires en Europe occidentale*. Pessac: Maison des sciences de l'homme. (In French).
3. Moskvticheva, S., & Viaut, A. (2014). *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique*. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine. (In French).
4. Viaut, A. (2021). *Catégories référentes des langues minoritaires en Europe*. Bordeaux-Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine. (In French).
5. Zavyalova, O.I. (2010). *The big world of the Chinese language*. Moscow: Vostochnaja literatura. (In Russ.).

6. Xue, L. (2019). From Nominations of Socio-Ethnic Groups to Categorization of Minority Languages in China: Semantic Analysis. In: Moskvitcheva, S., & Viaut, A. (eds.), *Minority Languages from Western Europe and Russia: Language Policy* (pp. 99–113). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-24340-1_8
7. Moskvitcheva, S. (2019). Prototypical Notions of Minority Languages in the Soviet Union and Russia: “Native Language” (*rodnoj âzyk*) and “National Language” (*nacional'nyj âzyk*). In: Moskvitcheva, S., & Viaut A. (eds.), *Minority Languages from Western Europe and Russia. Comparative Approaches and Categorical Configurations* (pp. 49–69). Cham: Springer (Serie Language Policy).
8. Moskvitcheva, S. (2017). Terminology in the field of sociolinguistic categorizations of languages: the search for an ideal or a point of view? *RGGU Bulletin: “Psychology. Pedagogy. Education”*, 4, 45–62. (In Russ.). EDN: YUPFER
9. Moscovici, S. (1989). Des représentations collectives aux représentations sociales. In: Jodelet, Denise (dir.). *Les représentations sociales* (pp. 79–104). Paris: P.U.F. (In French).
10. Moscovici, S. (1992). La nouvelle pensée magique. Représentation. *Bulletin de psychologie*, 14(405), 137–143. (In French).
11. Jodelet, D. (1993). Les représentations sociales : regard sur la connaissances ordinaires. *Le courrier du CNRS : Dossier scientifique Sciences cognitives*, 79, 109. (In French).
12. Jodelet, D. (2003). *Les représentations sociales*. Paris: Presses Universitaire de France. (In French).
13. Bovina, I.B. (2010). Theory of social representations: history and modern development. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 3, 5–20. (In Russ.). EDN: PBDSON
14. Maurer, B., & Desrousseaux, P.-A. (2013). *Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête*. Paris : Édition des archives contemporaines. (In French).
15. Moskvitcheva, S.A., Aleksandrova, O.I. & Ebzeeva, Yu.N. (2022). Folklore culturemes in the structure of cultural representations of Tuvan people. *New Research of Tuva*, 1, 164–182. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>
16. Moskvitcheva, S.A., Suvandii, N.D. & Alexandrova, O. (2024). The structures of representations of the Tuvan language and Tuvan culture in the Russian-speaking picture of the world of young Tuvans. *New Research of Tuva*, (3), 203–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.12> EDN: ZDVECW
17. Abric, J.-C. (1994) L'organisation interne des pratiques sociales : systèmes central et système périphérique. In: Guimelli, C. (dir.), *Structure et transformation des représentations sociales* (pp. 73–84). Paris: Delachaux et Niestlé. (In French).
18. Merleau-Ponty, M. (1945). *Phénoménologie de la perception*. Paris : Gallimard. (In French).

Сведения об авторах:

Москвичева Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания и кафедры иностранных языков филологического факультета; ведущий научный сотрудник Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций; главный редактор журнала *Macrosociolinguistics and Minority Languages*, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: социолингвистика, когнитивная лингвистика, миноритарные языки и языки в миноритарной ситуации, языковые идеологии, символическое измерение языковой ситуации, репрезентации языка, языковые лояльности, потребность в языке; *e-mail*: moskvitcheva@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-8047-7030, SPIN-код: 9596-7692, AuthorID: 388517.

Ли Сюэ, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: социолингвистика, теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; *e-mail*: evelynlee@mail.ru
ORCID: 0009-0005-8355-8038.

Information about the authors:

Svetlana A. Moskvicheva, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics and the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology; Senior Research at the Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration; Editor-in-Chief of the Journal Macrosociolinguistics and Minority Languages; RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: sociolinguistics, cognitive linguistics, minority languages and languages in minority situations, language ideologies, the symbolic dimension of language situations, language representations, language loyalties, and language needs; *e-mail*: moskvicheva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8047-7030, SPIN-code: 9596-7692, AuthorID: 388517.

Li Xue, PhD student at the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: sociolinguistics, theoretical, applied and comparative linguistics; *e-mail*: evelynlee@mail.ru
ORCID: 0009-0005-8355-8038.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1121-1143

EDN: MYZSYX

Research Article / Научная статья

Cognitive Models of Humor in Anecdotal Discourse: Based on the Chinese Language

Elizaveta A. Krasikova¹, Svetlana G. Korovina²✉

¹Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ korovina_sg@pfur.ru

Abstract. This study examines the cognitive models underlying humor in Chinese anecdotal discourse through a systematic frame analysis of linguistic, cultural, and pragmatic frameworks. This paper aims to demonstrate that while humor research has traditionally focused on Western models, this paper argues that Chinese anecdotal humor operates through distinct cognitive directions shaped by the language's tonal properties, high-context cultural norms, and historical-literary traditions. A quantitative analysis reveals that linguistic ambiguity accounts for approximately 60% of humorous devices in our corpus, while conceptual opposition and cultural schema dependency comprise 25% and 15% respectively. Notably, these models frequently overlap, as seen in riddles combining homophonic wordplay with classical allusions. This research contributes to cross-cultural humor studies by demonstrating how language typology and cultural memory systems shape fundamental humor perception.

Keywords: cognitive linguistics, frame, humor

Financing: this paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Conflicts of interest: the authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Article history: received: 23.07.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Krasikova, E.A., & Korovina, S.G. (2025). Cognitive Models of Humor in Anecdotal Discourse: Based on the Chinese Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1121–1143. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1121-1143>

Когнитивные модели юмора в анекдотическом дискурсе на материале китайского языка

Е.А. Красикова¹, С.Г. Коровина²✉

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ korovina_sg@pfur.ru

Аннотация. Рассматриваются когнитивные модели, лежащие в основе формирования комического эффекта в анекдотическом дискурсе китайского языка. Посредством фреймового анализа лингвистических, культурных и прагматических рамок анализируются глубинные когнитивные модели, заложенные в китайском анекдотическом жанре. Цель исследования — показать, что китайский анекдотический юмор функционирует посредством различных когнитивных схем, сформированных тональными свойствами языка, культурными нормами с высоким контекстом и историко-литературными традициями. Количественный анализ показывает, что лингвистическая двусмысленность составляет примерно 60 % юмористических приемов в проанализированном материале, в то время как концептуальная фреймовая оппозиция и прецедентные модели (основанные на культурном и историческом контексте) составляют 25 и 15 % соответственно. Примечательно, что данные модели конвергентны и формируют сложную иерархическую когнитивную структуру китайского анекдота. Результаты исследования вносят вклад в изучение китайского юмора, демонстрируя, каким образом формируются фундаментальное восприятие юмора у носителей китайского языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фрейм, когнитивная модель

Финансирование: публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

История статьи: дата поступления: 23.07.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Krasikova E.A., Korovina S.G. Cognitive Models of Humor in Anecdotal Discourse Based on the Chinese Language // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1121–1143. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1121-1143>

Introduction

Humour is an indispensable part of human life and at the same time humour is a multi-disciplinary field of research. Due to its multilayered and complex nature, the phenomenon has attracted significant attention from scientists working in such fields as psychology, philosophy, linguistics, sociology, and literature. With the rise of a cognitive approach in linguistics, humour has also been investigated through that lens. The benefits of a newly discovered influential cognitive approach can be capitalized on with its potential to shed light on the mechanism of humour and what essentially makes people laugh.

On the one hand, humor is culturally bounded, on the other hand, it is international. Comic perception is determined by the national mental makeup of the character, as well as the comedic possibilities of a particular language. This study

addresses the issues of generating Chinese humor. Following N.V. Novospasskaya et al., we consider that “in this regard, it seems interesting to compare those signs and the meanings they express that coincide within the Chinese and Russian linguistic cultures, determined by universal human values, the foundations of traditional society and the biological nature of family relationships” [1. P. 635]. As N.A. Speshnev notes, “in China, humor was decisively influenced by ancient mythological and ethical traditions that sanctified rigid collectivism, the inseparability of the individual from society, the priority of mass actions and mutual assistance” [2. P. 199]. The authority of collectivism is reinforced by Confucianism, which upholds conservative traditions. In a society in which there is strict subordination, laughing at parents, superiors, the state, the government, the emperor was forbidden. Most Chinese jokes and anecdotes are nothing more than edifying stories, the humor of which is obscure or completely incomprehensible to a European [3. P. 308–312]. In Chinese perception and comic creation, the main thing is to “surpass yourself” and see the funny, negative and unfair in people’s lives [2. P. 200].

Humour may be present in oral communication (as part of face-saving tactics or a means of entertaining or discouraging the interlocutor(s)), and it may occur in any form of writing. In fiction it may form special genres, for example anecdote. In the explanatory Dictionary of the Russian Language edited by S.I. Ozhegov, ‘anecdote’ is defined as: «очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом» (a very short story with funny, amusing content and an unexpected sharp ending)¹.

The cultural specificity of Chinese humor is reflected and in the traditional terminology that is used in various cases to refer to the funny. In Chinese, numerous terms related to the concept of comic require some clarification. A large number of them need to be classified and clarified. Russian terminology of humor does not have direct equivalents some of them, and some of them only partially equal. To illustrate this point, N.A. Speshnev cites numerous Chinese terms related to the concept of “comic” and their translation into Russian: 即光 ‘импровизация’ (improvisation), 幽默 ‘юмор’ (humor), 诙谐 ‘шутка, острота’ (joke, a witty remark), 讽刺 ‘сатира’ (satire), 滑稽 ‘комический, уморительный; смехота, буфф, комик’ (comic, hilarious, laughter, buff, comedian), 嘲讽 ‘ирония’(ridicule), 反语 ‘ирония’ (irony), 笑话 ‘шутка, анекдот’ (joke, anecdote), 戏谑 ‘шутка’ (joke), 模 ‘пародия’ (parody), 冷嘲 ‘сарказм’ (sarcasm), 嘲笑 ‘насмешка’ (mockery), 嘲弄 ‘насмешка’(mockery), 打诨 ‘балагурство’ (buffoonery), 油滑 ‘лукавство, хитрость’ (cunning), 机智 ‘находчивость, смекалка’ (quick-witted, ingenuity), 俏皮话 ‘шутка’ (joke), 双关俏皮话 ‘каламбур’ (equivoque) [2. P. 204–205].

¹ Ozhegov, S.I. (2009). *Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions*, L. I. Skvortsova (Ed.). Moscow : Onyx. P. 27.

It should be noted that the analysis and research of these areas of Chinese humor from the point of view of cognitive linguistics are a separate field that serves as a perspective for further research.

The following study **aims at** to analyze cognitive models of humor that create a humorous effect in 笑话 xiaohua Chinese anecdotal expressions in order to identify the ability of native Chinese speakers to create and perceive the comic. In our opinion, the results of the research will help clarify the linguistic techniques for expressing cultural context in Chinese humor. Similar studies about Russian culture have been conducted previously using Japanese, English and Finnish languages [4. P. 44–45].

In Chinese lexicographic source 现代汉语词典 the term ‘笑话’ refers to: “能引人发笑的谈话或故事；供人当作笑料的事情” (A conversation or story that can make people laugh; something that can be used as a joke)².

Theoretical framework: Theories of Humour

Humor is a complex psychological and social phenomenon that has been studied across disciplines, including philosophy, psychology, linguistics, and neuroscience. In the standard literature on the theories of humour, three basic theories can be outlined [5. P. 3]:

- Superiority Theory
- Relief Theory
- Incongruity Theory
- Social Bonding Theory
- Cognitive-Developmental Theories

The **Superiority Theory** points out that people laugh at the misfortunes of others, and the action reflects their superiority. The theory has been developed in the works of Plato (*Philebus*), Aristotle, Thomas Hobbes (*Leviathan*), Henri Bergson (*Laughter: An Essay on the Meaning of the Comic*) and many others. Plato believes [5. P. 3] that humour is in its essence some form of malice towards people who are seen as, relatively speaking, powerless. Hobbes puts forward [5. P. 3] the idea that humans constantly compete with each other, looking, therefore, for each other's shortcomings. Laughter in this sense indicates the sudden realization of someone's superiority: it is an expression of the so-called “sudden glory” [5. P. 3]. Charles Gruner reformulated [5. P. 3] the theory as the Superiority Theory of Humour. His conception comprises a three-part thesis:

- In every humorous situation there is a winner and a loser.
- A humorous situation is always marked by incongruity.
- For a situation to be humorous, there has to be an element of surprise.

² 现代汉语词典. 第7版. 北京: 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编商务印书馆, 2016. 1800 页. Modern Chinese Dictionary. 7th edition. Beijing: Dictionary Editing Office, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences, Commercial Press, 2016. P. 879.

As we see from the above presented information, the Superiority Theory is psychological verging on a philosophic approach to the problem. The theory strives to bring in the communicative aspects of the phenomenon, thus highlighting the motives of humour rather than its linguistic side. However, for further linguistic consideration it is important to mention that the statement about “an element of surprise” one needs to make a situation to be humorous is relevant in modeling humour linguistically.

The **Relief Theory** is of a physiological or psycho-physiological nature. Sigmund Freud’s theory of how laughter can release tension and psychic energy significantly influenced the development of the Relief Theory. According to this theory, the energy continuously builds up within the human body until it is of no use and thus has to be released. The Relief Theory has led many to believe that laughter is beneficial for health.

The **Incongruity Theory** is the one of the most influential approach to the study of humour and laughter. The proponents of this theory are the following: Immanuel Kant (*Critique of Judgment*), Arthur Schopenhauer (*The World as Will and Representation*). Kant [5. P. 4] was the first to make full conceptualization of incongruity. The main idea of the theory is well expressed in the following words said by Schopenhauer [5. P. 4]: “The cause of laughter in every case is simply the sudden perception of the incongruity between a concept and the real objects which have been thought through it in some relation, and the laugh itself is just an expression of this incongruity.” Many scholars, however, note that what makes a situation funny is not the incongruity itself but the congruous resolution of the apparent incongruity. For this reason, the theory is sometimes called the incongruity-resolution theory. The incongruity-resolution is a linguistic theory, as it provides an explanation of how jokes are structured.

The **Social Bonding Theory** was developed by R.I.M. Dunbar [6] and points out that humor strengthens group cohesion and communication. It is based on the idea that laughter signals trust and shared understanding within groups (for example, inside jokes among friends).

The **Cognitive-Developmental Theories** based on the concept that humor requires mental ability to detect and resolve incongruities. Thomas Veatch’s “A Theory of Humor” [7] proposes a cognitive-perceptual model explaining why humans find certain things funny. His theory builds on incongruity but adds a crucial emotional component.

Studying child humor development, Piaget [8] found out that children’s humor evolves with cognitive growth and a child’s joke reflects their current mental stage. For example, symbolic thinking at the age of 2–7 years old can be reflected on the language level by using silly sounds or mislabeling (e.g., *You’re a banana!*). At the age of 7–11 cognitive focus is based on logical thinking about concrete ideas (e.g., *Why did the scarecrow win an award? Because he was outstanding in his field!*). This example shows pun on literal vs. figurative meaning. At the age

of 12+ teenager focuses on abstract thinking, satire, and sarcasm (e.g., “*Wow, you’re so fast!*” to a slowpoke).

Thus, the author comes to the conclusion that humor mirrors cognitive skills as he observed the progression from concrete to abstract (Early humor is physical → later humor is linguistic/social). The role of schemas is also crucial as kids laugh when new info clashes with existing knowledge. Therefore, it is no wonder why the average adult would not find a knock-knock joke funny or amusing. Kolb cites Tamashiro to say that the types of humour that children enjoy are related to their developing personality [9. P. 4]. One can go as far as to propose the idea that virtually anything can be amusing to anyone under the right circumstances. There is therefore no point in trying to measure what makes us laugh, as it depends on the circumstances, as some scholars say [9. P. 5]. This is why they suggest that those studying this phenomenon should shift their focus from that which people perceive as humorous to the circumstances in which humour is actualized.

Humour may be considered to be a genre-creating phenomenon. Comedy is a genre that is closely associated with humour. As King points out [10. P. 5], comedy involves departures from what is considered to be the normal routines of life of the social group in question.

The simultaneous presence of the two frames of reference — absurd and plausible/logical — is what creates the comic effect. This phenomenon is termed ‘bisociation’ which is elaborated on by Arthur Koestler. He points out that comedy results from “the perception of a situation or an idea in two mutually incompatible associative contexts” [10. P. 15]. Koestler says that “it is the sudden clash between these two mutually exclusive codes or rules — or associative contexts — which produces the comic effect. It compels us to perceive the situation in two self-consistent but incompatible frames of reference at the same time; it makes us function simultaneously on two different wave-lengths” [10. P. 15].

Humour can be viewed as a socio-psychological phenomenon which is connected with individual behaviour and communication activities. Humour is linked with culture: each nation possesses methods of humour and discipline that are unique to it. They are rooted in the principles and etiquette of this culture which are shared by those belonging to it. By way of example, we can mention the difference between the British who usually make fun of their work and dignity and the French who do not like to laugh at themselves.

The theory of Chinese humor in world science has been studied by various scientists from different points of view: from linguistic and cultural perspectives: The Chinese Humor Scale: Development and Validation [11], verbs of laughter [12]. Cultural and cognitive differences in Chinese humor appreciation were studied by Jiang & others [12]. Antropological and historical views touch upon the problem of traditional humor in Chinese medieval art [14], Satire and humor in Ancient China [15], the comic genre of xiangsheng [18].

Theoretical framework: Linguistic Approach to Humour

The linguistic approach to humour examines how language structures, semantics, pragmatics, and discourse create and convey humour. This framework is essential for analyzing jokes, puns, and other forms of verbal humour, particularly in culturally rich contexts like Chinese humour. Humour can either maintain or threaten social ‘face’ [19] which is vital for Chinese culture where the concept of 面子 *mianzi* plays the crucial role in social life (see more details in: [20. P. 16–18]).

Taking a linguistic approach to the study of humour, one can say that the humorous or comic effect can be the result of linguistic creativity. For example, I. V. Zykova [19–21] has been researching linguistic creativity and the realization of the comic in cinematic discourse. It is generally acknowledged that the word has special significance in the realization of the comic, and therefore a distinctive feature of any film comedy is the initially high status of the verbal component, as the founders of film theory stated [19. P. 105]. This happens because comedy in general is a semantic phenomenon, which is therefore closely connected with the word. Based on the concept of Zykova’s linguistic creativity, Brown & Levinson’s concept and Semantic Script Theory of Humour by V. Raskin [21], we believe that these ideas can be applied on Chinese language. In Chinese cultural context self-deprecating humour (or in Chinese 自嘲 *zichao*) preserves others’ face. Let us look at satire in 相声 *xiangsheng* which often targets societal issues indirectly. For example, in Chinese there is the idiomatic expression (or in Chinese 惯用语 *guanyongyu*) 马大哈 *Madaha* (about a careless office worker nicknamed *Madaha*), which originated from a classic *xiangsheng* performance 买猴儿 *Buying Monkeys* in the 1950-s of the 20th century. In Chinese humor often serves as a social instrument, preserving harmony by avoiding direct confrontation as humor targets the self to avoid conflict. Moreover, researching the features of Chinese anecdotal discourse, it is necessary to take into account the features of the grammatical structure of the Chinese language: “It is known that the Chinese language differs from the Russian language in a number of grammatical features at the level of morphology and at the level of syntax. The Chinese language is characterized by the economy of grammatical means, which is manifested in various aspects of the grammatical structure of the Chinese language” [22. P. 504].

Methodology: Frame Structuring as a Method of Investigation

The study uses the **method** of frame-constructive analysis, conceptual analysis, modeling method, and the analysis of definitions of the elements of the context in the best known and authoritative Chinese dictionaries³.

³ 汉字形义分析字典. 北京：北京大学出版社，1999. 736 页. A Dictionary of Chinese Character: Form and Meaning. Beijing：Beijing University Press, 1999; 新华多功能字典. 北京：商务印书馆辞书研究中心编，2008. 1331 页. Xinhua Multifunctional Dictionary. Beijing：Dictionary Research

Frame semantics are usually viewed as the cornerstone of cognitive linguistics theory, and are rarely considered from the point of their methodological value predominantly related to text or discourse analysis [23. P. 2]. **Frames** provide the sort of information necessary for the understanding of a particular event or scenario. According to M. Minsky [24], a frame can be viewed as a network of nodes and relations. The top levels of a frame contain fixed elements that represent the information that is always true about a particular situation. The lower levels have **terminals**, or **slots**, that are filled by specific instances. There can be some conditions specified by terminals that have to be met by their **assignments**.

The system of categories introduced by some frame is structured according to some motivating context. The motivating context is, as Ch. J. Fillmore [25. P. 119] states, “some body of understandings, some pattern of practices, or some history of social institutions, against which we find intelligible the creation of a particular category in the history of the language community”. For instance, the word *weekend* means what it means both because of the calendric seven-day cycle and because of a practice of devoting a larger block of days within the cycle to public work and two consecutive days to one’s private life.

A frame, as Ye. Beliaevskaya writes, is a mental or cognitive structure that reflects the knowledge a given society has about a certain fragment of reality. A frame is a multi-layered structure — it does not only include all the linguistic means that are needed for the transmission of the information about a fragment of reality, but also a schematized representation of the fragment in the general system of human knowledge about the world [26. P. 14].

Frame-based methodology of research can be applied both in studying written and oral discourse but usually when linguists refer to ‘studying speech’ they refer to analyzing written texts. In our research we deal with cinema discourse. i. e. with oral communication. So far, the frame semantics methodology of linguistic study was mainly applied to written discourse but it is also applicable to studying different linguistic phenomena in oral speech.

Research material

The research material was anecdotes selected from the electronic resource <https://www.jokedw.com> in the Chinese segment of the Internet. In total, this source contains 8940 Chinese anecdotal expressions. Note that anecdotal statements are divided into 20 categories. For clarity, we have distributed these categories on a descending scale, from containing the largest number of jokes to the least:

1) 夫妻笑话 *jokes about a married couple* — 1,295 units; 2) 冷笑话 *dry, ‘cold’ jokes* — 1197 units; 3) 儿童笑话 *children’s jokes* — 988 units;

Center of Commercial Press, 2008; 新华大字典. 北京 : 商务印书馆国际有限公司, 2015. 1352页. Xinhua Big Dictionary of Characters. Beijing : The Commercial Press International Ltd., 2015.

4) 男女笑话 *jokes about men and women* — 771 units; 5) 校园笑话 *school/student jokes* — 756 units; 6) 经典笑话 *classic jokes* — 690 units; 7) 爆笑笑话 *very funny jokes* — 541 units; 8) 爱情笑话 *jokes about love* — 491 units; 9) 动物笑话 *jokes about animals* — 391 units 10) 幽默笑话 *humorous jokes* — 371 units; 11) 笑话大王 *king of jokes* — 296 units; 12) 小笑话 *short jokes* — 253 units; 13) 家庭笑话 *family jokes* — 233 units; 14) 搞笑歌词 *funny lyrics* — 143 units; 15) 交通笑话 *jokes about transport* — 126 units; 16) 幽默故事 *humorous stories* — 123 units; 17) 古今笑话 *anecdotes from antiquity to the present* — 104 units; 18) 电脑笑话 *computer jokes* — 92 units; 19) 造句笑话 *sentence-making jokes* — 45 units; 20) 古代笑话 *ancient jokes* — 34 units. Based on this classification, the following graph was drawn up (Figure 1).

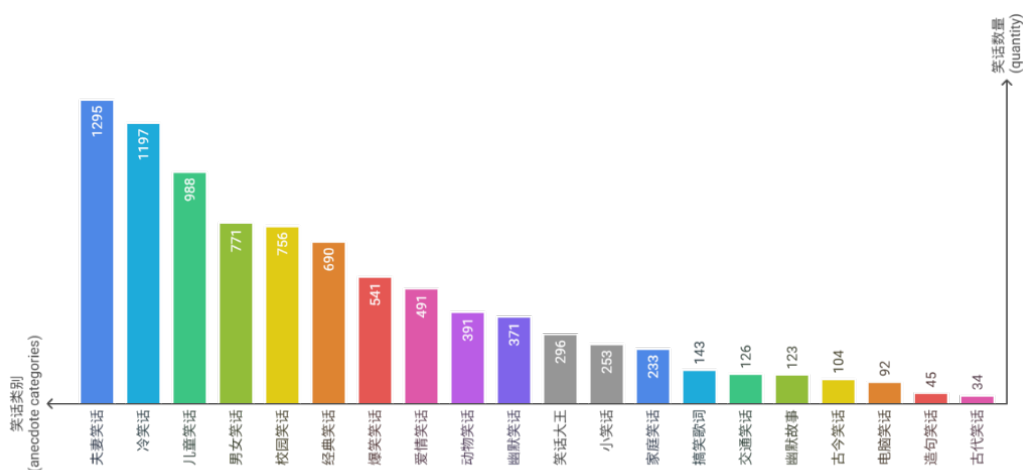

Figure 1. Anecdote categories in Chinese and its proportion

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

Let's analyze the statistical data of the above graph. There are 20 categories in total with the number of jokes ranging from 34 to 1295 units. The largest number of anecdotes are concentrated in categories related to everyday life and interpersonal relationships: marital (1295), 'cold' jokes (1197), children's anecdotes (988). The least number of jokes relate to highly specialized or historical topics: jokes based on example sentences (45), ancient jokes (34).

As can be seen from the graph, the Chinese linguistic culture is dominated by the topic of **married life**, which indicates the popularity of family relations and humor related to marriage and family lifestyle. Special attention should be paid to such categories as cold jokes (1197). This type of humor is highly popular, characterized by unexpected or witty responses, often with ambiguity. A large number of jokes for children (988) speaks about the demand for family and educational humor.

Topics of **interpersonal relations** and society demonstrate an average frequency: jokes about men and women (771), school/student jokes (756), family jokes (233), jokes about love (491). These categories reflect the importance of social roles, relationships, and life situations in Chinese humor.

The following topic of jokes can be characterized as “**classics of the genre**”. It combines popular, time-tested and funniest jokes, which testifies to the rich tradition of Chinese humor: classic jokes (690), very funny jokes (541), humorous jokes (371), king of jokes (296).

The **thematic classification** of Chinese jokes includes topics such as: jokes about animals (391), funny lyrics (143), jokes about transport (126), computer jokes (92). These subtopics feature a variety of humorous content, including modern realities and everyday situations.

In addition to the thematic classification, Chinese jokes can be categorized in terms of the **diachronic aspect**, as well as based on the **linguistic characteristics**: jokes from antiquity to the present (104), ancient jokes (34), sentence-making jokes (45), short jokes (253) humorous stories (123).

The above categories demonstrate an interest in the historical and linguistic aspects of humor. Short and concise forms of humor are in demand for quick entertainment. Social and family themes occupy a leading position, reflecting the value of relationships and everyday situations in Chinese humor culture. The variety of topics — from classical and ancient jokes to modern (computer, transport) — testifies to the dynamic development of the humorous genre.

In this study, the most frequent category of 夫妻笑话 jokes about a married couple (1,295), reflecting the realities of modern Chinese society, was chosen as the most illustrative material. The study of the remaining categories is also of interest as a prospect for further research for linguists, cognitive scientists, as well as anyone interested in Chinese linguaculture.

Results: cognitive models of humour found in the material

1. Phonological and lexical ambiguity: the “Polysemy” model

The most common in our material under investigation are cognitive models involving play on words based on homonymy and polysemy. By tradition linguists usually speak about polysemy and homonymy in the context of the problem of “semantic ambiguity”. Ambiguity as a semantic phenomenon was discussed in works by Stephen Ullmann [27], Geoffrey Leech [28], Croft & Cruise [29], and Vyvyan Evans [30]. In the material of our research, we have found a whole host of examples of polysemy and homonymy resulting in semantic ambiguity. Let us consider one of them. The following anecdote is the example of polysemy resulting in semantic ambiguity (Table 1).

This example demonstrates the use of linguistic wordplay based on polysemy. The lexical ambiguity is realized by the double meaning of the lexeme 光光的 *smooth, bald*, figuratively means *lack of jewelry* and literally means *lack of hair*.

The basis for the humorous effect is that the frame ROMANTIC INTENTION (“*Want to buy a necklace*”) is mapped onto SHAVING CONTEXT, forming husband’s interpretation (“*We’re talking about hair*”) (Figure 2).

Table 1. The polysemy resulting in semantic ambiguity

《脖子没长毛》 丈夫正在刮胡子，妻子想让丈夫给她买条项链，便在他身后絮絮叨叨道：“亲爱的，你看我的脖子上光光的，什么也没有。”丈夫有点莫名其妙地摸了摸自己的脖子，说：“可我的脖子也没长毛啊。”	“No Hair on the Neck” While the husband was shaving, his wife wanted him to buy her a necklace. She started hinting by complaining behind him: “Honey, look at my neck—it’s so bare, there’s nothing on it at all.” Confused, the husband touched his own neck and replied: “Well, my neck doesn’t have any hair either.”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

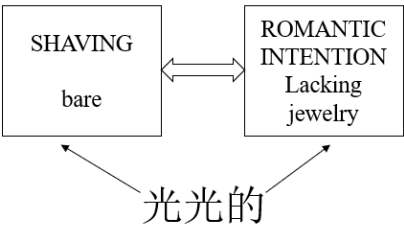

Figure 2. Cognitive model of the anecdote “No Hair on the Neck”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina

2. Phonological and lexical ambiguity: the “Homonymy” model

The following anecdote is a perfect example of Chinese homophone—based humor 谐音梗 *xieyin geng*, where puns on identical or similar pronunciations create comedy while reflecting cultural taboos (Table 2).

Table 2. Anecdote based on cultural taboos

《一梨不分》 古时候，有一对恩爱夫妻。一天，丈夫买了一个大梨回家，想和妻子分着吃。妻子连忙摆手说：“不行不行！‘分梨’就是‘分离’，咱俩可不能分开！” 丈夫笑道：“那就不分了，我整个吃了吧！” 妻子又急了：“更不行！‘吃梨’（吃离）不吉利！”	“Never Split a Pear” In ancient times, there was a loving couple. One day, the husband brought home a large pear and wanted to share it with his wife. The wife immediately waved her hands and said: “No, no! ‘Splitting a pear’ (分梨 fēnlí) sounds like ‘separating’ (分离 fēnlí)—we must never part!” The husband laughed and said: “Alright, then I’ll eat the whole pear myself!” The wife grew even more anxious: “Absolutely not! ‘Eating a pear’ (吃梨 chīlí) sounds like ‘consuming separation’ (吃离 chīlí)—that’s bad luck!”

End of Table 2

丈夫想了想，说：“那这样，我们‘合吃’一个梨，就是‘和和气气永不离’！” 妻子这才笑了，说：“好，那我们一起‘咬’梨，就是‘咬住缘分不分离’！”	The husband thought for a moment and suggested: “Then let’s ‘eat it together’ (合吃 héchī), which means ‘harmony and never parting’ (和和气气永不离 héhé qìqì yǒng bù lí)!” Finally, the wife smiled and said: “Good! Then we’ll ‘bite’ the pear together—that means ‘holding onto our fate and never separating’ (咬住缘分不分离 yǎo zhù yuánfēn bù fēnlí)!” (Note: In Chinese, pear [梨 lí] sounds identical to to separate [离 lí]. Thus, couples avoid splitting pears as it symbolizes separation)

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

The comic effect realized here is based on homonymy — the phonological similarity of the two words. Chinese characters convey meaning visually, allowing homophone anecdotes with different glyphs. Simple homophones create layered meaning:

- 分梨 (fēnlí) vs. 分离 (fēnlí) — *splitting a pear* sounds like *separating*.
- 吃梨 (chīlí) vs. 吃离 (chīlí) — *eating a pear* sounds like *consuming separation*.
- 合吃梨 (héchīlí) vs. 和气不离 (héqìbùlí) — *eating together* implies *harmony without parting*.
- 咬梨 (yǎolí) vs. 咬住缘分 (yǎozhùyuánfēn) — *biting the pear* puns on *holding onto fate*.

This story plays on Chinese superstitions about homophones, where words with unlucky meanings (e.g. *separation*) are avoided, especially between couples. The wife’s panic reflects folk beliefs that language can influence reality (*sympathetic magic*). This homophonic pun relies on chinese character structure, phonetics (change in tone that entails a change in meaning), and cultural semantics. Below is a breakdown of how the characters create humor despite identical pronunciation. Thus, the anecdote weaponizes Chinese’s logographic nature and cultural psyche to turn a pear into a marital landmine. We can compare this pun with English phrases *never split a pear* and *never split a pair*. The actualization of two incompatible frames results in the stylistic device of pun (Figure 3).

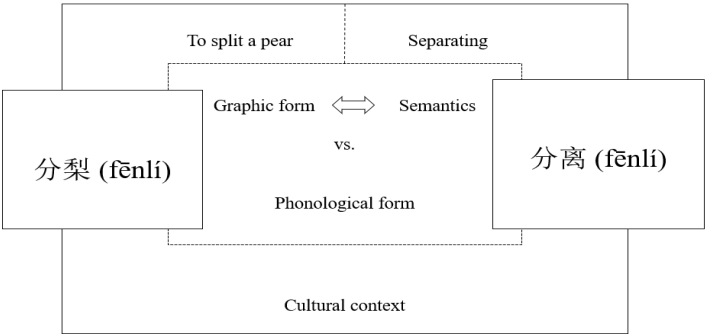

Figure 3. Cognitive model of the anecdote “Never Split a Pear”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

3. The “Paradox” model

The anecdote below follows the paradoxical humor model, where the punchline subverts expectations by presenting a logically contradictory yet unexpectedly valid perspective. Below is a breakdown of its linguistic, cognitive, and cultural mechanisms (Table 3).

Table 3. The paradoxical humor model

《结婚的原因》 妻：“我晓得，你与我结婚，是因为我有钱。” 夫：“不是，是因为我没有钱”。	“The reason for marriage” Wife: “I know, you married me because I have money. Husband: “No, it’s because I don’t have money”

Source: complied by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina

This anecdote contains logical twist: the wife expects the following *answer*: “No, I married you for love!” (denying greed). Instead, the husband confirms her suspicion but reframes it — he married her because he was poor, not because she was rich. This creates a self-deprecating yet honest paradox. Minimalist structure also contributes to the humorous effect. The joke uses only two lines, making the paradox sharp and immediate. Analyzing cultural background, in China, rising material expectations in marriage (e.g., *bride price*, *home ownership*) make this joke particularly resonant. The husband’s reply reflects a cynical yet pragmatic view of relationships (Figure 4).

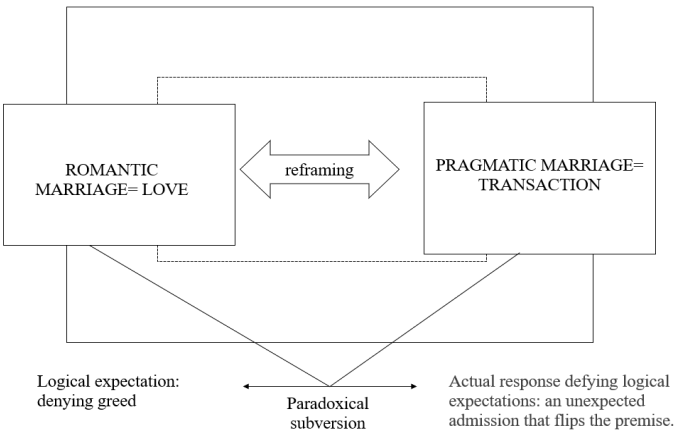

Figure 4. Cognitive model of the anecdote “The reason for marriage”
Source: complied by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina

4. Repetition with Variation (Lexical Symmetry) model:

The anecdote above follows the lexical symmetry + misdirection structure, where repetition sets a predictable pattern and variation subverts it for surprise (Table 4).

Table 4. Anecdote with the repetitive parallel syntactic structure and lexical symmetry

《能不能自己拿》	“Can’t You Just Take It Yourself?”
老公：“媳妇儿，用下你的洗发水。”	Husband: “Honey, can I use your shampoo?”
老婆：“自己拿。”	Wife: “Take it yourself.”
老公：“媳妇儿，用下你的护发素。”	Husband: “Honey, can I use your conditioner?”
老婆：“自己拿。”	Wife: “Take it yourself.”
老公：“媳妇儿，用下你的电吹风。”	Husband: “Honey, can I use your hair dryer?”
老婆：“自己拿。”	Wife: “Take it yourself.”
老公：“媳妇儿……”	Husband: “Honey—
老婆：“别烦我了，能不能自己拿！！！”	Wife (exasperated): “Stop bothering me! Can’t you just take it yourself?!”
于是老公就从老婆的钱包里拿了500块，走了。	So... the husband took 500 yuan from her wallet and left

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina

The repetitive parallel syntactic structure and lexical symmetry (媳妇儿，用下你的X/自己拿) build cognitive rhythmic predictability for the audience, making the deviation in the final line more jarring and thus funnier. The setup creates an expectation of a domestic scenario where the husband keeps asking to borrow bathroom items. The wife’s consistent 自己拿 *take it yourself* responses establish a pattern. The punchline subverts this expectation by suddenly shifting the *taking* to MONEY (a new semantic domain), violating the assumed BATHROOM frame. It is also interesting to note that the dynamic structure of the anecdote reflects chinese marital dynamics where wives often manage household items (and budgets!) (Figure 5).

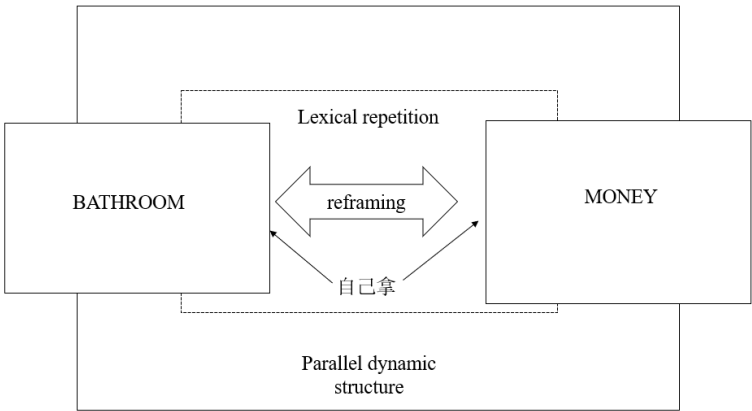

Figure 5. Cognitive model of the anecdote “Can’t You Just Take It Yourself?”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

5. Parallel structure with frame opposition (mirroring with a twist)

The following anecdote is pragmatically ambiguous because contains parallel structure, using the floating phrase 你看看人家 *Look at how others are*. This phrase is context-dependent — its target shifts based on speaker’s intention (Table 5).

Table 5. Anecdote with parallel structure with frame opposition

《跟老婆一起看节目》 跟老婆一起看节目，看到男嘉宾一下把女嘉宾抱起来。 老婆：“你看看人家”我拿了张A4纸放在老婆肚子上，说：“你看看人家”……老婆现在还生着气呢。	“Look at how other couples are!” Husband and wife are watching a TV show where a male contestant effortlessly lifts the female contestant. Wife: “你看看人家!” (“Look at how other couples are!” implying “Why can’t you be like that?”). Husband places an A4 sheet of paper on her belly and says: “你看看人家!” (“Look at how other couples are!” implying “Why can’t you be like her [slim]”? Result: wife is still mad

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

The humor arises from the husband’s deliberate misinterpretation, exploiting linguistic flexibility. The wife’s remark 你看看人家 implies *Why can’t you be like him?* (focusing on the man’s strength). The husband mirrors the exact phrase 你看看人家 but subverts the meaning — instead of comparing himself to the strong man, he compares his wife’s belly to the female contestant’s flat stomach. The parallel phrasing makes the twist funnier because it flips the criticism back at her.

Moreover, this anecdote demonstrates strategic complexity: by using minimal words but relies on shared cultural background knowledge (A4 waist meme). In China, holding up an A4 sheet (21cm wide) to one’s waist became a viral slimness challenge. We can also observe a nonverbal cue in the analyzed anecdote (placing paper on belly).

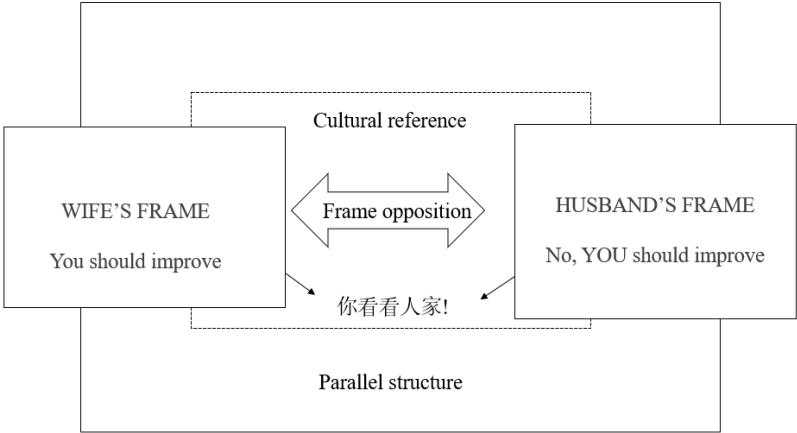

Figure 6. Cognitive model of the anecdote “Look at how other couples are!”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina

6. The “Metaphorical Comparison” model

The metaphoric comparison in the context below uses the analogy of the Spring Festival Gala (春晚) to humorously critique the infrequency and perceived lack of warmth in the couple’s visits to the wife’s parents. Let us see a breakdown of the metaphor and its implications (Table 6).

Table 6. The “Metaphorical Comparison” model

《春晚式探亲》 过年陪媳妇回娘家 过年陪媳妇回娘家，老丈人酒过三巡，对我和媳妇说：“你们俩就像春晚一样，一年来一次，还没有把我逗开心！”	“Like the Spring Festival Gala” Visiting the wife’s family for Lunar New Year. After drinks, the father-in-law says: “You two are like the Spring Festival Gala—you show up once a year, and you still fail to entertain me!”

The Spring Festival Gala is a yearly televised event that families traditionally watch during Chinese New Year. By comparing the couple’s visits to CCTV’s Spring Festival Gala, the father-in-law implies their visits are just as infrequent—only once a year. The Gala is a highly staged show meant to entertain. The critique suggests the couple’s visits feel obligatory or superficial, lacking genuine emotional connection. The father-in-law’s remark blends sarcasm and cultural insight. While seemingly lighthearted (delivered after drinks), it underscores a common familial expectation in Chinese culture: that children should maintain frequent, meaningful contact with parents. The metaphor also hints at generational gaps.

Older generations may value traditional familial bonds more intensely, while younger couples might prioritize their immediate family or careers, leading to tension. Thus, the cultural context also plays the crucial role in understanding the humor. The joke subtly references the Confucian value of filial duty (孝道), implying the couple falls short of idealized norms. The Gala itself has faced criticism for being outdated or unrelatable to younger audiences. This mirrors how the father-in-law might feel about the couple’s visits — perfunctory and disconnected from his emotional needs. The metaphor critiques not just the frequency of visits but their quality, using a culturally salient reference to deliver a pointed yet playful rebuke. It reflects broader tensions between modern lifestyles and traditional familial expectations. This anecdote reflects a complex hierarchical cognitive structure consisting of metaphorical comparisons and a frame arrangement (Figure 7).

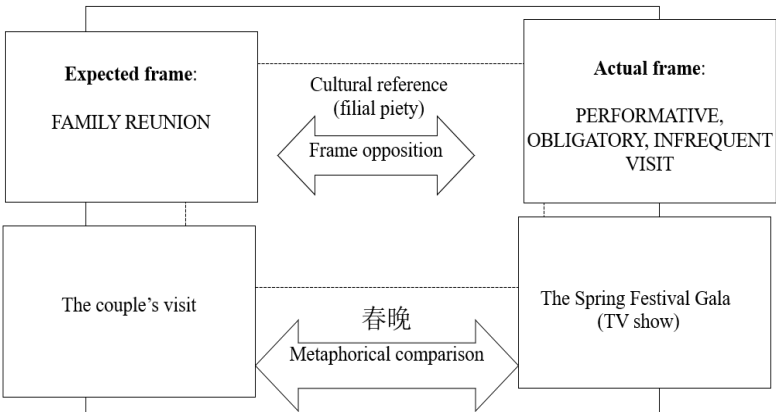

Figure 7. Cognitive model of the anecdote “Like the Spring Festival Gala”
Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

7. The “Oxymoron” model

The oxymoron 矛盾修辞 *maodun xiuci* is a rhetorical device that combines contradictory or incongruous terms to create a paradoxical but often insightful or humorous effect. The anecdote about the “Cleverly Stupid Husband” (聪明的糊涂丈夫) is a perfect example of the “Oxymoron” model in Chinese humor, where contradictory terms are combined to create absurdity, satire, and philosophical playfulness.

The oxymoron’s linguistic effect is that it creates cognitive dissonance, forcing the listener to reconcile opposites. In Chinese, such constructions often follow **A而不B** or **A的B** patterns, where A and B are antonyms. In the analyzed anecdote, oxymorons function at multiple linguistic levels (Table 7).

Table 7. The “Oxymoron” model

《聪明的糊涂丈夫》	“The Cleverly Stupid Husband”
从前，有个书生，常说自己“大智若愚”（极聪明的人看起来愚笨）。一天，他妻子让他去买米。书生走到米店，老板问：“要多少？”他答：“买‘多而不多’之米！”老板愣住：“啥叫‘多而不多’？”书生解释：“就是‘够吃，但吃不饱’——若买太多，浪费；若买太少，挨饿。所以‘多而不多’正好！”老板哭笑不得，只好随便给他装了一袋。回家后，妻子打开米袋，发现只够煮两顿饭，怒道：“这叫‘多而不多’？根本是‘少而不少’！”书生摸着胡子点头：“夫人高见！‘少而不少’正是‘多而不多’的‘似是而非’之解！”妻子气得直跺脚：“你这人，真是明白的糊涂！”书生大笑：“彼此彼此！这叫‘糊涂的明白’，夫妻之道也！”	Once, there was a scholar who often claimed to be “great wisdom appearing as foll”. One day, his wife asked him to buy rice. When he arrived at the rice shop, the owner asked, “How much do you want?” The scholar replied, “I want ‘much but not much’ rice!” The shopkeeper was baffled: “What does ‘much but not much’ mean?” The scholar explained: “Enough to eat, but not enough to be full—if we buy too much, it’s wasteful; if too little, we’ll go hungry. So ‘much but not much’ is just right!” The shopkeeper, amused and exasperated, simply filled a random bag for him. When the scholar returned home, his wife opened the bag and found only enough rice for two meals. Furious, she scolded: “Is this ‘much but not much’?! It’s clearly ‘little but not little’!” The scholar stroked his beard and nodded: “Ah, my wife is truly insightful! ‘Little but not little’ is indeed the ‘seemingly so, yet not quite’ interpretation of ‘much but not much’!” His wife stamped her foot in frustration: “You—you’re ‘clearly stupid!’” The scholar laughed heartily: “Likewise, likewise! This is what we call ‘stupidly wise’—the very essence of marital harmony!”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

Analyzing the lexical level, we have identified the examples, when two semantically opposing words are placed side by side: 1) 多而不多 *much but not much* — 多 *much* clashes with 不多 *not much*; 2) 少而不少 *little but not little* —

少 *little* contradicts 不少 *not little*; 3) 明白的糊涂 *clearly stupid* — 明白 *clear/wise* opposes 糊涂 *stupid*; 4) 糊涂的明白 *stupidly wise* — reverses the above for comedic effect.

On the semantic level the phrase as a whole conveys a logically impossible meaning, yet hints at an underlying truth. The husband's 多而不多 is semantically absurd—how can rice be “much but not much”? The wife's retort 少而不少 mirrors his absurdity, exposing its meaninglessness in practice. The final exchange (“明白的糊涂” vs. “糊涂的明白”) turns the contradiction into meta-humor about marital bickering. The humor derives from violating Grice's Maxim of Quality (don't say what you believe to be false) — the husband's statements are intentionally nonsensical.

Pragmatic oxymoron is also productive in this anecdote. The utterance is self-defeating or ironic in context. The husband claims 大智若愚 *great wisdom seems like folly*, but his actions prove 大愚若智 *great folly pretends to be wisdom*.

The cultural background knowledge also contributes to the creating of comic effect. Husband's attempt at Confucian moderation 中庸 *Doctrine of the Mean* backfires, as his “middle way” is just illogical. The joke mocks scholastic pedantry — a trope in Chinese humor (孔乙己 Kong Yiji), the pedantic scholar who overcomplicates everything), in this case we can also speak about precedent cognitive model in chinese humor (Figure 8).

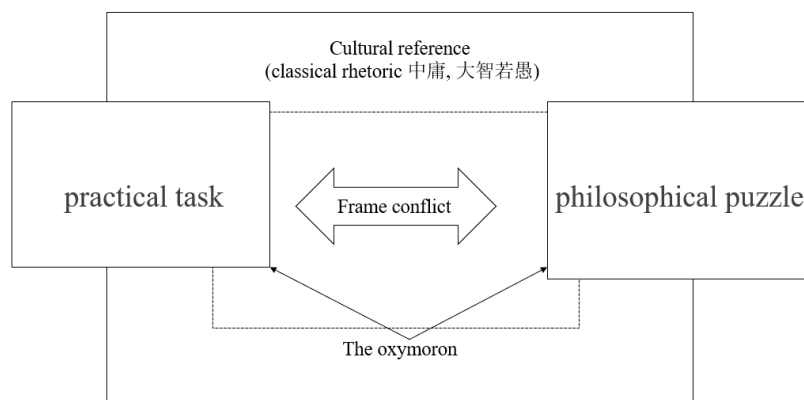

Figure 8. Cognitive model of the anecdote “The Cleverly Stupid Husband”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

8. The “precedent” (cultural and historical context) model

As analysis shows, one of the most productive models in Chinese anecdotal discourse is the model based on cultural and historical precedents. Its productivity stems from its ability to compress complex moral, historical, and philosophical ideas into vivid, actionable metaphors rooted in shared knowledge. The following anecdote is a vivid example of the precedent model of Chinese humor (Table 8).

Table 8. The “precedent” (cultural and historical context) model

《借灯劝学》 清朝乾隆年间，江南有一对年轻夫妻。丈夫是个秀才，整日苦读却屡试不第，渐渐心灰意冷。妻子见状，便在元宵节当晚做了盏特别的花灯。 灯上画着： • 一面是“鲤鱼跳龙门”的图案 • 另一面却画着“鲤鱼困浅滩” 丈夫不解其意，妻子笑道：“夫君看这灯：转过来是‘跃龙门’，转过去是‘困浅滩’。妾身每晚纺纱，也是转来转去——线要捻得紧，日子要熬得住。” 说着又指着灯谜：“『一轮明月照书房』——打一物。” 丈夫猜不出，妻子揭开谜底：“是油灯啊！明月虽好，不如灯下苦读实在。”	“Persuading Through a Lantern” During the Qianlong era of the Qing Dynasty, in Jiangnan, there lived a young couple. The husband, a scholar, studied diligently but repeatedly failed the imperial exams, growing increasingly disheartened. Noticing his despair, his wife crafted a special lantern for the Yuanxiao Festival (Lantern Festival). The lantern displayed: • On one side: “A carp leaping over the Dragon Gate” (symbolizing success in exams). • On the other: “A carp stranded in shallow waters” (symbolizing stagnation). Puzzled, the husband asked for an explanation. His wife smiled and said: “My dear, look at this lantern: turn it one way, and it’s ‘leaping the Dragon Gate’; turn it the other, and it’s ‘stuck in the shallows.’ When I spin thread at night, I too turn the wheel back and forth—the thread must be twisted tight, just as endurance is needed to weather life’s hardships.” She then pointed to a lantern riddle inscribed on it: “A full moon shines upon the study—guess what it is.” When her husband couldn’t answer, she revealed: “It’s an oil lamp! The moon may be beautiful, but it’s the lamp’s steady light that truly aids your studies.”

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina

First of all, we should consider that this type of anecdote refers to historical anecdotes. This analysis examines the cultural shared knowledge required to fully comprehend the Qing Dynasty anecdote. By identifying key historical, symbolic, and sociolinguistic frameworks embedded in the narrative, we demonstrate how premodern Chinese didactic stories rely on culturally specific cognitive schemata for effective transmission of moral lessons. To fully grasp the depth of this Qing Dynasty anecdote, the reader must be familiar with several key elements of traditional Chinese cultural, historical, and social contexts:

Analyzing historical-contextual prerequisites we have identified several metaphors connected with Imperial examination system 科举制度 *keju zhidu*. It was the primary mechanism for bureaucratic recruitment in imperial China (605–1905 CE), emphasizing Confucian classics. A classic metaphor for passing imperial exams 鲤鱼跳龙门 *carp leaping the Dragon Gate*, derived from a legend where carp transform into dragons by overcoming a waterfall (the “Dragon Gate”) and directly maps onto exam success as transformative social mobility. This idiomatic expression represents social mobility in Confucian society. Another culturally dependent metaphor hidden in this anecdote is 鲤鱼困浅滩 *carp stranded in Shallow Waters*. A counter-symbol to the above, referencing the idiom

龙游浅水遭虾戏 *A dragon in shallow water is mocked by shrimp*, meaning talent stifled by circumstance.

To understand the humorous effect, the reader should recognize the cultural peculiarities of Chinese lifestyle. For example, Lantern Riddles (灯谜) is a Yuanxiao Festival tradition where riddles were written on lanterns to test wit. The wife's riddle "*A full moon shines upon the study*" plays on the following: "Moonlight" as poetic but impractical vs. "oil lamp" as humble yet essential — a metaphor for persistent effort over idle dreams.

Discussion

This study has systematically categorized the mechanisms of humor in traditional Chinese anecdotes, identifying key linguistic, cognitive, and cultural models that contribute to their comic and didactic effects. The analysis reveals that Chinese humor predominantly relies on high-context cultural knowledge, indirect communication, and linguistic complexity, distinguishing it from Western comedic traditions.

The study of language material enabled us to single out 8 cognitive models helping to create a humorous effect in the material under investigation. The revealed cognitive models of Chinese humor, which represent a complex hierarchical structure. The cognitive models based on situational frames converge with the cognitive models underlying stylistic devices and the cognitive models underlying the semantics of the language units forming unities. The models singled out supplement the previously discovered cognitive models producing a humorous effect — a peculiar kind of combining of different frames and a change in the profiling of the initial frame, and work alongside with them. The statistical results of this study can be presented in the form of the following diagram (Figure 9).

Figure 9. Distribution of Humor Techniques in Chinese Anecdotes

Source: compiled by Elizaveta A. Krasikova & Svetlana G. Korovina.

Conclusions

In summary, Chinese anecdotal humor is a multilayered discourse where language, history, and social norms intersect. Its study offers not just insight into comedy, but into how culture shapes cognition—and why some jokes, like oil lamps, shine brightest for those who know how to tend them.

The conclusion that we consider basic for further investigation of humour in Chinese anecdotal discourse is that humour is produced by a convergence of cognitive models of humour and cognitive models underlying the use of language means and stylistic devices. Taking a linguistic approach to the study of humour, we have found out that the result of a comic effect is usually linguistic creativity which in Chinese is based on logographic writing system and phonological system with limited quantity of syllabemas. Chinese humor functions as a cultural schema, encoded knowledge that audiences must decode. Unlike Western “roast” comedy, it prioritizes subtlety, metaphor, and shared context over explicit punchlines.

References / Библиографический список

1. Novospasskaya, N.V., Yang, Xue, & Mikhaylenko, A.Yu. (2023). Image of a Woman in Chinese and Russian Paroemiae. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 633–646. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-633-646> EDN: MHOLPY
2. Speshnev, N.A. (2012). *The Chinese: Peculiarities of National Psychology*. Saint Petersburg: KARO. (In Russ.).
3. Спешнев Н.А. Китайцы особенности национальной психологии. СПб. : КАРО, 2012.
3. Dmitriev, A.V., & Sychev, A.A. (2005). *Laughter: Sociophilosophical analysis*. Moscow: Alfa-M. (In Russ.).
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: Социофилософский анализ. М. : Альфа-М, 2005.
4. Beloglazova, E.V., Osmak, N.A., & Shuvalova, E.K. (2024). Russian culture through the prism of English, Finnish and Japanese languages: Reflections or refractions? *Training, Language and Culture*, 8(2), 42–51. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-2-42-51> EDN: HBLNJO
5. Mulder, M.P., & Nijholt, A. (2002). *Humour Research: State of the Art* [Electronic resource]. URL: <https://ris.utwente.nl/ws/files/28107806/0000009e.pdf> (accessed: 23.01.2025).
6. Dunbar, R.I. (2012). Bridging the bonding gap: the transition from primates to humans. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 367(1597), 1837–1846.
7. Veatch, T.C. (1998). A theory of humor. *Humor*, 11(2), 161–215.
8. Piaget, J. (1999). *Play, Dreams and Imitation in Childhood*. London: Routledge.
9. Kolb, E. (2013). The Definition of Sense of Humour: A New Perspective. [Electronic resource]. URL: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:150235877> (accessed: 23.01.2025).
10. King, G. (2002). *Film comedy*. London: Wallflower Press.
11. Yue, Xiao Dong. (2011). The Chinese ambivalence to humor: Views from undergraduates in Hong Kong and China. *HUMOR*, 24(4), 463–480.
12. Shakhayeva, A.A. (2022). Laughing with eyebrows, or a bright palette of verbs of laughter in the Chinese language. In: *Around laughter in six languages*. (pp. 173–204). Moscow : TRIUMPH. (In Russ.). EDN: JGMLYK
- Шахаева А.А. Смеяться бровями, или яркая палитра глаголов смеха в китайском языке // Вокруг смеха за шесть языков. М. : ТРИУМФ, 2022. С. 173–204. EDN: JGMLYK
13. Jiang, T., Li, H., & Hou, Y. (2019). Cultural Differences in Humor Perception, Usage, and Implications. *Frontiers in Psychology*, 10, 1–8.

14. Wells, H.W. (1971). *Traditional Chinese Humour: A Study in Art & Literature*. London : Indiana University Press.
15. Kneekes, D.R. (1970–1971). Wit, Humor and Satire in Early Chinese Literature (to A.D. 220). *Monumenta Serica*, 29, 79–98. <https://doi.org/10.1080/02549948.1970.1174498>
16. Kaikkonen, M. (1990). *Laughable Propaganda*. Stockholm: Institute of Oriental Languages publ.
17. Brown, P., & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Korovina, S.G. (2014). The Functioning of Confucian Values in China at the Turn of the 20th–21st Centuries (Based on Works of Modern Chinese Literature). In: *Language and Communication in a Modern Multicultural Society: Collection of Scientific Papers* (pp. 8–22). Moscow : TransArt. (In Russ.). EDN: TASRIR
- Коровина С. Г. Функционирование конфуцианских ценностей в Китае на рубеже XX–XXI вв. (на материале произведений современной китайской литературы) // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме: Сборник научных трудов. М. : ТрансАрт, 2014. С. 8–22. EDN: TASRIR
19. Zyкова, I.V. (2021). *Linguistic creativity in discourses of different types: Limits and possibilities: collective monograph*. Moscow: R. Valent. (In Russ.).
- Зыкова И.В. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. М. : Р. Валент, 2021.
20. Zyкова, I.V., & Krasikova, E.A. (2024). Emotive Units in the Cinematic Discourse from the Position of Linguistic Creativity (the Case Study of Films in English, Russian and Chinese). *Vestnik of Saint-Petersburg University. Language and Literature*, 21(1), 182–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.110> EDN: GNFIXT
- Зыкова И.В., Красикова Е.А. Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 1. С. 182–207. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.110> EDN: GNFIXT
21. Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel Publishing Company.
22. Jin, Lian, Lazareva, O.V., & Lazareva, O.S. (2022). Comparative Analysis of the Russian Adverb *чрезвычайно* and the Chinese Adverb 非常 in the Meaning of ‘extremely’. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 502–517. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-502-517> EDN: PQKXRU
23. Van, Dijk T. A., & Kintsch, W. (1983). *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
24. Minsky, M. (1988). A Framework for Representing Knowledge. In: *Cognitive Science*, A. Collins & E. Smith (eds.) (pp. 156–189). San Mateo: Morgan-Kaufmann Publ. Inc.
25. Fillmore, Ch.J. (1982). *Frame Semantics. Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin Publ. Co.
26. Belyaevskaya, E.G. (2015). Frame, Concept, Conceptual Metaphor — synonyms? (On the Correlation of Research Methods in Cognitive Linguistics *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 22(733), 9–22. (In Russ.). EDN: WKIALJ
- Беляевская Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора — синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 22. № 733. С. 9–22. EDN: WKIALJ
27. Ullmann S. (1959). *Semantics: An Introduction to the Science of Meaning*. Oxford: Blackwell.
28. Leech G. (1981). *Semantics: The Study of Meaning. Second Edition*. London: Penguin Books.

29. Croft, W., & Cruse, D.A. (2004). *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
30. Evans, V. (2007). *A Glossary of Cognitive Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Information about the authors:

Elizaveta A. Krasikova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Training Teachers of Rare Languages of the Institute of Foreign Languages Maurice Thorez, Moscow State Linguistic University (38/1 Ostozhenka Str., Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: cognitive linguistics, Chinese, English, lexicology, semantics, comparative studies, sinology; *e-mail*: krasikova.liza@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9369-1370; SPIN-code: 2211-7783; ResearcherID: JHU-7766-2023, Scopus Author ID: 59307304300.

Svetlana G. Korovina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Economy, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: translation studies, sinology, lexicology, semantics, comparative studies, linguacultural studies; *e-mail*: korovina_sg@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-4316-8212; SPIN-code: 2501-3863, ResearcherID: A-8213-2017, Scopus Author ID: 57216617277

Сведения об авторах:

Красикова Елизавета Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, китайский язык, английский язык, лексикология, семантика, сопоставительные исследования; *e-mail*: krasikova.liza@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9369-1370; SPIN-код: 2211-7783; ResearcherID: JHU-7766-2023, Scopus Author ID: 59307304300.

Коровина Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: переводоведение, китаистика, лексикология, семантика, сопоставительные исследования, лингвокультурология; *e-mail*: korovina_sg@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-4316-8212; SPIN-код: 2501-3863, ResearcherID: A-8213-2017, Scopus Author ID: 57216617277

ЛИНГВИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1144-1153
EDN: NABLBZ

Научная статья / Research Article

«КОСМОС» и «ХАОС» концептуального пространства языковой личности: парадоксы Сергея Довлатова

В.В. Воробьев¹ , А.А. Немыка²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 vorobyov_vv@pfur.ru

Аннотация. Трансляция и сохранение элементов русского национального этнокультурного кода посредством изучения авторских парадоксов является актуальным направлением современной лингвоаксиологии и лингвоперсонологии. Целью исследования обозначено изучение аксиосферы художественного текста и аксиосферы языковой личности Сергея Довлатова; анализируется сложность семантических биномов «КОСМОС» и «ХАОС», смысловые приращения традиционной оппозициональности. Рассматривается специфика авторской семантики в контексте лингвоконцептологических и лингвоперсонологических подходов, раскрываются способы репрезентации категорий абсурда, нормы и смысла в индивидуальном идиостиле писателя. Используются эффективные методы исследования концептуального пространства авторских парадоксов путем анализа их внутренней логико-семантической валентности. Сделаны выводы об афористичности и конситуативности парадоксов Сергея Довлатова, что обуславливает эффективность применения методов семантического анализа, используемых для характеристики устойчивых и воспроизводимых сегментов языкового континуума. Выявлено, что парадоксы функционируют как средства трансляции аксиологических установок и одновременно как маркеры мировоззренческой позиции автора. Системно охарактеризована семантическая емкость парадоксов, синкретизм в концептуальном пространстве элитарной языковой личности Сергея Довлатова и представлены способы их функционирования в парадигме смыслов и аксиосфере художественного текста. Отмечена авторская трансформация объемов понятий, что связано с формированием концептуальной специфики, значимой для сохранения и передачи русского лингвокультурного кода. Сделаны выводы о семантической и функциональной целостности бинарных концептов в аксиосфере исследуемой языковой личности, отмечена ее органичная многоуровневость. Перспективу дальнейшего исследования составляет сопоставительный анализ методов характеристики парадокса в текстах других элитарных языковых личностей.

© Воробьев В.В., Немыка А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: лингвоконцептология, аксиосфера, семантика парадокса, бинарные концепты, проза Сергея Довлатова

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 09.04.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: *Воробьев В.В., Немыка А.А. «КОСМОС» и «ХАОС» концептуального пространства языковой личности: парадоксы Сергея Довлатова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1144–1153. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1144-1153>*

“COSMOS” and “CHAOS” of the Linguistic Persona’s Conceptual Space: Sergey Dovlatov’s Paradoxes

Vladimir V. Vorobyov¹, Anna A. Nemyka²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 vorobyov_vv@pfur.ru

Abstract. The translation and preservation of elements of the Russian national ethno-cultural code through the study of author’s paradoxes is an urgent area of modern linguistics. The primary objective of our issues in contemporary linguoaxiology and linguopersonology is to investigate the literary text axiosphere and the Sergey Dovlatov’s linguistic personality axiosphere. The article deals with pressing, focusing on the elements transmission and preservation of the Russian national ethnocultural code through the study of author’s paradoxes. The complexity of semantic pair “COSMOS” and “Chaos” is analyzed together with semantic augmentations of traditional oppositionality. The study examines the particular characteristics of authorial semantics within the framework of linguoconceptological and linguopersonological approaches, revealing the means of representing the categories of absurdity, norms and meaningfulness in the writer’s individual style. The effective research methods are employed to investigate the concept of authorial paradoxes, analyzing their internal logical-semantic valence. Conclusions are drawn regarding the Sergey Dovlatov’s aphoristic nature and contextual paradoxes that determine the effectiveness of applying semantic analysis methods applied to characterize stable and reproducible segments of the linguistic continuum. It was identified that paradoxes function as both means of transmitting axiological orientations and the author’s worldview position markers. Systematically characterized the paradoxes capacity and their syncretic nature within the conceptual space of Sergey Dovlatov’s elite linguistic personality, and the paradoxes functioning mechanisms are presented within the paradigm of meanings and the axiological sphere of the literary text. The author’s conceptual scopes transformation is noted, which is closely linked to the formation of a specific conceptual framework significant for the Russian linguocultural code preservation and transmission. The findings highlight regarding the semantic and functional integrity of binary pairs within the Dovlatov’s linguistic personality, with particular emphasis on its organically structured multilayered nature. Further research lies in the comparative analysis of methods used to characterize paradox in the texts of other elite linguistic personalities.

Keywords: linguo-conceptology, axiosphere, semantics of a paradox, binary concepts, Sergei Dovlatov’s prose

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflicts of interest related to this research.

Article history: received: 09.04.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Vorobyov, V.V., & Nemyka, A.A. (2025). “COSMOS” and “CHAOS” of the Linguistic Persona’s Conceptual Space: Sergey Dovlatov’s Paradoxes. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1144–1153. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1144-1153>

Введение

Осмысление и сохранение национального культурного кода и анализ различных способов его трансляции являются важнейшими задачами в рамках современной научной и образовательной парадигмы. Междисциплинарность характера данной научно-дидактической проблемы во многом обуславливает специфику путей ее решения. Одной из очевидных доминант можно назвать обращение к лингвокультурным особенностям текстов русской прозы, которая всегда находится в авангарде аккумуляции и представления базовых ценностных смыслов социума. Исследования концептуального пространства популярных современных текстов, а также концептуального пространства языковой личности [1. С. 268] их авторов позволяют совершенствовать способы их репрезентации различным целевым аудиториям, максимально уменьшить потенциальный агнонимический фактор, в том числе и с помощью качественного, оптимального по объему и содержанию лингвокультурного комментария и механизма отбора и интерпретации текстового материала.

Современная лингвоконцептология и лингвоперсонология активно обращаются к исследованию семантических биномов — концептуальных пар, получивших название «бинарных концептов» [2–4]. В онтологическом аспекте данный экзистенциальный дуализм репрезентируется в таких фундаментальных категориях, как *космос* и *хаос*, *мир* и *антимир*, *материя* и *антиматерия*. Подобные бинарные оппозиции заложены в структуре человеческого мышления на глубинном, бессознательном уровне, что обуславливает их универсальность при описании любой модели мироустройства. Эти оппозиции органично коррелируют с синергетическими категориями *симметрии* и *асимметрии*, имеющими ключевое значение в анализе сложных систем. По мнению ученых-лингвокультурологов, языковая личность характеризуется многослойностью и многокомпонентностью парадигмы [5. С. 119]; при изучении данного сложного научного понятия необходимо исследование «языкового идиостиля» человека [6. С. 9].

С учетом параметров определения понятия «культурно-языковой личности», включающего в себя одновременное рассмотрение «культуротворческих и языкотворческих способностей ... актора» [7. С. 24], представляется актуальным анализ концептуального пространства элитарной языковой личности и специфики средств ее репрезентации в пространстве художествен-

ного текста. Обращение к прозе Сергея Довлатова в рамках этой исследовательской позиции не случайно: автор элитарен, сложен и прост одновременно, тонко балансирует на грани парадокса, абсурда и триуизма.

Результаты исследования

В ряде лингвистических исследований отождествляются понятия абсурда и хаоса как категориальные единицы, противопоставленные смыслу, его гармонии и цельности [8; 9]. Как и большинство научных дисциплин, семантика в своей основе опирается на дихотомические модели, что закономерно отражается и в ее понятийном аппарате. Антитезой центрального для семантики концепта — смысла — выступает категория абсурда. С лингвистической позиции абсурд можно охарактеризовать как особую языковую субстанцию, которая в художественном тексте реализуется в разнообразных формах, являющихся оппозиционными по отношению к традиционной языковой норме. Однако «в проблематике лингвистического абсурда остается большое количество неизученных и нерешенных вопросов. Таковым, в частности, является вопрос о том, как, благодаря чему возможно появление лингвистического абсурда в семантической ткани текста» [10]. В античной философской традиции абсурд понимался как явление, противопоставленное Гармонии, рассматриваемой как целостность закономерности, упорядоченности, правильности и эстетической завершенности; в таком значении он во многом коррелировал с понятием Хаоса¹.

Существует два основных способа восприятия абсурда: реципиент либо воспринимает абсурд как проявление Хаоса и отвергает его, либо преобразует этот Хаос в Космос, наделяя его структурой и смысловыми связями, вычлняя интенциональные компоненты текста и осмысливая их. Интерпретация абсурда в таком ключе сопрягается с моделью парадокса [11], при которой одна и та же форма способна вмещать различные по содержанию, но равнозначные по смысловой значимости интерпретации. Понимание этого дуализма важно при анализе концептуального пространства парадоксов, в том числе и реализованных в текстах прозы Сергея Довлатова.

Мир, по мнению писателя, во многом абсурден. Безумие стало естественным, а доброжелательное, естественное и интеллигентное — ненормальным. В человеческих отношениях доминирует случайное и нелепое. «Я шел и думал — мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда», — пишет автор в «Заповеднике»². В языковой структуре произведений Довлатова нередко встречаются антиномии, размещенные в рамках одной фразы или смежных. Эти противопоставления, иногда взаимно исключаящие друг друга, однако гармонично сосуществуют в контексте,

¹ Топоров В.Н. Хаос первобытный // Мифы народов мира : в 2 томах. Т. 2. М. : Сов. энциклопедия, 1992. С. 581.

² Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 4. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. С. 146.

наполняя его выразительностью, образной насыщенностью и смысловой глубиной, побуждающей к дополнительному осмыслению. Автор прибегает к приему, позволяющему интегрировать в текст множественные смысловые планы, идейные направления и концептуальные уровни.

При этом парадоксальные высказывания Довлатова могут быть в достаточной степени семантизированы:

«Талант — это как похоть. Трудно утаить. Еще труднее — симулировать» (Соло на ундервуде)³.

Подобные парадоксальные конструкции и оппозиции обладают одновременно афористической четкостью и контекстуальной обусловленностью. К ним относятся и соотнесенные автором концепты «творческий подъем» и «пошлость», а также «одинокчество» и «вечеринка»:

«1960 год. Новый творческий подъем. Рассказы, пошлые до крайности. Тема — одиночество. Неизменный антураж — вечеринка» (Ремесло)⁴.

Все эти четыре понятия выступают как контекстуальные синонимы.

Парадоксы Довлатова (при том, что автор стремится, по его утверждению, к максимально объективной, безоценочной фиксации событий жизни, желая быть лишь неосуждающим рассказчиком) зачастую коннотативны. При смещении акцента в сторону положительной или отрицательной оценки формируется своеобразный диалог автора как личности с коллективным языковым сознанием, опирающимся на устойчивые стереотипы в интерпретации конкретного события или факта. В таком контексте коннотативный потенциал высказывания связывается с эмоционально-смысловой насыщенностью и, в особенности, с экспрессивным структурированием текста.

У Довлатова парадоксальной может быть как прямая характеристика («плохие, но замечательные»), так и многократно повторяемое определение «прогрессивный», которое, утрачивая исходную положительную окраску, превращается в трюизм:

«Приношу ему (Анатолию Найману) три рассказа в неделю.
– Прочел с удовольствием. Рассказы замечательные. Плохие, но замечательные. Вы становитесь прогрессивным молодым автором... Хотите, я покажу рассказы Игорю Ефимову?
– Кто такой Игорь Ефимов?
– Прогрессивный молодой автор...» (Ремесло)⁵.

В данном случае наряду с ситуативным парадоксом реализуется и семантический парадокс, возникающий вследствие неснятой полисемии, то есть одновременного сосуществования противоположных, положительной и отрицательной, оценок одного и того же объекта.

³ Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 4. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. С. 243.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 25.

Парадокс в текстах Довлатова не является следствием случайности или речевой ошибки, что характерно для усредненной языковой личности, но представляет собой тщательно выстроенную смысловую конструкцию. Он «сознательно прибегает к опосредованным, непрямым, зачастую неоднозначным и в определенном смысле алогичным способам выражения», апеллируя к ассоциативному опыту своей аудитории [12. С. 84]. Возникновение парадоксов во многом определяется и социальными факторами, и мировоззренческими установками писателя, который трактует их как закономерные и неизбежные:

«Вот и хорошо, думаю. Вот и замечательно. В любой ситуации необходима какая-то доля абсурда» (Филиал)⁶.

Довлатов обращает читателя к осмыслению утверждений парадоксального характера, которые в рамках его авторской логики представляются вполне последовательными и рациональными:

«Сложное в литературе доступнее простого» (Записные книжки)⁷.

В числе ключевых элементов семантической структуры, формирующих концептуальное пространство, описанное Довлатовым посредством оппозиции «норма» — «абсурд», центральное место занимает авторская модификация объема понятий. Писатель фиксирует не только сам парадокс, но и причинно-следственную цепочку рассуждений, которая приводит к его формированию:

«...Русская литература, в отличие от европейской и американской литературы, с западной точки зрения литературой не является. Этот парадокс требует некоторой расшифровки...» (Записные книжки)⁸.

Расшифровка также звучит парадоксально:

«Писателя в России всегда воспринимали как пророка, приписывали ему титанические возможности ... Роль и поприще писателя всегда считались в России очень почетными, и потому сказать о себе: „Я — писатель“ всегда считалось в России крайне неприличным ...» (Записные книжки)⁹.

Парадоксы характеризуют и творчество автора, и его сущность. По Довлатову, жить и творить в таком обществе предельно сложно:

«Я ощущал какую-то странную зыбкость происходящего. Как будто сидел в переполненном зале. Точнее, был в зале и на сцене одновременно. Боюсь, что мне этого не выразить. Кстати, поэтому-то я и не художник.

⁶ Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 4. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. С. 28.

⁷ Довлатов С. Записные книжки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sergeidovlatov.com/books/zap_kn.html (дата обращения: 20.06.2025).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Ведь когда ты испытываешь смутные ощущения, писать рановато. А когда ты все понял, единственное, что остается, — молчать» (Филиал)¹⁰.

В отношении к собственной личности и творческой деятельности Довлатов нередко использует взаимоисключающие оценки, умело сталкивая их в рамках одного высказывания:

«Я был — одновременно — непризнанным гением и страшным халтурщиком» (Заповедник)¹¹.

Парадокс у Довлатова может иметь ситуативный характер; в ряде случаев выявить или подчеркнуть абсурдность ситуации помогает языковая игра, основанная на повторе отдельных лексических единиц, их чередовании либо взаимозаменяемости в пределах одного предложения [13]. Писатель использует трансформацию языковых элементов в контексте, например:

«У себя на работе я не работаю, а халтурую, а вечером, когда иду халтурить, я уже не халтурую, а работаю»¹².

Конситуативность многих парадоксов Сергея Довлатова очевидна, является, на наш взгляд, характерной чертой авторского идиостиля. Ярко и самобытно это проявляется в текстах «Компромисса», например, в рассказе о репортерах и Линде Пейпс, прославившейся выдающимися надоями. Абсолютно невозможно проиллюстрировать парадоксы данного авторского текста небольшими отрывками или фразами: изначально вся ситуация парадоксальна, включая даже моменты хромотопических характеристик. Поэтому семантику парадоксальности данного текста и ее специфику можно анализировать только с учетом всех конситуативных параметров.

Довлатов обнаруживает источники абсурда не только в общественной среде, но и в собственном внутреннем мире. Период продолжительного и непростого становления его как писателя сопровождался изменением авторской самооценки, пересмотром представлений о собственных литературных возможностях и роли в литературном процессе. Вследствие этого в его высказываниях естественным образом сосуществуют взаимоисключающие суждения:

«И еще я подумал с некоторой грустью:
„Бог дал мне то, о чем я его просил. Он сделал меня рядовым литератором, вернее — журналистом. Когда же мне удалось им стать, то выяснилось, что я претендую на большее. Но было поздно.
Претензий, следовательно, быть не может“» (Филиал)¹³.

¹⁰ Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 4. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. С. 122–123.

¹¹ Там же. С. 268.

¹² Довлатов С. Малоизвестный Довлатов. СПб. : Журнал «Звезда», 1999. С. 391.

¹³ Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 томах. Т. 4. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. С. 122–123.

Заключение

Отличительной чертой парадоксов Сергея Довлатова является, на наш взгляд, их афористичность. Многие из них кратки, семантически емки, легко запоминаются читателями. Именно такое свойство их воспроизводимости позволяет говорить о реализации особого типа валентности – внутренней логико-семантической, обуславливающей высокую степень семантической и функциональной универсальности исследуемых парадоксов с позиций трансляции национально-культурных кодов. Комплексный анализ данных валентностных параметров перспективно проводить как в рамках пространства одной языковой личности, так и нескольких (в том числе в сопоставительном аспекте). Таким образом, в смысловом пространстве парадоксов Сергея Довлатова в значительной степени нивелируется противопоставленность концептуальной бинарности «Космоса» и «Хаоса», они гармонично сосуществуют в границах языковой личности автора, формируя уникальную функциональную цельность. Это и позволяет писателю при внешней противоречивости и неоднозначности текстовых лингвокультурных доминант транслировать читателю взгляд наблюдателя-оптимиста и одновременно тонкого «лирика со склонностью к унынию». Без этой цельности и парадоксальности невозможно представить и пытаться понять характер языковой личности Сергея Довлатова.

Библиографический список

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М. : Российский ун-т дружбы народов, 2008. EDN: QTNGJV
2. Степанов Ю.С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М. : Калуга, 2007. С. 19–26.
3. Воркачев С.Г. О свойствах страсти: семантическое единство страсть-бесстрастие в лингвокультуре. Краснодар : КубГТУ, 2024.
4. Ларина М.Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов *magic* и *glamour*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. EDN: ZOKHXP
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Изд-во Юрайт, 2025.
6. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М. : ГНОЗИС, 2004.
7. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М. : URSS, 2015. EDN: TUKZHD
8. Кравец А.С. Абсурд как нарушение смысла // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 135–136. EDN: TNSQML
9. Новикова В.Ю. Хаос / Космос vs. абсурд / смысл в системе языка // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 1 (44). С. 71–73. EDN: OZFDLV
10. Кравченко О.В. Явления языкового абсурда в художественных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010.
11. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. EDN: QXABFT
12. Попкова Н.Н. О специфике иронического мышления // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы VI Всерос. науч. конф. Ульяновск, 17–20 мая 2006 г. Ульяновск, 2006. С. 83–85.

13. Немыка А.А., Пешков А.Н. Термины в языке художественной литературы: теоретический, функциональный и лингводидактический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5–2. С. 250–253. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-250-253> EDN: UHMDGL

References

1. Vorobyov, V.V. (2008). *Linguoculturology*. Moscow: RUDN University publ. (In Russ.). EDN: QTNGJV
2. Stepanov, Yu.S. (2007). 'Concept', 'Conceptual Opponent', 'Notion': Vector Phenomena in Semantics. In: *Conceptual Analysis of Language: Modern Approaches* (pp. 19–26). Kaluga. (In Russ.).
3. Vorkachev, S.G. (2024). *On the Properties of Passion: Semantic Unity of Passion/Dispassion in Linguistic Culture*. Krasnodar: KubGTU publ. (In Russ.).
4. Larina, M.B. (2011). *Correlation of Concept and Anticoncept in Linguistic Culture (based on Magic and Glamour)* [PhD dissertation]. Kemerovo. (In Russ.). EDN: ZOKHXP
5. Maslova, V.A. (2025). *Linguoculturology*. Moscow: Yurayt. (In Russ.).
6. Karasik, V.I. (2004). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
7. Zyкова, I.V. (2015). *Conceptosphere of Culture and Phraseology: Theory and Methods of Linguoculturological Analysis*. Moscow: URSS. (In Russ.). EDN: TUKZHD
8. Kravets, A.S. (2004). Absurd as a violation of meaning. *Vestnik VGU. Series Humanities*, 2, 135–136. (In Russ.). EDN: TNSQML
9. Novikova, V.Yu. (2012). Chaos/Cosmos vs. Absurd/Meaning in the System of Language. *Cultural Life of the South of Russia*, 1(44), 71–73. (In Russ.). EDN: OZFDLV
10. Kravchenko, O.V. (2010). *Phenomena of Language Absurdity in Literary Texts* [PhD dissertation]. Stavropol. (In Russ.).
11. Deleuze, G. (2011). *The Logic of Sense*. Moscow: Akademicheskii proyekt. (In Russ.). EDN: QXABFT
12. Popkova, N.N. (2006). On the Specifics of Ironic Thinking. In: *Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects: Proceedings of the VI All-Russian Scientific Conference, Ulyanovsk, May 17–20, 2006* (pp. 83–85). Ulyanovsk. (In Russ.).
13. Nemyka, A.A., & Peshkov, A.N. (2015). The Terms in the Language of Fiction: Theoretical, Functional and Linguodidactic Aspects. *Historical and Social Educational Idea*, 7(5–2), 250–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-250-253> EDN: UHMDGL

Сведения об авторах:

Воробьев Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); сфера научных интересов: лингвокультурология, русский язык как иностранный, лингводидактика; e-mail: vorobyov_vv@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-5906-3773, SPIN-код: 4432- 6056, Researcher ID: AAT-1847-2020, Scopus ID: 57197807156.

Немыка Анна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149); сфера научных интересов: семантика, терминология, лингвокультурология, психолингвистика, анализ текста, лингводидактика; e-mail: annemyka@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2525-9249, SPIN-код 4803-0259, AuthorID: 394369.

Information about the authors:

Vladimir V. Vorobyev, Dr. Sc. (Philology), Full Professor, Head of Russian Language and Linguoculturology Department, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198). *Research interests*: cultural linguistics, applied and communicative cultural linguistics, theory and methods of teaching Russian as a foreign and non-native language; *e-mail*: vorobyov_vv@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-5906-3773, SPIN-code: 4432- 6056, Researcher ID: AAT-1847-2020, Scopus ID: 57197807156.

Anna A. Nemyka, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University (149 Stavropol Street, Krasnodar, Russian Federation, 350040); *Research interests*: semantics, terminology, linguoculturology, psycholinguistics, text analysis, linguodidactics; *e-mail*: annemyka@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2525-9249, SPIN-code 4803-0259, AuthorID: 394369.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1154-1172

EDN: NBRJYV

Research Article / Научная статья

Qualitative and Quantitative Characteristics of Functional-and-Stylistic and Emotional-Expressive Stylistic Markedness of the Adjective in the Literary Text: Based on V.M. Shukshin's Stories

Mahanbet Dzhusupov¹, Sharapat K. Mamirova²

¹Uzbek State University of World Languages, *Tashkent, the Republic of Uzbekistan*

²Central Asian Innovation University, *Shymkent, the Republic of Kazakhstan*

 mah.dzhusupov@mail.ru

Abstract. The stylistic markedness of a linguistic unit in general and an adjective in particular, having commonalities in dictionaries and literary texts, is characterized by the author's interpretation of the text. It indicates an individual writer's vision and realization of a linguistic unit in the dynamics of language, in which the semantic-stylistic volume of a lexeme typically expands and deepens through the author's intention, genre of the work, theme, influence of linguistic and extra-linguistic factors. In V.M. Shukshin's stories, both the stylistic and the overall semantic-and-stylistic aspects of the adjectival vocabulary expand and deepen through the author's individual innovations (neologisms, occasionalisms, non-standard word combinations, etc.) as well as through the use of dialectal words, slang, colloquial expressions, which he uses in the same meaning as in a dialect, or giving them a different (or several different) semantic and stylistic meanings. The study discusses the issue of the qualitative and quantitative characteristics of stylistically marked adjectival vocabulary in V.M. Shukshin's fictional speech in comparison with its presentation in explanatory dictionaries of the Russian language. The qualitative and quantitative (linguostatistical) analysis of the functioning of the adjectival vocabulary in V.M. Shukshin's stories in comparison with their stylistic labels in dictionaries has revealed significant differences, indicating the semantic-and-stylistic interpretation of a certain part of the adjectives used by the writer, allowing to define this practice as evolutionary in relation to both the stylistic markedness of the adjectival vocabulary and its lexical meaning within his created literary texts, ultimately enriching the stylistics and semantics of linguistic units of the Russian language. During the scientific research, methods such as intralinguistic comparison, semantic-and-stylistic, linguostatistical analyses, as well as inductive and deductive methods were used, contributing to determining the theoretical and practical significance of the studied scientific issue.

Keywords: dictionary, linguistic statistics, author's individual stylistic nuances

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

© Dzhusupov M., & Mamirova Sh.K., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: received: 03.03.2024; accepted: 15.06.2025.

For citation: Dzhusupov, M., & Mamirova, Sh.K. (2025). Qualitative and Quantitative Characteristics of Functional-and-Stylistic and Emotional-Expressive Stylistic Markedness of the Adjective in the Literary Text: Based on V.M. Shukshin's Stories. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1154–1172. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1154-1172>

Качественные и количественные характеристики функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной стилистической окраски имени прилагательного в художественном тексте: на материале рассказов В.М. Шукшина

М. Джусупов¹ , Ш.К. Мамирова²

¹Узбекский государственный университет мировых языков, *Ташкент, Республика
Узбекистан*

²Центрально-Азиатский Инновационный Университет, *Шымкент, Республика Казахстан*
 mah.dzhusupov@mail.ru

Аннотация. Стилистическая окраска языковой единицы в целом и имени прилагательного в частности, имея общее в словаре и в художественном тексте, характеризуется авторской интерпретацией в тексте, что свидетельствует об индивидуальном писательском видении и реализации языковой единицы в условиях динамики языка, в которой семантико-стилистический объем лексемы, как правило, расширяется, углубляется за счет замысла художника слова, жанра произведения, темы, влияния лингвистических и экстралингвистических факторов. Рассматривается проблема качественно-количественных особенностей стилистически окрашенной лексики имени прилагательного в речи на материале художественной прозы В.М. Шукшина в сравнении с ее презентацией в толковых словарях русского языка. В рассказах В.М. Шукшина как стилистический, так и в целом семантико-стилистический аспект содержания лексики имени прилагательного расширяется, углубляется за счет как индивидуально-авторских нововведений (неологизмы, окказионализмы, нестандартное сочетание слов и т.д.), так и за счет использования диалектизмов, жаргонизмов, просторечных выражений, которые он употребляет в том же значении как в диалекте, или придавая им другое (или несколько иное) смысловое и стилистическое значение. Качественный и количественный (лингвостатистический) анализ функционирования имени прилагательного в рассказах В.М. Шукшина в сравнении с содержанием стилистической пометы в словарях показал серьезные различия, которые свидетельствуют о семантико-стилистической интерпретации определенной части прилагательных, использованных писателем, что позволяет определить такой деятельностный процесс писателя эволюционным по отношению как к стилистической окраске имени прилагательного, так и к его лексическому значению в рамках созданных им художественных текстов, что в итоге обогащает стилистику и семантику языковой единицы русского языка. В исследовании применены внутриязыковое сравнение, семантико-стилистический, лингвостатистический, а также индуктивные и дедуктивные методы, что способствовало определению теоретической и практической значимости исследуемой научной проблемы.

Ключевые слова: словарь, лингвостатистика, индивидуально-авторская стилистическая окраска

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 03.03.2025; дата приема в печать: 15.06.2025.

Для цитирования: *Dzhusupov M., Mamirova Sh.K. Qualitative and Quantitative Characteristics of Functional-and-Stylistic and Emotional-Expressive Stylistic Markedness of the Adjective in the Literary Text: Based on V.M. Shukshin's Stories // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1154–1172. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1154-1172>*

Introduction

At the turn of the 20th–21st centuries — the time of the socio-political, economic and cultural transformations — the typical process of emerging “literature-oriented, bookish” words of colloquial speech intensifies, which is accompanied by the interaction of language and speech styles as well as the broadening and narrowing, the disappearing and acquiring of new meanings, the formation of new derivatives from the borrowings, and so on. All of those novelties are reflected in the standard, normative and similar dictionaries, and they are realized in literary texts in static dictionary and dynamic speech situations with the introduction of individual (author’s) innovations in the semantic and stylistic content of linguistic units.

In the given language and speech process, Adjectives are regularly functioning to denote a feature. Adjectives are a syntagmatically active, multi-functional stylistically complex part of speech. Stylistic characteristics of the Adjectives are not similarly identified at various levels of linguistic hierarchy, though adjectives function on various levels of language. In lexis, word-derivation and syntax, there is marked the major part of new derivatives and semantic varieties of stylistic nuances and meanings of a linguistic unit.

At present, the dynamic evolution of the stylistic theory, the intensive studies of language and speech styles, their expressive potentials attract the attention of linguists to the content and structure of a text. It results in the angle of differentiation of the main notions both in linguistic and literature studies, e.g., literary language and language of belle-lettres (fiction).

Many scholars have been studying the language of V.M. Shukshin [1–3]. They turned to various aspects of Shukshin’s language-and-speech. This study reviews the peculiarities of stylistic evaluation of Adjective comparing static (dictionary) and dynamic (speech) characteristics which could have and do have essential differences both in qualitative and quantitative aspects. To validate and strengthen scientific objectivity of the research findings the linguo-statistical analysis of stylistic nuances was applied and carried out on the linguistic materials which means both theoretical and applied linguistic significance.

For example, let’s discuss the sentence “*Как вам не стыдно? — с убийственным спокойствием спросил профессор и стал ждать ответа*” — (lit.: ‘Are you not ashamed? — asked the Professor with a murderous calmness, and

started to wait for an answer’ (V. Shukshin. “The Exam”)).¹ The word *murderous* acquires the new meaning of ‘непоколебимый, равнодушный, холодный – impregnable/firm, indifferent, frostbitten’, and the word collocation ‘убийственное спокойствие – ‘murderous calmness’ makes a semantic antonym and has got a colloquial nuance because it’s just while speaking or author’s use of a noun and adjective the latter gets a new stylistic evaluation (a nuance of disapproval and mockery). Such stylistic nuance is not labelled in explanatory dictionaries, i.e., it’s contextual and individual to the author.

We’ve chosen literary texts for the analysis — stories by V.M. Shukshin (collection of stories “Там, вдали” (lit: ‘There, in the Distance’), some explanatory Russian dictionaries².

The analysis of the study materials is carried out following the parameters mentioned below:

- 1) realization of normative stylistic labels of the Adjective and their meanings in literary (fiction) texts;
- 2) factual number of adjectives in the analyzed literary (fiction) texts;
- 3) the ratio of the types of stylistic nuances of the Adjective in explanatory dictionaries and in literary (fiction) texts;
- 4) author’s individual use of the Adjective in V. Shukshin’s literary (fiction) texts.

In the course of the linguo-statistical analysis of the data in literary (fiction) texts we used the method of continuous sampling, i.e., we collected, identified and analyzed stylistically marked adjectives of V. Shukshin’s stories.

Each fiction work testifies not only to the general linguistic style, but also on the individual author’s style, on the artistic skills of the author’s sampling of stylistic expressive means, which at most depends on the genre, theme, author’s artistic idea and plot, on the content of a literary (fiction) text. In his stories, V.M. Shukshin uses rather a great number of colloquial artistic means that’s why his prose often tends towards colloquial style. In his stories, there are used a lot of dialectal words, neologisms, slang words, colloquial expressions, etc. Dealing with the issue — the issue of the literary text language, V.V. Vinogradov marked that to apply the colloquial style in the literary stories any author could use two types of linguistic means: 1 — borrowings from colloquial speech; 2 — word formation according to productive types of word-derivation characteristic of oral, colloquial speech [4. P. 79]. It refers to all linguistic units used by the author, and in particular, to Adjective lexis, which is picturesque, imagery from the start and freely combines with lexemes of other parts of speech, primarily with the Noun.

¹ Shukshin, V.M. (1986). *There, in the Distance (stories)*. Vilnius: Mokslas. (In Russ.).

² Kuznetsov, S.A. (2002). *The large explanatory dictionary of the modern Russian language*. Moscow: Norint. (In Russ.); Ozhegov, S.I., & Shvedova, N.Yu. (2000). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Az. (In Russ.); Evgen’eva, A.P. (1981–1984). *Dictionary of the Russian language*. (Vols. 1–4). Moscow: Russkii yazyk. (In Russ.); Dahl, V.I. (1991). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).

The goal of the study is the analysis and description to present the stylistic nuances of the Adjective in explanatory Russian dictionaries and literary texts based on the material of V.M. Shukshin's stories with foregrounding both static and dynamic features of a linguistic unit under the condition of dominating dialectal speech of the stories' characters. In connection with the said above, the tasks of the study are to reveal and describe differences of various presentations of the stylistically marked adjectives in dictionaries and literary texts; to reveal and describe similarities and differences in the normative literary and dialectal meanings and the stylistic nuances of the Adjective; to reveal and describe the author's individual stylistic nuances of the Adjective on the background of the normative and dialectal lexis; to analyze and describe the linguostatistical characteristics of the Adjective stylistic markedness in literary texts. The results of the accomplished scientific research are significant both for the linguistic theory on the whole and particularly for Russian linguistics, as well as for linguo-didactics and teaching techniques, which explain the relevance of the scientific issue under the study.

In the literary text, any adjective possessing functional-and-stylistic or emotional and expressive stylistic nuances depending on the environment, on social and language planes is interpreted from the stylistic point of view and linguostatistical evolution which depend on the author's plot, on the influence of linguistic and extra-linguistic factors, on social status and origins, on educational levels and professions, on the topic of talks, on sex and emotional state and so on, both of the author and characters of the story. In this context, V.M. Shukshin's creative work, the language and speech of his works are unique and interesting not only in terms of stylistic functions of Adjective lexis, but on the whole in the general linguistic and definite linguistic aspects.

Peculiarities of functioning of stylistically marked adjectives in V.M. Shukshin's stories in qualitative and quantitative interpretation

The linguistic materials under the study are the texts of V.M. Shukshin's stories from the collection of stories «Там вдаль» (lit.: 'There, in the Distance').³ The stylistic nuances of a linguistic units combine two types being functional-and-stylistic and emotional and expressive ones. Within each type, stylistic nuances of a given word are further divided into some forms, which together make up a poly-aspect language-and-speech phenomenon — the stylistic markedness (connotation) of a linguistic unit [5. P. 87; 6. P. 168; 7. P. 21–231; 8; 9. P. 432–433].

A number of researchers of V.M. Shukshin's language consider his prose "striving to be pronounced". Thus, in V.M. Shukshin's prose, S. Yurskij hears both modern speech and modern thinking [10. P. 11–12], which is proved by his language and the speech of his characters and is deprived of affectation, abstruseness and histrionics. It's the live Russian language of village dwellers, i.e.,

³ Shukshin, V.M. (1986). *There, in the Distance (stories)*. Vilnius: Mokslas. (Russ.).

the Russian village language-speech. For instance, in the V.M. Shukshin's story "Критики" (lit.: 'Critics') there's a phrase "*Нервная система — это же его учение*" (lit.: The nervous system is his teaching"). In this context the adjective *нервный* ('nervous') could have a label of "мед." ('medical') or "научн." ('scientific, academic'), because the collocations are used in the field of medicine as an academic term and the text fragment is characterized by the functional style of the sphere. But in the explanatory dictionary of S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova, the adjective also has got some other (direct and figurative) meanings, stylistic nuance and a corresponding dictionary label.⁴ In this case, the stylistic marker of the dictionary and in V.M. Shukshin's text coincide in one stylistic label (bookish), but doesn't coincide in the neutral or colloquial labels.

Let's get down to another context using the same word *нервный* ('nervous'): *Дед был сухой и нервный и страдал глухотой* («Критики») — "The grandfather was lean and nervous and suffered from the deafness" (lit.). In this case the adjective *нервный* ('nervous') acquires the colloquial nuance and means «возбуждённый, раздражённый» — 'agitated, irritated'. In the SOSh dictionary the adjective with such meaning has got the stylistic label of "colloq.", which coincides with its contextual stylistic nuance in the text fragment.

V.M. Shukshin's language is simple and clear. Alongside the normative literary colloquial lexemes it uses dialectal and slangy words. See the description of the Kandaurova's husband in the story "Письмо" ('The Letter') *Муж её, Кандауров Иван, был мужик работающий, честный, но бука несусветная* (lit.: 'Her husband Ivan Kandaurov was a hard-working man, honest, but a sheer bugaboo'). The adjective *несусветная* ('sheer') has got a colloquial stylistic nuance, and in the SOSh dictionary is marked with the label "colloq.", but in the given context the word's semantic-and-stylistic aspect is intensified in the collocation with the words *бука* ('bugaboo') and *мужик работающий, честный*. (a hard-working, honest man'). Stylistic nuance of the word is positive, favourable, and the foregrounding has a positive nuance of meaning of 'exuberant, restless', "starting everything new, and as a rule successfully accomplishing it" (about the theory of foregrounding see: [11]).

In selecting stylistic means for a literary text a significant is played not only linguistic, but also extra-linguistic factors as to the author or his characters. The influence of linguistic and extra-linguistic factors leads to the fact that V.M. Shukshin endows his characters with a dialectal lexis, as the events used to take place mainly in the village, among the village dwellers, for example, "*Домой Чудик приехал, когда шёл рясный, парной дождик*" («Чудик») (lit.: 'Chudik⁵ came back home when heavy fresh rain was falling down' ("Chudik")). Both within and outside this context meaning of the Russian adjective *рясный* is not clear because it could be misunderstood and perceived like «сильный, частый, грибной,

⁴ Ozhegov, S.I., & Shvedova, N.Yu. (2000). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Az. (In Russ.).

⁵ The name of the main character.

тёплый, с градом» (lit.: ‘heavy, showery, mushroom rain, warm, with hail’, etc. In Dahl’s dictionary (SD) the adjective means «обильный, крупный (lit.: ‘heavy, thick’))»⁶.

Thus, in our opinion, the context should be interpreted through the meaning of *что Чудик домой приехал, когда шёл обильный крупный дождь, то есть когда лил сильный, льющийся как из ведра дождь* (lit.: ‘Chudik came back home when heavy rain was falling down in showers, i.e., it was pouring with rain; it was raining cats and dogs’). The word *Chudik* (it’s the name of the character) has a contemptuous, pejorative, and at the same time positive (funny, joyful) meaning. The combination of a heavy, showery non-stop rain and the meaning of the word *Chudik* (having a diminutive-hypocorist suffix) denoting an eccentric, unusual, not up to the standard man making unexpected queer actions which have a nuance of meaning of a very small man of little and big odds, in the fragment of the context it forms the hyperbolic meaning. Proceeding from the meaning of “обильный, крупный (рясный)” in Russian as well as “very small, worthless” (*Chudik*) the general contextual meaning of something magnified, beyond the norm, bulky arouses, because the diminutive-hypocorist, pejorative (*Chudik*) also means the enforcement, but in the opposite way. In such a horrible weather it’s only *Chudik* who could walk and ride.

Another example: “Он маленько заполошный – как бы не сделал чего над собой” («Материнское сердце») (lit.: ‘He is a little fidgety – hope, he wouldn’t do anything bad to himself’ (“Mother’s Heart”)). In this context the word *заполошный* (‘fidgety’) is used. In the SD dictionary it has the following interpretation “ветренный, опрометчивый, безрассудный, взбалмошный, ... (‘featherbrained, hasty, reckless, extravagant...’)⁷. In the context the word means «ветренный, опрометчивый, безрассудный, взбалмошный, ... (‘featherbrained, hasty, reckless, extravagant...’)⁸, and further on, is said “...«...как бы ни сделал чего над собой» (hope he wouldn’t do anything bad to himself’). So, the dictionary and context meanings do not absolutely coincide. V.M. Shukshin gives to the word another meaning, another stylistic nuance. It’s also probable that this very semantic-and-stylistic meaning exists in the Altai dialect. So, V.M. Shukshin “didn’t create” a new meaning or stylistic nuance, but used those existing in the live speech of the Altai dialect bearers.

It’s worth mentioning the use of the dialectal word *чалдонский*⁹: *Щиблетов не стал дожидаться, пока они своими чалдонскими мозгами сообразят, что ответить, скрипуче повернулся, кашлянул в кулак и пошёл в кабину* («Ораторский приём») – (lit.: ‘Schibletov hasn’t waited any longer, when they understand with their Chaldons’ brains what to answer, and turned with a squeak,

⁶ Dahl, V.I. (1991). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow: Russian Language. P. 126. (In Russ.).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ *Chaldons* – an ethnic local group in Siberia.

coughed into the fist and went to the box’ (“Orator’s means”). The word isn’t registered in V. Dahl’s dictionary (SD), but from the context fragment is clear what the author had on his mind under this word: the word presents to us the meaning of ‘heavy-minded, slow-witted’. It’s most likely the word is a kind of author’s occasional or dialectal one derived from the word *Chaldon*. But if a dialectal word and other word of “local origins” having local dialectal meanings are not registered in a dictionary it doesn’t mean that it must be individually author’s word invention. It could be a dialectal word which wasn’t registered either by lexicographers or the literary texts creators. Nevertheless, V.M. Shukshin is the “pathbreaker” of the word using it in the literary text which is read and analyzed by a man.

Adjectives have such specific properties as mobility, semantic flexibility which finally characterize it with adaptability to the Nouns, the verbs and their semantics. In such word collocations with the adjectives of functional-and-stylistic or emotional and expressive nuances one are observable semantic and stylistic shifts.

In V.M. Shukshin’s stories the specifics of using stylistically marked linguistic means are revealed at various linguistic levels because the stylistics is the inter-level (over-level) discipline.

Characters’ oral speech (at the phonetic level) is attractive due to “village” dialectal pronunciation, intonation with typical facial expressions and gestures, and the body positioning which show this or that stylistic nuances of their language.

The example: “*А этот вчерашной ночью вздремнул маленько, вижу: ты вроде идёшь по ограде, яички в сите несёшь*” («Горе»). (lit.: ‘And last night, that one had a nap for a while, and I see: you are as if walking on the fence and carrying the eggs in the sieve’ (“Sorrow”)). The adjective *вчерашной* (‘yesterday’s’, ‘last night’) is rendered with the sound [o] which is typical for the village dwellers, literary variation is *вчерашн[е]й* with the sound [e].

The pronunciation with double [tt] of the word *это(этно)* combining with non-normative pronunciation of the Russian adjective *вчерашний* like [вчерашной] establishes the dialectal speech without observing literary norms and stylistically colloquial speech (*этно, вчерашной*). This dialogue by the old man takes place at the moment when he tries to overcome the death of his wife — “тихой, безответной старушки” (‘quiet, timid old woman’). Such non-normative speech could be influenced by some other (*non-dialectal*) reasons: no vigor to talk (*senility*), physiological reasons (being toothless), and it’s hard to speak, as he remembers his old woman and cries, and sobs because this could cause the faults in speech, wrong intonation and pronunciation.

Another example: “*Оказалось, офицер у них чижалораненный, а им надо в другую сторону*” («Горе»). — (lit.: ‘The officer happened to be heavily wounded (in Russian — mispronounced *чижалораненный*), and they need to go the other way’ “Sorrow”)). In this speech situation the sentence and the Adjective are said by the man who is a bit younger, the fellow villager, who is drunk. Sound

combination [ti] is mispronounced as [chi]. It's stipulated by social reasons: the environment, the emotional condition, dialect, education and others.

Another example is even more interesting: “*А ей когда говорили, что она похожа на артистку какую-то, она прямо счастливая становилась*» (Раскас). — (lit.: ‘And when she was told she looked like some actress, she had become really happy’ (“Raskas”). The character of the story Ivan Petin, who writes instead of Russian *СЧ* the letter *Щ* is 40 years old. At that moment he is in the a state of emotional intoxication because his wife left him with some other officer, and he decided to write a story about that event. He speaks correctly, but writes Russian *СЧ* instead of the letter *Щ* which suggests his illiteracy or inattentiveness. V.M. Shukshin shows this and other phonetic and pronunciation peculiarities not as a separate private situation, but as the phenomenon functioning among village dwellers who talk, think, write the way they used to do in that macro- or micro-social environment, which they think normative, usual, understandable for them. And nobody mocks them or is surprised by their dialectal pronunciation and spelling because they are in their native environment of speaking, communicating and on the whole, life activity.

On the word-derivational level there are quite many examples of linguistic units with stylistic nuances. Shukshin's characters use there the whole spectrum of derivational elements which have the colloquial substandard stylistic nuances. Thus, in stories' texts there function the following Russian adjective suffixes of the functional-and-stylistic and emotional and expressive stylistic nuances, e.g., -яц-, -ец-: *бедняцкий, простецкий*; -еньк-, -оньк-: *стройненькая, махонькая*; -ск-: *бабский*; -чив-, -лив-: *улыбчивый, говорливый*; -аст-, -ист-: *грабастый, загогулистый*; -ат-: *носатый*; -ящ-: *работающий*.

In the story “Chudik” the author uses the adjective *зубовный* (‘toothed’): “*Наконец толчок, и всех начинает так швырять, что послышался зубовный стук и скрежет* («Чудик»)). — (lit.: ‘Finally, the bump, and everybody is so much slammed that the tooth bump and grinding were heard’ (“Chudik”). This word is double-marked in the SOSh dictionary with the labels “archaic” and “bookish” meaning ‘wild rage, fury’. The Noun *grinding* doesn't fully combine with the adjectives *зубной, зубатый, зубастый*. (‘dental, toothed, sharp-toothed’), Here the author wants to show us the eccentricity of his character who would like to exaggerate the situation. The word form *зубовный* is used as the dialectal-and-colloquial variation instead of the normative neutral *зубной*. It acquires the colloquial substandard stylistic nuance. The use of such word variation deepens the meaningful volume of the Russian words *стук* and *скрежет*, as well as the meaningful volumes of the notions of *зуб, зубной* (‘tooth, toothed’), because the Russian suffix and inflexion (-овный) add the meaningful nuance of «большой, сильный, громкий, очень громкий» (‘big, strong, loud, very loud’), and at the same time, ‘not really pleasant, squeaky’, i.e., on the whole, the word and word collocation (*зубовный стук и скрежет*) involves the hyperbole not only due to the meaning of the word *зубовный*, but also due to the meanings of Russian words *стук, скрежет*, as teeth can't make a loud bumping and loud grinding. The context

fragment is hyperbolized and acquires imagery and the corresponding stylistic markedness. Such hyperbolizing is supported by the meanings of the precedent words and word collocations (*наконец, толчок, и всех начинает так швырять*). All those imply the meaning of deepening.

In the context “*Редкостный, чудный покой слетел на него: он как будто куда-то плыл, повинаясь спокойному, мощному току времени*” (“Беспалый”). — (lit.: ‘Rare, uncommon and so wonderful calm came upon him: as if he were sailing somewhere subordinate to the calm powerful flow of time’ (lit.: “Toeless”). The Russian adjective *редкостный* is derived from the abstract Russian noun *редкостность*. In the SOSh dictionary the word isn’t stylistically marked. But this word and its derivatives could be included in the group of historic or archaic words and attribute the stylistic label of “archaic” because in the modern Russian language its normative and highly frequent variation is *редкий*. In the context, in our opinion, the Russian word *редкостный* is used as a stylistic device to demonstrate the emotional state of the character which he gets thanks to the *rare wonderful calm* meaning ‘deep strong calm’, and, consequently, the feeling that something has come upon him (easily, airy, freely) as if because of this it seems to him that the calm is sweeping and also possibly, he himself is sweeping. The general stylistic nuance of the sentence is non-colloquial, non substandard, but imagery-artistic (*редкостный; чудной; чудной покой; слетел на него; как будто куда-то плыл, повинаясь спокойному, мощному току времени*). All word collocations tend to affirm the deepening of the semantic-and-stylistic volume of meanings, also the stylistic nuances, the use of the Russian adjective *редкостный*. And as if so, *редкостный* (‘rare’), then also *чудный* (‘wonderful’) are similar. This use observes the word collocation of (*редкостный, чудный*), which strengthens the stylistic markedness of the entire sentence, although in the SOSh dictionary the word *редкостность* is registered as neutral, and its derivative *редкостный*, in our opinion, is labelled as stylistically colloquial.

Among the Russian prefixes, the most productive in V.M. Shukshin’s prose we’d mention the following: по-, не-, без-, рас-, недо-: *побойчей, пострашней, распаренный, недопитый* etc. The use of such adjective prefixes is typical for the colloquial nuance of speech.

V.M. Shukshin also uses complex compound Russian adjectives, e.g., *черноглазая, великовозрастный, миловидный*, and as well, adjective derivatives of the acronyms, e.g., Russian *СельПО* — *сельповский*. It happens due to many reasons including the author’s plot to render the peculiarities of the village speech.

Observing V.M. Shukshin’s stories in the stylistic-and-syntactic aspect, we see the use of simple sentences, complex sentences with inserted constructions, addressing, where stylistically marked adjectives are functioning. We also could observe the frequent use of incomplete and Infinitive sentences.

Syntactically the language of V.M. Shukshin’s stories is rather simple. It doesn’t look like the language of F.M. Dostoevsky’s or L.N. Tolstoy’s novels where there are often use complex sentences with a chain of subordinate clauses. To express the village environment, in his stories V.M. Shukshin uses such syntactic

devices as inversion, comparisons and words with the stylistically substandard, pejorative nuances¹⁰, e.g.:

1. Утро раскинулось *ясное, умытое, тихое* ('clear, clean, calm') (Дядя Ермолай).
2. Куда летом едешь? В Гагры *вишневые* ('lousy')? (Два письма).
3. Катенька, доченька, видела я этой ночью *худой* ('bad') сон (Письмо).
4. Говорил мужикам про такие *поганые* ('rotten') подробности, каких со зла не выдумаешь (Версия).
5. Самый *натуральный* ('natural') поп — с волосьями (Верую!).
6. *Атомный* ('atomic') век, мля, — должна быть скорость (Петька Краснов рассказывает).
7. Черти *драные* ('ragged') Тут ли счас не жить! — думает он и вылезает на свет *белый* (Космос, нервная система и шмат сала).
8. *Мучительная* ('torturing') слабость навалилась... (Как помирал старик).
9. Здоровье у него *неважное* ('non-perfect') (Письмо).
10. *Потные, непотные* ('sweaty or non-sweaty') — лезете под машину, на сырую землю спиной (Петька Краснов рассказывает).
11. — Дома. *Голые* ('naked') ходят (Хахаль).
12. Вы заметили: я суетился сейчас, как *неловкий* ('awkward') жених? (Экзамен).
13. И получится такое ... *мировое* ('global') человечество (Космос, нервная система и шмат сала).
14. Вот это был — руководитель. *Врождённый* ('in-born') (Наказ).
15. Э—э, друг *ситный* ('devoted'), да ты что?! (Беспалый).

In the stories, characters' speech is rich in phraseological units. Thus, the characters often use Russian phraseology of the colloquial style which includes the Adjective, e.g., *змея подкодная, казанская сирота, друг ситный, крокодиловы слёзы*. And using substandard and abusive, pejorative words and word collocations with adjectives (*курва старая, черти полосатые* and others) adds the V.M. Shukshin's texts even more colloquial and substandard nuances.

The abovementioned examples of texts' fragments and the analysis of the used adjectives with stylistic markedness give the evidence of unique originality of V.M. Shukshin's individual style as a verbal artist and the value of the Adjective lexis in forming his writer's mastership.

V.M. Shukshin's characters are ordinary village dwellers of different quality of life, education and professions, various social status, gender, mood and temperament, age, who sustain among themselves many types of relations. These social factors influence their speech, activities, thoughts and worldviews of the work characters. Translation of these various relations allows the author to show the transformation of their psychological and emotional status, their spiritual potential in the village life. All these are ordinary everyday situations: the village dwellers' speech in court, Ivan's meeting with the town's administrator, the

¹⁰ All examples are in Russian so as not to diminish their expressiveness.

monologue of the essence of a man and his life, the dialogue with the priest, who “doesn’t neglect anything non-divine” and so on.

All this reveals national-and cultural, aesthetical, and, in general, spiritual depth of the Russian village life.

The population with the Russian soul keeps inviolate its traditions, thrift, family happiness, wealth and beauty of nature. The writer depicts the characters who live in a real environment, in the objective world. They are mainly materialistic, realistic and humanistic people, who love their village, their earth, their nation; their speech is characterized by definiteness, smartness, great logic and independence, the will to get to everything with their own mind.

The analysis of V.M. Shukshin’s characters’ language, the description of their behavior and psychology, speech situations testify the abundance and expressiveness of V.M. Shukshin’s stories. His stories could be classified into some groups: story of the fate, story of the behaviour, story-confession. It’s confirmed by themes and structure of his stories: one part of those is about the fate, about people’s life; another part is about the morals, behavior of a man, his way of thinking, his deeds, his worldview and world perception; the third part deals with the analysis of the spent life.

Some of V.M. Shukshin’s stories are autobiographical. Thus, the author carries out a dialogue with the event whatever happened with his participation. Uniting the single influence of linguistic and extra-linguistic factors on the writer and his characters we may make a conclusion that in the stories, characters’ language and speech and the narrator’s (writer’s) language is simple, open to the dialectal words of various types, substandard words, proverbs and the like, which mark the colloquial aspect of linguistic units. That is why the language of V.M. Shukshin’s stories is rich in imagery, emotions, expressiveness, the force of aesthetical influence, exact in judgement, and clear for readers.

The stories written in the “village” Russian language possess a bright imagery and the variety of stylistic nuances. A.N. Tolstoy dealing with the issue wrote, “Why is the folk language so fine and artistic? Because in the folk speech there always live and always function the laws of language’s origins” [12. P. 96].

Functioning of the Adjective in V.M. Shukshin’s stories both in qualitative and quantitative planes has its own peculiarities, as the stylistic markedness of linguistic units of literary texts plays an important imagery-educational role according to the type of markedness and the writer’s frequency of the use and reflection in a literary text. In the text, a high-frequency adjective or the low-frequency one of stylistically marked adjective depends on the plot, artistic taste of a writer, so the quality and quantity of the stories are closely interconnected in solving the set tasks and reaching the goals which the author has put forward. To the greater extent, the quantity determines the quality and helps more exact, more voluminous depicting of the inner world of literary texts.

The statistical analysis supposes the text study using two methods — continuous and random sampling. Random observation of a text proposes the

following means: 1) random sampling; 2) mechanical sampling; 3) series sampling; 4) typical sampling [13. P. 221–222]. This kind of statistical study is of great importance “in the course of describing a writer’s language and studying the language of literary texts” [13. P. 220–221].

The statistical analysis of the quantity of stylistically marked adjectives in V.M. Shukshin’s stories was made in absolute numbers and per cent in relation to the whole volume of words in the collection of stories (80 000); in relation to the whole quantity of adjectives in the collection of stories (5817); in relation to the whole quantity of stylistically marked adjectives in the collection of stories (1336). We didn’t differentiate into types the functional-and-stylistic nuances, but combined all types of stylistic nuances into a single class.

The studied linguistic materials concerning the stylistics of adjectives consist of forty-eight (48) V.M. Shukshin’s stories. The number of words in them makes about 80.000. Each separately analyzed story implies 1600/1400 linguistic units (words). In each of V.M. Shukshin’s story there were used from 400 to 1000 adjectives. In the course of the analysis of the literary text there were chosen adjectives which express their functional-and-stylistic nuances (Table).

**Qualitative-and-Quantitative Characteristics of the Adjective Stylistic Markedness
of the V.M. Shukshin’s Texts (the collection of stories “There, in the Distance”.
Vilnius: MOKLAS, 1986)**

The total of words in the collection of stories in absolute numbers and %	The total of adjectives in the collection of stories in absolute numbers and % in relation to the whole massive of words in it	The total of stylistically marked adjectives in absolute numbers and % in relation to the whole massive of words in the collection of stories	The total of stylistically marked adjectives in absolute numbers and % in relation to the whole massive of adjectives in the collection of stories
80 000 = 100%	5 817 = 72%	1336 = 1.9%	1336 = 22.6%

Source: composed by M. Dzhusupov and Sh.K. Mamirova.

Finally, the total of words in the collection of stories is 80 000, which makes 100%. Adjectives functioning in the texts of stories make 5 817. It makes 7.2% of the whole massive of words in the collection of stories and 100% of all the adjectives in it. Stylistically marked adjectives functioning in the texts of stories make 1336, which is 1.9% of the total number of words in the collection of stories and 22.6% of all the adjectives in the collection of stories. Therefore, on the whole the number of adjectives and stylistically marked adjectives in V.M. Shukshin’s literary text is rather big (5817), and among those there are 1336 stylistically marked ones. Such tells us that the writer’s literary texts are dense with the expression of quality concerning beauty, images, comparison, hyperbole, litotes, etc.) while rendering the specifics of characters in the text with foregrounding the Russian village word creation.

The majority of adjectives functioning in the stories are stylistically neutral. The Adjective lexis with stylistic markedness stands out on the background of neutral linguistic units which dominate in literary texts.

Adjectives (scientific terms) within word collocations like *нервная система* ('nervous system'), *атомный век* ('atomic age'), *сивушное масло* ('raw vodka oil'), which are frequented in the text, are reconsidered. i.e., they are used in the figurative meaning, or there takes place the amplification of their semantics, and consequently, of their stylistic nuances. Qualitative and quantitative analyses demonstrate that in the stories, adjectives bear the colloquial nuance.

In the text, stylistic markedness of adjectives often coincides with their stylistic markedness in the Russian explanatory dictionaries. For example: Russian *словоохотливая*, *давнишний*, *загогулистое*, *распаренный*, *грабастый*, *аппетитная* (about a woman with attractive face and figure), *бабский*, *бедняцкий*, *шикарный*, *вишневый* (meaning 'boring, annoying'), *пышный* ('bulky, fat, of large size'), *поганый*, *дранный*, etc.

In the speech of V.M. Shukshin's characters a few adjectives acquire colloquial or substandard nuances depending on the utterance's content, their syntactic placement and function, lexical surroundings and so on. For example, in the Russian sentence: *Посмотрел минут пять на телевизорную мельтешню и заявил: — Хреновина*. Due to the substandard lexical-and-semantic environment, the neutral nuance of the adjective *телевизорный* receives the substandard nuance like the Russian words *мельтешня*, *хреновина* with their substandard and rude nuances, and in the explanatory dictionary they are labelled as "substandard". Thus, an adjective quickly and easily subdues to the hardly observed but essential meaningful and stylistic variations in combination with the Noun. For example, in the Russian sentence: *Если они рекламируют пиво, то на вывеске обязательно давай счастливое рыло* (Пьедестал/the story "Pedestal"). In the SoSh dictionary, the word *рыло* is labelled "substandard, and the adjective *счастливое* has got no stylistic label. However, in combination with the substandard noun the word gets a substandard nuance, i.e., it's charged with a substandard nuance and carries in itself the meaning of cursing, blaming and is used in the word collocation as the means of expressing irony, mocking. In such cases, adjective's stylistic markedness in the dictionary and literary text doesn't coincide, which testifies to their individual author's use in a literary speech.

V.M. Shukshin used in abundance both colloquial and substandard speech and adjectives with colloquial, substandard dialectal nuances and in his stories he showed the world perception of his characters. In V.M. Shukshin's stories, characters' colloquial speech gives the evidence of the author's strife to make this speech available and understandable for everybody. That is why his artistic literary language is multi-meaningful, imagery a kind of assortment of various types of stylistic nuances. Therefore, Shukshin's language is simple, "village", plain, and consequently it's typical of the writers of realistic and natural philosophical trends.

In Shukshin's literary speech functional-and-stylistic and emotional expressive nuances of a linguistic unit on the whole and adjectives, in particular, quite often

are integrated in a single whole because they can't be, or almost can't be differentiated. For example, the use of such Russian adjectives as *бабский*, *вишивый*, *зауголистый*, etc., on the one hand denotes the units of the colloquial and substandard substyle, and on the other hand, they are marked with the emotional and expressive nuances (either disrespect, depreciation, hyperbolizing, forbearance or pleasantry, and so on). So, a colloquial adjective used by the author in his stories in the stylistic aspect often presents a conglobulation (combination, a whole, class, compound) of stylistic nuances which amalgamate functional-and-stylistic and emotional expressive nuances. This phenomenon of V.M. Shukshin's literary language-speech is connected with the village theme of his stories, and the village folk language is colloquial, integrating linguistic units of some functional styles as in the minds of village dwellers this is the single Russian language to be used due to the worldview and its reflection in speech without any necessary formal differentiation into styles and substyles.

In the context of a dialect there are formed the so-called psycho-images of sounds and their combinations which differ greatly from the linguistic literary norms, and because of this they present the sound form of the normative linguistic units in a dialectal pronunciation, in a dialectal lexical meaning accompanied with the corresponding stylistic nuances. Thus, in the conscience of a dialect bearer there take place the contact of a dialectal normative system and the literary linguistic norms, and, as a rule, in those life situations the norms of a dialectal speech" gain the victory". So, if necessary to realize speech activity acts on the literary linguistic level the inner linguistic interference takes place under the influence of the dual negative impact [14] of dialectal and literary norms, which, as a rule, in linguistics and methodology to teach a language is considered to be a one-sided dialectal influence. A dialect is a socio-linguistic phenomenon within a language which is formed during centuries, and during centuries it functions in those social circumstances where its bearers are living.

The issue of the acquisition of the two linguistic systems by an individual and a society, both the inner core of one language (dialect and literary language) and two different languages has got a bilingual socio-linguistic character [15], which is formed under natural or artificial conditions (in a students' auditorium) or like the combination of the two. As to teaching the literary language in dialectal environment, it's similar to teaching a second (foreign) language.

V.M. Shukshin has demonstrated the phenomenon of "the fighting" between dialectal and literary norms of the Russian language in the speech of Altai dialect bearers as a natural language-speech of inner linguistic linguo-contrastive reality of the Russian language functioning in such socio-linguistic environment where the Russian dialectal speech of communicants is of much variety, rich, imagery, semantically and stylistically poly-aspect, and within its system the significant role is played by the stylistic markedness of adjectives.

For example: 1) *Если хотите, меня интересует человек, русский человек, который не удосужился прочитать величайшее национальное произведение ("Экзамен")*. — (lit.: 'If you'd like, I'm interested in a man, a Russian man, who

didn't care to read the greatest national literary work ("The Exam")'. As it seems, in the context the adjectives *русский*, *величайшее*, *национальное*, have a neutral stylistic nuance, only suffix *-айш-* attributes a high (bookish) nuance. But in the given moment, the speech belongs to the Professor during the exam for the students learning by correspondence. The main emphasis is done on the nationality of a young man — Russian — and he hasn't read the very national text of "The Lay of the Igor's Campaign". In this context, the adjective is characterized by the stylistic nuance of indignation, disappointment and possibly shame for the people (here: students) are not proud of their national values, historical past of their nation. 2) *На реке ветер похаживал добрый. Стегал и толкался... Канаты гудели. Но хоть выглянуло солнышко, и то хорошо.* — (lit.: 'On the river a strong wind was blowing. Beating and pushing. The ropes were booming. But the sun had come out, and that was fine'). In the context the Russian adjective *добрый* means 'strong, stormy' and it acquires the nuance of fright, self-awareness of the strong wind. And the author calms down himself telling the sun has come out. But the image of the stormy wind is symbolic, and the author describes the inner feeling of a man, his drama as if something bad has happened. In fact, the old man Philip became a witness of the burial of his first love, a beautiful Mary.

In the texts of literary works typical and atypical word collocations depend on objective (linguistic) and subjective (contextual) word meanings. For example: *Неспокойно на душе, томительно. И думается в такие огромные, светлые, ядовитые ночи вольно, дерзко, сладко* ("Gope"). — (lit.: 'The soul isn't calm, but lingering. And one is thinking free, boldly, and sweetly at such large, bright, poisonous nights ("Sorrow")'). Unusual collocation *ядовитые ночи* is characteristic of V.M. Shukshin's prose. In the context the adjective *ядовитый* combined with the noun *ночь* receives another meaning, and in the reader's mind the idea arises that the adjective gets a new meaning of 'disquiet, disturbing' and the stylistic nuance with the shade of alarm, disappointment, pain for a small man.

The analysis of the statistical study has shown that in the literary text, the frequency of adjectives with emotional expressive nuances overcomes the frequency of the functional-and-stylistic nuances because the great part is fulfilled by extra-linguistic factors, the theme and idea of the literary work which helped V.M. Shukshin to use in abundance colloquial, substandard dialectal lexis with proper stylistic nuances in the unofficial speech situations of the dialect bearers — the village dwellers.

Conclusions

The stylistic markedness of adjectives registered in dictionaries and functioning in literary texts could or couldn't coincide, which is explained with the dynamic character of the literary language and speech and its stylistic potential. The stylistic markedness of adjectives in dictionaries and literary texts coincides at most but with the existing difference which is essentially important both in literary texts and colloquial speech. In various dictionaries, the same adjective could be

registered and labelled with different types of stylistic nuances which depends on the point of view and interpretation of dictionary composers, upholding various methodological fundamentals in the course of scientific research on the whole, and stylistic nuances of a linguistic unit, in particular.

In V.M. Shukshin's linguo-statistics of the literary speech the Adjective functions with high frequency and reveals various types of stylistic nuances. The collection of stories "There, in the Distance" consists of 48 stories (80 000 words = 100%). Out of them, 5817 (7.2%) linguistic units are adjectives. There are 1336 stylistically marked adjectives that make 1.9% of the total massive of words in the collection of stories and 22.6% of the total number of adjectives in it. Therefore, almost a quarter of the adjectives of the texts is stylistically marked. Many of them are either innovations or contextually — situationally interpreted under the influence of the dialectal system norms. It strengthens the imagery and distinctiveness of the stories using the village dialectal speech dominating in that large socio-linguistic environment the characters live and work of V.M. Shukshin's stories. Thus, the village dialectal Russian language of the stories; characters reflects the real functional language-speech, but not the one created artificially.

With the transposition of the Adjective stylistic markedness in the literary text (to compare with the dictionary stylistic labels) in a number of contexts its lexical meaning transforms which on the whole creates a new or relatively new volume or nuance of contextual meaning.

The author's individual mastership in using adjectives (both stylistically neutral and marked) is based on the three components: 1) norms of the Russian literary language; 2) norms of the dialectal Russian language; 3) the author's interpretation of stylistic markedness of a linguistic unit.

The two latter components expressed on the plane of the literary norm and form a unique literary text, the author's individuality, which demonstrate the deep intellectual potential of the author, and the characters of the stories.

In the consciousness of dialect bearers there are already formed psycho-images of the dialectal language-speech standards and their paradigmatic and syntagmatic peculiarities keeping the speech generators in the Russian language environment which is depicted in the author's writings in the original static and dynamic state that is presented in the study on the example of the analysis of the stylistic markedness of the Russian Adjective.

References

1. Tołkaczewski, Fi. (2019). Originality of Shukshin in English (the Question of Occasionalism Translation). *Slavia orientalis*, LXVIII(2), 379–400. <https://doi.org/10.24425/slo.2019.128479>
2. Marszałek, M., & Tołkaczewski, F. (2018). Occasionalisms in the Works of Vasilii Shukshin. *Slavia orientalis*, LXVII(1), 129–142.
3. Konyashkin, A.M., & Konyashkin, A.A. (2022). Stylistic Resources of Spoken Language in the Stories of V.M. Shukshin. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 1(92), 262–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-262-266> EDN: QDPYLF
4. Vinogradov, V.V. (1977). *Questions of Stylistics*. Moscow : Nauka. (In Russ.).

5. Gak, V.G. (1997). Emotions and Evaluations in the Structure of Utterance and Text. *Lomonosov Philology Journal, Series 9. Philology*, 3, 87–95. (In Russ.).
6. Shmelev, D.N. (1977). *The Russian language in its functional varieties*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R., & Salimovskiy, V.A. (2011). *Stylistics of the Russian Language*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.). EDN: UUSDNZ
8. Bolotnova, N.S., & Bolotnov, A.V. (2024). Current Problems of Stylistics in Modern and Historical Perspectives. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3(233), 56–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64> EDN: EXCVDW
9. Salimovskiy, V.A. (2003). Stylistic Connotation. In: *Stylistic Encyclopedic dictionary of the Russian language* (pp. 432–433). Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.). EDN: AHEQSH
10. Yursky, S.Yu. (1989). *Who holds the pause*. Moscow: Iskustvo. (In Russ.).
11. Dzhusupov, N.M. (2019). Parallelism as a Type of Advancement: Structure, Prominence, and the Problem of Perception. In: *Theory of Speech Activity: Challenges of the present. Proceedings of the XIX International symposium on psycholinguistics and communication theory*. Moscow: Kansler (pp. 217–218). (In Russ.).
12. Deryagin, V.Ya. (1978). *Conversations on Russian stylistics*. Moscow: Znanie. (In Russ.).
13. Piotrovsky, R.G., Bektayev, K.B., & Piotrovskaya, A.A. *Mathematical Linguistics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.). EDN: ZDHKKT
14. Dzhusupov, M. (2021). Speech Interference as a Result of Dual Negative Influence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 23–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40> EDN: AQSPZE
15. Dzhusupov, M. (2019). Review of the monograph by Rakhimov G.Kh. English Language in Uzbekistan: Sociolinguistic and Pragmatic Aspects. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 254–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-254-266> EDN: YZCRXF

Библиографический список

1. *Tolkaczewski F.* Originality of Shukshin in English (the Question of Occasionalism Translation) // *Slavia orientalis*. 2019. T. LXVIII, № 2, ROK 2019. P. 379–400.
2. *Marszalek M., Tolkaczewski F.* Occasionalisms in the Works of Vasilij Shukshin // *Slavia orientalis*. 2018. T. LXVII. № 1. P. 129–142.
3. *Коняшкин А.М., Коняшкин А.А.* Стилистические ресурсы разговорной речи в рассказах В.М. Шукшина // *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 1 (92). С. 262–266. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-262-266> EDN: QDPYLF
4. *Виноградов В.В.* Вопросы стилистики. М. : Наука, 1977.
5. *Гак В.Г.* Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // *Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология*. 1997. № 3. С. 87–95.
6. *Шмелёв Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М. : Наука, 1977.
7. *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. М. : Фланта, Наука, 2011. EDN: UUSDNZ
8. *Болотнова Н.С., Болотнов А.В.* Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении // *Вестник Томского педагогического университета*. 2024. № 3 (233). С. 56–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64> EDN: EXCVDW
9. *Салимовский В.А.* Стилистическая коннотация // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М. : Фланта, Наука, 2003. С. 432–433. EDN: AHEQSH
10. *Юрский С.Ю.* Кто держит паузу. М. : Искусство, 1989.
11. *Джусупов Н.М.* Параллелизм как тип выдвижения: структура, выделенность и проблема восприятия // *Теория речевой деятельности: вызовы современности : материалы*

XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М. : Канцлер, 2019. С. 217–218.

12. *Дерягин В.Я.* Беседы о русской стилистике. М. : Знание, 1978.

13. *Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А.* Математическая лингвистика. М. : Высшая школа, 1977. EDN: ZDHKKT

14. *Джусупов М.* Речевая интерференция как результат двуединого отрицательного воздействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 23–41. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-23-40> EDN: AQSPZE

15. *Джусупов М.* Рецензия на монографию Рахимов Г.Х. Инглиз тили Ўзбекистонда: социолингвистик ва прагматик кўрсаткичлар (Английский язык в Узбекистане: социолингвистический и прагматический аспекты) // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 1. С. 254–266. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-254-266> EDN: YZCRXF

Information about the authors:

Mahanbet Dzhusupov, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Modern Russian Language, Uzbek State University of World Languages (G9 A Kichik halqa yuli Str., Tashkent, the Republic of Uzbekistan, 100170); *Research Interests*: Russian studies, Turkology, Comparative linguistics, Phonology, Stylistics, Linguodidactics; *e-mail*: mah.dzhusupov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2934-2333, SPIN code: 4302-8351, AuthorID: 104057.

Sharapat Kalibekovna Mamirova, PhD, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philology, Central Asian Innovative University 80 Baytursynov Street, Shymkent, the Republic of Kazakhstan, 160000); *Research Interests*: Stylistics, Lexicography, Methods of teaching Russian language and literature; *e-mail*: sarapatmamirova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0615-1921.

Сведения об авторах:

Маханбет Джусупов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка, Узбекский государственный университет мировых языков (100170, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик халка йули, д. Г9А); *сфера научных интересов*: русистика, тюркология, сопоставительная лингвистика, фонология, стилистика, лингводидактика; *e-mail*: mah.dzhusupov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2934-2333, SPIN-код: 4302-835, AuthorID: 104057.

Мамирова Шарапат Калибековна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии, Центрально-Азиатский инновационный университет (160000, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, д. 80); *сфера научных интересов*: стилистика, лексикография, методика преподавания русского языка и литературы; *e-mail*: sarapatmamirova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0615-1921.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1173-1188

EDN: NCKZYD

Research Article / Научная статья

Literary Translation as a Translingual Practice: C.D. Balmont and “The Murders in the Rue Morgue” by E.A. Poe

Nina L. Chulkina^{ID}, Marta N. Timofeeva^{ID}✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ timofeeva_mn@pfur.ru

Abstract. The authors examine Constantine Balmont’s translation (1911) of Edgar Allan Poe’s short story “The Murders in the Rue Morgue”. The research aims to identify the translator’s main strategies and to interpret this work through the lens of the translingual paradigm. The analysis focuses on linguistic, cultural, aesthetic and functional aspects of the source text, as well as their rendering in the Russian version. A comparative perspective demonstrates that Balmont sought to preserve Poe’s idiosyncratic style and the cognitive and cultural structure of the narrative, while providing explanatory notes where necessary for early twentieth-century Russian readers. The study suggests that Balmont’s translation can be regarded as an early instance of translingual practice, long before the term was introduced in contemporary linguistics. The observations made here do not claim to be exhaustive but indicate new perspectives for further research on Balmont’s role in the Russian reception of Poe and on the potential relevance of the translingual framework for the study of literary translation.

Keywords: idiolect, cross-cultural communication

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

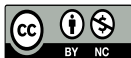
Conflicts of interest: the authors declare no conflicts of interest.

Financing: the publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050225-0-000 “Multimedia dictionary of specialized vocabulary”.

Article history: received: 23.07.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Chulkina, N.L., & Timofeeva, M.N. (2025). Literary Translation as a Translingual Practice: C.D. Balmont and “The Murders in the Rue Morgue” by E.A. Poe. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1173–1188. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1173-1188>

© Chulkina N.L., Timofeeva M.N., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Художественный перевод как транслингвальная практика: К.Д. Бальмонт и «Убийство на улице Морг»

Н.Л. Чулкина^{id}, М.Н. Тимофеева^{id}✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ timofeeva_mn@pfur.ru

Аннотация. Рассмотрен перевод рассказа Эдгара По «The Murders in the Rue Morgue», выполненный Константином Бальмонтом и опубликованный в 1911 г. Цель исследования заключается в выявлении особенностей переводческой стратегии Бальмонта и в попытке интерпретации его работы через призму транслингвальной парадигмы. В центре внимания находятся лингвостилистический, культурологический, идейно-эстетический и функциональный аспекты оригинального текста, а также их отражение в переводе. Сравнительный анализ позволил установить, что Бальмонт стремился к точности воспроизведения идиостиля По и сохранению когнитивной и культурной структуры произведения, дополняя текст комментариями и пояснениями там, где это было необходимо для русской аудитории начала XX в. Показано, что подход Бальмонта можно рассматривать как пример транслингвальной практики задолго до появления термина *translanguaging*. Сделанные наблюдения открывают перспективу для дальнейшего изучения роли Бальмонта в истории русской рецепции Эдгара По, а также для осмысления продуктивности транслингвального подхода в исследовании художественного перевода.

Ключевые слова: идиостиль, межкультурная коммуникация

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: публикация подготовлена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 050225-0-000 «Мультимодальный словарь специальной лексики».

История статьи: дата поступления: 23.07.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: *Chulkina N.L., Timofeeva M.N. Literary translation as a translanguing practice: C.D. Balmont and “The murders in the Rue Morgue” by E.A. Poe // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1173–1188. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1173-1188>*

Introduction

C.D. Balmont is notable for his mysterious endeavor to come to know the world. Both — learning foreign languages and reading belle-lettres in the original were an integral part of that endeavor. In C.D. Balmont’s eyes E.A. Poe was one of those favourites, “who were given an ability to see ghosts every night, and with each dawn hear the new life’s heartbeat” [1], the absolute artist [1], the genius of the word. That is why he translated the works of the American writer with special affection.

When translating poems, C.D. Balmont allowed himself free translation [2; 3], in the stories it was the opposite: he completely observed the author’s language. Both approaches could be explained just through the single wish — to render and transfer as ultimate as possible the meaning E.A. Poe implemented in his writings, the excellent knowledge of the English language, the emotional perception of a text

and refined “linguistic feeling” helped C.D. Balmont. It’s difficult to say if K.D. Balmont used to choose — intuitively or knowingly — the strategies to translate a source text into Russian, but it’s clear (this is going to be demonstrated in the main part of study) that he relied on the socio-cultural context of the Russian Empire at the end of the 19th century. C.D. Balmont transforms the English text into Russian and linguistic personality of the author, in such a way revealing his translanguaging.¹

Translinguality, or translanguaging has become a subject of discussion quite recently. The notion of translanguaging, also ‘translingualism’ arose in response to the critique of the traditional understanding bi-/polylingualism, considering language relations in the consciousness of a bilingual person as a co-existence of separate, autonomous systems. Translingualism accentuates attention on the practical use of linguistic repertoire by a bilingual person and presents it as a unified integrating system. The term translanguaging (translingualism) was initially introduced by Ophelia Garcia in the start of the 2000s to describe the educational practice when bilingual students easily switched between languages to express their ideas maximally exactly. In later works by O. Garcia and her co-authors [4; 5] translanguaging is presented as a socio-linguistic paradigm in which linguistic borders are meant to be absolutely social and political constructions, and special attention is paid to a dynamic, flexible, creative use of language resources.

Nowadays, the trend of the studies became international, and the term itself is recognized worldwide in the scientific community. In Russian research studies the commonly used translation “translingualism” which was rather probably chosen by sound similarity with the term “polylingualism”. In the Chinese tradition, the term used to be rendered as “跨语” (Kuàiyǔ, literally meaning ‘the transfer over languages’) or in transcription of “转语法 / translanguaging”. In the academic studies one can quite often come across the research devoted to the application of translingual practices at the lessons to learn foreign languages [6–8]. Permanently growing list of the Chinese colleagues’ studies on the topic proves the interest to it. The aspect studied acquires specific significance in the frames of our grant project connected with the elaboration of a multimodal dictionary of special lexis named Termlex [9], which supposes the systemic description of philological terms in Russian, English and Chinese. The adequate definition and description of translanguaging in the very translinguality format demands to take into account the variations and cultural peculiarities to interpret the term in various scientific trends.

The translanguaging conception is used not only in relation to educational contexts but to the analysis of literary (fiction) texts, oral speech and translation practices. A translingual translator (especially translating literary texts) is capable of transferring images, unique linguistic and cultural phenomena by means of the other language with minimal deviations of their meanings. Furthermore, translanguaging plays the role of not just being a linguistic technique, but of

¹ The term *translingualism* is preferable taking into consideration the derivational model, e.g., multi-/polylingualism, bilingualism. — a translator’s footnote.

cognitive and cultural ability to perceive and reproduce a multi-layered linguistic and cultural space of a text. A translingual person is a specific type of linguistic personality who is characterized by flexibility, cross-cultural sensibility and the ability to interpret subtle senses of a text.

In this study, translingualism is treated on the material of translation of the detective story “The Murders in the Rue Morgue” by E.A. Poe made by Constantine Balmont². He uses his own linguistic and cultural repertoire to reproduce the literary structure of the original, source text with minimal deviations. His approach demonstrates a translingual strategy aimed at the conservation of cognitive, aesthetic and cultural specifics of the source text translated. For systemic study of the revelation of C.D. Balmont’s linguistic personality as a translingual translator, in this study we apply a multi-layered methodology.

Methodology of the study

To achieve understanding of the quality of the translation of any text and make conclusions on the translingualism/non-translingualism of its author one has to answer two questions: if a translation could conserve the spirit of a source text and simultaneously make it possible for perceiving text by the target readers’ auditorium? For this, in its turn, one has to reconsider what features of the linguistic personality of the source text author are reflected in it, what are the peculiarities of the source text itself, what and why a translator renders or not in the text.

Analyzing the story “The Murders in the Rue Morgue” by E.A. Poe we carried out the following kinds of analyses: 1) linguistic analysis I) what lexis and grammar the author uses (the writer’s idiosyncrasy); what means of expression are chosen; if he writes using just one language or makes insertions of some other languages, and if he specifies those insertions); 2) what values of his own culture reflects the author in the text; if they differ from stereotypical values of that culture, and if “yes”, — how they differ: if “no” — why they don’t differ; what is the linguistic worldview); 3) if aesthetical and ideological analysis (if the author’s idea is reflected in the story to full extent, how this idea correlates with the general world ideas, e.g., Russian and Chinese ideas of the time; the integrity or continuity of the work (artistic sense, the story’s content, its inner and outer forms, artistic time and space); what were the critics’ evaluations and the readers’ emotional reaction to the story); 4) functional analysis (why E.A. Poe chose that theme for the story (biographic, individual psychological, historical prerequisites); why he writes in English; what influence on the readers should make the text according to the author’s idea; the pragmatic level of E.A. Poe’s linguistic personality). The final stage of the analysis is a comparative study of the source and target (translated) texts.

² URL: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1841_the_murders_in_the_rue_morgue.shtml (accessed: 25.05.2025). URL: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1841_the_murders_in_the_rue_morgueshelgunov.shtml (accessed: 25.05.2025). URL: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1841_the_murders_in_the_rue_morgue-engelgardt.shtml (accessed: 25.05.2025). URL: <https://cdn.img-gorod.ru/nomenclature/25/077/2507704.pdf> (accessed: 25.05.2025).

Results of the study

According to the plan described in the given above section, we analyzed the source text of the story in linguistic and stylistic, culturological, aesthetical and functional aspects.

Linguostylistical analysis of the source text

The first stage of the analysis allowed us to reveal the peculiarities of the text at a linguistic level and created the general impression about the verbal-semantic and cognitive sublevels of its author's linguistic personality.

The source text uses archaic, formal bookish lexis with the inclusions of philosophical and scientific terms (“*acumen*”, “*phrenologists*”, “*syllabification*”, “*præternatural*”, “*supererogation*”, “*obtuse*”, etc.), it also includes archaic or rarely used words (“*chagrin*”, “*recherche*”, “*charlatanerie*”, “*sallied forth*”, “*habiliment*”, “*expostulation*”, etc.). It contains allusions and intertextual references (the quotation from Thomas Brown in the epigraph, references to precedential names, e.g., Orpheus, Epicurus, Crébillon, Horace). It speaks for the inclusion of these mentioned units in the author's linguistic worldview.

E.A. Poe widely uses complex subordinate constructions with inserted syntax sublevels of the kind: “*The analytical power should not be confounded with simple ingenuity; for while the analyst is necessarily ingenious, the ingenious man is often remarkably incapable of analysis.*” — ‘Аналитические способности не следует путать с простой изобретательностью, поскольку, хотя аналитик обязательно изобретателен, изобретательный человек часто на удивление неспособен к анализу’. He actively uses the direct speech sometimes transformed into the indirect one in the form of a character's reasoning (e.g., monologues of O. Dupin), and also repetitions and parallel constructions (“*He examines... He considers... He notes... He recognizes ...*” — ‘Он изучает... Он рассматривает... Он отмечает... Он распознает...’). Punctuation is typical for the mid-19th century: the often use of dash, semi-colons, ellipsis, which together with the already mentioned peculiarities of sentence constructing helps the author to place a reader into the intellectual process of a character and creates the effect of meditation activity.

The text is rich in the expressive means. We can come across, e.g.: 1) a comparison of the analytical reason with physical power (“*As the strong man exults in his physical ability... so glories the analyst in that moral activity which disentangles.*” ‘Как сильный человек пребывает в ликовании от своих физических возможностей... так и аналитик гордится той силой мысли, что распутывает дела.’); 2) the image of a star as a metaphor of the truth (“*Truth is not always in a well... The modes and sources of this kind of error are well typified in the contemplation of the heavenly bodies. To look at a star by glances — to view it in a side-long way, by turning toward it the exterior portions of the retina (more susceptible of feeble impressions of light than the interior), is to behold the star distinctly — is to have the best appreciation of its lustre — a lustre — which grows*

dim just in proportion as we turn our vision fully upon it.” ‘Истина не всегда находится в колоде.... Способы и источники такого рода ошибок хорошо видны при созерцании небесных тел. Смотреть на звезду мимолетно – рассматривать ее сбоку, поворачивая к ней внешние участки сетчатки (более восприимчивые к слабому восприятию света, чем внутренние) – значит видеть звезду отчетливо, значит лучше всего оценить ее блеск – сияние, которое мы ощущаем на самом деле, который тускнеет как раз по мере того, как мы полностью обращаем на него свое внимание.’); 3) oxymoron (“*elaborate frivolity of chess*”, “*superficial truth*”, “*grotesquerie in horror*” ‘продуманная фриivolность шахмат’, ‘поверхностная правда’, ‘гротеск в ужасе’). However, the function of these expressive means isn’t aesthetic, but rather explanatory — with the help of vivid examples the thoughts of both the author and the character are commented.

The author regularly uses inclusions in French (“*Rue Morgue*”, “*Faubourg St. Germain*”, “*mon Dieu*”, “*sacré*”, “*diable*”, “*affaire*”, “*loge de concierge*”, “*au troisième*”) and Latin (“*Perdidit antiquum litera prima sonum*”). French quotations and phrases aren’t translated but their meaning can be understood from the context. In some instances the author gives short explanations, e.g.: “*The word ‘affaire’ has not yet, in France, that levity of import which it conveys with us...*” — ‘Слово “*affaire*” еще не приобрело во Франции того легкомысленного значения, которое ему придается у нас...’. Quotation in Latin is explained just by one phrase: “*I had told you that this was in reference to Orion, formerly written Urion...*” ‘Я уже говорил вам, что это относится к Ориону, ранее писавшемуся как Урион...’. E.A. Poe doesn’t think it’s necessary to give an exact translation of foreign words given in the footnotes while quite obviously he bases on the widely spread French and Latin languages among the educated part of the American and European population of the 19th century. The direct inclusions from other languages (Spanish, Italian, German, and Russian) are lacking, but they are discussed in the context of the attempts to identify the voice of the killer.

The stylistics of E.A. Poe’s story is based on the literary norms of the 19th century, but still differs by complexity of syntax organization and using “high style” lexis. The analysis has demonstrated the analytical tendency of the text and the high level of education of the author as a linguistic personality.

Culturological analysis of the source text

Culturological analysis of the story “The Murders in the Rue Morgue” was aimed at the description of cultural phenomena reflected by E.A. Poe in the text and the deep study of the cognitive level of the linguistic personality of the author.

While representing the 19th century American literature Edgar Poe uses the values of Western rationalism, Enlightenment and Romanticism cultural traditions. In the text the positioning of rationalism and analytical thinking as the forms of human activity is established mostly. Ch. Auguste Dupin, the main character of the story is endowed with an ability for intellectual analysis of the reality. In the very beginning of the narrative E.A. Poe points out that he is “*the analyst... derives*

pleasure from even the most trivial occupations bringing his talent into play” — ‘аналитик... получает удовольствие даже от самых тривиальных занятий, в которых проявляется его талант’. Ch. Auguste Dupin is modelling the behavior of a scholar, he observes, classifies, constructs hypothesis, checks the data. The cult of reason directly corresponds to the ideas, E.A. Poe differs from the classics of the 18th century introduces in the rationality the elements of self-reflection of the character. In the story the rational mind isn’t opposing feelings, but it subordinates and organizes them.

In the story there is another spectacular value — individualism. It is revealed in the character’s refusal to participate in the social life. Describing the everyday life of Ch. Auguste Dupin and the narrator, the author emphasizes their voluntary isolation: “*We existed within ourselves alone*” ‘Мы существовали только внутри себя’. Such “privacy in the reasoning mind” simultaneously corresponds to the European romantic archetype of a philosopher-singleton and is closely connected with the American cultural positioning of the inner freedom of personality.

The important feature of the story’s cultural code is the criticism of the official institution of administration — the police. E.A. Poe coherently opposes the method of Ch. Au. Dupin to the method of investigators: “*The Parisian police, so much extolled for acumen, are cunning, but no more. There is no method in their proceedings, beyond the method of the moment... The results attained by them are not unfrequently surprising, but, for the most part, are brought about by simple diligence and activity. When these qualities are unavailing, their schemes fail.*” ‘Парижская полиция, которую так превозносят за проницательность, на самом деле хитра, но не более того. В их действиях нет никакого метода, кроме сиюминутного... Достигаемые ими результаты нередко удивляют, но, по большей части, они достигаются простым старанием и активностью. Когда этих качеств не хватает, их планы проваливаются’. This is the way E.A. Poe forms the idea of the private mind’s superiority over the institutionalized logic which is typical for the American culture of the first part of the 19th century with its accentuating on the power of a “self-made man” and skeptical opinion of the administration.

E.A. Poe preserves the cultural nucleus of the then America, but approaches it critically. Rationalism, the cult of individual mind, the belief in science and justice, the high status of the individual’s independence, the contempt of inefficient bureaucracy — all those belong to the American cultural paradigm. The motif of an independent investigation made individually by the hero opposing the system is also typical for the American cultural mythology. However, E.A. Poe prefers not the American, but French cultural scene. He almost completely abolishes the national (American) context. The aesthetics of the story is gothic, baroque, European one, contrary to the puritan protestant and pragmatic ethics of the young America. His characters are intellectuals, melancholic, flaneur, but not active “self-made men”. Thus E.A. Poe demonstrates the alternative version of the American cultural identity being intellectually aristocratic and anti-popular.

As a contrast, let's give an example of the cultural specifics in the Russian Empire and China; 中國 — “Zhōngguó”, or “The Middle Kingdom” as was translated this self-name by the historiographers of the 19th century. In that time Russian writers N.V. Gogol, V.G. Belinskij later on F.M. Dostoyevskij discussed the ethic and social issues: the fate of the nation, the moral choice, the spiritual suffering. Rational idealism of E.A. Poe would have been looked at that background as an alien, rather distracted from “human” measurements. In China of the late Qing dynasty (opium wars, Confucian orthodox philosophy), there dominated the ideas of harmony, hierarchy and moral duty, There the cult of rational analysis as a means of individual cognition of the truth through calculations and deduction would have also contradicted the cultural matrix while the truth would have been understood rather like an intuitive, moral revelation, but not like a logic conclusion. And E.A. Poe's values were deeply rooted and localized in the Western cultural paradigm.

The linguistic worldview reflected in the story is also rational. All the phenomena including incidents and emotions can be explained logically, if to be very attentive: “*To observe attentively is to remember distinctly...*” ‘Внимательно наблюдать – значит отчетливо запоминать’. Language isn't just a means to transfer information, but a constituent of thinking and cognition. The hero can consider the thoughts of his communicative partner, reconstruct the chains of speculations. The language of the story structures the worldview as the profound logic system in which even chaos (e.g. a murder) could be decomposed into the reason-consequences links. At the same time, E.A. Poe preserves the gothic tension attributing the duality to the world, frightening, but subordinating to the explanation.

Therefore, from the culturological point of view, the story “The Murders in the Rue Morgue” translates the values of the rational individualism, the superiority of the intelligence and skeptical attitude to the institution of social power. It differs from the stereotypical US culture of the 19th century with its elite style French cultural background and the aesthetics of horror. The linguistic worldview expressed in the story is analytical and paradoxical, oriented on the intellect as the instrument of cognition and overcoming of the irrationality.

Aesthetical analysis of the source text

At the ideas-and-aesthetics level the story presents the first realization of the analytical detective genre in the history of literature. It's a complex aesthetic construction which interweaves philosophical ideas with the poetics of gothic novel and the rationalism of the Enlightenment meanwhile presenting the complete artistic picture.

The main idea of the story is the establishment of the intellect as the universal instrument to cognize the world. E.A. Poe wanted to create a hero-analysist (a pre-image of Sherlock Holmes), a man capable of solving “the unsolvable”, while using only logic. For E.A. Poe the truth could hide under the absurd beastly appearance and demands keenness to distinguish it.

In the artistic aspect E.A. Poe combines the subject of “a mysterious incident” with the consistent logic analysis previewing all that with a philosophical speculation on the analytical abilities of a man. In its core the introduction makes an essay in the end of which the author wrote, “*The narrative which follows will appear to the reader somewhat in the light of a commentary upon the propositions just advanced.*” ‘Последующее повествование покажется читателю в некотором роде комментарием к только что выдвинутым положениям’. With this E.A. Poe hints at the primary importance of the story’s exposition as to the rest of the narrative.

Outwardly, the story is composed like a classical novella with introduction, plot, culmination and epilogue. Inwardly it’s a hybrid of essay genres on logic → a philosophical parable → gothic thriller → police satire → a model of a detective novel. E.A. Poe coherently uses an experimental structure where logic makes the formative principle.

The artistic space is localized simply and understandably — it’s Paris, the Rue Morgue with definite floors and rooms. However, the gothic elements — a bloody crime, a monkey, a hidden dead body, a night scene — create a troublesome atmosphere which is balanced with the analytical calmness of the narrative. With such means E.A. Poe reaches the paradoxical aesthetical effect: the fright is aestheticized through the analysis.

In the story, the time is close to real, but is retarded at the expense of steeping into the way of hero’s thinking and his reflexes. The narrative is built on the reconstruction of events, the retrospective which attributes to the most intellectual act the non-temporal qualities.

Correlating the ideas of “The Murder in the Rue Morgue” with the general world trends of the development of the 19th century aesthetical ideology one can assert that those ideas are going along with the ideas of reason and progress dominating in the American and European cultures (in the spirit of Fr. Bacon, D. Hume, R. Descartes). For the Russian context with its ideas with the emphasis on moral, spiritual and social issues it was even much more than on the formal logic existence structure. So E.A. Poe’s story looks like alien, even cold intellectual experiment without a moral lesson. The same is in the Chinese worldview in the basis of which there lays harmony, strict hierarchy, philosophy of moderation but not the overcoming of a mystery with logic. E.A. Poe’s plot — individualistic and rational — is contrary to the Confucian idea of order and moral action.

E.A. Poe’s story is a complete and rich in ideas creation combining the rational model of the world with the aesthetics of horror. The author’s idea, in our opinion, has been completely realized but it’s not universal and makes a resonance with the ethical and aesthetical ideas of the Russian Empire and China of the later Qing epoch. The story was appraised as the world’s first detective narrative and started the large literary tradition.

Functional analysis of the source text

Carrying out the functional analysis we observed: 1) the biographical and cultural backgrounds on which the text was created; 2) the reflection of the pragmatic level of the E.A. Poe's linguistic personality.

In our opinion, one of the reasons to choose for the theme of the story a cruel crime solved with the help of logic is the general E.A. Poe's personality preference of mystery, absurd, gothics. E.A. Poe was a man of the refined soul feelings, and he overcame misfortunes very hard. At the moment of composing the story, his ardently beloved wife for a long time was ill with the TB, and the writer was really troubled with that. In this context the elaboration of the character of Ch. Aug. Dupin is not just the act of imagination, but a compensatory gesture of the intellect that could subdue the gloomy reality.

Besides, in 1830–1840s in the USA the interest to criminal chronicles, police was increasing, and the court's reform was arising, so E.A. Poe proposed an intellectual alternative to the so-called sensationalism creating a hero which acted not with physical strength, but reason. The choice of the theme that interested many people couldn't but influenced the growth of subscribers of Graham's Magazine, where at that time E.A. Poe was the editor, which also speaks of him "as a good PR manager," using modern language.

E.A. Poe writes the story in his native English language with French inclusions and using complex syntactic structures. It demonstrated a conscientious positioning himself as an elite linguistic personality.

The main feature of the E.A. Poe's pragmatic linguistic personality could be said the strife for making a reader interested in writings. For that reason, he pictures in detail the model of an intellectual detective and thoroughly reveals the development of his thinking.

Making the role model of analytics, E.A. Poe endows Ch. Aug. Dupin with the qualities that distinguish him from "ordinary" people:

1. Subtle observation (e.g., the dialogue of the narrator and Ch. Aug. Dupin about the palace of Chantilly). Ch. Aug. Dupin resembles the reader of the reality, which is capable of interpreting the situation as a text. Pragmatically, it's the line of the total observation, on the changing of any object in the source of knowledge.

2. Deepening in his thoughts (reveals in the distracted manner of behavior during wording and speaking and his ideas): *"His manner at these moments was frigid and abstract; his eyes were vacant in expression; while his voice, usually a rich tenor, rose into a treble which would have sounded petulantly but for the deliberateness and entire distinctness of the enunciation."* *В такие моменты он держался холодно и отстраненно, взгляд его был пустым, а голос, обычно звучный тенор, повышался до дисканта, который звучал бы раздраженно, если бы не неторопливость и четкость произношения'.*

3. Exclusive logic at some moments reaching the full construction of thinking processes of another person (a dialogue in Chantilly, a dialogue about a sailor).

4. A special way of life (it's rather an addition to everything said above, and it accomplishes the character of Ch. Aug. Dupin), the separation from all the rest of

the world, modest living with a rational control of spending the money, a live interest in literature, “*love for the night in its own name.*”

The hero is young, clever and belongs to a noble family. Thus, he’s attractive for the reader.

Ch.Aug. Dupin’s creed could be proved with already made quotation of the text: “*The analyst derives pleasure, not from the result attained, but from the means of attaining it.*” ‘Аналитик получает удовольствие не от достигнутого результата, а от средств его достижения’. The expression forms for the reader the cognitive statement: values exist in course of logic solving, and not only in results. This process the author explains in detail, so that any next logic step be clear, could be understood (logic chains of Ch. Aug. Dupin occupy 43% of the text).

The means showing the growth of the readers’ attention to the evolution of Ch.Aug. Dupin’s thinking are the following: 1) rhetoric questions (“*What shall we first seek here?.. Then how?.. What result, then, has ensued?..*” ‘Что мы будем искать здесь в первую очередь?.. И как?.. Каков же результат?’); 2) the introduction of a narrator of the story (to whom the hero explains the direction of his thoughts); 3) periodical repeating of the information which was told before (“*Keeping now steadily in mind the points to which I have drawn your attention — that peculiar voice, that unusual agility, and that startling absence of motive in a murder so singularly atrocious as this — let us glance at the butchery itself.*” ‘Теперь, не забывая о тех моментах, на которые я обратил ваше внимание, — об этом необычном голосе, о необычайной ловкости и поразительном отсутствии мотива в таком исключительно жестоком убийстве, как это, — давайте взглянем на саму бойню’). The author purposefully slows down the time of the narrative making the reader stop and become himself the participant of the process of logical solving.

To finalize the short functional analysis let’s once again denote the principle moments of it. According to our supposition, the theme of the story was chosen due to three following factors: the author’s private preferences as a reaction to his life’s circumstances and the wish to popularize the *Graham’s magazine*. This corresponds to the relevant modern agenda of the 1810–1840s America. Edgar A. Poe proposes to readers a unique model of a hero-analyst who is capable of structuring something that seems chaotic and impossible to describe. Through the detailing of logic operations in the consciousness of the hero the author accentuates the attention on the importance of the process of solving problem which forms the reader’s relevant position and involves him in the intellectual game.

Comparative analysis

The translation of the story by Edgar A. Poe fulfilled by C.D. Balmont and firstly published in 1911 makes an attempt to recreate the artistic and analytical structure of the source text. C.D. Balmont is eager to reach the equivalency of the texts. Let’s observe a few key aspects of the translation:

C.D. Balmont is exact at the language level, but in some instances he chooses more emotionally specific stylistically marked or not quite adequate variations.

Thus, for example, the poet translates the lexeme “*puzzling*” into Russian as ‘*ошеломительны*’, which strengthens the stylistic hue of the epigraph: the neutral ‘*загадочны*’ would have been closer to the meaning. The neutral “*perpetrator*” and “*disagreed*” he translates as a high-style ‘*свершитель*’ and ‘*разнствуют*’. The word “*petulant*” acquires the meaning of ‘*шаловливый*’, though it bears the semantics of irritation and caprice. On the whole, the poet uses lexis typical for the Russian literary language of the turn of the 18th–19th centuries.

Differently from the author of the source text, C.D. Balmont explains in footnotes and more often in the text itself, specific terms (such as “*stereotomy*” and “*ferrades*”: «*стереотомия (пресечение твердых тел.)*», «*французские плотники называют ferrades, железом окованные ставни, весьма редко употребляющиеся в настоящее время*») and almost all “non-English” inclusions (e.g., «*...напоминают месье Журдена, спрашивающего sa robe de chambre pour mieux entendre la musique (свой халат, чтобы лучше слышать музыку (фр.) — Примеч. переводчика)*» or «*Мог различить слова “sacre” и “diable”, “черт” и “дьявол”*»). C.D. Balmont like the other translators of “The Murder in the Rue Morgue” — N.V. Shelgunov [1] or M.A. Engelgart [2] — could translate into Russian some text fragments completely or leave them in a state of nature, meaning the educated reader. However, C.D. Balmont makes choices. He leaves without any commentary just the most common stable for the Russian society of that time expressions such as “*par excellence*”, “*a posteriori*” and “*Theatre des Varietes*”. C.D. Balmont compares the Russian language repertoire and the proposed by the author of the text the French repertoire and chooses for the translation those text fragments that he thinks to be necessary to explain in the definite context.

As to expressive means C.D. Balmont doesn’t add any of his own, but the mentioned above comparisons and expanded metaphors are rendered. More complex situation concerns oxymorons. Thus the mentioned above examples of “*elaborate frivolity of chess*”, “*superficial truth*”, “*grotesquerie in horror*” he translates as ‘*утонченная суетность шахмат*’, ‘*истина находится на поверхности*’, ‘*о гротескности и ужасе*’. And the situation isn’t single that’s why it’s impossible to define it as a free will of a translator or his inattentiveness. In our opinion, the reason is due to the wish of C.D. Balmont to convey the idea of the author as exact as possible. If we observe the context of the first fragment, we see that E.A. Poe compares the draughts game with playing chess, still preferring the first. The meaning of the comparison denotes that checks demand from the player more of the analytical ability than the chess, which according to the text with all the majority of rules and strategies need just much more concentration of attention. Using the formation of “*elaborate frivolity of chess*” E.A. Poe wanted to show us just that aspect of chess playing: their predetermination means a little. C.D. Balmont’s ‘*утонченная суетность*’ speaks about this. Chess though they are considered a game of eggheads have no true value (which the text proclaims analytics). The same is the case of “*superficial truth*”. If C.D. Balmont translated the collocation as ‘*правда поверхностна*’, the negative connotation would have

arisen, and it doesn't correspond to the context. In the context of describing the murder "*grotesquerie in horror*" and '*о гротескности и ужасе*' are equivalent variations.

As to syntax, C.D. Balmont tries to follow the E.A. Poe's sentences' constructions as far as it possible in translation from English into Russian. He preserves the order of sentences' parts and even at the most cases the word order as well. To understand positive differences of the Russian variation of the story under the analysis could be possible comparing with the other variations. Let's take for the purpose a small text fragment (Table).

Comparison of a source text fragment with various translations

E.A. Poe (1841)	C.D. Balmont (1911)	R.M. Galperina [13] (50–60-е гг. XX в.)
Madame L'Espanaye and her daughter, habited in their night clothes, had apparently been occupied in arranging some papers in the iron chest already mentioned, which had been wheeled into the middle of the room. It was open, and its contents lay beside it on the floor. The victims must have been sitting with their backs toward the window; and, from the time elapsing between the ingress of the beast and the screams, it seems probable that it was not immediately perceived. The flapping-to of the shutter would naturally have been attributed to the wind. As the sailor looked in, the gigantic animal had seized Madame L'Espanaye by the hair, (which was loose, as she had been combing it,) and was flourishing the razor about her face, in imitation of the motions of a barber.	Мадам Л'Эспанэ и ее дочь, одетые в ночные свои костюмы, по-видимому, были заняты приведением в порядок некоторых бумаг в уже упомянутом железном сундучке, который был выдвинут на середину комнаты. Он был открыт и то, что в нем находилось, лежало рядом, на полу. Жертвы, должно быть, сидели спиною к окну и, судя по времени, прошедшему между входом зверя и криками, надо думать, что он был замечен не немедленно. Хлопанье ставни, естественно, могло быть приписано ветру. Когда моряк заглянул в окно, гигантское животное схватило мадам Л'Эспанэ за волосы (она их причесывала, и они были распущены) и размахивало бритвой возле ее лица в подражание движениям цирюльника.	Мадам Л'Эспапэ и ее дочь, обе в ночных одеяниях, очевидно, разбирали бумаги в упомянутой железной укладке, выдвинутой на середину комнаты. Сундучок был раскрыт, его содержимое лежало на полу рядом. Обе женщины, должно быть, сидели спиной к окну и не сразу увидели ночного гостя. Судя по тому, что между его появлением и их криками прошло некоторое время, они, очевидно, решили, что ставнем хлопнул ветер. Когда матрос заглянул в комнату, огромный орангутанг держал мадам Л'Эспапэ за волосы, распущенные по плечам (она расчесывала их на ночь), и, в подражание парикмахеру, поигрывал бритвой перед самым ее носом.

Source: compiled by Nina L. Chulkina & Marta N. Timofeeva.

In our opinion, the translation by C.D. Balmont reflects the structure and semantics of the source text with minimal distortion. First, we see it on the examples given above. To reveal the second, one has to read the words of the source text with exclusive attention. In the translation by R.M. Galperina "*chest*" turns into the Russian '*укладку*', "*the victims*" into '*женщин*', "*the beast*" into '*ночного гостя*', "*animal*" into concrete '*орангутанга*', and "*about her face*" in Russian set phrase of '*перед... носом*'. If *укладка* and *перед носом* could be explained by the will to

bring the text closer to the Russian linguoculture, the rest seems improper. Such translation softens the scene of the murder which can't be said about C.D. Balmont's translation.

On the whole C.D. Balmont explicates the E.A. Poe's stylistics "Russification" elements of the text (e.g., the translation of "*kings*" in checks, not as '*королей*', but as '*дамок*', or "*Did you observe any thing peculiar about it?*" not with the direct question '*Вы заметили в нем что-нибудь необычное?*', but with typical in Russian question with negation '*Не заметили ли вы здесь чего-нибудь особенного?*' and etc.) occurs in all translations; however, they are proper and don't create social distortion.

The minimal deformation of the text under translation preserves the reflected in the source E.A. Poe's linguistic personality:

1) On the verbal semantic level, C.D. Balmont doesn't simplify lexis and original syntactical constructions of the source text which shows the educational level of the author in the Russian translation.

2) On the cognitive level, C.D. Balmont correctly translates the ideas of the rational individualism, the superiority of intellect over chaos and the sceptical attitude to the institution of administration; there isn't missed or lowered down the aesthetization of horror (e.g., the scene of the murder of Mme L'Espanaye and her daughter), and also lacks the transformation of the fusion of the American and European cultural ideas — self-made man, Romanticism, Rationalism, — into the Russian trend on the ethic and social problems.

3) On the motivational and pragmatic level, C.D. Balmont recreates in detail logic chains of Ch.Aug. Dupin that like in the source text, makes a reader occupy an active stand being involved in the narrative. In this case, the C.D. Balmont's motifs differ just a little from the E.A. Poe's commercial motifs: horror fantastic stories were popular with the Russian readers of the 19th century beginning.

So, C.D. Balmont uses translanguing translation practices. He is selectively special translator, who exactly renders the source text but while doing so, he makes the text clear for the compatriots.

Conclusions

The study of the translation of the story "The Murder on the Rue Morgue" by E.A. Poe made by C.D. Balmont let us reveal the specifics of his translational strategy. This allows us to discuss his work through the prism of the translanguing approach. The analysis showed that C.D. Balmont tried to preserve cognitive, aesthetical and cultural peculiarities of the source text while in parallel, to make the text clear, understandable and meaningful for the Russian audience of the start of the 20th century.

The obtained results allow us to assert that C.D. Balmont's translation could be treated as an example of the translanguing practice though at that time, the term itself didn't exist. His work demonstrates that a translator is able not just to fulfil the mediator's function between the languages, but could create the new culturally valid text which synthesizes various traditions and expressive means.

Indeed, the conclusions of the present study are considered as preliminary observations and couldn't be thought as the final ones. However, they lay the basis for the further apprehension of C.D. Balmont's role in the history off the Russian understanding of E.A. Poe's writings, as well as for the wider application of the translinguistic conception in the field of literary translation analysis. So in potential the study could serve for the précising of the notion of translinguism itself and also for revealing its productivity in the cross-linguistic contact studies.

References

1. Balmont, K.D. (1999). *The Genius of Discovery*. Saint-Petersburg: Kristall. URL: http://az.lib.ru/b/balxmонт_k_d/text_1904_05_geny_otkrytiya.shtml (accessed: 10.05.2025).
2. Dementieva, A.V. (2022). Modern and classical translations of Edgar Allan Poe's "The Raven": The problem of interpreting the author's system of imagery. *Social and Humanitarian Sciences. Literature Studies*, 3, 120–144. <https://doi.org/10.31249/lit/2022.03.08>
3. Pakhomova, V.V. (2003). Methods of conveying stylistic features of the original in translation (based on Russian translations of Edgar Allan Poe's poem "The Raven"). *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*, 8, 213–216.
4. García, O., & Wei, L. (2014). *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education* (pp. 85–95). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
5. García, O., & Kleyн, T. (2016). *Translanguaging with Multilingual Students: Learning from Classroom Moments*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.1080/15235882.2018.1468365>
6. 朱剑虹, and 袁华平. “国外超语理论的教学实践及其本土化启示.” *湖南人文科技学院学报* 42.03(2025):79—86. <https://doi.org/CNKI:SUN:LDSZ.0.2025-03-012>
7. 王晶. “民族高校外语课堂中少数民族文化传承的超语实践.” *教育教学论坛*. 21(2025):55—58. <https://doi.org/10.20263/j.cnki.jyjxlt.2025.21.014>.
8. 陈珺, and 庞继贤. “超语实践理论评析.” *浙江外国语学院学报* .02(2025):17–23. <https://doi.org/CNKI:SUN:ZJXX.0.2025-02-003>.
9. Chulkina, N.L., Philippovich, Y.N., Alexandrova, O.I., Novospassskaya, N.V., & Rechinsky, V.A. (2023). Multilingual Corpus of Terms: Content and Tools. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103>.

Библиографический список

1. Бальмонт К.Д. Гений открытия. СПб. : Кристалл, 1999. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/balxmонт_k_d/text_1904_05_geny_otkrytiya.shtml (дата обращения: 10.05.2025).
2. Дементьева А.В. Современные и классические переводы стихотворения Э.А. По «Ворон»: проблема интерпретации авторской системы образов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2022. № 3. С. 120–144. <https://doi.org/10.31249/lit/2022.03.08>.
3. Пахомова В.В. Способы передачи стилистических особенностей оригинала при переводе (на материале переводов на русский язык поэмы Эдгара Алана По «Ворон») // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики. 2003. № 8. С. 213–216.
4. García O., Wei L. *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. С. 85–95.
5. García O., Kleyн T. *Translanguaging with Multilingual Students: Learning from Classroom Moments*. New York : Routledge, 2016. <https://doi.org/10.1080/15235882.2018.1468365>
6. 朱剑虹, and 袁华平. “国外超语理论的教学实践及其本土化启示.” [Чжоу Цзяньхуэй и Юань Хуапин. Практика преподавания зарубежной теории транслингвизма и ее значение для адаптации к местным условиям. *Вестник Хунаньского института гуманитарных наук и*

технологий] 湖南人文科技学院学报. 2025. Т. 42. № 3. С. 79–86]. <https://doi.org/CNKI:SUN:LDSZ.0.2025-03-012>

7. 王晶. 民族高校外语课堂中少数民族文化传承的超语实践. 教育教学论坛 [Ван Цянь. Практика использования супралингвистических средств в преподавании иностранных языков в национальных средних школах // Педагогический форум. 2025. № 21. С. 55–58]. <https://doi.org/10.20263/j.cnki.jyjxlt.2025.21.014>

8. 陈琨, and 庞继贤. 超语实践理论评析. 浙江外国语学院学报 [Чэнь Цзянь и Пань Цзюаньцзин. Критический обзор практики транслингвизма // Журнал Чжэцзянского института иностранных языков. 2025. № 2. С. 17–23]. <https://doi.org/CNKI:SUN:ZJXX.0.2025-02-003>.

9. Чулкина Н.Л., Филиппович Ю.Н., Александрова О.И., Новоспаская Н.В., Речинский В.А. Мультиязычный корпус терминов: контент и инструменты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 88–103. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-88-103>

Information about the authors:

Nina L. Chulkina, Dr.Sc. (Philology), Professor at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: psycholinguistics, linguoculturology, lexicography; *e-mail*: chulkina_nl@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-6758-4683; SPIN-code: 8034-9263, AuthorID: 475344; Scopus Author ID: 57203533337; ResearcherID AAB-9438- 2021.

Marta N. Timofeeva, PhD student at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: literary translation, translanguing, typological linguistics; *e-mail*: timofeeva_mn@pfur.ru
ORCID: 0009-0002-6437-715X; SPIN-code: 2930-1307, AuthorID: 1211884; ResearcherID MFJ-2008-2025.

Сведения об авторах:

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: психолингвистика, лингвокультурология, лексикография; *e-mail*: chulkina_nl@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-6758-4683; SPIN-code: 8034-9263, AuthorID: 475344; Scopus Author ID: 57203533337; ResearcherID AAB-9438-2021.

Тимофеева Марта Николаевна, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: художественный перевод, транслингвальность, типологическое языкознание; *e-mail*: timofeeva_mn@pfur.ru
ORCID: 0009-0002-6437-715X; SPIN-code: 2930-1307, AuthorID: 1211884; ResearcherID MFJ-2008-2025.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1189-1204

EDN: NCPYGI

Научная статья / Research Article

Феномен субъективации повествования в художественном тексте

Чжан Кэ¹, Цзяо Ян², В.Н. Денисенко³

¹Северо-Восточный педагогический университет, Чанчунь, Китайская Народная Республика

²Чанчуньский педагогический университет, Чанчунь, Китайская Народная Республика

³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ zhangk176@nenu.edu.cn

Аннотация. Субъективация повествования, проявляющаяся в эксплицитном выражении авторской позиции и эмоциональной вовлеченности в процесс повествования, закономерно вызывает повышенный интерес со стороны современных исследований в области стилистики текста. Феномен субъективации повествования в художественном тексте на материале рассказа А.П. Чехова «Палата № 6» осуществляется на основе теории словесных и композиционных приемов, формирующих точку зрения повествователя и его взаимодействие с читателем, основы которой сформулированы А.И. Горшковым. Цель исследования — выявить словесные и стилистические средства, с помощью которых в рассказе «Палата № 6» осуществляется проекция внутреннего мира персонажей в повествовательную структуру, что создает эффект субъективного восприятия действительности и является важнейшим элементом формирования психологической глубины художественного произведения.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рассказ

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта 2025 года № L202536 Бюро по делам иностранных экспертов провинции Цзилинь (КНР) «Исследование теоретических инноваций в сфере «нового качества» обучения иностранным языкам в эпоху активации искусственного интеллекта»; проекта 2025 года № 2025C106 Фонда исследований социальных наук провинции Цзилинь (КНР) «Исследование образа врача в русской литературе XIX в.»; проекта 2024 года № 2405337 в области социальных наук Департамента по образованию провинции Цзилинь (КНР).

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

© Чжан Кэ, Цзяо Ян, Денисенко В.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Чжан Кэ, Цзяо Ян, Денисенко В.Н. Филологический анализ субъективации повествования в художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1189–1204. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1189-1204>

The Phenomenon of Subjection of Narrative in an Artistic Text

Zhang Ke¹, Jiao Yang², Vladimir N. Denisenko³

¹Northeast Normal University, Changchun, The People's Republic of China

²Changchun Normal University, Changchun, The People's Republic of China

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ zhangk176@nenu.edu.cn

Abstract. Narrative subjectivity, manifested in the explicit expression of the author's position and emotional involvement in the process of narration, naturally causes an increased interest on the part of modern studies in the field of text stylistics. The phenomenon of narrative subjectivity in the artistic text on the story material A.P. Chekhov "Ward No. 6" is carried out on the basis of the theory of verbal and compositional techniques, forming the point of view of the narrator and his interaction with the reader, the foundations of which are formulated by A.I. Gorshkov. The aim of the study is to identify the verbal and stylistic means by which in the story "Ward No. 6" the internal world of characters is projected into a narrative structure, which creates the effect of subjective perception of reality and is an essential element in shaping the psychological depth of a work of art.

Keywords: A.P. Chekhov, story

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: This publication has been supported by the 2025 Project No. L202536 of the Foreign Experts Affairs Bureau of Jilin Province (PRC) "Research on Theoretical Innovations in the Field of "New Quality" of Foreign Language Teaching in the Era of Artificial Intelligence Activation"; the 2025 Project No. 2025C106 of the Social Science Research Foundation of Jilin Province (PRC) "Research on the Image of Doctor in 19th Century Russian Literature"; the 2024 Project No. 2405337 in the field of social sciences of the Department of Education of Jilin Province (PRC).

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 03.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Zhang, Ke, Jiao, Yang, & Denisenko, V.N. (2025). The Phenomenon of Subjection of Narrative in an Artistic Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1189–1204. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1189-1204>

Введение

XIX в. ознаменовался расцветом русской литературы, породив таких выдающихся писателей, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь и А.П. Чехов. Их творчество достигло вершины в развитии национальной литературы и оказало существенное влияние на мировую культуру. Как отмечает Дж. Стайнер, творчество Л.Н. Толстого сопоставимо с творчеством Гомера, а Ф.М. Достоевского — с творчеством величайших

драматургов после У. Шекспира [1]. Литературные произведения этого периода анализировали социальную несправедливость, человеческое достоинство, этические дилеммы и духовные кризисы. Психологическая глубина и мощный социально-критический пафос этих произведений сделали русскую литературу неотъемлемой частью мировой культурной традиции.

Конец XIX в., характеризующийся обострением социальных противоречий в России, привел к усилению внимания в литературе к проблемам маргинализированных слоев общества и внутренним конфликтам личности. Антон Павлович Чехов как яркий представитель этого периода посредством уникального реалистического стиля и тонкого, но сочувственного повествования создал новый эталон для современной прозы. Его новаторские рассказы оказали существенное влияние на развитие литературы и искусства XX в. и задали новые стандарты в повествовании и психологическом портретировании. Его произведения, отличающиеся глубоким психологизмом и реалистическим изображением повседневной жизни, сформировали новый подход к художественному отражению человеческой реальности.

Произведения А.П. Чехова демонстрируют пристальное внимание к убеждениям и вере персонажей, которые рассматривает как способ жизни. Это позволяет достичь тонкой и глубокой критики социальной реальности в рамках кратких повествовательных форм [2]. В.Б. Катаев отмечает, что актуальность проблематики, затронутой в его произведениях, обуславливает постоянный интерес к творчеству Чехова и его способность резонировать с современными проблемами [3. С. 79].

Рассказ А.П. Чехова «Палата № 6» (1892) представляет собой проникновенный и одновременно беспощадный анализ морального и духовного кризиса в российском обществе конца XIX в. Изображенная в зловещей атмосфере психиатрической больницы «Палаты № 6» история философских споров между доктором Рагиным и пациентом Грозовым служит метафорой общенационального отчаяния. Посредством лаконичного и выразительного стиля А.П. Чехов демонстрирует удушающее равнодушие бюрократии, коррупцию и глубокий духовный кризис интеллигенции, чья борьба за сохранение человеческого достоинства в условиях всеобщего разложения обречена на бессилие. Конфликт Грозова и Рагина, обостряющийся в условиях больницы, актуализирует вопрос о границах разума и безумия, способности человека противостоять бесчеловечности и неизбежной трагедии существования.

Значительная ценность «Палаты № 6» Чехова обусловлена не только актуальностью затронутых в нем проблем, но и новаторским художественным воплощением, которое достигается минималистской структурой сюжета, насыщенными символическими образами и тонкой композиционной организацией, нарушающей линейность и причинно-следственную связь. Вместо последовательного повествования мы наблюдаем многозначные образы и философские размышления, которые раскрывают не только историю заключенного, но и общую атмосферу окружающей действительности. Разрыв между

ожидаемым линейным развитием событий и ироничным восприятием реальности, характерный для рассказа, повлиял на развитие модернистской литературы, особенно на символистов, которые использовали многозначность символов и образов для передачи сложных идей. Влияние «Палаты № 6» заметно и в последующей русской литературе, в которой появляются новые подходы к построению развертывания сюжета и трансляции психологического состояния героев.

Филологический анализ стилистики художественного текста

Стилистика текста (Textual Rhetoric) — раздел лингвистики текста и стилистики, в рамках которого изучается «целый текст и текстовые единицы в стилистическом аспекте, а именно закономерности организации текста (речевого произведения) как содержательно-смыслового, композиционно-структурного и жанрового единства в зависимости от целей и задач общения, идейного содержания и функционально-стилевой принадлежности со всем комплексом его экстралингвистических факторов — для наилучшей его интерпретации» [4. С. 429]. Стилистика текста является «центральной, главным, определяющим разделом стилистики»... Именно в «обнаруживается сущность употребления языка», так как именно в тексте реализуется употребление языка, именно в тексте «отдельные члены языковой структуры» образуют «одно и качественно новое целое» [5. С. 47].

Стилистика текста, сформировавшаяся во второй половине XX в., демонстрирует существенное влияние структурной, функциональной лингвистики и прагматики. Ключевые фигуры этой области — американский ученый Роберт Лонгакр и голландский ученый Теун А. ван Дейк, сформулировавшие теории о повествовательной структуре, связности текста и социального контекста [6]. Систематический анализ языковых средств реализации связности текста (1976) М.А.К. Холлидея и Рукайи Хасан [7] также оказал значительное влияние на развитие данного направления.

Развитие стилистики текста в России получило значительный импульс в 1980-е гг. В этот период фокус исследований сместился на проблемы организации текста и его типологию. Вехой стало издание монографии В.В. Одинова «Стилистика текста» [8], где стилистика текста представлена как раздел стилистики речи, а основное внимание уделено структурным принципам организации текста и конструктивным приемам. Новые аспекты стилистического анализа нашли отражение в работе Т.Г. Винокур (1980) [9], где вводится понятие стилистического узуса и предлагается исследовательская парадигма «речевой акт — узус — норма». Этот подход позволил связать текстовую деятельность автора с общими закономерностями стилистического использования языковых единиц в различных коммуникативных сферах и по-новому взглянуть на проблему индивидуального авторского стиля.

Особый статус стилистики текста определяется не только ее предметом и задачами — изучением языка во всей его структурной целостности, — но и

специфическим ракурсом — с точки зрения употребления [10. С. 60]. Исследователи обращаются к таким аспектам, как взаимосвязь текстовых фрагментов [11], текстовые категории и средства их выражения [12; 13], структура текста и его единицы [14], а также к проблеме смысловой интерпретации текста, опираясь на его лексическую структуру и анализируя особенности авторского мировидения [15].

А.И. Горшков подчеркивает, что нельзя считать текст единицей языкового строя. Текст выступают как «языковой материал», из которого «выводятся» единицы языкового строя [5. С. 58]. Стилистические исследования, требуя органичного синтеза лингвистического и литературоведческого анализа, сосредотачиваются на тексте как на фундаментальном объекте изучения, что предполагает применение всестороннего филологического подхода [5. С. 57].

Как отмечает В.А. Маслова, филологический анализ, в отличие от лингвистического и литературоведческого, интегрирует лингвистический подход с учетом всех слоев текста, раскрывая взаимосвязь идеи и слова, подтекстовых смыслов и авторских переживаний, для достижения целостного восприятия художественного текста [16. С. 9].

Следовательно, филологический анализ позволяет выявить глубинные структуры повествования художественного текста, определяющие его функциональную значимость. При этом анализ должен учитывать не только внутренние закономерности текста, но и его контекстуальную обусловленность, включая социокультурные факторы и интенции автора. Филологический анализ в стилистическом контексте предполагает комплексное исследование текста, интегрирующее лингвистические, стилистические, литературоведческие и культурно-исторические измерения. Итак, применение филологического подхода к тексту рассказа А.П. Чехова «Палата № 6» обеспечивает комплексное понимание его стилистической природы и эстетической ценности.

Субъективация повествования в рассказе А. П. Чехова «Палата № 6»

В рассказе А.П. Чехова «Палата № 6» повествование ведется от лица автора-наблюдателя, использующего третью форму лица. Его конкретный субъект (то есть тот, кто повествует) не обозначен. Авторское повествование от третьего лица зачастую воспринимается как «объективное» или, точнее, «объективированное» [5. С. 204], поскольку позиционируется как отстраненное от непосредственного эмоционального вовлечения в изображаемую действительность. Такой подход стремится к созданию иллюзии нейтрального наблюдения, где авторская оценка имплицитна, а не эксплицитна, позволяя читателю самостоятельно формировать собственное суждение об описываемых событиях и персонажах. Повествователь, как конституирующий элемент повествовательной структуры, может быть представлен в различных модулях: от персонифицированного действующего лица, включенного в ткань про-

изведения, до отстраненного наблюдателя, возвышающегося над повествуемым миром. Н.А. Николина дифференцирует повествователей на две фундаментальные категории [17. С. 93]: 1) Персональный повествователь-рассказчик, эксплицированный в форме первого лица («я»), функционирует как очевидец, наблюдатель, свидетель или непосредственный участник событий. 2) Аукториальный повествователь (от латинского *auctor* — 'создатель', 'творец'), напротив, занимает позицию вне диегетического пространства, осуществляя функцию организации повествования и предлагая реципиенту интерпретацию событий, основанную на всеобъемлющем знании.

Стоит учитывать, что полная объективность в литературе — это скорее идеал, чем достижимая реальность, поскольку даже в самом отстраненном повествовании неизбежно прослеживаются авторские интенции. В тексте рассказа А. П. Чехова «Палата № 6» выделяются отступления, в которых прямо выражаются авторские оценки и наблюдается концентрация речевых средств лирической экспрессии: *Мне нравится его широкое, скуластое лицо...*¹; *Странный слух!*². Для этих отступлений характерно употребление глагольных форм в обобщенно-личном значении: *Сегодня применишь 30 больных, а завтра, глядишь, привалило их 35...*³ Они реализуются посредством стилистических приемов «субъективации повествования» [5. С. 204], несущих отпечаток авторской индивидуальности и обогащающих повествовательную и эстетическую структуру произведения.

А.И. Горшков определяет субъективацию повествования как процесс смещения точки зрения из нейтральной «авторской» сферы в сферу персонажа, субъекта [5. С. 205]. Субъективация в пределах «авторского повествования» проявляется это в том, что точка зрения в «авторском повествовании», изначально «бессубъектная», не остается постоянно над изображаемой действительностью. Вместо этого она может смещаться в сферу сознания кого-либо из персонажей, то есть временно становиться точкой зрения одного из персонажей, затем опять становиться «авторской», «бессубъектной» или переходить к другому персонажу и т.д. [5. С. 205].

Стилистика текста акцентирует внимание на функции языка в процессе структурно-смысловой организации текста и коммуникативную интенцию автора. Субъективация повествования, обеспечивая динамичное изменение точки зрения, не только организует языковую композицию текста, но и участвует в порождении смысла текста, выступая стилистическим инструментом для коммуникации автора и читателя, передачи авторского замысла и идеи произведения [19. С. 21]. Ввиду этого, можно сказать, что субъективация повествования оказывает существенное воздействие на рецепцию текста читателем, формируя его психологическое восприятие.

¹ Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 176.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 189.

Уже в первой части мы сталкиваемся с характерным примером субъективации, когда голос повествования претерпевает разительную трансформацию:

Иван Дмитрич Громов, мужчина лет тридцати трех, из благородных, бывший судебный пристав и губернский секретарь, страдает манией преследования. Он или лежит на постели, свернувшись калачиком, или же ходит из угла в угол, как бы для моциона, сидит же очень редко. Он всегда возбужден, взволнован и напряжен каким-то смутным, неопределенным ожиданием. Достаточно малейшего шороха в сенях или крика на дворе, чтобы он поднял голову и стал прислушиваться: не за ним ли это идут? Не его ли ищут? И лицо его при этом выражает крайнее беспокойство и отвращение.

Мне нравится его широкое, скуластое лицо, всегда бледное и несчастное, отражающее в себе, как в зеркале, замученную борьбой и продолжительным страхом души. Grimасы его странны и болезненны, но тонкие черты, положенные на его лицо глубоким искренним страданием, разумны и интеллигентны, и в глазах теплый, здоровый блеск. Нравится мне он сам, вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми, кроме Никиты⁴.

Подчеркнутые фрагменты недвусмысленно отмечены печатью субъективности, кажется, представляя собой не голос на позиции объективности, а поток сознания «некоего обобщенно мыслимого персонажа, представителя изображаемой явлений и среды» [5. С. 207]. Эмоционально насыщенные оценки и субъективные суждения формируют резкий контраст с предшествующим изложением от третьего лица, порождая стилистическое напряжение, которое и акцентирует перемещение точек видения от положения «над» к положению «изнутри».

Наблюдается, что представление Громова в предыдущем абзаце характеризуется рядом внутренних противоречий, что затрудняет интерпретацию авторской позиции. С одной стороны, происхождение *из благородных* контрастирует с его всегда *возбужденным, взволнованным и напряженным* состоянием. Его поведение также отмечено резкими переходами от неподвижности к ходьбе: *Он или лежит на постели, свернувшись калачиком, или же ходит из угла в угол...*, а профессиональный опыт *судебного пристава и губернского секретаря* неожиданно сочетается с проявлениями *крайнего беспокойства и отвращения* при любом едва заметном движении поблизости. Такая амбивалентность в повествовании от третьего лица создает образ сложной и, возможно, противоречивой личности, не вызывающей однозначной симпатии. Тем не менее, высказывание от первого лица *Мне нравится его широкое, скуластое лицо...* и *Нравится мне он сам...* вносит диссонанс в повествование. Итак, неизбежно возникает у читателя вопрос: что именно в столь противоречивом персонаже вызывает симпатию?

⁴ Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 176.

Хотя может служить первичным объяснением приведенное описание, отмечающее *тонкие черты, положенные на его лицо глубоким искренним страданием, разумны и интеллигентны, и в глазах теплый, здоровый блеск, а также вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми, кроме Никиты* (включая такие примеры, как *Когда кто-нибудь роняет пуговку или ложку, он быстро вскакивает с постели и поднимает и Каждое утро он поздравляет своих товарищей с добрым утром, ложась спать — желает им спокойной ночи*⁵), оно неслучайно приводит к более глубоким вопросам. Почему человек с таким характером подвергается преследованиям? Чьи действия стали причиной мании преследования, о которой упоминалось ранее?

Учитывая контекст (в частности, последующий фрагменты *В городе, несмотря на резкость его суждений и нервность, его любили и за глаза ласково называли Ваней*⁶, несложно понять, что Громов вызывает всеобщую симпатию, за исключением Никиты. Очевидно, что Громов подвергался преследованиям со стороны Никиты, который, тем не менее, предстает как человек *простодушный, положительный, исполнительный*⁷. Он был блюстителем дисциплины и порядка в хаотичном мире больничной палаты, что формирует первую и главную ось противостояния в «Палате № 6»: конфликт между Громовым и установленным режимом больницы. Этот конфликт, пронизывающий ткань повествования, демонстрирует имплицитную авторскую позицию, склоняющуюся к сочувствию «Громовым», симпатию к бунтующему духу, не желающему мириться с косностью и несправедливостью. Для усиления эмоционального воздействия и поддержания субъективности автор использует прием смены лица повествования, позволяющий голосу «я» прорываться сквозь его канву.

Так, в пятой части отмечается субъективизация повествования, проявляющаяся в переходе от местоимений третьего лица к формам первого лица при презентации персонажа «Рагина»:

Странный слух!

*Доктор Андрей Ефимыч Рагин — замечательный человек в своем роде. Говорят, что в ранней молодости он был очень набожен и готовил себя к духовной карьере, и что, кончив в 1863 году курс в гимназии, он намеревался поступить в духовную академию, но будто бы его отец, доктор медицины и хирург, едко посмеялся над ним и заявил категорически, что не будет считать его своим сыном, если он пойдет в попы. Насколько это верно — не знаю, но сам Андрей Ефимыч не раз признавался, что он никогда не чувствовал призвания к медицине и вообще к специальным наукам*⁸.

⁵ Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 176.

⁶ Там же. С. 179.

⁷ Там же. С. 174.

⁸ Там же. С. 186.

По слухам, юный Рагин, ведомый духовными помыслами, готовил себя к духовной карьере, однако непреклонная воля отца направила его на стезю медицины. Если данный слух соответствует действительности, это убедительно свидетельствует о том, что доктор Рагин, несмотря на наличие сформированной системы моральных принципов и идеалов, демонстрирует недостаточную степень личной убежденности для последовательной защиты собственной жизненной позиции. В данном фрагменте вновь наблюдается трансформация точки зрения всеведения от третьего лица посредством присвоения субъективного сознания, инкорпорированного в позицию «изнутри»: *Насколько это верно — не знаю...* Выбирая форму изложения от первого лица, автор демонстрирует в тексте амбивалентный подход к достоверности циркулирующих слухов. Повествователь, выступая от первого лица, декларирует скептическое отношение к сплетням, подчеркивая неопределенность их истинности. Данная трансформация позволяет интенсифицировать вовлеченность реципиента в разворачивающееся повествование. Однако в дальнейшем повествование переключается на объективный взгляд третьего лица, констатируя факт признания самого Рагина в отсутствии интереса к медицине и вообще специальным наукам. Данное противоречие порождает диссонанс: если Рагин откровенно признавал свою отстраненность от любимой профессии, то почему повествователь упорно отрицает достоверность слухов? Вероятно, автор, через призму субъективного восприятия, манифестирует интенцию отрицания суровой реальности, имплицитированной в этих слухах, и отказа от признания слабости и тенденции к компромиссу, присущих Рагину.

Странный слух! — эта фраза, открывающая данную часть, эхом перекликается со слухом, завершающим предыдущую: *Распустили слух, что палату № 6 будто бы стал посещать доктор*⁹. Слово «странный» здесь — явный маркер субъективной интерпретации. Эта оценка, пронизанная призмой личного отношения автора, заключает в себе сложную палитру эмоций: от изумления и неприятия до еле уловимого сочувствия к событию. Данный прием способствует формированию особого горизонта ожидания у читателя, настраивая его на восприятие субъективной интерпретации событий.

Многозначность лексемы *слух* усугубляет напряженность повествования. Слухи, по определению, относятся к категории «неподтвержденной информации»¹⁰, при этом их «неподтвержденность» оставляет пространство для амбивалентности: они могут оказаться как правдой, так и ложью, однако чаще ассоциируются с недостоверными сведениями. В дальнейшей изображаемой действительности в повествовании от третьего лица Рагин регулярно посещает палату № 6, что превращает *слух* в парадоксальное явление, создающее выраженное диссонансное напряжение между семантическим значением данной лексемы и фактуальной основой текста.

⁹ Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 186.

¹⁰ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. М. : Мир и Образование: ОНИКС, 2012.

Фиксация повествовательной точки зрения зачастую сопряжена с апелляцией к речевой манере ее носителя, что влечет за собой установление динамического соотношения различных субъектно-речевых планов в текст художественного произведения. В данном контексте наблюдается тесная корреляция между речью повествователя и речью персонажей, проявляющаяся в разнообразных формах — от прямого цитирования до стилистической имитации [5. С. 211].

Обратимся к интересному примеру субъективации повествования, проявляющемуся в конечной (пятой) части рассматриваемого рассказа:

В первое время Андрей Ефимыч работал очень усердно. Он принимал ежедневно с утра до обеда, делал операции и даже занимался акушерской практикой. Дамы говорили про него, что он внимателен и отлично угадывает болезни, особенно детские и женские. Но с течением времени дело заметно прискучило ему своим однообразием и очевидною бесполезностью. Сегодня примешь 30 больных, а завтра, глядишь, привалило их 35, послезавтра 40, и так изо дня в день, из года в год, а смертность в городе не уменьшается, и больные не перестают ходить. Оказать серьезную помощь 40 приходящим больным от утра до обеда нет физической возможности, значит, поневоле выходит один обман¹¹.

Субъективация повествования в данном контексте достигается посредством использования внутренней речи персонажа, что предполагает переход от авторской к его личной точке зрения. А.И. Горшков отмечает, что «внутренняя речь», как один из словесных приемов субъективации, порой отождествляется с «внутренним монологом», рассматриваемым как форма «прямой речи». Ключевым признаком внутренней речи, по мнению исследователя, является потенциальная трансформация форм третьего лица в формы первого лица, сопровождаемая переходом к непосредственному эмоциональному выражению и прямому выражению персональной точки зрения [5. С. 212].

Особенность этого примера заключается в том, что объективное описание трансформируется в поток сознания, абзац, изначально выдержанный в объективном повествовании ранних этапов профессиональной деятельности Рагина, затем претерпевает резкий стилистический сдвиг: *Сегодня примешь 30 больных, а завтра, глядишь, привалило их 35, послезавтра 40, и так изо дня в день, из года в год, а смертность в городе не уменьшается, и больные не перестают ходить*, — эта фраза, подобно тектоническому разлому, вырывается из глубин его сознания. Возникает характерная синтаксическая амбивалентность. Сквозь это повествование проступает пульсация подлинных переживаний героя, улавливается его аутентичный голос, приглушенно резонирует взволнованная речь, как бы пробивающаяся сквозь фильтр дистанционности. Данное выражение — не просто обличение Рагина, но

¹¹ Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 189.

исповедальный монолог, эхом отзывающийся в душе русского врача и самого автора. В рамках стилистики текста языковая единица предстает не как хаотичный набор предложений, а как стройная структурная система, характеризующаяся «связностью» и «сфокусированности» [21].

Автор прибегает к формам несобственно-прямой речи относительно редко, при этом диапазон используемых средств выразительности ограничен. В частности, это вопросительные конструкции, применяемые в моменты перехода от речи повествователя к фиксации внутренней речи персонажа, отражающей его эмоциональное состояние:

*Городовой, не спеша, прошел мимо окон: это недаром. Вот два человека остановились около дома и молчат. Почему они молчат*¹²?

Вопросительные конструкции, имитирующие ход мыслей персонажа, вовлекают читателя в процесс рефлексии, заставляя его переживать те же чувства, что и герой. Это приводит к тому, что повествователь, хотя и сохраняет внешнюю дистанцию, фактически сливается с сознанием Ивана Дмитрича, транслируя его мысли и ощущения.

При отсутствии средств передачи чужой речи значимым для структуры повествования является отбор и последовательность компонентов описания, обусловленные точкой видения персонажа, его пространственно-временной позицией. Использование средств изобразительности может быть рассмотрено как «композиционные приемы субъективации» [5. С. 214]:

*Андрей Ефимыч отошел к окну и посмотрел в поле. Уже становилось темно, и на горизонте с правой стороны восходила холодная, багровая луна. Недалеко от больничного забора, в ста саженьях, не больше, стоял высокий белый дом, обнесенный каменной стеной. Это была тюрьма*¹³.

Точка видения героя, будучи опосредованной повествовательной речью, вступает в интеракцию с позицией повествователя. Метафорические построения и образные корреляции, введенные героем, находят дальнейшее развитие и подтверждение в речи повествователя, что свидетельствует о взаимодополняемости их видения мира: *Были страшны и луна, и тюрьма, и гвозди на заборе, и далекий пламень в костопальном заводе*¹⁴. Взаимодействие субъектных планов повествователя и героя проявляется в использовании общих речевых средств, в частности повторов ключевых слов, таких как *луна, забор, тюрьма*.

Луна в данном контексте функционирует как символ всевидящего ока власти, осуществляющего неусыпный контроль над пространством больницы, исключаяющий наличие слепых зон даже в темноте. Став безмолвным свидетелем молчаливого подчинения, попыток сопротивления и жестокого подавления Рагина, луна, подобно монитору скрытой власти, нависшей над

¹² Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 181.

¹³ Там же. С. 235.

¹⁴ Там же.

социумом, не проявляет ни малейшего сочувствия к человеческой судьбе, что предвосхищает авторское разочарование в равнодушии окружающего мира. Образы забора и тюрьмы символизируют целенаправленный и неограниченный характер власти в реальном общественном устройстве. Забор, физически ограничивающая пространство больницы, вне зависимости от устрашающего вида гвоздей на ней, формирует пространственные границы «Палаты № 6», определяя оппозицию «палаты внутри» и «поля снаружи». Даже в условиях, когда невежество неспособно отличить сумасшедших от здоровых¹⁵, забор обеспечивает индивидам универсальную социальную идентификацию. Однако образ расположенной неподалеку тюрьмы служит предвестием безграничной власти. Это вызывает ассоциации с речью Рагина: Идите. Вас задержат горожане или полиция и вернут назад¹⁶.

Компаративные конструкции и метафорические образы, изначально возникающие в контексте, связанном с перспективой героя, рекуррентно проникают в речь повествователя, формируя тем самым устойчивые символические мотивы, пронизывающие повествовательную структуру рассказа. Это проявляется в дальнейшем изложении, где автор искусно вплетает косвенную речь, обнажая глубинный самообман Рагина: *Андрей Ефимыч уверял себя, что в луне и в тюрьме нет ничего особенного, ... все со временем сгниет и обратится в глину*¹⁷, что эксплицитно подтверждает значимость метафорического ряда. Завершая повествование символическим штрихом, повествователь отмечает, что *Жидкий лунный свет шел сквозь решетки, и на полу лежала тень, похожая на сеть*¹⁸. Данные выражения образуют тем самым отчетливую переключку с предшествующим текстом. Таким образом, данные повторяющиеся образы приобретают функцию лейтмотива, структурирующего повествование и акцентирующего внимание на ключевых аспектах проблематики произведения.

Наконец, невозможно обойти вниманием диалог между Грозовым и доктором Рагином, являющийся неотъемлемым компонентом повествования текста, выполняющим структурообразующую функцию и раскрывающим ключевые аспекты мировоззрения персонажей. Разумеется, субъективация всегда определяется перемещением точки видения, в случаях использования прямой речи (диалога) на первый план выдвигается изображение чужой (не авторской) речи, чужого слова. Но, по мнению А.И. Горшкова, хотя прямая речь — это наиболее ясно выраженный прием субъективации, но в строгом смысле его нельзя считать приемом субъективации «авторского повествования», потому что в сущности это прием открытой, специально графически обозначенной передачи речи от автора персонажу. Прямая речь — под-

¹⁵ Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 202.

¹⁶ Там же. С. 203.

¹⁷ Там же. С. 235.

¹⁸ Там же. С. 238.

черкнуто «не авторская» речь. Это прием субъективации изложения в словесном произведении, но не прием субъективации «авторской речи». В этих случаях представлен переход от одной формы словесного выражения — повествования (описания или рассуждения) — к другой — диалогу или полилогу (значительно реже — к монологу одного персонажа).

Безусловно, субъективация неотъемлемо связана со перемещением точки видения повествования, где в контексте прямой речи доминирует репрезентация чужого голоса, иного слова. Однако, как отмечает А.И. Горшков, несмотря на то, что прямая речь является наиболее очевидным проявлением субъективации, она, строго говоря, не может быть квалифицирована как прием субъективации «авторского повествования». Прямая речь представляет собой открытую, графически маркированную трансляцию речи от автора к персонажу, акцентируя ее неавторский характер [5. С. 210]. Таким образом, прямая речь выступает средством субъективации изложения в литературном произведении, но не субъективации авторской речи как таковой. В подобных ситуациях наблюдается трансформация от одной формы словесного выражения — повествования (описания или рассуждения) — к иной — диалогу или, реже, монологу персонажа, что способствует многогранности и динамике текста.

Мы разделяем позицию исследователя, не рассматривая диалог в рассказе, анализируемом в настоящей статье, как исключительно стилистический прием субъективации. Однако, как известно, содержание произведения представляет собой раскрытие темы и включает отношение автора к теме. Выражение этого отношения может быть сведено к минимуму, но вряд ли устранено совсем даже в «чисто информативных» жанрах нехудожественной словесности, не говоря уже о словесности художественной. А.П. Чехов, избегая абстрактных и символических сюжетных линий, искусно облакал философские вопросы в форму живого, повседневного диалога. В частности, в диалогах возникает спор о природе боли. Доктор Рагин, придерживаясь теории безразличия к боли, оказывается затронут идеей Громова о том, что «презирать страдания значило бы презирать самую жизнь»¹⁹. Здесь прослеживается отражение душевного состояния самого автора, переживавшего кризис среднего возраста. Стремление Чехова к социальной справедливости подтверждается его решением отправиться на Сахалин. Это путешествие в отдаленный и крупнейший в то время каторжный лагерь России, предпринятое несмотря на слабое здоровье, свидетельствует о его гуманистических убеждениях. Благодаря единству мысли и действия чеховские взгляды, мастерски преломленные сквозь призму прямой речи его персонажей, достигают особой убедительности: «...ум служит единственно возможным источником наслаждения. Мы же не видим и не слышим около себя ума, — значит, мы лишены наслаждения»²⁰. Подобные отрывки не могут не вызвать глубокий эмоциональный отклик у читателя.

¹⁹ Чехов А.П. Палата № 6 : рассказы, повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 210.

²⁰ Там же. С. 194.

Заключение

Таким образом, в художественном тексте в контексте авторского повествования, субъективация рассматривается как процесс смещения точки видения из авторской сферы в сферу персонажа, субъекта. Данная трансформация точки видения детерминирует композиционное построение сюжета и обуславливает выбор лексических средств, образуя взаимосвязанные и взаимодействующие повествовательные сферы. Процесс субъективации реализуется через целенаправленное использование стилистических приемов, охватывающих как словесный, так и композиционный уровни. Как следствие, повествование не только обеспечивает читателю динамичное восприятие изображаемой действительности, но и становится активным участником смыслообразования произведения, функционируя как стилистический инструмент коммуникации между автором и читателем, транслируя авторский замысел и ключевую идею произведения.

Библиографический список

1. *Steiner G.* Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in the Old Criticism. New Haven : Yale University Press, 1974.
2. *Figes O.* Natasha's Dance: A Cultural History of Russia. New York : Metropolitan Books, 2002.
3. *Катаев В.Б.* Чехов современный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 5. С. 76–86.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. М. : Флинта: Наука, 2011.
5. *Горшков А.И.* Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М. : АСТ: Астрель, 2006.
6. *Teun A. van Dijk.* Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1980.
7. *Halliday M.A.K., Hasan Ruqaiya.* Cohesion in English. London : Longman, 1976.
8. *Одинцов В.В.* Стилистика текста. М. : Наука, 1980.
9. *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980.
10. *Болотнова Н.С., Болотнов А.В.* Актуальные проблемы стилистики в современном и историческом освещении // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3(233). С. 56–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64> EDN: EXCVDW
11. *Марьянчик В.А.* ИмPLICITные смыслы художественного дискурса: лингвостилистический анализ рассказа И.А. Бунина «Убийца» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 3. С. 109–119. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.10> EDN: НКYAAT
12. *Кытманова Е.А.* Жанровый подход к научному тексту в отечественном языкознании 80–90-х гг. XX в. // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 62–74. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-62-74> EDN: PDRHOM
13. *Стаценко А.С., Зимина Н.Ю.* Структура жанра как важного элемента дифференциации функциональных стилей в современном русском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 2. С. 276–282. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-276-282> EDN: KHRJKC

14. Зайцева И.П. Исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи О.А. Крыловой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1289–1305. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1289-1305> EDN: AUMGXG
15. Болотнов А.В. О некоторых особенностях подтекста в медиадискурсе публициста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 25–37. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/2> EDN: TTJGKO
16. Маслова В.А. Филологический анализ художественного текста. М. : Юрайт, 2018.
17. Николina Н.А. Филологический анализ текста. М. : Академия, 2003.
18. Чжан Цзясинь. Анализ рассказа «Живые мощи» И.С. Тургенева в аспект стилистики текста // Классическое и современное творчество, 2020. № 31. С. 21—24. (На китайском языке). 张嘉新. 篇章修辞学角度下的屠格涅夫《活尸》探析. 文学评论. 2020(31). 21–24页.
19. Stubbs M. Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural language. Chicago : University of Chicago Press, 1983.

References

1. Steiner, G. (1974). *Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in the Old Criticism*. New Haven: Yale University Press.
2. Figes, O. (2002). *Natasha's Dance: A Cultural History of Russia*. New York: Metropolitan Books.
3. Kataev, V.B. (2015). Chekhov, Our Contemporary. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 5, 76–86.
4. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. (2011) / M.N. Kozhina (eds.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
5. Gorshkov, A.I. (2006). *Russian Stylistics: Text Stylistics and Functional Stylistics*. Moscow: AST: Astrel. (In Russ.)
6. Teun A. van Dijk, T.A. (1980). *Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction, and Cognition*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
7. Halliday M.A.K. & Hasan Ruqaiya. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman.
8. Odintsov, V.V. (1980). *Text Stylistics*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Vinokur, T.G. (1980). *Patterns of Stylistic Use of Language Units*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Bolotnova, N.S., & Bolotnov, A.V. (2024). Current Issues of Stylistics in Contemporary and Historical Perspectives. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 3(233), 56–64. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-56-64> EDN: EXCVDW (In Russ.).
11. Maryanchik, V.A. (2021). Implicit Meanings of the Discourse of Fiction: Linguistic-And-Stylistic Analysis of the Story by I.A. Bunin “The Murderess”. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20(3), 109–119. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.10> EDN: HKYAAT (In Russ.).
12. Kytmanova, E.A. (2024). Genre Approach to Scientific Text in Russian Linguistics in the 1980s–1990s. *Russian Studies in Philology*, 3, 62–74. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-62-74> EDN: PDRHOM (In Russ.)
13. Statsenko, A.S., & Zimina, N.Yu. (2023). The structure of the genre as an important element of differentiation of functional styles in modern Russian. *Vestnik of the Mari State University*, 17(2), 276–282. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-276-282> EDN: KHRJKC (In Russ.).
14. Zaitseva, I.P. (2023). Research. Potential of the O.A. Krylova's Technique of Text Analysis in the Aspect of Speech Stylistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1289–1305. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1289-1305> EDN: AUMGXG. (In Russ.).

15. Bolotnov, A.V. (2021). On Some Features of Subtext in the Media Discourse of a Publicist. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 71, 25–37. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/2> EDN: TTJGKO (In Russ.).
16. Maslova, V.A. (2018). *Philological Analysis of the Literary Text*. Moscow: Yurayt. (In Russ.).
17. Nikolina, N.A. (2003). *Philological Analysis of the Text*. Moscow: Academy. (In Russ.).
18. Zhang, Jiaxin. (2020). An Analysis of Turgenev's "The Living Corpse" from the Perspective of Rhetorical Structure Theory. *JinGu Creative Literature*, 31, 21–24. (In Chinese). 张嘉新. 篇章修辞学角度下的屠格涅夫《活尸》探析. 今古文创. 2020 (31). 21–24页.
19. Stubbs, M. (1983). *Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural language*. Chicago: University of Chicago Press.

Сведения об авторах:

Чжан Кэ, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Северо-Восточный педагогический университет (130024, КНР, г. Чанчунь, ул. Жэньминь, № 5268); *сфера научных интересов*: лексикология, семантика, лингвокультурология; *e-mail*: zhangk176@nenu.edu.cn

ORCID: 0000-0002-7765-2133; ResearcherID: D-7768-2019.

Цзяо Ян, кандидат филологических наук, профессор, заместитель директора Института иностранных языков, Чанчуньский педагогический университет (130032, КНР, г. Чанчунь, Северная линия Чанцзи № 677); *сфера научных интересов*: лексикология, лингвокультурология; *e-mail*: 12360754@qq.com

ORCID: 0009-0003-8973-0711.

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: теория языка, лингвистическая семантика, прагматика и семиотика, сопоставительные исследования языков; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-код: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860; Researcher ID: AAG-9635-2020.

Information about the authors:

Zhang Ke, PhD in Philology, Senior Teacher of the Department of Russian Language, Northeast Normal University (5268, Renmin Street, Changchun, The People's Republic of China, 130024); *Research interests*: lexicology, semantics, linguoculturology; *e-mail*: zhangk176@nenu.edu.cn

ORCID: 0000-0002-7765-2133; ResearcherID: D-7768-2019.

Jiao Yang, PhD in Philology, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages, Changchun Normal University (677, North Changji Line, Jilin Avenue, Changchun, The People's Republic of China, 130032); *Research interests*: lexicology, semantics, linguoculturology; *e-mail*: 12360754@qq.com

ORCID: 0009-0003-8973-0711.

Vladimir N. Denisenko, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: theory of language, linguistic semantics, pragmatics and semiotics, comparative linguistic studies; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-6021-4068; SPIN-code: 4635-8342; Author ID: 310131; Scopus ID: 57193133860; Researcher ID: AAG-9635-2020.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА THEORY OF LANGUAGE

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1205-1224
EDN: NHFCEL

Научная статья / Research Article

Оценочное позиционирование в экспозиторном диалоге: КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

М.И. Киосе^{1,2} , О.Н. Прокофьева¹ , Е.Е. Смирнова¹

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

²Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

 maria_kiose@mail.ru

Аннотация. Категория оценки получила обстоятельное освещение применительно к анализу отдельных слов и выражений, при этом на настоящий момент слабо изучены особенности ее реализации в дискурсе, определяемые оценочным позиционированием, или оценкой коммуникантов характеристик ситуации. Настоящее исследование направлено на установление когнитивно-семиотических оснований оценочного позиционирования. Материалом являются записи спонтанных экспозиторных диалогов продолжительностью 171 минута, в которых обнаружено и подвергнуто анализу 5883 клаузы на предмет выражения характеристик оценочного позиционирования и их индивидуального варьирования. Гипотеза исследования заключается в том, что варьирование определяется характеристиками трех когнитивно-семиотических измерений: онтологического (объект оценки, субъект оценки), эпистемологического (характер, объем и интенсивность оценки), лингвистического (языковой уровень реализации оценки: лексический, синтаксический, морфологический). Для проверки гипотезы используется метод экспериментального анализа дискурса (запись и аннотирование спонтанной диалогической речи) и метод когнитивно-семиотического моделирования (с учетом вклада трех измерений в реализацию оценочного позиционирования). Результаты показали, что в онтологическом измерении превалирует реализация оценки ситуации без эксплицитно выраженного субъекта оценки. В эпистемологическом измерении чаще проявляется отрицательная оценка без выраженной интенсивности, превалирует частная оценка. В лингвистическом измерении обнаружено преобладание оценки, выраженной в рамках лексического значения слова. Индивидуальное варьирование проявляется в степени реализации объекта оценки (объекта/субъекта), характера (положительная), объема (общая) и интенсивности (присутствует) оценки, языкового уровня реализации оценки (синтаксического). Полученные результаты определяют перспективы изучения оценочного позиционирования в дискурсах разного типа с применением метода когнитивно-семиотического моделирования.

Ключевые слова: устная речь, экспериментальный анализ дискурса

© Киосе М.И., Прокофьева О.Н., Смирнова Е.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: Исследование подготовлено в рамках реализации Проекта РНФ № 24-18-00587 «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социокогнитивные основы полимодального позиционирования», реализуемого в Московском государственном лингвистическом университете.

История статьи: дата поступления: 03.03.2025; дата приема в печать: 15.06.2025.

Для цитирования: Киосе М.И., Прокофьева О.Н., Смирнова Е.Е. Оценочное позиционирование в экспозиторном диалоге: когнитивно-семиотические основания// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1205–1224. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1205-1224>

Evaluation Stance in Expository Dialogue: a Cognitive Semiotic Perspective

Maria I. Kiose^{1,2} , Olga N. Prokofieva¹ , Evgeniya E. Smirnova¹

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

maria_kiose@mail.ru

Abstract. Multiple studies are known to have focused on the category of evaluation by analysing words and expressions in context, nevertheless, the subject needs further exploration on the scale of discourse, where the latter can possess evaluation stance of the interlocutors towards a certain communicative situation. The present research elaborates a cognitive semiotic approach to evaluation stance in discourse. The research material encompasses 171 minutes of expository dialogues; therein 5883 clauses are singled out and subjected to the analysis of evaluation stance, and conclusions on its manifestation and individual variation are formulated. We hypothesise that individual variation in evaluation stance can be described within a cognitive semiotic framework of three dimensions, namely, the ontological (object and subject of evaluation), epistemic (value, degree, and intensity of evaluation), and linguistic (language level of manifestation: lexical, syntactical, and morphological). To prove the hypothesis, we adhere to the methods of experimental discourse analysis by recording and annotating spontaneous dialogues and cognitive semiotic framework by studying the representation of evaluation stance in the three dimensions mentioned above. The results show that the ontological dimension is characterized by the prevalence of the evaluation of a situation as its object without an explicit manifestation of its subject. The epistemic dimension demonstrated the predominance of negative evaluation without intensity markers and with frequent specific evaluation. The linguistic dimension reveals the ultimate majority of cases manifested in the lexical meaning. Individual variation is mostly evident when one regards the object (object/subject), value (positive), degree (general), intensity (present), and language level (syntactical) of evaluation. The results obtained serve as a background for the upcoming research of evaluation stance in natural communication and discourse of different types conducted within the cognitive semiotic framework.

Keywords: speech, experimental discourse analysis

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Financing: The study was prepared within the framework of the implementation of the Project RNF 24-18-00587 “The role of recurrent gestures in different languages: Sociocognitive foundations of multimodal stance”, implemented at the Moscow State Language University.

Article history: received: 03.03.2025; accepted: 15.06.2025.

For citation: Kiose, M.I., Prokofieva, O.N., & Smirnova, E.E. (2025). Evaluation Stance in Expository Dialogue: a Cognitive Semiotic Perspective. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1205–1224. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1205-1224>

Введение

Проблема формирования оценочных значений является одной из центральных в целом ряде научных дисциплин, что обусловлено особым статусом оценки, определяемым как характеристиками внешней среды, так и позиционированием самого человека: как указывает Н.Д. Арутюнова, «аксиологические концепты (ценности) в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него» [1. С. 57].

В лингвокогнитивных работах выделены разные типы оценок, описаны характеристики объектов, свойств и событий, подвергающихся оценке, систематизированы языковые средства оценки, иначе — реализация данной категории устанавливается в нескольких измерениях — онтологическом, эпистемологическом и семиотическом [2; 3]. При этом слабо изучены особенности реализации оценки в диалоге, где человек ориентирован на восприятие и обработку поступающих извне (от другого коммуниканта) данных, «встраивая их в собственную нишу» [4. С. 994], и где формирование оценки будет демонстрировать характеристики, определяемые позиционированием человека в дискурсивной ситуации [6–9], например, при ее совместном конструировании и варьировании эмоционального состояния [10–14]. В настоящем исследовании предпринята попытка установить закономерности в реализации оценочного позиционирования в диалоге с учетом индивидуального варьирования.

Теоретические основания исследования. Когнитивно-семиотические измерения оценки

Позиционирование как дискурсивный феномен описывает такие явления, как формирование оценки в отношении объектов ситуации, установление социальных ролей участников и особенностей репрезентации ими объектов ситуации, структурирование общей позиции участников с учетом влияния социокультурных характеристик ситуации [12. С. 139; 13]. Оценочному позиционированию при этом отведена особая роль: так, исследователи указывают на значимость разграничений субъектов и объектов оценки [11; 12], на возможность разграничения оценочных мнений, отношений и суждений [14], что предполагает использование ряда языковых средств — оценочных прилагательных, глаголов и наречий с семантикой эмоционального восприятия

и эмоциональной оценки, метонимических и метафорических выражений, фразеологических выражений [15–16].

В когнитивно-семиотических исследованиях конструирование знания, в т.ч. оценочного, рассматривается в аспекте его системной организации. При этом акцент делается на роли телесного (воплощенного) познания и характеристик среды, которые получают выражение в семантике языковых знаков [17]. А. Дамацио отмечает, что процесс конструирования предполагает концептуализацию как собственного состояния, так и свойств внешней среды [18. С. 70], что особенно заметно в диалоге [19]. В этом смысле структура знания может быть представлена в совокупности трех измерений, описывающих 1) онтологические характеристики среды, 2) эпистемологические особенности интерпретации характеристик, 3) лингвистические особенности конструирования полученного знания. На возможность анализа конструирования в рамках данных измерений указывается в работах и многих отечественных исследователей. Так, в работах Е.С. Кубряковой разграничиваются три аспекта изучения категорий: когнитивный, описывающий концептуальные характеристики категории; семиотический, определяющий ее референтные свойства; и лингвистический, реализующийся в специфике соотношения языковой формы категории с фиксированным содержанием [2]; сходные замечания о природе конструирования находим в других работах [20–22]. Применительно к оценочному позиционированию реализация оценки в рамках трех указанных измерений нашла отражение в работах Н.Д. Арутюновой [1], где с опорой на учение Г.Х. фон Вригта разграничиваются положительная и отрицательная оценки, общая и частные оценки, разные объекты оценки, устанавливаются языковые средства ее реализации, например, общеоценочные и частнооценочные прилагательные, оценочные предикаты, синтаксические конструкции с семантикой каузальных и интерпретирующих отношений. В последующих исследованиях эти характеристики получают детализацию: например, И.М. Кобозевой установлено, что наречия общей оценки имеют больше синтаксических функций, чем наречия частной оценки [23], Е.М. Вольф показано, что оценка может быть выражена с разной степенью категоричности, или интенсивности, наиболее часто проявляясь в наименовании предметов и действий, может иметь контекстуальный характер в выражениях с модальными словами [24]. В работах Т.В. Маркеловой продемонстрировано, что оценка может относиться к самому объекту, к условиям и характеристикам коммуникации, к эмоциональному состоянию говорящего [25]. В настоящем исследовании мы рассматриваем перечисленные характеристики в рамках трех когнитивно-семиотических измерений для комплексного изучения оценочного позиционирования в диалоге (рис. 1).

Так, онтологическое измерение оценки предполагает конструирование объекта оценки, а именно собственно объектов/субъектов и ситуаций, реализующих значения процессуальности (процесса, действия и изменения состояния, состояния и отношения) [1], а также субъекта оценки (эксплицированного или имплицитного), в роли которого в диалоге могут выступать

говорящий и активный слушатель. Эпистемологическое измерение оценки описывает ее характер (положительная и отрицательная), объем (общая и частная), интенсивность (оценка без и с указанием на степень ее интенсивности). Лингвистическое измерение оценки предполагает анализ особенностей репрезентации оценки в рамках лексического значения слов, контекстуально-обусловленной оценки, определяемой только в составе структуры высказывания (зд. условно – на синтаксическом уровне), и оценки, обусловленной ролью морфем с семантикой отрицания.

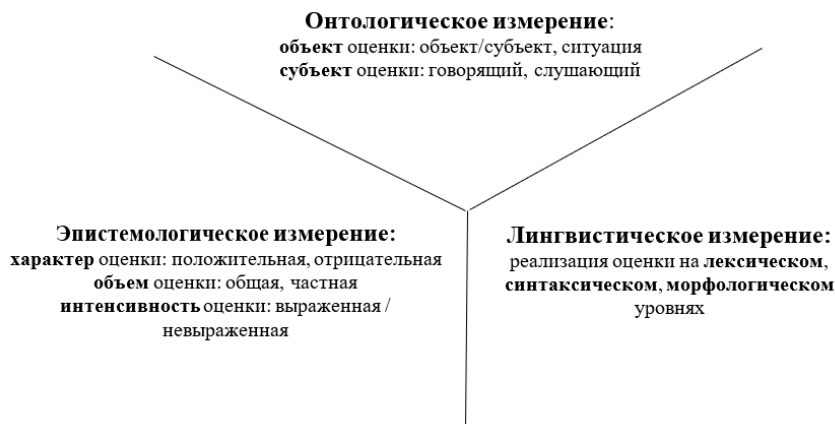

Рис. 1. Когнитивно-семиотическая модель оценочного позиционирования в диалоге

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Figure 1. Cognitive-semiotic model of evaluation positioning in dialogue

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

При том, что **основная гипотеза** работы заключается в том, что реализация оценочного позиционирования определяется характеристиками трех когнитивно-семиотических измерений, сформулируем и ряд **частных гипотез**. Как показано в ряде исследований, в экспозиторном дискурсе, в отличие от дескриптивного [26; 27], говорящие часто поясняют свою позицию с опорой на коммуникативную ситуацию, а не на характеристики объектов, что позволяет предположить, что в экспозиторном диалоге будет превалировать оценка ситуации, а не объекта/субъекта. Также в работах установлено, что отрицательная оценка демонстрирует бóльшую дифференциацию значений [24], в связи с чем мы полагаем, что она будет проявляться чаще. Бóльшая дифференциация отмечается и в отношении объема частной оценки [1], что указывает на возможное превалирование случаев частной оценки над общей.

Процедурные основания когнитивно-семиотического изучения оценки

Материалом исследования являются записи спонтанных экспозиторных диалогов взрослых носителей русского языка (20 человек: 5 мужчин и 15 женщин), отвечающих на фиксированный список вопросов по теме

«Искусственный интеллект» после просмотра стимульного ролика в рамках той же тематики. Общая продолжительность всех диалогов составила 171 минуту в диапазоне от 14 минут 21 секунды до 21 минуты 19 секунд. Общее количество клауз (элементарных дискурсивных единиц, ЭДЕ) составило 5883 (от 157 до 492 ЭДЕ). ЭДЕ были далее аннотированы с участием четырех кодировщиков на предмет реализации четырех типов позиционирования (эпистемического, оценочного, позиционирования релевантности и интерсубъективности). Из их числа случаи оценочного позиционирования были обнаружены в 637 ЭДЕ; диапазон их варьирования в речи участников составляет от 11 до 67 ЭДЕ. В среднем оценка встречается в 11 % ЭДЕ от общего аннотируемого корпуса. Аннотирование проведено с применением программы ELAN¹.

Представим **процедуру анализа**. На первом этапе речь участников транскрибировалась при помощи автоматического распознавания, редактировалась и разделялась на ЭДЕ на основе предикативных и просодических характеристик (слои EDU_L и EDU_R для левого и правого говорящего). На втором этапе все характеристики позиционирования размечались на слое Stance, также добавлялась аннотация на зависимом от него слое Ev (рис. 2).

EDU_R (492)	Ну, люди же никогда не винят себя,	они винят других.
Stance_R (473)	R1, Ev1-2, I4, Ev3-4, Ev2-3	Ev3-4, I4, Ev1-2, R1
Ev-R (178)		
Ev1-R (87)	Ev1-2	Ev1-2
Ev2-R (8)	Ev2-3	
Ev3-R (4)	Ev3-4	Ev3-4

Рис. 2. Пример аннотирования оценочного позиционирования

Источник: фотографии из архива М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Перед съемками участники подписали форму согласия

Figure 2. Example of Annotation for Evaluation Positioning

Source: photos from the archive of Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, & Evgeniya E. Smirnova.

Prior to filming the participants signed the consent form.

¹ ELAN (Version 6.9) [Computer software]. 2024. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, The Language Archive. Режим доступа: <https://archive.mpi.nl/tla/elan> (дата обращения: 25.05.2025).

В дальнейшем оценочное позиционирование подвергалось анализу на предмет характера оценки (слой Ev1), интенсивности оценки (Ev2) и типа частной оценки (Ev3). На третьем этапе каждая ЭДЕ была подвергнута анализу в рамках (а) онтологического измерения (выделен субъект и объект оценки), (б) эпистемологического (положительная/отрицательная, общая/частная, интенсивность выражена/не выражена), (в) лингвистического (языковой уровень реализации оценки) измерения. Полученные количественные данные были подвергнуты статистической обработке с учетом общего количества ЭДЕ с оценкой (637 ЭДЕ).

Результаты исследования

Характеристики когнитивно-семиотических измерений оценки

Как показал предварительный анализ материала, онтологическая характеристика субъекта оценки может быть не выражена, как в *проще обвинить искусственный интеллект*, или выражена с помощью маркеров первого или второго лица, например, в *то буду виновата*. Эпистемологические характеристики объема оценки также определяются на основании маркеров, как в *что напрямую все же не уничтожат*, где оценка определяется как общая, или в *а наоборот злиться на условного судью*, где оценка частная (эмоциональная). Интенсивность оценки обнаруживается в присутствии маркеров типа *полностью, немножко, очень, никогда, совсем* и др., а также в семантике слов, демонстрирующих крайне высокую и крайне низкую степень проявления оценки типа *ненавижу, паранойя*. Лингвистические характеристики проявляются в реализации оценочного значения как сигнификативного или коннотативного у слова, например, в *халатность, дружить, винить, насилие, ошибки, нравится* и др.; как значения, устанавливающегося в синтаксическом контексте ситуации, как в *кто дал машине слишком большую ответственность* или *как-то смогут его до этого довести*; как морфологического значения отрицания в частицах и приставках *не(-)*, например, в *особо никого не волнует, ну это же...это же несовершенный механизм*. При этом установление двух характеристик — объекта оценки и характера оценки — потребовало разработки методики, учитывающей их особые проявления в устном экспозиторном диалоге.

Так, как указывает Н.Д. Арутюнова, оценка может осуществляться как применительно к некоторому «потребительскому классу» объектов [1. С. 55], так и к «компаративному классу объектов» [1], например, «обладание (приобретение), времяпровождение, виды занятий (профессиональных и «свободных»), режимы жизни, удовлетворение естественных потребностей и желаний, жизненные цели и др.» [1. С. 56]. Во втором случае оценка производится в отношении не единичных объектов/субъектов, а ситуаций или событий, в которые «предмет входит в своем «миропорождающем» (ситуативном) аспекте» [1. С. 56]. Соответственно, оценка может определяться как

в отношении некоторого класса или категории, характеристики объекта, означенного отдельным словом в ЭДЕ, как в *человек злится, которые несовершенны, как делать промт правильно*, так и в отношении ситуации, выраженной целой ЭДЕ или ее фрагментом, как в *и все пойдет через одно место, или не учел какие-то условия, в которых что-то могло пойти не так*. Объектом оценки в первом случае становятся характеристики предметов, действий, отношений, а во втором — вся ситуация, которая описывает функционирование предмета или его изменение. В этом смысле особый интерес представляют примеры, в которых присутствуют маркеры оценки разного характера, что создает потенциальный «конфликт оценок», или коммуникативную ситуацию, в которой формирование оценочного позиционирования может определяться разнонаправленными оценками. Для решения вопроса о характере ведущей оценки — положительной или отрицательной — представляется возможным опираться на коммуникативную роль оценочного слова или выражения. Так, в ЭДЕ *вот это развитие технологий подавляет творческий потенциал человека* присутствуют оценки двух типов — положительная в *потенциал* и отрицательная в рамках ситуации. В связи с тем, что коммуникативный и акцентный фокус высказывания определяется в слове *подавляет*, ведущей оценкой является отрицательная.

Как мы указали выше, в качестве объектов оценки рассматриваются объекты/субъекты и ситуации. Если речь идет о случаях использования 1) существительных с прилагательными, не демонстрирующими семантику предикативности, в группе подлежащего, где группа сказуемого выражена предикатом с семантикой локализации или обладания, как в *а там есть скользкая вещь*, 2) прилагательных вне или в составе номинативной группы, которые используются в группе сказуемого с предикатом с семантикой локализации или обладания, как в *может они просто ленивые, у меня такая тупая колонка*, то оценка в большей степени распространяется только на сам объект/субъект. На то, что оценка скорее ограничивается объектом, указывает ее нахождение 1) в группе подлежащего, выраженного именем существительным с прилагательным, как в *прошел экзистенциальный кризис какой-то*, 2) в косвенном дополнении, как в *говорила про нашу любимую группу*, 3) в составе составного именного сказуемого в существительном, не демонстрирующем семантику предикативности, как в *человек тот еще паразит*, 4) в составе составного именного сказуемого, выраженного группой существительного с прилагательным, как в *мы как вид очень на самом деле гадкая вещь*. Если речь идет о ситуации, где оценка выражена 1) в самом глагольном предикате, как в *что ИИ уничтожает человечество в если там ты врежешься* или в *там что-то недорассчитать*, 2) в номинативном предложении с существительным с семантикой предикативности, например, в *ментальная деградация*, 3) в группе сказуемого, выраженной глаголом с обстоятельством образа действия, как в *прикольно думать, все равно... более правильно сказать*, или 4) в составе устойчивого идиоматического

выражения, как в *поедет крыша*, то оценка скорее распространяется на всю ситуацию.

Все остальные случаи можно рассматривать как «промежуточные», где оценка объекта может с большей или меньшей вероятностью переходить на ситуацию. На это указывают такие проявления, как ее нахождение 1) в группе подлежащего, демонстрирующего семантику предикативности, как в *что вина за такое...ну за такие ситуации* или *что какая-то угроза все-таки есть*, 2) в прямом или не прямом дополнении при предикате с семантикой процесса, действия, состояния, отношения, как в *что они создали несовершенную машину, материал дали неправильный*, 3) в составе составного именного сказуемого в существительном или прилагательном, демонстрирующем семантику предикативности, как в *что это основная преграда* или *кто будет самым виноватым*. При этом отметим возможность реализации нескольких случаев оценки в составе ЭДЕ, как в *пугающая рука бьет меня по голове*, где объектом оценки является как сам объект в *пугающая рука*, так и ситуация в *бьет меня по голове*. Таким образом, представляется возможным разграничить по меньшей мере четыре объекта оценки: 1) только объект/субъект, 2) только ситуация, 3) объект/субъект или ситуация, 4) одновременная реализация оценки в отношении объекта/субъекта и ситуации.

Распределение характеристик когнитивно-семиотических измерений оценки

В рамках **онтологического измерения** анализу подвергались объект и субъект оценки. Так, в материале обнаружено 103 (16,2 %) случая оценки объекта/субъекта, как в *это вот просто например...вот максимально тупая аналогия, дура, в плане цифр техника наверно лучше*. В качестве объекта/субъекта могут выступать не только предмет и человек/существо, но и некоторая предметная сущность, демонстрирующая атрибутивные характеристики (*аналогия*); в некоторых случаях невозможно однозначно установить тип объекта оценки, как в *что это полезно* или *что все нехорошо* — это может относиться как к объекту/субъекту, так и к ситуации. Случаи оценки ситуации более частотные, их количество составило 279 (43,8 %). К числу примеров отнесены, например, такие, как *что там...когда-нибудь уничтожится, будет бум, ты правильно сказала*. Среди них — большое количество примеров с оценкой в самом предикате типа *уничтожить, обвинять, пострадал, помогает, поработят, разрушилось, отрубилось, понравился, оскорбят* и др. Как видно, речь в них идет, в основном, о реализации отрицательной оценки. Во многих случаях оценочное значение передается обстоятельством образа действия, как в *он не может ничего решить хорошенько, ну если ты наобум делаешь, что он как-то злобно встает*. Количество случаев оценки объекта / субъекта или ситуации (смешанный тип объекта оценки) составило 226 (35,5 %). Среди них частотны примеры реализации оценочного значения в именном компоненте, демонстрирующем семантику предикативности, как

в здесь снова что есть ошибка на самом деле, это когда у тебя есть любая подпорка, с точки зрения вымирания как вида биологического, что какая-то угроза все-таки есть. В ходе анализа обнаружены 29 случаев (4,6 %) одно-временной оценки объекта / субъекта и ситуации, как в и как раз-таки это может привести к каким-то психическим нарушениям, где оценка реализуется как в отношении объекта (свойство сознания) и ситуации (появление этого свойства). В отношении субъекта оценки установлено, что чаще маркеры указания на него отсутствуют в ЭДЕ (519 случаев, 81,5 %); маркеры оценки перспективы говорящего обнаружены в 85 случаях (13,3 %), маркеры указания на слушающего обнаружены в 27 случаях (4,2 %). Однако, безусловно, отсутствие маркеров указания на субъект не может свидетельствовать о том, что в ЭДЕ не представлена перспектива говорящего, так как присутствие оценки уже само по себе является показателем субъективности.

В рамках эпистемологического измерения отрицательная оценка (*печально, будет бум, я не сильно обижусь, это же страшно*) оказалась в среднем в 3,5 раза более частотной, чем положительная (*победила дружба, крутые вещи, мне нравится*): в 471 (74 %) ЭДЕ обнаружены ее эксплицитно выраженные маркеры. Не менее однозначные показатели продемонстрировали интенсивность и объем оценки: 418 (66 %) ЭДЕ с эксплицитно выраженной оценкой были преимущественно лишены маркера интенсивности (учитываются маркеры высокой, средней и низкой интенсивности проявления признака, как в ну *это совсем ужасно, лучше и я не сильно обижусь* соответственно), 456 (72 %) случаев содержали частный вид оценки, психологическую — *пугающая рука, видос интересный*, этическую — *что такое хорошо*, утилитарную — *это человечество уничтожило человечество*, нормативную — *ты какое-то конкретное лицо-то не можешь обвинить*, телеологическую — *ты справился*, эстетическую — *III например может слепить там картину*. Полученные результаты могут являться показателем значительной дифференциации частной оценки [24]. Общая оценка в 181 ЭДЕ представлена маркерами, которые невозможно по контексту ЭДЕ однозначно соотнести с одной из сфер выше, как например в *тут наверно больше про ошибку людей*, где ошибка может соотноситься как с утилитарной, этической, так и нормативной сферой, или в *потому что он хороший*, где есть положительная оценка, но отсутствует маркер вида и сферы оценки. Несмотря на различия в проявлениях характера, интенсивности и объема оценки, распределение последних двух типов в рамках положительной и отрицательной оценок сравнительно равномерно. Они в 71—72 % случаев носили более частный характер с выраженной сферой оценки (338 и 118 ЭДЕ соответственно). Сопоставимо и распределение примеров с маркером интенсивности, где для ЭДЕ с положительной оценкой выражение интенсивности лишь ненамного более характерно (41 % от всех «положительных» случаев), чем для отрицательной (32 % от всех «отрицательных» случаев). Так, чаще встречены такие примеры, как *вот именно человеческая мысль лучше сработала* (зд. средняя степень

интенсивности + положительная оценка), *не пошло все по наклонной* (зд. высокая степень + положительная) среди «положительных» (152), чем *уничтожить человечество полностью* (зд. высокая степень + отрицательная) или *приведет к более печальным последствиям* (зд. средняя степень + отрицательная) среди «отрицательных» (67), хотя последних в целом по корпусу больше. Таким образом, показатель общей/частной оценки не связан с характером оценки, в то время как показатель интенсивности в большей степени тяготеет к положительной оценке. Характер оценки более негативный, чем позитивный, что согласуется с высказанной гипотезой и результатами исследований [24], при этом оценка чаще не сопровождается интенсификацией.

Что касается **лингвистического измерения**, рассмотрены проявления сигнификативного или коннотативного значения знаменательного слова (*ненависть, плохо, интересный, молодец*) и контекстуально обусловленного значения выражения (*против чего он будет там восставать, у тебя холодеют пальцы, потому что он так насопообучался на твитах*). Отдельно мы также отмечали наличие морфологических значений в частицах и приставках со значением отрицания (*несовершенный, неидеальный, недосмотрели, никакой перспективы, никого не волнует*). При сопоставлении показателей лексического и контекстуально обусловленного значений было обнаружено, что первый случай более частотный (350 ЭДЕ), однако разница не такая существенная (287 ЭДЕ во втором случае) и составляет в процентном выражении 9,9 % (54,95 и 45,05 % соответственно). Тем не менее, результат свидетельствует о том, что участники диалога предпочитают использовать слова и выражения, имеющие выраженное положительное или отрицательное значение. Приставки и частицы со значением отрицания присутствуют лишь в 56 ЭДЕ из 637, то есть в 8,79 % случаев, что может свидетельствовать о том, что говорящие в диалогической речи используют маркеры оценки, выраженные в рамках лексического значения слов, а не в рамках морфологического.

Проявления индивидуального варьирования в оценочном позиционировании

Вначале рассмотрим особенности индивидуального варьирования, проявляющиеся в **онтологическом измерении** оценки. На рис. 3 покажем распределение проявлений четырех типов объекта оценки.

Как показывают результаты, значительного варьирования в выборе типов объекта оценки не обнаруживается. При средних значениях для «объект/субъект» равному 5,15, для «ситуация» равному 13,9, для «объект/субъект или ситуация» равному 11,2, для «объект/субъект и ситуация» равному 1,45, можно констатировать, что для анализируемого диалогического дискурса пояснения характерно превалирование оценки ситуации. Однако отмечаем, что в оценке объекта/субъекта обнаружено различие между средним и медианным показателем (5,15 и 4), что свидетельствует о большем проявлении варьирования (рис. 4).

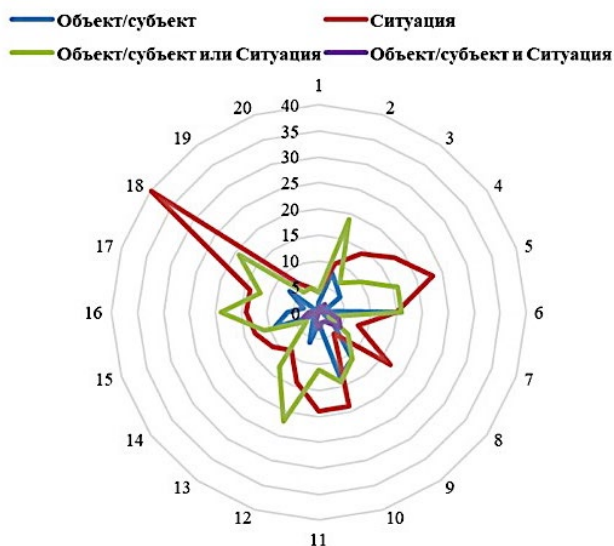

Рис. 3. Индивидуальные показатели распределения типов объекта оценки

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Figure 3. Individual indicators of the distribution of types of evaluation objects

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

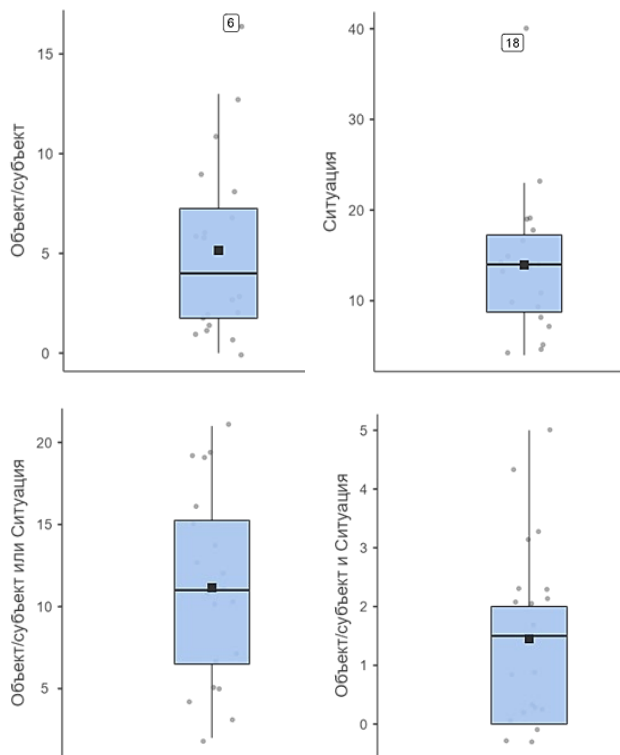

Рис. 4. Средние и медианные показатели индивидуального варьирования в типе объекта оценки

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Figure 4. Average and median values of individual variation in the type of object of evaluation

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

Представляется интересным установить общие закономерности реализации объекта оценки. Для этого с применением кластерной процедуры определены два кластера участников, в первый из которых вошли 12 участников, во второй — 8 (рис. 5).

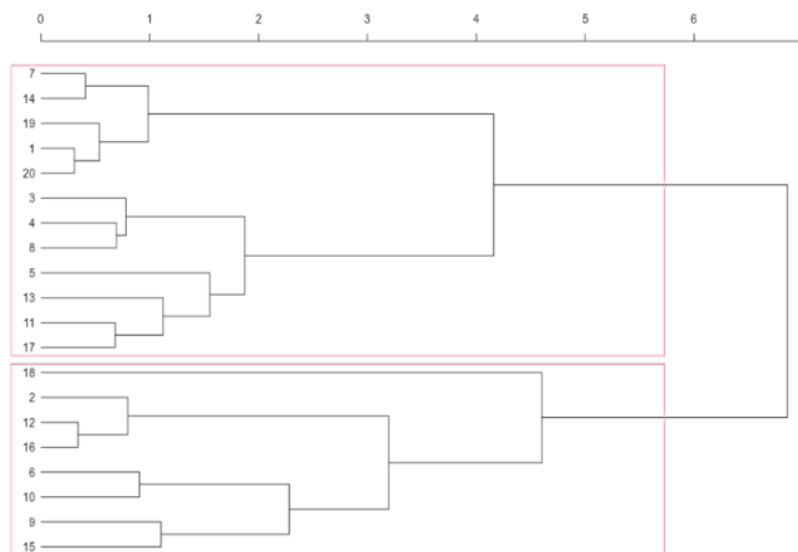

Рис. 5. Кластерное решение, описывающее выбор типа объекта оценки говорящими

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Figure 5. A cluster solution describing the selection of the evaluation object type by speakers

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

На рис. 6а и 6б показаны особенности выбора объекта оценки в каждом кластере. Как видно из результатов, участники первого кластера характеризуются бóльшим количеством только случаев оценки ситуации, а участники второго кластера — бóльшим количеством случаев оценки объекта/субъекта или ситуации. Можно предположить, что если оценка объекта/ситуации скорее характерна для описательного дискурса [26; 27], то именно степень проявления описания в дискурсе пояснения будет определять варьирование в выборе объекта оценки в индивидуальной речи. Важно отметить, что хотя наша гипотеза о превалировании оценки ситуации в целом подтвердилась, наличие высокого индивидуального варьирования в проявлении оценки объекта/события указывает на гибридный характер описательного дискурса и дискурса пояснения, степень гибридности которого может быть установлена с опорой именно на проявления объекта оценки. В отношении выбора субъекта оценки укажем, что индивидуального варьирования отмечено не было (рис. 7).

Как можно видеть, в речевом поведении участников значительно преобладают случаи выражения оценки без указания ее субъекта, меньшая частотность проявляется в указании на собственную позицию, еще реже обнаруживаются указания на позицию слушающего.

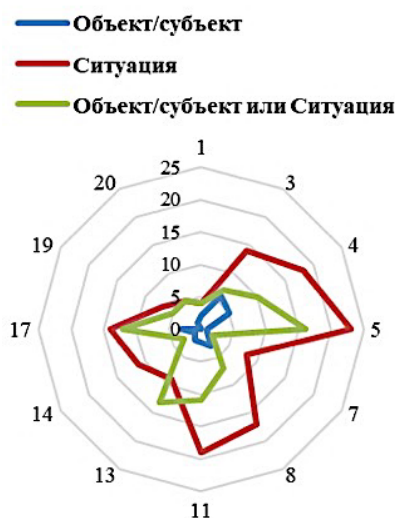

Рис. 6а. Выбор объекта оценки в первом кластере

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Figure 6a. Selection of the evaluation object in the first cluster.

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

Рис. 6б. Выбор объекта оценки во втором кластере

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Figure 6b. Selection of the evaluation object in the second cluster

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

Рис. 7. Индивидуальные показатели выбора субъекта оценки

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой

Figure 7. Individual indicators of the subject selection

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

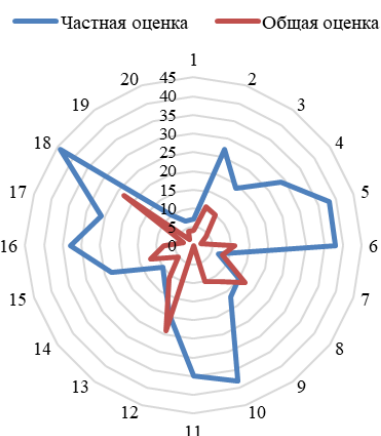

Рис. 8. Индивидуальные показатели выбора характера оценки

Источник: составлено М.И. Киосе, О.Н. Прокофьевой, Е.Е. Смирновой.

Figure 8. Individual character selection indicators

Source: compiled by Maria I. Kiose, Olga N. Prokofieva, Evgeniya E. Smirnova.

Рассмотрим проявления индивидуального варьирования в **эпистемологическом измерении**. В целом, в речи участников отмечено предпочтение частной оценки (см. рис. 8). Однако в отношении общей доли ЭДЕ с оценкой и характера оценки обнаружена значительная вариативность. Так, в первую очередь обращаем внимание на различие в доле ЭДЕ с оценкой в записанном корпусе ($31,9 \pm 14,6$; 11–67; коэффициент вариации 46 %). Наименее стабильными характеристиками выступают общая оценка со средним значением $9,6 \pm 6,24$ (65 %) и диапазоном от 2 до 24 ЭДЕ в речи одного участника эксперимента и интенсивность, сопровождающая оценку, в среднем в $10,9 \pm 7,03$ ЭДЕ (64,4 %) и диапазоном от 2 до 28 ЭДЕ. Положительный характер встречается в среднем в $8,3 \pm 5,32$ ЭДЕ (2–21; 64 %) в записанном корпусе. Наиболее стабильными характеристиками выступают объем оценки (частная) – в $22,3 \pm 11,7$ ЭДЕ (7–44; 52,5 %) и характер оценки (отрицательная), представленная в среднем в $23,6 \pm 10,6$ ЭДЕ (6–46; 44,9 %). Сравнительно стабильный характер частной, а особенно отрицательной оценки, подтверждается в процентном содержании отрицательных ЭДЕ от общего количества ЭДЕ с оценкой: $69 \pm 14,4$ % (45,5–95 %; коэффициент вариации 20,9 %) и $74 \pm 10,4$ % (50–86,7 %; 14,1 %) соответственно. Таким образом, распределение эпистемологических характеристик оценки носит индивидуальный характер, однако наблюдается устойчивая тенденция отдавать предпочтение отрицательной оценке, а также несколько менее устойчивая тенденция к использованию частной оценки.

Для проверки гипотезы о возможной зависимости между характером оценки и субъектом оценки был проведен ряд тестов, которые выявили наличие положительной корреляции между показателем частной положительной/отрицательной оценки и эксплицитно выраженным субъектом в рамках одной ЭДЕ ($r = 0,114$, $p < 0,01$) и речи каждого говорящего в целом (для первого лица: $r = 0,662$, $p < 0,001$; для участника: $r = 0,693$, $p < 0,001$). Возможно, чем более личным становится дискурс говорящего, чем эксплицитнее выражен субъект событий, тем более частный характер начинает приобретать оценка говорящего, «погружая» собеседника в детали событий. Анализ зависимости между объектом оценки и типом оценки выявил следующие закономерности: 1) интенсивность, сопровождающая оценку, чаще обнаруживается при оценке ситуаций, чем объектов/субъектов ($r = 0,89$, $p = 0,015$ vs. $0,55$, $p < 0,001$); 2) частная оценка также чаще используется при оценке ситуаций, чем объектов/субъектов ($r = 0,847$, $p = 0,002$ vs. $0,574$, $p < 0,001$); 3) общая оценка значительно чаще используется для оценки объектов/субъектов, чем ситуаций ($r = 0,652$, $p = 0,002$ vs. $0,574$, $p = 0,01$).

Варьирование в **лингвистическом измерении** в использовании лексического значения слов и контекстуально обусловленного значения выражений с отрицательной и положительной оценкой довольно существенно — от 7 до 32 ЭДЕ с лексическим значением и от 0 до 35 ЭДЕ с контекстуальным значением у разных говорящих (коэффициент вариации составил 44,78 и 64,44 %

соответственно). При этом в отношении проявления маркеров отрицательной оценки варьирование также значительно — от 9 до 60 ЭДЕ (45,28 %). При невысоком количестве проявлений варьирование наблюдается и в проявлении морфологических маркеров отрицания в выражениях — от 0 до 7 ЭДЕ (77,38 %). Учитывая обозначенные выше показатели, можно сделать вывод о том, что в рамках лингвистического измерения оценки наблюдается наиболее значительное варьирование в реализации контекстуальной оценки на уровне семантики всего высказывания.

Заключительные замечания

Проведенное исследование, нацеленное на разработку алгоритма когнитивно-семиотического анализа оценочного позиционирования в спонтанной устной диалогической речи применительно к экспозиторному дискурсу, позволило установить ряд закономерностей в реализации оценки. При том, что индивидуальное варьирование в оценочном позиционировании действительно определяется характеристиками трех когнитивно-семиотических измерений — онтологического, эпистемологического, лингвистического — определены и частные особенности проявлений оценки. Так, результаты показали, что в онтологическом измерении превалирует реализация оценки ситуации без эксплицитно выраженного субъекта оценки, однако обнаружено высокое индивидуальное варьирование в выборе объекта/субъекта; при этом говорящие сходным образом реализуют субъект оценки. В эпистемологическом измерении чаще проявляется отрицательная оценка, маркеры интенсивности используются нечасто, при этом превалирует частная оценка, а индивидуальное варьирование особенно заметно в выборе общей, положительной оценки и использовании интенсивности. В лингвистическом измерении существенно преобладает оценка, выраженная на лексическом уровне, а варьирование связано с выбором контекстуально обусловленных значений выражений. Полученные результаты отражают специфику оценочного позиционирования в спонтанном экспозиторном диалоге, а также определяют перспективы использования метода когнитивно-семиотического моделирования для изучения оценочного позиционирования в иных дискурсах и разных типах коммуникации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. EDN: YKBSRJ
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 157–171. EDN: PVERTD
4. Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивность как доминанта коммуникативного поведения участника бытового общения: по данным эксперимента // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 994–1012. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-994-1012> EDN: FJZYDS

5. *Berman R.A.* Introduction: developing discourse stance in different text types and languages // *Journal of Pragmatics*. 2004. Vol. 37. P. 105–124. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(04\)00189-4](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(04)00189-4)

6. *Biber D.* Stance in spoken and written university registers. *Journal of English for Academic Purposes*. 2006. Vol. 5. P. 97–116. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2006.05.001>

7. *Khrisonopulo E.Y.* Discourse Motivations of Mental Construal and the Expression of Stance in Speech: A Case Study of English // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Vol. 21(1). P. 91–104. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-91-104> EDN: XWEXVL

8. *Freeman V.* Prosodic features of stances in conversation // *Laboratory Phonology*. 2019. Vol. 10(1): Article 19. <https://doi.org/10.5334/labphon.163> <https://doi.org/10.5334/labphon.163>

9. *Haddington P.* Stance taking in news interviews // *SKY Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 17. P. 101–142.

10. *Kärkkäinen E.* Stance Taking in Conversation: From Subjectivity to Intersubjectivity // *Text and Talk*. 2006. Vol. 26. P. 699–731.

11. *Du Bois J.W.* Co-opting intersubjectivity: Dialogic rhetoric of the self // *The Rhetorical Emergence of Culture*. 2011. Vol. 4. P. 52–83.

12. *Du Bois J.W.* The stance triangle // *Stancetaking in discourse: Subjectivity, evaluation, interaction* / R. Englebretson (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 139–182.

13. *Simaki V., Paradis, C., Skeppstedt, M., Sahlgren, M., Kucher, K. and Kerren, A.* Annotating Speaker Stance in Discourse: The Brexit Blog Corpus // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2020. Vol. 16. No. 2. P. 215–248.

14. *Hunston S.* Corpus approaches to evaluation: Phraseology and evaluative language. London: Routledge, 2010. <https://doi.org/10.4324/9780203841686>

15. *Беляков М.В.* Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом сентимент-анализа (ст. 2) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 4. С. 115–124. EDN WZZKRZ

16. *Baymurzina D., Kuznetsov D., Burtsev M.* Language Model Embeddings Improve Sentiment Analysis in Russian // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 18 (25). М., 2019. С. 53–63.

17. *Clark A.* Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension. Oxford : Oxford University Press, 2008. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195333213.001.0001>

18. *Damasio A.* Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. New York : Pantheon, 2010.

19. *Zlatev J., Racine T. P., Sinha C., Itkonen E.* The shared mind: Perspectives on intersubjectivity. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.

20. *Ирисханова О.К.* О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // *Когнитивные исследования языка*. 2009. Вып. 5. С. 157–171. EDN: PVERTD

21. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Издательский дом ЯСК, 2018. EDN: YYCNWP

22. *Киосе М.И.* Наименование в тексте: прямое и не прямое. М. : Онтопринт, 2014. EDN: ZERCXZ

23. *Кобозева И.М.* Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки) // *Критика и семиотика*. 2022. № 1. С. 90–109. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-90-109> EDN: XHVDPU

24. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки (на материале португальского языка). М. : URSS, 2024.

25. *Маркелова Т.В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М. : Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013.

26. Ирисханова О.К., Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В. Полимодальный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 17–31. С. 17–31. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-4-17-31> EDN: GCMSRK

27. Прокофьева О.Н., Ирисханова О.К., Киосе М.И. Речь и жесты в описательном дискурсе // Полимодальные измерения дискурса. М. : ЯСК, 2021. С. 63–109. EDN: ПИАQAM

References

1. Arutyunova, N.D. (1988). *Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact.* Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: YKBSRJ
2. Kubryakova, E.S. (2004). On the way to achieving knowledge about language: Parts of speech from a cognitive view. *Language and Cognition*. (pp. 29–304). Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
3. Iriskhanova, O.K. (2009). On the concept of creativity and its role in the meta-language of linguistic descriptions. *Cognitive Studies of Language*, 5, 157–171. (In Russ.). EDN: PVERTD
4. Pishchalnikova, V.A., & Kardanova-Biryukova, K.S. (2023). Recursiveness as the Dominant Feature of Communicative Behavior in Day-to-Day Interaction. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 994–1012. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-994-1012> EDN: FJZYDS
5. Berman, R.A. (2004). Introduction: developing discourse stance in different text types and languages. *Journal of Pragmatics*, 37, 105–124. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(04\)00189-4](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(04)00189-4)
6. Biber, D. (2006). Stance in spoken and written university registers. *Journal of English for Academic Purposes*, 5, 97–116. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2006.05.001>
7. Khronopolulo, E.Y. (2017). Discourse Motivations of Mental Construal and the Expression of Stance in Speech: A Case Study of English. *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 91–104. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-91-104> EDN: XWEXVL
8. Freeman, V. (2019). Prosodic features of stances in conversation. *Laboratory Phonology*, 10(1), 19. <https://doi.org/10.5334/labphon.163>
9. Haddington, P. (2004) Stance taking in news interviews. *SKY Journal of Linguistics*, 17, 101–142.
10. Kärkkäinen, E. (2006). Stance Taking in Conversation: From Subjectivity to Intersubjectivity. *Text and Talk*, 26, 699–731.
11. Du Bois, J.W. (2011). Co-opting intersubjectivity: Dialogic rhetoric of the self. *The Rhetorical Emergence of Culture*, 4, 52–83.
12. Du Bois, J.W. (2007). The stance triangle. In: R. Englebretson (ed.) *Stancetaking in discourse: Subjectivity, evaluation, interaction* (pp. 139–182). Amsterdam: John Benjamins.
13. Simaki, V., Paradis, C., Skeppstedt, M., Sahlgren, M., Kucher, K. & Kerren, A. (2020). Annotating Speaker Stance in Discourse: The Brexit Blog Corpus. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 16(2), 215–248.
14. Hunston, S. (2010). *Corpus approaches to evaluation: Phraseology and evaluative language*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203841686>
15. Belyakov, M.V. (2016). The Analysis of News Messages of the RF Ministry of Foreign Affairs Web-Site by the Sentiment Analysis (Article 2). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 115–124. EDN: WZZKRZ
16. Baymurzina, D., Kuznetsov, D., & Burtsev, M. (2019). Language Model Embeddings Improve Sentiment Analysis in Russian. In; *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, (Iss. 18 (25), pp. 53–63). Moscow.
17. Clark, A. (2008). *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195333213.001.0001>
18. Damasio, A. (2010). *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon.

19. Zlatev, J., Racine, T. P., Sinha, C., & Itkonen, E. (2008). *The shared mind: Perspectives on intersubjectivity*. Amsterdam: John Benjamins Publ.
20. Iriskhanova, O.K. (2009). On the concept of creativity and its role in the meta-language of linguistic descriptions. *Cognitive Studies of Language*, 5, 157–171. (In Russ.). EDN: PVERTD
21. Boldyrev, N.N. (2018). *Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language*. Moscow: YaSK. (In Russ.). EDN: YYCNWP
22. Kiose, M.I. (2014). *Naming in text: Direct and indirect*. Moscow: Ontoprint. (In Russ.). EDN: ZERCXZ
23. Kobozeva, I.M. (2022). Adverbs of Evaluation: Correlation of Semantic and Syntactic Properties (The Case of General and Hedonistic Evaluation). *Critique and Semiotics*, 1, 90–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-90-109> EDN: XHVDPU
24. Volf, E.M. (2024). *Functional semantics of assessment (featuring the Portuguese language)*. Moscow: URSS. (In Russ.)
25. Markelova, T.V. (2013). *Pragmatics and semantics of assessment in Russian*. Moscow: I. Fedorov Moscow State University of Press. publ. (In Russ.)
26. Iriskhanova, O.K., Kiose, M.I., Leonteva, A.V., & Agafonova, O.V. (2022). Multimodal spatial deixis in speech and gestures: frames of reference in explanatory discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 17–31 (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-4-17-31> EDN: GCMSRK
27. Prokofieva, O.N., Iriskhanova, O.K., & Kiose, M.I. (2021). Speech and gesture in descriptive discourse. In: *Multimodal dimensions of discourse* (pp. 63–109). Moscow: YaSK, EDN: IIAQAM

Сведения об авторах:

Киосе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38); ведущий научный сотрудник Лаборатории мультимедийной коммуникации, Институт языкознания РАН (125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский переулок, д. 1); *сфера научных интересов*: когнитивная семантика, непрямое наименование, мультимодальная лингвистика; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7215-0604. Scopus Author ID: 56642747500; ResearcherID AAB-7989-2019; SPIN-код: 4419-0090, AuthorID: 341964.

Прокофьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса, доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38); *сфера научных интересов*: мультимодальная коммуникация, полимодальный эксперимент, зрительное восприятие, ко-речевая жестикация, устный дискурс, *e-mail*: oliviaprok@gmail.com
ORCID: 0009-0007-7177-255X. Scopus Author ID: 57221805598; ResearcherID ISU-7020-2023; SPIN-код: 5986-8027, AuthorID: 988683.

Смирнова Евгения Евгеньевна, младший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, кинематографический дискурс, исследования жестов, дискурс-анализ, семиотика, *e-mail*: e.smirnova@linguanet.ru
ORCID: 0009-0000-4217-2298. Scopus AuthorID: 58164327300; ResearcherID LSJ-0153-2024, SPIN-code: 3782-7854, AuthorID: 1016273.

Information about the authors:

Maria I. Kiose, Dr.Sc. (Philology) (Advanced Doctorate), Associate Professor, Chief Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies of Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); Leading Researcher; Laboratory for Multichannel Communication, Institute of Linguistics, RAS (1 B. Kislovsky ln., Moscow, Russian Federation, 125009); *Research interests*: cognitive semantics, indirect naming, multimodal linguistics; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7215-0604. Scopus AuthorID: 56642747500; ResearcherID AAB-7989-2019, SPIN-code: 4419-0090, AuthorID: 341964.

Olga N. Prokofieva, PhD in Philology, Senior Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies, Associate Professor of the Department of English Stylistics at the Faculty of English of Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: multimodal communication, multimodal experiment, visual perception, co-speech gestures, spoken discourse; *e-mail*: oliviaprok@gmail.com

ORCID: 0009-0007-7177-255X. Scopus Author ID: 57221805598; ResearcherID ISU-7020-2023; SPIN-code: 5986-8027, AuthorID: 988683.

Evgeniya E. Smirnova, Junior Researcher at Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies of Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: cognitive linguistics, film discourse, gesture studies, discourse studies, semiotics; *e-mail*: e.smirnova@linguanet.ru

ORCID: 0009-0000-4217-2298. Scopus AuthorID: 58164327300; ResearcherID LSJ-0153-2024, SPIN-code: 3782-7854, AuthorID: 1016273.

.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1225-1241
EDN: NIBCFС

Научная статья / Research Article

Аффективные нормы VAD для русского языка: корреляция с рейтингами абстрактности/конкретности

Ю.А. Вольская ✉, А.А. Токсубаева , В.Д. Соловьев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
✉ kovaleva95julia@mail.ru

Аннотация. На материале довольно большого количества языков с конца XX в. проводятся исследования взаимосвязи классических аффективных параметров *valence*, *arousal*, *dominance* с показателями абстрактности/конкретности, реализация которых обусловлена наличием специализированных ресурсов с количественными показателями указанных аффективных параметров. Для русского языка база данных аффективных норм, содержащая оценки для 1000 слов, была создана недавно. Вместе с тем наличие базы данных рейтингов абстрактности/конкретности позволяет на материале русского языка рассмотреть вопрос о взаимосвязи аффективных параметров с лексико-семантическими и грамматическими свойствами. Основная цель настоящего исследования заключается в анализе корреляции между тремя аффективными показателями *valence*, *arousal*, *dominance* с рейтингами абстрактности и конкретности. Качественный анализ лексических единиц подтверждается количественными данными. Выявлены особенности распределения количественных показателей аффективности в зависимости от частеречной характеристики слов; подробно описан аффективный профиль абстрактных и конкретных слов, который, с одной стороны, указывает на некоторые специфические особенности русского языка в сравнении с другими языками, с другой стороны, — на общезыковые тенденции. Кроме того, аффективные особенности описаны на основе анализа регулярных тематических групп, что позволило определить зависимость распределения слов по параметрам *valence*, *arousal*, *dominance* от их лексико-семантических особенностей. Проведенный комплекс исследований демонстрирует возможности использования разработанной базы данных аффективных параметров VAD для русского языка.

Ключевые слова: аффективные параметры, *arousal*; *dominance*, *valence*, абстрактность, конкретность

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00570, <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>.

История статьи: дата поступления: 03.03.2025; дата приема в печать: 15.06.2025.

© Вольская Ю.А., Токсубаева А.А., Соловьев В.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Вольская Ю.А., Токсубаева А.А., Соловьев В.Д. Аффективные нормы VAD для русского языка: корреляция с рейтингами абстрактности/конкретности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1225–1241. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1225-1241>

Affective VAD Norms for Russian: Correlation with Abstractness/Concreteness Ratings

Yu.A. Volskaya , A.A. Toksubaeva , V.D. Solovyev

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

 kovaleva95julia@mail.ru

Abstract. The relationship between the classical affective parameters *valence*, *arousal*, *dominance* and abstractness/concreteness indicators has been conducted on the material of a fairly large number of languages since the end of the 20th century, the implementation of which is conditioned by the availability of specialized resources with quantitative indicators of these affective parameters. For the Russian language, a database of affective norms containing ratings for 1000 words was created recently. At the same time, the availability of a database of abstractness/concreteness ratings allows us to consider the relationship between affective parameters and lexical-semantic and grammatical properties using the material of the Russian language. The main objective of this study is to analyze the correlation between the three affective indicators *valence*, *arousal*, *dominance* and abstractness/concreteness ratings. In the article, a qualitative analysis of lexical units is confirmed by quantitative data. As a result of the study, the features of the distribution of quantitative indicators of affectivity depending on the part-of-speech characteristics of words were revealed. The affective profile of abstract and concrete words is described in detail, which, on the one hand, indicates some specific features of the Russian language in comparison with other languages, and on the other hand, general language tendencies. In addition, the affective features are described based on the analysis of regular thematic groups, which made it possible to determine the dependence of the distribution of words by the parameters *valence*, *arousal*, *dominance* on their lexical and semantic features. The conducted complex of studies demonstrates the possibilities of using the developed database of affective parameters VAD for the Russian language.

Key words: affective parameters, arousal; dominance, valence, abstractness, concreteness

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Financing: The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00570, <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>).

Article history: received: 03.03.2025; accepted: 15.06.2025.

For citation: Volskaya, Yu.A., Toksubaeva, A.A., & Solovyev, V.D. (2025). Affective VAD Norms for Russian: Correlation with Abstractness/Concreteness Ratings. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1225–1241. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1225-1241>

Введение

Исследования последних лет свидетельствуют о возросшем интересе как к изучению аффективных параметров *valence* (позитивность/негативность), *arousal* (интенсивность проявления эмоций), *dominance* (доминантность или

сила)¹, восходящих к классическим шкалам Ч. Осгуда [1], и созданию специализированных баз данных аффективных норм [2–14, 20–22], так и к частным исследованиям, посвященным изучению корреляции между аффективными и семантическими параметрами [15–21] (подробный обзор данных см. в [22]).

Разработка объемных баз данных слов с аффективными рейтингами [2; 3; 7] выявила проблему несоответствия выводов касательно характера корреляции между тремя шкалами VAD — *valence*, *arousal*, *dominance* и параметрами абстрактности/конкретности. Появление новых ресурсов, которые создавались на основе альтернативной методики, например, NRC VAD Lexicon [8; 14], разработанной на основе метода «Best–worst scaling» (BWS), открывает возможность для новых исследований, которые, вероятно, позволят внести ясность в вопрос о корреляции между указанными параметрами.

Исследования на материале аффективных норм различных языков проводятся достаточно давно [23]. Однако для русского языка ресурс, содержащий числовые показатели рейтингов по шкалам *valence*, *arousal*, *dominance* (далее — VAD), был создан недавно [22]. Наличие указанной базы данных, а также базы данных рейтингов абстрактности и конкретности, которая была подробно описана в [24], позволяет на материале русского языка изучить взаимосвязь аффективных параметров с семантическими и грамматическими характеристиками слов.

Основная цель настоящей работы состоит в анализе взаимосвязи аффективных параметров VAD с рейтингами абстрактности/конкретности. Данная цель подразумевает следующий комплекс исследований: во-первых, корреляционный анализ указанных параметров; во-вторых, выявление зависимости аффективных параметров от частеречных характеристик слов; в-третьих, анализ тематических групп существительных в связи с аффективными параметрами.

Обзор литературы

Впервые взаимосвязь между абстрактностью/конкретностью слов и их аффективными параметрами была отмечена в [25]; авторы предположили, что абстрактные слова с большей вероятностью имеют прямую связь с эмоциональными состояниями. В дальнейшем эта идея получила развитие в зарубежных исследованиях, подробный обзор см. в [4; 5].

В частности, в ряде работ [5; 26] постулируется взаимосвязь между показателями конкретности, образности (*imageability*) и некоторыми другими параметрами. Вместе с тем следует подчеркнуть, что несмотря на значительные успехи в данной области (в частности, создание многочисленных весьма значительных по объему и учитывающих разные аффективные и лексико-семантические параметры баз данных аффективной лексики для разных языков), выводы о взаимосвязи между аффективными переменными и конкретностью

¹ Далее в тексте статьи наименования этих шкал будут приводиться на английском языке.

/ абстрактностью на настоящее время представляются довольно общими, а иногда и противоречивыми.

В аспекте темы настоящего исследования важны работы [16; 27], которые указывают на то, что аффективная окраска играет большую роль при обработке именно абстрактных слов, нежели чем конкретных, а следовательно, показатели по шкалам VAD должны быть выше у слов с высоким рейтингом абстрактности, у конкретных слов эти показатели будут в большей степени нейтральными.

Подобные выводы получены при анализе взаимосвязи между аффективными показателями и рейтингами абстрактности на материале 1400 слов испанского языка [4] и 1100 слов китайского языка [5]. В работах отмечена сильная корреляция между такими переменными, как конкретность и образность, а также подтверждается идея, что абстрактные слова могут быть более эмоционально окрашенными, чем конкретные, кроме того, абстрактные слова чаще вызывают активное проявление эмоций, т.е. есть имеют высокий рейтинг по шкале *arousal* [4], а нейтральные слова, как правило, более конкретны [5].

Однако исследование на материале объемной базы данных аффективных норм английского языка продемонстрировало иные результаты. База данных, представленная в [2], расширяет ставшую в некотором роде классической ANEW (1999) с 1034 до 13915 английских общеупотребительных лексем. Результаты данного исследования демонстрируют, что конкретные слова, а не абстрактные, обладают более высокими показателями по шкале *valence*. Похожие результаты получены для базы данных испанского языка [3], которая включает 14031 слов. Проведенный анализ доказывает, что рейтинг *valence* растет при возрастании показателя конкретности, а рейтинг *arousal* увеличивается при более высоких показателях абстрактности, т.е. конкретные слова чаще оцениваются как позитивные, а абстрактные — как слова, вызывающие активную эмоциональную реакцию при восприятии [3].

Таким образом, противоречия в выводах в основном касаются шкалы *valence*. Для многих языков данные корреляций между позитивностью и конкретностью отличаются, что может быть обусловлено разными подходами к исследовательскому материалу и объемом самого материала. Одним из ответов, который объясняет противоречие в данных, может быть гипотеза, описанная в работе [26], согласно которой абстракцию следует рассматривать как сложную многоуровневую конструкцию.

Материалы и методы исследования

Основным материалом исследования является недавно созданная на основе массовых опросов на платформе «Яндекс. Задания» база данных аффективных параметров VAD, содержащая 1000 слов, где шкала *valence* указывает на степень позитивности/негативности эмоциональной окраски слова, *arousal* — на степень активности/пассивности эмоциональной реакции при

восприятию стимульного слова, *dominance* — на степень ощущения силы (контроля)/слабости (бесконтрольности) при восприятии слова. Подробно разработка данного ресурса описана в [22]. Для анализа корреляции между аффективными рейтингами с параметром, указывающим на абстрактность слова, использовалась база данных рейтингов абстрактности/конкретности, описанная в [24].

Все оценки были получены на основе шкалы Лайкерта от 1 до 5. Для более детального анализа оценки по всем параметрам мы разделили на следующие условные интервалы:

1) от 1 до 2,4 — низкий рейтинг по шкале *абстрактности, arousal*, т.е. это слова, вызывающие пассивное проявление эмоций («я спокоен»), *dominance* («я ощущаю слабость и подконтрольность»), *valence* (слова с негативной окраской);

2) от 2,5 до 3,4 — средний рейтинг, нейтральные слова по всем четырем шкалам;

3) от 3,5 до 5 — высокий рейтинг по шкале *абстрактности, arousal* («я возбужден»), *dominance* («я ощущаю силу, контролирую ситуацию»), *valence* (слова с позитивной окраской).

Результаты исследования и их обсуждение

Корреляционный анализ показателей VAD с рейтингами абстрактности

При исследовании осгудовских параметров на материале других языков отдельно рассматривался вопрос о взаимосвязи этих аффективных норм с характеристиками слов по шкале абстрактности/конкретности. Как указывалось в обзоре, некоторые данные оказались противоречивыми. Рассмотрим, как коррелируют указанные параметры на материале русского языка.

Во-первых, проанализируем взаимосвязь рейтингов абстрактности с показателями по шкале *valence*. Наблюдается слабая положительная корреляционная связь: $r = 0,129$, $\rho = 0,141^2$.

Как видно на диаграмме рассеяния (рис. 1), высокие показатели *valence* встречаются и среди очень абстрактных (3,5–5) и среди очень конкретных слов (1–2,4). При этом самые низкие показатели *valence* зафиксированы среди конкретных слов с рейтингом 1,6 до 2,4.

Рассмотрим несколько подробнее отдельно слова с высоким (3,5–5) и низким рейтингом абстрактности (1–2,4). В табл. 1 — основные количественные данные по всем трем аффективным шкалам.

² Здесь и далее будет рассматриваться корреляционная связь по Пирсону и Спирмену.

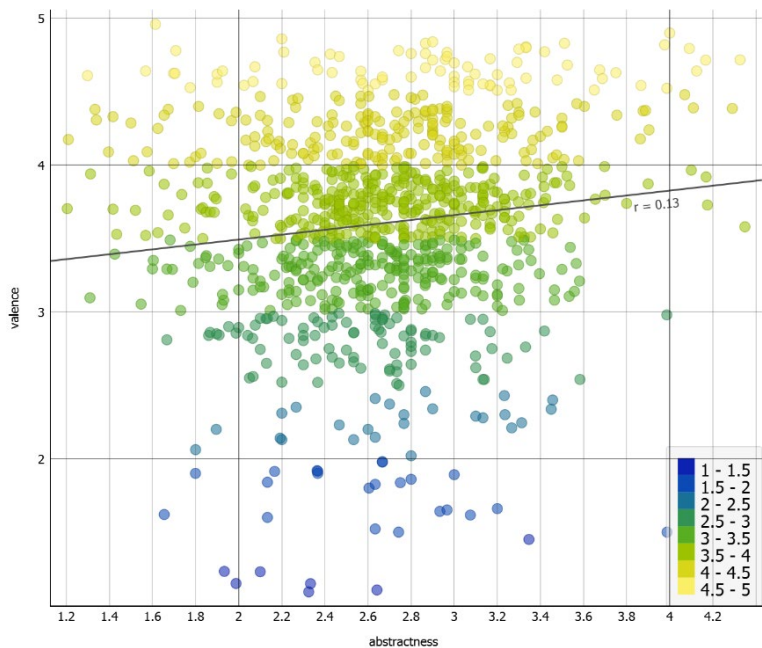

Рис. 1. Корреляция между рейтингами valence и абстрактности/конкретности

Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.

Figure 1. Correlation between valence and abstractness/concreteness ratings

Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solovyeu.

Таблица 1. Распределение рейтингов VAD в зависимости от степени абстрактности слов

Table 1. Distribution of VAD ratings depending on the degree of abstractness of words

	Конкретные слова / Concrete words (303)	Средний рейтинг / Average rating (633)	Абстрактные слова / Abstract words (62)
Valence 3,5– 5	178 (58,75 %)	418 (66,03 %)	49 (79,03 %)
Valence 2,5–3,4	106 (34,98 %)	184 (29,07 %)	10 (16,13 %)
Valence 1–2,4	19 (6,27 %)	31 (4,9 %)	3 (4,84 %)
Dominance 3,5–5	93 (30,69 %)	227 (35,86 %)	29 (9,57 %)
Dominance 2,5–3,4	181 (59,74 %)	339 (53,55 %)	67 (10,58 %)
Dominance 1–2,4	29 (9,57 %)	25 (40,32 %)	6 (9,68 %)
Arousal 3,5–5	110 (36,3 %)	218 (34,44 %)	30 (48,39 %)
Arousal 2,5–3,4	154 (50,83 %)	365 (57,66 %)	28 (45,16 %)
Arousal 1–2,4	39 (12,87 %)	50 (7,9 %)	4 (6,45 %)

Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.

Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solovyeu.

Между словами с рейтингом конкретности от 1 до 2,4 и показателями *valence* наблюдается отрицательная корреляционная связь, $r = -0,138$, $\rho = -0,113$, то есть конкретные слова в большинстве случаев воспринимаются как позитивные.

Между абстрактными словами с рейтингом от 3,5 до 5 и показателями *valence* фиксируется положительная умеренная корреляционная связь: $r = 0,283$, $p = 0,363$. Как и конкретные слова, абстрактные чаще оценивались как более позитивные. Всего 3 абстрактных слова имеют низкий рейтинг *valence*, т.е. расцениваются как негативные: *конец*, *обязанный*, *уголовный*. При этом, как видно из табл. 1, среди абстрактных слов больше позитивных, чем среди конкретных (79–59 %). Кроме того, ряд исследований подтверждает, что именно абстрактные слова имеют более высокую степень *valence*, в то время как среди конкретных чаще встречаются слова с нейтральной эмоциональной окраской [4; 5; 20]. По нашим данным нейтральные слова по шкале *valence* среди абстрактных встречаются в 16 % случаев, среди конкретных — в 35 %.

Во-вторых, рассмотрим взаимосвязь между показателями абстрактности и *dominance*. Фиксируется слабая положительная связь: $r = 0,111$, $p = 0,113$. На диаграмме (рис. 2) видно, что конкретные слова получали чаще средний рейтинг по шкале *dominance*, чем абстрактные.

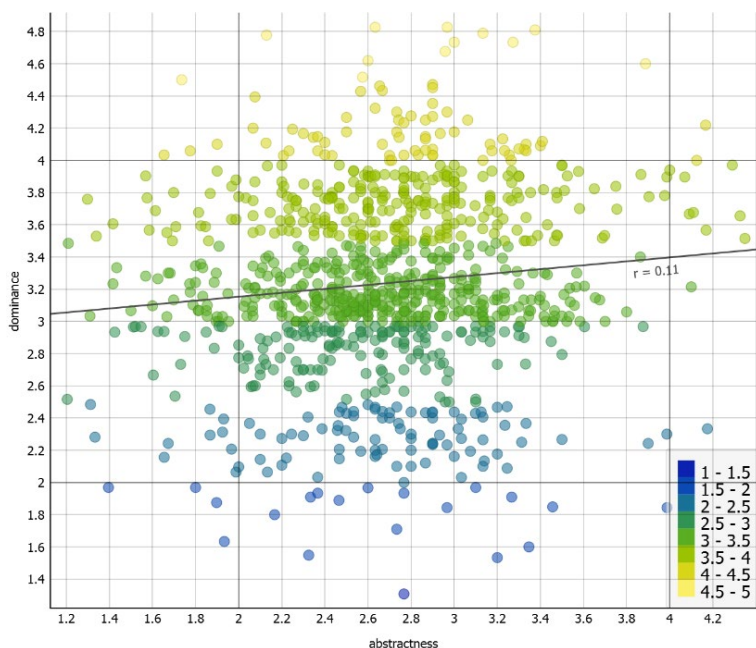

Рис.2. Корреляция между рейтингами абстрактности/конкретности и *dominance*

Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.

Figure 2. Correlation between dominance and abstractness/concreteness ratings

Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solov'yev.

Незначительная положительная корреляционная связь фиксируется между конкретными словами и рейтингом *dominance*: $r = 0,074$, $p = 0,081$. Между абстрактными словами и рейтингом *dominance* наблюдается слабая положительная связь: $r = 0,210$, $p = 0,290$.

Как видно по табл. 1, среди абстрактных слов чаще, чем среди конкретных, встречаются слова с высоким рейтингом *dominance*, то есть абстрактные слова чаще, чем конкретные вызывают ощущение силы, а конкретные по шкале *dominance* чаще нейтральные. О подобных выводах свидетельствуют и данные, полученные на материале англоязычной базы данных, согласно которым между шкалой *dominance* и показателем конкретности/абстрактности обнаружена отрицательная корреляционная связь, т.е. чем выше конкретность, тем ниже *dominance*, при возрастании абстрактности — *dominance* становится выше [2].

В-третьих, проанализируем взаимосвязь конкретности/абстрактности с параметром *arousal*. Между показателями выявлена слабая незначительная корреляционная связь: $r = 0,093$, $p = 0,081$ (рис. 3). Как видно, достаточно много и конкретных и абстрактных слов получили нейтральную оценку по параметру *arousal*.

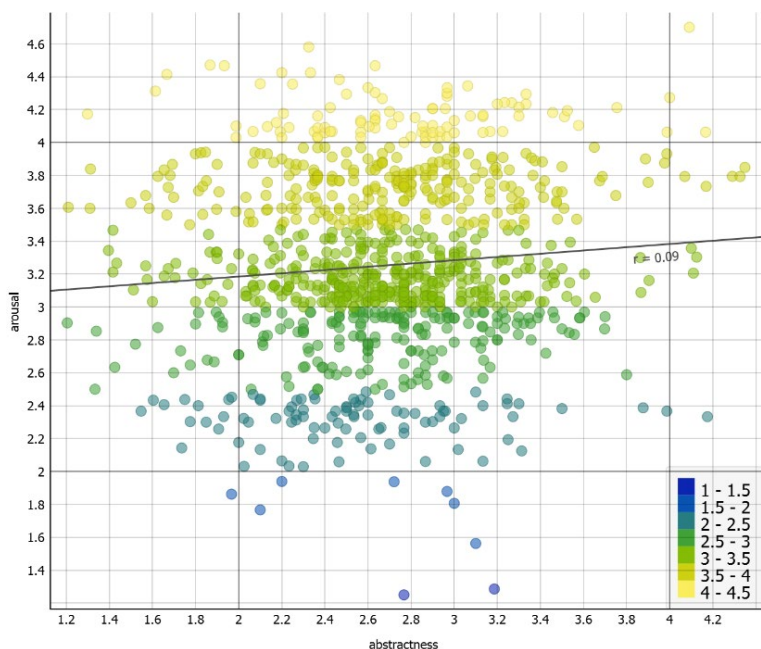

Рис. 3. Корреляция между рейтингами абстрактности/конкретности и arousal

Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.

Figure 3. Correlation between arousal and abstractness/concreteness ratings

Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solovyev.

Однако среди абстрактных слов чаще, чем среди конкретных, встречаются высокие показатели *arousal*, т.е. абстрактные слова чаще, чем конкретные, вызывают активное проявление эмоций и реже пассивное и нейтральное. К подобным выводам пришли и при анализе слов на испанском [4] и китайском [5] языках.

Между конкретными словами и показателями *arousal* фиксируется слабая и незначительная связь: $r = 0,033$, $p = 0,066$. Между абстрактными словами и показателями *arousal* выявляется более сильная корреляционная связь: $r = 0,196$, $p = 0,202$. Всего 4 абстрактных слова получили низкий рейтинг *arousal*: *судьба, левый, лесной, обратный*.

Таким образом, в нашей выборке абстрактные слова чаще, чем конкретные, оценивались как **позитивные** (высокий рейтинг *valence*), вызывающие **интенсивное проявление эмоций** (высокий рейтинг *arousal*) и ощущение **силы** (высокий рейтинг *dominance*). Результаты корреляции по шкалам *arousal* и *dominance* соотносятся с данными, полученными на материалах английского [2], китайского [5], испанского языков [3, 4], но противоречат касательно шкалы *valence* по результатам, описанным в работах на материале больших корпусных данных [2, 3].

Грамматическая характеристика слов с рейтингами по шкалам VAD

Во многих исследованиях аффективные параметры слов изучаются и на грамматическом уровне, что позволяет рассматривать особенности морфосинтаксической обработки предложений [28; 29]. Для выявления грамматических особенностей в связи с аффективными характеристиками слов нами был проведен количественный анализ распределения рейтингов в зависимости от частеречных характеристик (табл. 2).

Таблица 2. Распределение рейтингов в зависимости от части речи слов
Table 2. Distribution of ratings depending on the part of speech of words

	Существительные / Nouns	Прилагательные / Adjectives	Глаголы / Verbs
Общее количество / Total quantity	334	331	333
Абстрактность / Abstractness 1–2,4	149 (44,61 %)	69 (20,85 %)	85 (25,53 %)
Абстрактность / Abstractness 2,5–3,4	144 (43,11 %)	244 (73,72 %)	245 (73,57 %)
Абстрактность / Abstractness 3,5–5	41 (12,28 %)	18 (5,44 %)	3 (0,9 %)
Valence 1–2,4	10 (2,99 %)	25 (7,55 %)	18 (5,41 %)
Valence 2,5–3,4	83 (24,85 %)	105 (31,72 %)	111 (33,33 %)
Valence 3,5–5	241 (72,16 %)	201 (60,73 %)	204 (61,26 %)
Arousal 1–2,4	43 (12,87 %)	38 (11,48 %)	12 (3,6 %)
Arousal 2,5–3,4	176 (52,69 %)	174 (52,57 %)	197 (59,16 %)
Arousal 3,5–5	115 (34,43 %)	119 (35,95 %)	124 (37,24 %)
Dominance 1–2,4	20 (5,99 %)	57 (17,22 %)	25 (7,51 %)
Dominance 2,5–3,4	201 (60,18 %)	160 (48,34 %)	184 (55,26 %)
Dominance 3,5–5	113 (33,83 %)	114 (34,44 %)	124 (37,24 %)

Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.

Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solov'yev.

На гистограмме (рис. 4), где S — существительные, A — прилагательные, V — глаголы, наглядно видно, что срединные значения по шкале абстрактности (*abstractness*) преобладают у глаголов и прилагательных, что, безусловно, объясняется грамматическими особенностями этих частей речи в русском языке.

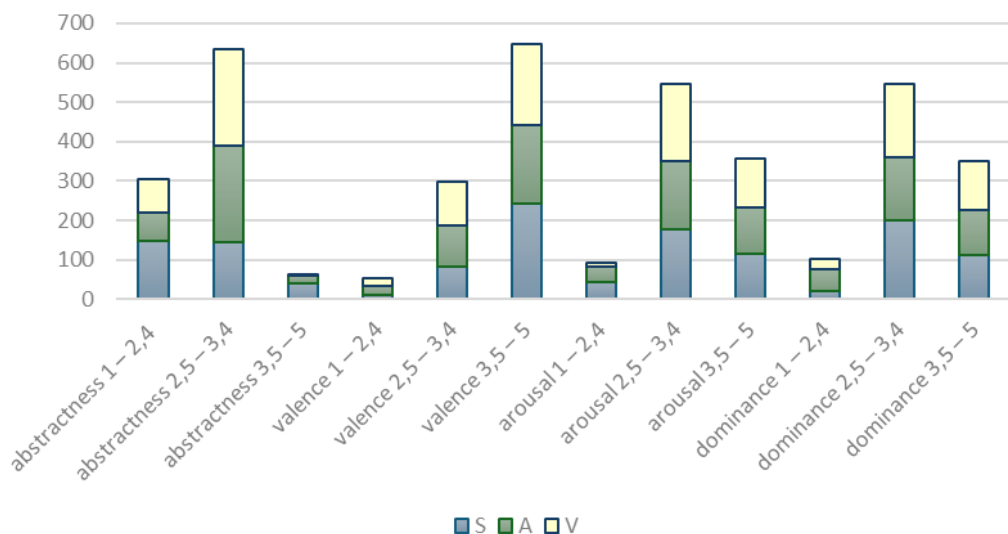

Рис. 4. Распределение слов разных частей речи

Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.

Figure 4. Distribution of words of different parts of speech

Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solovyev.

Кроме того, если примерно 20–26 % как глаголов, так и прилагательных расценивались как слова с признаками конкретности, то высокие рейтинги абстрактности очень редко встречаются среди слов этих частей речи (глаголы — 0,9 %, прилагательные — 5 %). Рейтинги по шкале *valence* равномерно распределены среди слов разных частей речи, т.е. этот аффективный показатель не значительно зависит от частеречной характеристики слов. Низкими показателями *arousal* было оценено всего приблизительно 4 % глаголов, в то время как наблюдается 13 % существительных с таким рейтингом и 12 % прилагательных. Вероятно, это обусловлено основным грамматическим значением глагола: действие связывается с более активным проявлением эмоциональной реакции. Низкие показатели *dominance* чаще встречаются у прилагательных (17 %), чем глаголов (8 %) и существительных (6 %), т.е. наименования качеств, признаков чаще при восприятии связываются с ощущением слабости, подконтрольности. Таким образом, значительные отличия в распределении рейтингов среди частей речи касаются показателей по шкале абстрактности/конкретности (наличие большего количества средних показателей абстрактности среди прилагательных и глаголов, чем среди существительных), поскольку в русском языке, этот параметр во многом

связан с грамматическими характеристиками слов и свойственен именам существительным.

Семантическая характеристика слов с рейтингами по шкалам VAD

Для выявления особенностей аффективных параметров в связи с лексико-семантическими особенностями слов были выделены явные тематические группы в зависимости от частеречной характеристики. В данной работе будут рассмотрены тематические группы существительных с высоким рейтингом абстрактности и конкретности.

Среди существительных с высоким рейтингом конкретности (1–2,4) выявлено 11 регулярных тематических групп, т.е. таких групп, в которые попадет хотя бы 4 % слов от общего списка существительных с высоким рейтингом конкретности. Всего на группы было распределено 109 существительных с высоким рейтингом конкретности. Среди существительных с высоким рейтингом абстрактности (3,5–5) 30 слов можно объединить в 6 тематических групп.

Рассмотрим распределение указанных тематических конкретных существительных в зависимости от аффективных параметров (рис. 5): а) valence и arousal; б) dominance и arousal; в) valence и dominance.

Важно заметить, что база данных рейтингов абстрактности/конкретности разрабатывалась на основе субъективных оценок в рамках массовых опросов среди носителей русского языка. В связи с этим некоторые лексемы, которые традиционно по критериям разграничения лексико-грамматических разрядов относятся к абстрактным существительным, получили рейтинг конкретности. Проведенные исследования [24] показали, что наличие сенсорного компонента (напр., событийно-результативная семантика; наличие семантического компонента, который указывает на реализацию названного понятия через конкретный, осязаемый образ) в семантической структуре слова в большей степени влияло на оценку респондентов. Именно поэтому среди существительных с рейтингом конкретности определяется тематическая группа «абстрактные понятия», в которую вошли такие лексемы, как *результат*, *число*, *половина* и др. Результаты коррелируют с подобной базой данных для английского языка [30].

Среди конкретных существительных обнаруживается 13 слов, которые имеют высокие показатели по всем трем аффективным шкалам: *миллион*, *страна*, *роман*, *море*, *ребенок*, *мужчина*, *женщина*, *специалист*, *товарищ*, *мама*, *сын*, *родитель*, *семья*. Это позитивные слова, которые вызывают ощущение силы и активное проявление эмоций. Ни одно слово не получило низкие рейтинги сразу по трем шкалам. Лексемы *старик*, *доктор* имеют низкий рейтинг по шкале *arousal*, *dominance* и нейтральный показатель *valence*. Кроме того, 11 слов имеют средний рейтинг по всем трем шкалам. Например, наименования частей тела и абстрактные понятие, как правило, нейтральные

слова. Всего три слова, *двор*, *глаз*, *век* — каждое из разных категорий, оказались отрицательными (низкий показатель *valence*) и получили средний *arousal* и *dominance*.

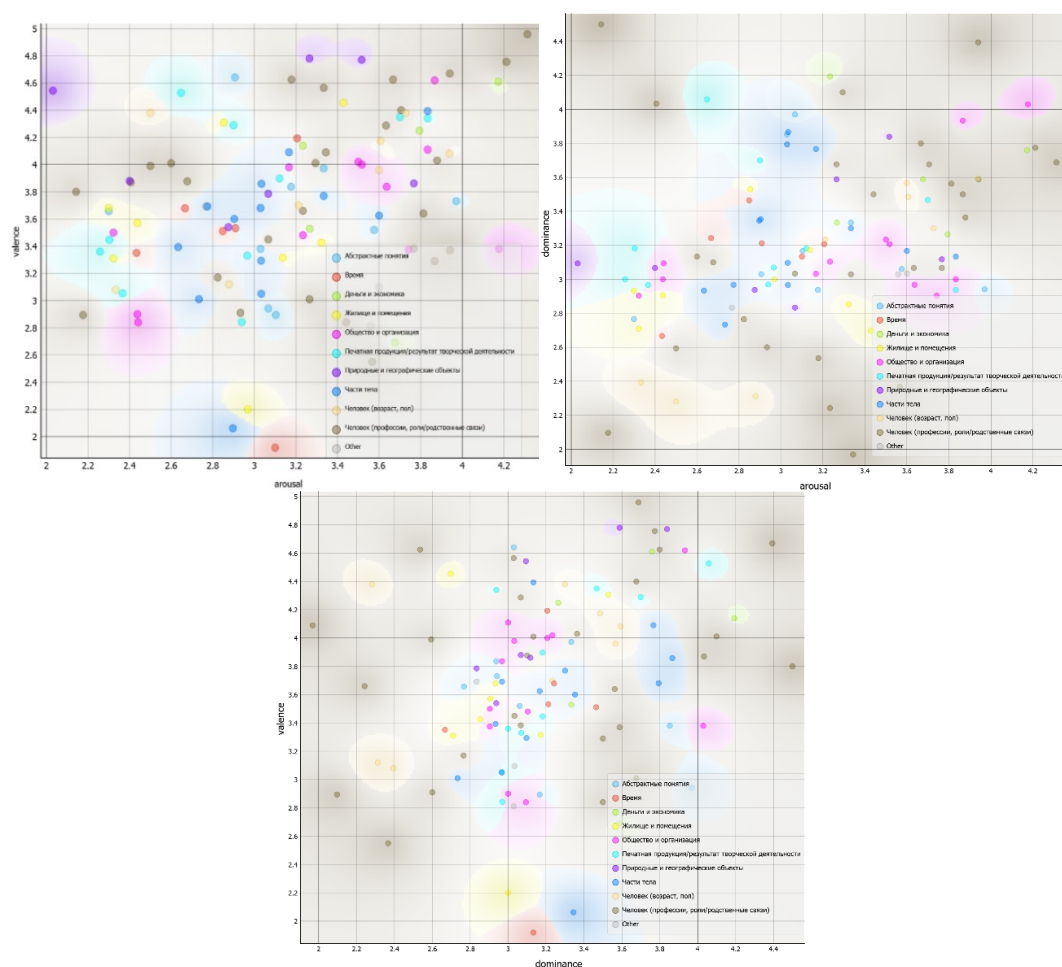

Рис. 5. Распределение конкретных слов разных тематических групп
 Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.
Figure 5. Distribution of concrete words from different thematic groups
 Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solovvey.

Рассмотрим распределение тематических групп абстрактных существительных в зависимости от аффективных параметров (рис. 6): а) *valence* и *arousal*; б) *dominance* и *arousal*; в) *valence* и *dominance*.

Среди абстрактных существительных, как и среди конкретных, 13 слов имеют высокий рейтинг по всем шкалам: *изменение*, *создание*, *развитие*, *знание*, *желание*, *чувство*, *бог*, *вера*, *дух*, *свобода*, *счастье*, *надежда*, *любовь*. Низкий рейтинг *arousal* и *dominance* получило слово *судьба*. Три слова имеют средний рейтинг по трем шкалам: *модель*, *соответствие*, *представление*. Ни

одно слово не получило низкий рейтинг *valence*, т.е. все слова с высоким рейтингом абстрактности, которые удалось распределить на тематические группы, являются нейтральными или позитивными. Рассмотрим самую многочисленную группу — «психические процессы и состояния». Все эти слова имеют высокий рейтинг *valence* и средний или высокий *arousal* и *dominance*. Например, *желание, чувство, знание* вызывают активное проявление эмоций при восприятии; *представление, состояние, память, сознание, мысль* — нейтральные по шкале *arousal*. Большая часть слов, называющих категории для осмысления мира, имеют средний рейтинг по трем шкалам. Обратим внимание на наименования эмоциональных состояний, которые имеют одни из самых высоких рейтингов по всем шкалам. Слова группы «религия и метафизика» также имеют высокий показатель по всем трем шкалам. Это позитивные слова, которые вызывают ощущение силы и активное проявление эмоциональной реакции.

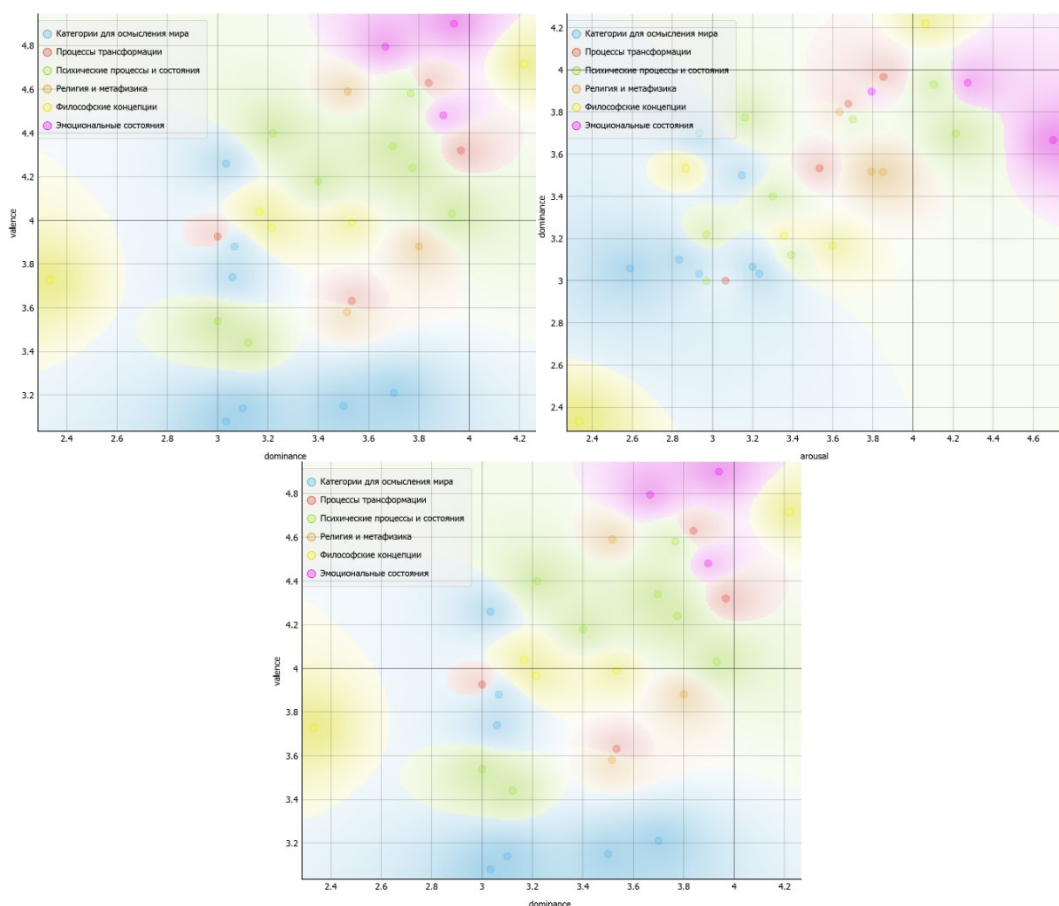

Рис. 6. Распределение абстрактных слов разных тематических групп
 Источник: составлено Ю.А. Вольской, А.А. Токсубаевой, В.Д. Соловьевым.

Figure 6. Distribution of abstract words from different thematic groups

Source: compiled by Yu.A. Volskaya, A.A. Toksubaeva, V.D. Solov'yev.

Заключение

В рамках данного исследования был рассмотрен вопрос о взаимосвязи аффективных показателей VAD с рейтингами абстрактности/конкретности в аспекте грамматических и лексико-семантических особенностей.

Во-первых, была обнаружена следующая взаимосвязь указанных показателей: слова с высоким рейтингом абстрактности — это, как правило, позитивные слова, вызывающие активное проявление эмоций и ощущение силы / контроля, в то время как конкретные чаще оказываются нейтральными словами по трем аффективным шкалам. Эти данные коррелируют с рядом зарубежных исследований, которые проводились на схожей выборке слов. Кроме того, наши выводы также связаны с теорией о большей взаимосвязи аффективных параметров с абстрактными словами.

Во-вторых, при анализе распределения аффективных показателей и рейтингов абстрактности в зависимости от части речи слов было выявлено, что параметр абстрактности/конкретности является наиболее зависимым от частеречной характеристики: среди глаголов и прилагательных, в отличие от существительных, очень редко встречаются слова с высоким рейтингом абстрактности или конкретности, что, конечно, объясняется особенностями грамматической системы русского языка.

В-третьих, анализ существительных по тематическим группам позволил продемонстрировать особенности распределения аффективных параметров слов в зависимости от их лексико-семантических особенностей. Например, нейтральными словами по одной или нескольким шкалам чаще всего оказывались лексемы из тематических групп «профессии и роли», «категории осмысления мира», «части тела», «общество и организации», «абстрактные понятия», «жилище и помещение». Кроме того, было выявлено, что среди конкретных существительных, которые были распределены на группы, 12 % слов имеют высокий рейтинг по трем аффективным параметрам, 10 % — средний. В целом, 23 % конкретных существительных по какой-либо из шкал или по нескольким имеют низкий рейтинг. Среди абстрактных субстантивов 43 % имеют высокий рейтинг по трем шкалам, 10 % — средний. Только одно слово (3 %) по двум шкалам имеет низкий рейтинг. Таким образом, проведенный анализ на описанной выборке слов продемонстрировал, что существительные с рейтингом абстрактности чаще имеют высокие рейтинги по всем трем шкалам. При этом среди конкретных существительных значительно чаще встречаются слова с низким рейтингом по одному или нескольким аффективным параметрам.

Итак, настоящее исследование продемонстрировало взаимосвязь между аффективными оценками VAD и показателями абстрактности/конкретности, которая соотносится с данными, полученными на материале ряда других языков на схожей по объему выборке слов. Кроме того, исследование показывает определенную зависимость аффективных параметров от грамматических и

лексико-семантических особенностей слов. Разработанная база данных аффективных норм VAD расширяет поле для когнитивных и психолингвистических исследований на материале русского языка. База данных находится в открытом доступе: <https://ifmk.kpfu.ru/laboratory/lingvistika-i-iskusstvennyj-intellekt/>.

Библиографический список / References

1. Osgood, C.E., Suci, G. & Tannenbaum, P. (1957). *The measurement of meaning*. Urbana IL: University of Illinois Press.
2. Warriner, A.B., Kuperman, V. & Brysbaert, M. (2013). Norms of valence, arousal, and dominance for 13,915 English lemmas. *Behavior Research Methods*, 45, 1191–1207. <https://doi.org/10.3758/s13428-012-0314-x> EDN: TPNYEF
3. Stadthagen-Gonzalez, H., Imbault, C., Pérez Sánchez, M.A., & Brysbaert, M. (2016). Norms of valence and arousal for 14,031 Spanish words. *Behavior Research Methods* 49, 111–123. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0700-2>EDN: WIOWDK
4. Guasch, M., Ferré, P., & Fraga I. (2016). Spanish norms for affective and lexico-semantic variables for 1,400 words. *Behavior Research Methods*, 48, 1358–1369. <https://doi.org/10.3758/s13428-015-0684-y> EDN: TXRANK
5. Yao, Zh., Wu, J., Zhang, Y., & Wang, Zh. (2017). Norms of valence, arousal, concreteness, familiarity, imageability, and context availability for 1,100 Chinese words. *Behavior Research Methods*, 49, 1374–1385. <https://doi.org/10.3758/s13428-016-0793-2> EDN: UQLUCD
6. Xu, Xu, Li, J., & Chen, H. (2021). Valence and arousal ratings for 11,310 simplified Chinese words. *Behavior Research Methods*, 54, 26–41. <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01607-4> EDN: MHXNCG
7. Speed, L.J., & Brysbaert, M. (2024). Ratings of valence, arousal, happiness, anger, fear, sadness, disgust, and surprise for 24,000 Dutch words. *Behavior Research Method*, 56, 5023–5039. <https://doi.org/10.3758/s13428-023-02239-6> EDN: LTRBZO
8. Mohammad, S.M. (2025). NRC VAD Lexicon v2: Norms for Valence, Arousal, and Dominance for over 55k English Terms. *arXiv*, *arxiv preprint:2503.23547*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.23547>
9. Moors, A., Houwer, D. J., Hermans, D., Wanmaker, S., Schie, van K., Harmelen, A., Schryver, M., Winne, J., & Brysbaert, M. (2012). Norms of valence, arousal, dominance, and age of acquisition for 4,300 Dutch words. *Behavior Research Methods*, 45, 169–177. <https://doi.org/10.3758/s13428-012-0243-8> EDN: LNBPTW
10. Monnier, C., & Syssau, A. (2013). Affective Norms for French Words (FAN). *Behavior Research Methods*, 46, 1128–1137. <https://doi.org/10.3758/s13428-013-0431-1> EDN: JBGEJQ
11. Montefinese, M., Ambrosini, E., Fairfield, B., & Mammarella, N. (2013). The adaptation of the Affective Norms for English Words (ANEW) for Italian. *Behavior Research Methods*, 46, 887–903. <https://doi.org/10.3758/s13428-013-0405-3> EDN: BMOMBY
12. Imbir, K.K. (2016). Affective Norms for 4900 Polish Words Reload (ANPW_R): Assessments for valence, arousal, dominance, origin, significance, concreteness, imageability and, age of acquisition. *Frontiers in Psychology*, 7, 1–18. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01081>
13. Čoso, B., Guasch, M., Ferré, P., & Hinojosa, J. A. (2019). Affective and concreteness norms for 3,022 Croatian words. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 72(9), 2302–2312. <https://doi.org/10.1177/1747021819834226>
14. Mohammad, S.M. (2018). Obtaining Reliable Human Ratings of Valence, Arousal, and Dominance for 20,000 English Words. In: *Proceedings of the 56th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (Iss. 1, pp. 174–184). Melbourne. <https://doi.org/10.18653/v1/P18-1017>

15. Barber, H.A., Otten, L.J., Kousta, S.T., & Vigliocco, G. (2013). Concreteness in word processing: ERP and behavioral effects in a lexical decision task. *Brain and Language*, 125, 47–53. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2013.01.005>
16. Kousta, S.-T., Vinson, D.P., & Vigliocco, G. (2009). Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition*, 112(3), 473–481. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2009.06.007>
17. Kuperman, V., Estes, Z., Brysbaert, M., & Warriner, A. B. (2014). Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General*, 143(3), 1065–1081. <https://doi.org/10.1037/a0035669>
18. Gao, C., Shinkareva, S. V., & Peelen, M. V. (2022). Affective valence of words differentially affects visual and auditory word recognition. *Journal of Experimental Psychology: General*, 151(9), 2144–2159. <https://doi.org/10.1037/xge0001176> EDN: PWZNOS
19. Kanske, P., & Kotz, S.A. (2010). Leipzig affective norms for German: A reliability study. *Behavior Research Methods*, 42, 987–991. <https://doi.org/10.3758/BRM.42.4.987> EDN: KPOXRR
20. Kousta, S.-T., Vigliocco, G., Vinson, D. P., Andrews, M., & Del Campo, E. (2011). The representation of abstract words: Why emotion matters. *Journal of Experimental Psychology: General*, 140, 14–34. <https://doi.org/10.1037/a0021446>
21. Yao, Z., & Wang, Z. (2013). The effects of the concreteness of differently valenced words on affective priming. *Acta Psychologica*, 143, 269–276. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2013.04.008>
22. Solovyev, V.D., Volskaya, Yu.A. & Toksubaeva, A.A. (2025). Osgood parameter values for 1000 words of the Russian language. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 11(1), 72—106. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-4> EDN: BSOSTN
- Соловьев В. Д., Вольская Ю. А., Токсубаева А. А. Значения осгудовских параметров для 1000 слов русского языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2025. Т. 11. № 1. С. 72—106. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-4> EDN: BSOSTN
23. Bradley, M. M. & Lang P. J. (1999). *Affective Norms for English Words (ANEW): Instruction Manual and Affective Ratings*. Technical report C-1, the center for research in psychophysiology. Gainesville: University of Florida.
24. Solovyev, V.D., Volskaya, Yu.A., Andreeva, M.I. & Zaikin, A.A. (2022). Russian dictionary with concreteness/abstractness indices. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2), 515–549. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29475> EDN: VGEUOE
- Соловьев В.Д., Вольская Ю.А., Андреева М.И., Заикин А.А. Словарь русского языка с индексами конкретности/абстрактности // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 2. С. 515–549. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29475> EDN: VGEUOE
25. Altarriba, J., Bauer, L.M., & Benvenuto, C. (1999). Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotion words. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*, 31, 578–602. <https://doi.org/10.3758/BF03200738> EDN: GJAMZL
26. Iliev, R., & Smirnova, A. (2025). The Valence of Abstraction: A Paradox Revisited. *Journal of Psycholinguistic Research*, 54(1), 4. <https://doi.org/10.1007/s10936-024-10122-4> EDN: TPLUWS
27. Vigliocco, G., Kousta, S.T., Della Rosa, P.A., Vinson, D.P., Tettamanti, M., Devlin, J.T., & Cappa, S.F. (2014). The neural representation of abstract words: The role of emotion. *Cerebral Cortex*, 24, 1767–1777. <https://doi.org/10.1093/cercor/bht025>
28. Hinojosa, J.A., Albert, J., Fernández-Folgueiras, U., Santaniello, G., López-Bachiller, C., Sebastián, M., Sánchez-Carmona, A.J. & Pozo, M.A. (2014). Effects of negative content on the processing of gender information: An event-related potential study. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 14, 1286–1299. <https://doi.org/10.3758/s13415-014-0291-x> EDN: YRFKWQ

29. Martín-Loeches, M., Fernández, A., Schacht, A., Sommer, W., Casado, P., Jiménez-Ortega, L. & Fondevila, S. (2012). The influence of emotional words on sentence processing: Electrophysiological and behavioral evidence. *Neuropsychologia*, 50, 3262–3272. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2012.09.010>

30. Brysbaert, M., Warriner, A.B. & Kuperman, V. (2014). Concreteness ratings for 40 thousand generally known English word lemmas. *Behavior Research Methods*, 46, 904–911. <https://doi.org/10.3758/s13428-013-0403-5> EDN: ENHTNZ

Сведения об авторах:

Вольская Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, квантитативная лингвистика, психолингвистика; *e-mail*: kovaleva95julia@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-5864; SPIN-код: 7085-6726; ScopusID: 57204786678.

Токсубаева Алена Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, история языка; *e-mail*: aabakshaeva42@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4404-7663; SPIN-код: 7680-8448; ScopusID: 57219033523.

Соловьев Валерий Дмитриевич, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Мультидисциплинарные исследования текста», Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *сфера научных интересов*: когнитивная наука, компьютерная лингвистика, сложность текстов; *e-mail*: maki.solovyev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4692-2564; SPIN-код: 5791-3820; ScopusID: 26665013000.

Information about the authors:

Yuliya A. Volskaya, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: applied linguistics, quantitative linguistics, psycholinguistics; *e-mail*: kovaleva95julia@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-5864; SPIN-code: 7085-6726; ScopusID: 57204786678.

Alena A. Toksubaeva, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics at Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: applied linguistics, language history, *e-mail*: aabakshaeva42@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4404-7663; SPIN-code: 7680-8448; ScopusID: 57219033523.

Valery D. Solovyev, Dr.Sc. (Physics and Mathematics), Professor, Chief Researcher of the Multidisciplinary text studies Research Laboratory, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: cognitive sciences, computer linguistics, text complexity; *e-mail*: maki.solovyev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4692-2564; SPIN-code: 5791-3820; ScopusID: 26665013000.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1242-1257

EDN: NJMNTS

Научная статья / Research Article

Номинация персонажей в русских и китайских новостях

М.Д. Воейкова¹, С.В. Краснощекова¹, Ван Илин²

¹Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

 maria.voeikova@gmail.com

Аннотация. Материалом исследования послужили 200 текстов новостей из современных интернет-изданий (100 русских и 100 китайских), отобранных из рубрик «происшествия» и «светская хроника». Анализовались такие типы референциальных выражений, как имена собственные, местоимения, дескрипторы (нарицательные именные группы, описывающие характеристику или принадлежность к классу референта), а также их комбинации и подтипы. Дескрипторы были разбиты на семантические группы: пол, возраст, профессия, должность, страна, город, отношение к другим героям, ситуативная характеристика. Новизна исследования заключается в сопоставительном анализе практики номинации главного героя новостей в двух языках. Выявлены значительные различия в языковом оформлении тематических рубрик, появление которых относится к последним десятилетиям. Показано, что при описании происшествий в обоих языках начальное упоминание героя чаще всего осуществляется через дескриптор, тогда как в светской хронике преобладает сочетание имени и дескриптора. В срединных (2–5) упоминаниях наблюдается чередование имени и дескриптора, а ближе к концу текста возрастает доля местоимений. В китайских новостях о происшествиях значительно чаще, чем в русских, используются обезличенные «неопределенные» имена, часть которых зашифрована. Выявлены различия в семантических предпочтениях при использовании дескрипторов: в китайских текстах лексически маркируется пол персонажа, тогда как в русских текстах в связи с наличием грамматического рода пол не находится в фокусе. В русских новостях о знаменитостях приоритет отдается профессии, в китайских — позиции или рангу. В новостях о происшествиях частотна информация о городе, которая обычно вводится с первого упоминания. Результаты подтверждают, что построение референциальных цепочек, под которыми понимается последовательность языковых выражений, относящихся к одному и тому же лицу, определяется не только грамматическими особенностями языка, но и жанровыми традициями журналистики, а также редакционной политикой СМИ.

Ключевые слова: референция, референциальные цепочки, референциальные выражения, медиаречь

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Воейкова М.Д., Краснощекова С.В., Ван Илин., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: участие И. Ван поддержано проектом университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне «Применение и развитие корпусных технологий в преподавании элементарного курса русского языка», номер утверждения проекта: 24JGY05.

История статьи: дата поступления: 09.04.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Воейкова М.Д., Краснощечкова С.В., Ван Илин. Номинация персонажей в русских и китайских новостях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1242–1257. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1242-1257>

Naming of Actors in Russian and Chinese News

Maria V. Voeikova¹ , Sofia V. Krasnoshchekova¹ , Yiling Wang²

¹Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

²Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China
 maria.voeikova@gmail.com

Abstract. The material of the study consists of 200 news texts from modern online outlets (100 in Russian and 100 in Chinese), selected from two sections: “incidents” and “celebrity news”. The analysis focused on the following types of referential expressions: proper names, pronouns, descriptors (common noun phrases describing a particular characteristic of the referent) as well as their combinations and subtypes (e.g., a descriptor with a name: *actor Ivanov*; a compound descriptor: *a twenty-year-old actor*). Descriptors belong to the following semantic groups: gender, age, profession, position, country, city, relation to other characters, and situational feature. The novelty of the study lies in the comparative analysis of how the main protagonist of a news text is nominated in two languages that differ substantially in grammatical system and journalistic tradition. The results show that in both languages the protagonist of an incident report is typically introduced by a descriptor, whereas in celebrity news the initial reference combines a proper name and a descriptor. In medial (2–5) mentions, alternation between names and descriptors is observed, while closer to the final mentions the share of pronouns increases. In Chinese incident reports, proper names appear significantly more frequently than in Russian ones, typically in the form of anonymized “indefinite” names with concealed elements. Semantic preferences for descriptors also differ: in Chinese texts gender is explicitly marked lexically, whereas in Russian it is not highlighted due to the grammatical category of gender. In Russian celebrity news, profession is the primary marker, while in Chinese texts greater emphasis is placed on rank or position. In incident reports, references to a city are common: in Chinese texts they usually appear from the very first mention, while in Russian texts they occur from the second mention onward. The findings confirm that the structure of referential chains is determined not only by the grammatical features of the language but also by journalistic traditions and editorial policies. The comparison reveals both universal tendencies in the organization of news discourse and language-specific features of Russian and Chinese media communication.

Keywords: reference, referential chains, referential expressions, media discourse

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Funding: the participation of Y. Wang is supported by the project “Application and Development of Corpus Technologies in Teaching Elementary Russian” at Shenzhen MSU-BIT University, with project approval number: 24JGY05.

Article history: received: 09.04.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Voeikova, M.V., Krasnoshchekova, S.V., & Yiling, Wang (2025). Naming of Actors in Russian and Chinese News. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1242–1257. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1242-1257>

Введение. К постановке проблемы

Изменения, произошедшие в последние четыре десятилетия в политической обстановке России, вызвали к жизни новые жанры журналистики, для которых потребовались специальные правила оформления текстов. Частично эти правила вырабатывались стихийно, частично образцом послужили уже сложившиеся традиции западной журналистики. Результаты оказались не до конца удовлетворительными: заимствуя форму текстов, авторы не всегда учитывают языковую специфику и логику развертывания повествования. Мы обратили внимание на возможные нарушения референциальной отнесенности в цепочке наименований действующих лиц, которые встречаются в бытовых заметках, например (1):

(1) *В настоящее время Егор Бероев женат на актрисе Ксении Алферовой, дочке Ирины Алферовой и *падчерицы Александра Абдулова. Они познакомились на съемках сериала «Московские окна» в 2001-м. В 2007 году у них родилась дочь (news.ru, 14.12.2023¹).*

Как видно, в (1) автор перепутал падеж слова *падчерица* (род. вместо предл.), так что получилось, будто бы Ксения Алферова родилась у себя самой. Если сам автор текста не может разобраться в хитросплетении наименований, читатель тем более обречен на неудачу. Между тем номинация и референция были предметом пристального внимания лингвистов в течение многих лет [1; 2], в результате чего уже сложилось представление о нормах использования различных наименований для одного и того же лица в пределах одного отрезка текста, а в последние годы находки в описании референтной отнесенности делались представителями компьютерной лингвистики, занятыми автоматизированной разметкой текстов [3–9]. Основная цель нашего исследования — определить, какие нормы личной референции сложились в российском публицистическом дискурсе в новых тематических рубриках, которые раньше не существовали или редко встречались. Для этого полезно сравнить российскую практику употребления номинаций лиц с современной практикой оформления новостей в других странах. Для сравнения мы выбрали китайскую прессу. По нашему предположению, китайская традиция должна была меньше измениться за последние десятилетия, в то время как в русской публицистике появились заметные новые тенденции в связи с расши-

¹ Все современные примеры взяты из актуальных интернет-изданий. Знаком * отмечены ошибочные формы или номинации.

рением тематики и жанровой специфики новостей. Мы ожидаем максимального контраста по всем параметрам сравнения — разнице в традиции, в редакционных установках и языковой структуре.

Состояние разработки проблемы

Употребление перифрастических выражений для обозначения одного и того же лица или предмета постоянно используется в публицистике. В справочниках для журналистов рекомендуют избегать не только прямых повторов, но и употребления однокоренных слов в близкой позиции, причем называют минимальное расстояние в 200 слов, которое советуют выдерживать между однокоренными словами. «...В публицистической речи нежелательно и даже недопустимо повторение одних и тех же слов. Отсюда обилие синонимов, использование перифрастических выражений, столь характерное для газеты» [10. С. 61]. Рекомендуются также избегать слишком большой плотности местоимений: они «затемняют» текст, приводят к непониманию, ср. (2):

(2) *Гирлянда должна занимать весь периметр ели, важно ее правильно распределить, обезопасить от проводов детей и животных, грамотно скрыть их.* (<https://www.womanhit.ru>, 07.12.2023).

В (2) оба личных местоимения имеют неопределенную референцию; *ее* может относиться и к ели, и к гирлянде, причем, по мнению одних исследователей, антецедентом должна быть *ель*, так как эта именная группа остается в теме высказывания (ср. [11; 12]), а по мнению других, *гирлянда*, так как это ближайшее к местоимению существительное ж. рода [13]. Местоимение *их* в последней клаузе также может относиться к разным референтам (*проводам, детям или животным*). Из-за таких стилистических ошибок в журналистской практике не принято широко использовать анафорические местоимения, которые заменяют перифразами при помощи именных групп, например *мужчина, артист, грабитель, подозреваемый, петербуржец* и т. д. При этом журналистов предупреждают о распространенных ошибках при употреблении перифраз: «если мы напишем в одном предложении «министр», в другом — «чиновник», а в третьем — «госслужащий», читателю будет очень легко сбиться и решить, что речь идет о разных людях, а не об одном и том же. Чтобы не возникало такой путаницы, синонимы для существительных лучше не употреблять. А чтобы соблюсти «территорию слова», можно использовать такое чередование: «должность и фамилия» — «должность» — «фамилия» — «личное местоимение»» [14. С. 278]. Примерно такой порядок компонентов мы обычно и наблюдаем в рассматриваемых цепочках. На практике использование анафорических перифраз часто приводит к путанице: читатель не знает, о каких именно персонажах идет речь и сколько их было, например (3):

(3) *Мужчина вместе с, предположительно, супругой и ребенком пришли к одному из домов и украли можжевельник. Пока жена с ребенком контролировали обстановку вокруг, мужчина спилил дерево. Однако*

когда **семейство** уже собралось уходить вместе с деревом, их заметил случайный прохожий. Он пожал **россиянину** (?) руку, и они разошлись. До этого **москвичи** (?) дважды попытались украсть шампунь в торговом центре. Однако потерпели неудачу и похитили елку. (<https://news.rambler.ru>, 22.12.2023)

В начале отрывка неожиданным оказывается появление номинации *россиянин*. Читатель ничего не знал о гражданстве отца семейства, спилившего можжевельник, поэтому можно предположить, что россиянин — это третий участник ситуации мужского пола. Загадочно выглядит появление неизвестных *москвичей* в конце отрывка: мы не знаем, идет ли речь по-прежнему о семье, своровавшей можжевельник, или о других москвичах, не имеющих отношения к этой истории.

Последняя проблема разрешается на уровне определенности / неопределенности: указание на гражданство или место проживания часто служит для вторичного обозначения лиц в артиклевых языках, но оказывается недостаточным для референции к лицу в русском. Это объяснение Т.А. Майковой [15] представляется очень вероятным, если учесть, что бытовые зарисовки заняли важное место в современных новостях как раз после перестройки и строились по образцу подобных новостей в зарубежной печати. Тогда же были заимствованы и перифрастические обороты, характерные для артиклевых языков, в первую очередь для наиболее широко известного английского.

В.Г. Гак обращал внимание на то, что существует нейтральный, наиболее привычный порядок номинаций в повествовании [16–18; 19. С. 536–554]. Это последовательность $A \rightarrow R \rightarrow D \rightarrow P$, где *A* — абстрактное наименование лица по должности, полу или семейному положению, *R* — обозначение лица по отношению к другим лицам, например *отец этой женщины, сосед мальчика*, *D* — точное указание на лицо при помощи личного имени или прозвища, *P* — местоимение [19. С. 536–539]. В.Г. Гак замечает, что русский язык терпимо относится к лексическим повторам одного и того же наименования, но избегает повтора местоимений [19. С. 530–533]. Как видно, современные тексты новостей часто нарушают устоявшуюся норму.

В последние годы проблема кореференции и вторичной номинации исследовалась также с точки зрения вероятностного анализа компьютерных текстов [11; 12]. При этом были выявлены формальные запреты на употребление именных групп например, что упоминание референта должно быть разнесено по разным клаузам, восстанавливаться из темы (а не из ремы) предшествующего сообщения, есть также ограничения вхождения референта в однородные ряды и в состав других наименований [12]. Эти закономерности соблюдаются и в нашем материале. Серия исследований, посвященная строению и семантическим компонентам перифрастических наименований [20; 21] учитывалась при разметке текстов.

Целью нашей работы является описание референциальных цепочек — последовательных номинаций действующих лиц в новых тематических рубриках современной прессы. По нашему предположению, формирование таких

цепочек зависит от традиции, сложившейся в языковом сообществе и его средствах массовой информации, от языковых особенностей и от тех установок, которые эксплицитно или имплицитно даются журналистам редакторами СМИ. На любом из этих уровней возможно влияние иноязычной прессы, не всегда приводящие к удовлетворительному результату.

Анализ материала

1. Тематическая специфика текстов. Для анализа мы выбрали по 100 коротких текстов из разделов, которые мы условно назвали «Происшествия» и «Светская хроника». Происшествия повествуют о неизвестных людях в необычных обстоятельствах, а светские новости рассказывают об известных читателю лицах (артистах, спортсменах, блогерах), в жизни которых отмечаются не очень значительные события, интересные для определенной части читателей. Эти тематические рубрики в российской печати сформировались недавно по образцу иноязычной прессы.

2. Метод анализа. Соотношение новостных рубрик подсчитывалось следующим образом: в интернет-издании за одни сутки мы подсчитывали долю интуитивно выделенных тематических рубрик на 100 заметок за три различных дня летом 2025 года. Итоговая доля интересующих нас рубрик представляет собой среднее арифметическое из полученных трех показателей. Для описания референциальных цепочек мы использовали специальную систему разметки, которая позволяет выделить группы обозначений по разным признакам. Гипотеза исследования состоит в том, что мы ожидаем количественных различий между российской и китайской прессой как в общей доле сообщений определенного жанра в новостной ленте, так и в соотношении различных типов обозначений внутри референциальных цепочек.

Результаты анализа

1. Тематические рубрики новостных изданий. Наличие тех или иных рубрик в прессе определяется многими внешними факторами: внутренней политикой государства — основного заказчика новостей, редакционной политикой и направлением издания, и — не в последнюю очередь — интересами читателей, так как от них зависит популярность и в конечном итоге рентабельность издания. К переменным факторам относится современная политическая ситуация.

Источником русских новостей послужили сайты «Газета.Ру» (<https://www.gazeta.ru/>, новости о событиях в разных регионах России) и «Фонтанка.ру» (<https://www.fontanka.ru/>, новости г. Санкт-Петербург). Китайским источником, который мы использовали для сравнения, является сайт Tencent News (<https://news.qq.com>). Это комплексная информационная платформа, запущенная компанией Tencent, которая считается одним из крупнейших и самых популярных новостных приложений в Китае. На этой платформе размещаются тексты, написанные журналистами компании Tencent, и делают

репосты с разных новостных сайтов Китая, в том числе из официального информационного агентства КНР — Синьхуа.

Раздел «Происшествия» лидирует по частотности и в китайских, и в русских новостях. Политические и общественные события также вызывают интерес, но в различной степени. Новости, касающиеся политики, общественной жизни и экономики, в русской прессе представлены в меньшем объеме. Зато рассказы о знаменитостях в России предлагаются обывателям в 2,5 раза чаще, чем в Китае. Возможно, это связано со стремлением сделать новостную ленту более легкой, разбавить тревожные новости менее серьезным контентом.

Критерии отбора новостей в современной российской прессе значительно изменились с советских времен, ср. рекомендации для молодых журналистов: «Масштаб события измеряется в людях или в деньгах. Чем больше людей участвовали в мероприятии или пострадали в ЧП, тем скорее эти события попадут в новости» и далее «...если в событии участвует знаменитость, то значимость, масштабность или эмоциональность этого события может быть меньше, а шансы попасть в выпуски новостей у нее столь же велики. Например, кража кошелька, в котором была тысяча рублей, — не новость даже для районного СМИ. Но если кошелек украли у известного политика или звезды эстрады, это уже станет новостью. Чем популярней знаменитость, тем менее ярким может быть событие» [22. С. 41]. Новые рубрики можно отнести к категории «мягких новостей» (термин А.В. Колесниченко), при изложении которых журналист делает акцент не на самом событии (что произошло), а на его деталях и обстоятельствах (как произошло) [14. С. 43; 23. С. 27]. Контраст между редакционной политикой РФ и КНР, как нам представляется, заключается в том, что «мягкие новости» занимают в русской прессе большее пространство, чем в китайской. Предварительные подсчеты подтверждают это предположение: Доля «мягких» новостей всех жанров в китайской прессе не превышает 3,6 %, в то время как в российских СМИ она больше в 2,5 раза (10 %).

2. Особенности строения референциальных цепочек. Мы сгруппировали рассказы по количеству упоминаний главного героя.

В рассказах о знаменитостях первое упоминание героя — это дескриптор, а второе упоминание — личное имя. В рассказах о происшествиях повествование также начинается с дескриптора (например, *молодой человек, прохожий*), а во втором упоминании встречается или другой дескриптор, или местоимение. В составе четырех именных групп обнаружили явные различия между избранными нами тематическими группами: в русских рассказах об известных людях имя героя встречается во всех позициях, либо с дескриптором (*блогерша Тилляева*), либо само по себе (*Брэд Питт*). Выбор простого имени или сочетания имени и дескриптора напрямую зависит от известности лица. Если имя человека выносится в заголовок, то это сделано с целью привлечь внимание к событию (*Томас Кокосински подавился кнедликом и умер*).

Как правильно заметил В.Г. Гак, нарушение обычного расположения именных групп подогревает интерес к событию [19].

В китайских рассказах об известных людях первое и второе упоминание представляет собой дескриптор с именем, а в третьей и четвертой позиции употребляются личные имена без дескриптора. Первое упоминание об известном персонаже указывает на группу или отношение (например, отношение 李亚鹏妻子海哈金喜 ‘жена Ли Япэна — Хайха Цзиньна’). Китайские журналисты тем самым не пытаются навязать читателю представления о том, что герои светской хроники должны быть всем известны; они вводят читателя в курс дела, а затем уже упоминают имена тех, кого считают знаменитостями. В русских СМИ герои светских новостей часто вводятся непосредственно при помощи личных имен и фамилий; таким образом создается впечатление того, что эти люди всем известны.

В русских рассказах о происшествиях личные имена героев встречаются редко: в цепочке из четырех именных групп есть около 30% личных имен, например *несовершеннолетний Олег, наш читатель Петр*. Во всех случаях имя указывает на лицо, известное только автору, читателю эти люди незнакомы. Упоминание имен не определяет человека однозначно; мы можем в каждом таком употреблении увидеть скрытое местоимение — *некий несовершеннолетний Олег, некий читатель Петр*.

В китайских текстах о происшествиях встречаются не только имена, но и фамилии: 店内的员工林某 ‘*служащий в ресторане некто Линь*’, 获救司机李先生 ‘*спасённый водитель господин Ли*’, 游客姚先生 ‘*турист господин Яо*’. Упоминание фамилий в этом контексте в русском языке встречается редко, только если речь идет об уникальной идентификации лица типа *арестованный Сергей Кузнецов*. В китайском языке упоминание фамилии также не означает конкретной референции, указание на нее имеет неопределенный характер: *некий служащий Линь, некий турист Яо*. Это объясняется экстралингвистическими факторами: население Китая значительно превосходит население России, и в нем встречается множество распространенных фамилий, так что фамилия не обеспечивает конкретной референции. Герои рассказов о происшествиях (妻子王女士 ‘жена — дама Ван’) могут быть с самого начала названы личным именем, в то время как в рассказах о знаменитостях имя обычно сочетается с дескриптором. Благодаря этой отсылке читатели могут быстро запомнить недостаточно известного героя, а в рассказах о происшествиях связать участника события с описываемой ситуацией.

В китайских рассказах о происшествиях в цепочках из 4 компонентов более половины вторичных упоминаний (вторая и третья-четвертая позиции в рассказе) содержат личные имена или фамилии. В историях с шестью упоминаниями одного и того же лица их доля составляет 23 % в третьей-пятой позициях и 32 % в шестой. Сходные проценты (20–30 % в зависимости от позиции: чем ближе к концу, тем вероятнее) присутствуют и в более длинных рассказах. По-видимому, высокий процент личных имен в наших данных

объясняется небольшим количеством таких текстов. Лучший баланс текстов по длине может прояснить ситуацию в дальнейшем. В китайских текстах доля личных имен в рассказах о происшествиях выше, а соотношение средств выражения в рассказах о знаменитостях очень похоже в обоих языках.

Рассмотрение отдельных номинаций в составе цепочек также обнаруживает некоторые лингвоспецифические особенности. В описании происшествий китайские журналисты обращают пристальное внимание на пол участников и на их профессию. Это первая характеристика, то, что сообщается, пока мы еще ничего не знаем о событии. В русских рассказах о происшествиях в качестве такой характеристики выступает возраст, на втором месте по частотности оказываются ситуативные признаки, например, *грабитель* или *потерпевший*, *водитель* или *пассажир* и т. д. Пол участников попадает в фокус в конце повествования, когда речь идет об уже знакомом персонаже. Конечно, важную роль здесь играет категория рода: в русском языке фактически невозможно не упомянуть пол действующего лица, он будет выражен и на словообразовательном (*студент/студентка*), и на грамматическом уровне (*контролер оштрафовала*), однако такое упоминание пола не делает его фокусом сообщения. В китайском языке отсутствие грамматического рода делает лексическое указание на пол участника необходимым. В текстах часто встречаются такие слова или словосочетания, как 女大学生 ‘студентка’, 女游客 ‘женщина-турист’, 男子 ‘мужчина’, 送货小哥 ‘доставщик-братец’. В них пол героя обозначен с помощью или прилагательного перед существительным (女 ‘женский’, 男 ‘мужской’), или вежливого обращения после существительного (小哥 ‘братец’ — обращение к молодому человеку). С помощью суффикса 子 осуществляется субстантивация прилагательных 男 ‘мужской’ и 女 ‘женский’.

В русских рассказах о знаменитостях приоритетное положение занимает указание на профессию протагониста. Не все читатели могут знать героя текста, поэтому указание на его деятельность важно (например, *звезда команды КВН «Город Пятигорск» Екатерина Моргунова, телеведущая Светлана Савицкая, модель Анастасия Толстая* и т. д.). Такое вступление позволяет журналисту рассказать о людях, которые совсем не так широко известны, но претендуют на место в публичном пространстве. В аналогичных китайских текстах подчеркивается позиция героя, его ранг, место, которое он занимает, а также страна, откуда он родом. Например, “跳水皇后” 郭晶晶 ‘«Королева прыжков в воду» Го Цзинцзин’, 英国前首相鲍里斯·约翰逊 ‘Бывший премьер-министр Великобритании Борис Джонсон’, 中国冬奥会首金得主杨扬 ‘Первая в истории Китая олимпийская чемпионка зимних Олимпийских игр Ян Ян’. Такие выражения, как *королева, первая в истории Китая*, указывают на исключительное положение героев, что особенно привлекает китайских читателей. Поскольку в последние годы доля светских новостей постепенно повышается, наблюдается тенденция указания на страну и позицию героя.

Упоминание о стране, где живет герой светской хроники, в русских текстах встречаются почти в два раза реже, чем в китайских, и не с самого первого упоминания (например, первое упоминание *Тейлор Свифт*, а второе — *американская певица*). Личные имена знаменитостей упоминаются и в русской, и в китайской светской хронике с самого начала повествования. Упомянув имя известного лица без указания на профессию или страну, журналист как бы относит эти сведения к пресуппозиции («это то, что должно быть известно всем»). Эта особенность заимствована из зарубежной прессы, где светская хроника имеет давнюю традицию. Об этом косвенно свидетельствует и употребление специальных номинаций типа *звезда*, *знаменитость*. Попытки перевести на русский слово *celebrity* пока нельзя признать удачными, потому что возникает противоречие между реальным полом героя и женским родом обоих наименований типа *звезда сериала «Бригада» в 2016 г. женился на Матисон* (<https://www.gazeta.ru>, 30.08.2025). Такое согласование производится по полу героя (ср. *звезда женился*), что пока что представляется нарушением нормы, ср. *звезда «Папиных дочек» задолжал более 1,8 млн рублей* (<https://www.gazeta.ru>, 29.08.2025).

В русских СМИ мы находим много косвенных указаний на то, что эта форма новостей отчасти заимствована из иноязычных источников, например клишированные сочетания, которые регулярно появляются в сообщениях о жизни звезд, такие как *показала фигуру (в купальнике)*, *дополнила свой образ* + Твор. пад., *стилисты подобрали к образу* + Вин. пад. и т. д. «Мягкие новости» такого рода пишутся как под копирку; так, выражение *показала фигуру* отмечено в Интернете около 112 000 раз, в то время как в основном корпусе НКРЯ оно встретилось только трижды. Поиск в газетном корпусе дал 41 пример, однако ранние вхождения с 1996 г. и до начала нашего века (2001–2005 гг.) связаны с другими значениями: *показать фигуры высшего пилотажа*, *показать фигуру из трех пальцев*, *показать фигуры вальса* и т. д. Примеры современного употребления в газетном корпусе НКРЯ появляются с 2017 г. и к 2020 г. вытесняют другие контексты. Это выражение соответствует английскому *showed her figure* или *showed off her figure*, которое имеет в интернете более широкое распространение, чем русский эквивалент (285 000 000 вхождений). К концу 20-х гг. нашего столетия произошло калькирование этого сочетания и его укоренение в русских текстах.

Рассказывая о знаменитостях, журналисты и в России, и в Китае почти никогда не упоминают городов, в которых родились или живут их герои. Между тем информация о городе неожиданно часто всплывает в номинациях героев происшествий, причем в китайской прессе она встречается в самом начале рассказа, а в российской — со второго упоминания (см. о москвичах в примере (3)). Такие упоминания на русском языке выглядят не очень естественно (ср. *Омичка прокатилась по городу с голой грудью* (<https://newsomsk.ru>, 05.003.2017), лучше было бы прямое указание на место происшествия. Указание на место происхождения (*в Амурской области*

15-летнего школьника похитили ради 6 тысяч рублей (gazeta.ru, 03.09.2025). Неестественным упоминание городов и стран в номинации участников становится тогда, когда место жительства или рождения оказывается никак не связано с тем, что сообщается в тексте. В русских текстах нормально выглядит упоминание города в первой позиции в рассказе, ср. *Екатеринбуржец напал с ножом на мужчину, который заступился за его бывшую жену* (<https://www.gazeta.ru>, 15.008.2025). Такое указание одновременно вводит главного героя и место происхождения. Однако дальнейшее распространение референциальной цепочки может оказаться неожиданным, ср. (4):

(4) Недавно сообщалось, что **житель Свердловской области** задолжал государству более 900 тысяч рублей из-за нежелания заключать контракт с Минобороны. Известно, что в 2017 году **свердловчанин** заключил договор с министерством обороны России об обучении по программе военной подготовки в учебном военном центре при УрФУ. Также **он** обязался в дальнейшем пройти военную службу по контракту. В декабре 2022 года **мужчина** был отчислен за отказ заключать контракт с Минобороны РФ. Суд постановил списать с **уральца** указанную сумму в пользу военного ведомства.

Ранее **россиянин** заключил контракт с Минобороны, чтобы выплатить более 400 тысяч рублей алиментов (<https://www.gazeta.ru>, 28.08.2025)

В тексте (4), который мы приводим целиком, есть два героя — житель Свердловской области и россиянин, но ничто не указывает на то, что это разные лица, так что читатель может ошибочно решить, что россиянин входит в первую референциальную цепочку. Она состоит из следующих номинаций: *житель Свердловской области* → *свердловчанин* → *он* → *мужчина* → *уралец*. Первые три элемента логичны, абсолютно соответствуют нейтральному порядку повествования, слово *мужчина* неоднозначно указывает на того же участника. Неожиданно в конце появляется номинация *уралец*, которую не каждый читатель может правильно интерпретировать, ведь этим именем называют и жителей Уральского федерального округа, центром которого является Екатеринбург (бывший Свердловск), и жителей города Уральска, и представителей уральского казачества. Нужно иметь базовые знания по истории и географии, чтобы понять, что в первой цепочке речь идет об одном и том же человеке. Наши данные показывают, что наибольшее замешательство возникает тогда, когда ничем не подготовленная информация о месте рождения или проживания героя появляется во вторичной номинации, которая никак не вытекает из контекста. Надежда на базовые знания срывается не всегда.

Количественные данные китайских текстов также показывают, что информация о городе оказывается существенной для рассказов о происшествиях и играет значительно меньшую роль в историях о знаменитостях. В китайских СМИ обозначение города встречается в первом упоминании о персонаже происшествий в 25 % текстов, во втором упоминании — примерно в 15 % и далее

убывает до 3,8 % с третьей по пятую позицию. В самом конце рассказа город упоминается менее чем в 1 % текстов.

В китайских текстах о происшествиях некоторые показатели с развертыванием рассказа стабильно падают: к этой группе относятся пол, профессия, город и возраст. Обычно постоянные признаки персонажа теряют актуальность, а релятивные характеристики, напротив, остаются стабильно важными. В русских описаниях происшествий эта тенденция менее заметна: сокращаются упоминания о профессии, занимаемой позиции, городе, остальные показатели либо убывают незначительно (пол и возраст), либо остаются стабильными (социальная группа, отношение к другим персонажам). Размытость показателей и отсутствие выраженной тенденции говорит о том, что традиция описания происшествий еще складывается. Об этом же косвенно свидетельствуют распространенные случаи неоднозначных обозначений, примеры того, что для читателя оказывается трудно следовать логике рассказа, он неуверенно опознает участников ситуации. В рассказах о знаменитостях тенденция прослеживается лучше — основным признаком становится профессия героя. Однако наш способ кодирования не позволяет точно сказать, идет ли речь об одной или о нескольких профессиях (например, *актриса*, *телеведущая*, *модель* и *блогер* в отношении одного лица). Лексические клише также позволяют предположить, что такие описания опираются на традицию других языков.

Заключение

Мы рассмотрели два несбалансированных набора текстов ведущих российских и китайских интернет-изданий, относящихся к двум тематическим подборкам так называемых «мягких новостей» — рассказах о происшествиях и рассказах об известных людях. Первый тип рассказов относится к самым частотным в ленте новостей, второй тип в российских изданиях занимает заметное место, а в китайской прессе распространен значительно меньше. Эти темы были избраны для того, чтобы выявить референциальные цепочки — наборы последовательных обозначений одного и того же персонажа внутри рассказа. Первая подборка повествует о происшествиях с неизвестными людьми, вторая рассказывает об известных людях — уникальных личностях. Наборов из 100 текстов недостаточно для того, чтобы сделать статистические выводы, но их хватает, чтобы сформулировать гипотезы, которые потом можно проверить на других данных.

Наши наблюдения в целом подтвердили выводы предшествующих исследователей о том, что существует нейтральный немаркированный порядок именных групп, который варьируется в зависимости от темы и длины рассказа. Этот порядок реализуется в длинных рассказах, включающих более четырех наименований одного героя.

В рассказах о происшествиях на обоих языках упоминание о постоянных признаках лица (профессия, пол и возраст) убывает по мере развития сюжета.

Релятивные признаки — связь с ситуацией, отношение к другим персонажам — варьируются или даже нарастают. В китайских текстах эти тенденции выражены более явно, что говорит о сложившейся традиции их оформления. Для них характерно также более распространенное употребление личных имен и фамилий в текстах о неизвестных людях. Это редкое для русского языка, но распространенное в китайском указание на известных говорящему, но неизвестных слушателям лиц типа *некий Петров*, *некто Потемкин*.

Влияние языковой специфики проявилось в выборе и частотности отдельных параметров. Так, лексически обозначенный пол участников ситуации играет значительную роль в китайских текстах, но менее важен в русском, где на пол участника указывает грамматический род существительных и глаголов. В некоторых случаях пол участника и род имени существительного расходятся и возникает необычное грамматическое рассогласование (типа *знаменитость женился*).

В рассказах о знаменитостях на русском языке проявились некоторые тенденции зарубежной прессы, такие как немотивированное появление дескрипторов с обобщенной семантикой (типа *мужчина*, *россиянин*, *уралец*) в конце повествования, характерное для артиклевых языков (в соответствии с гипотезой Т.А. Майковой). Кроме этого, мы заметили калькированные словосочетания, которые стали частотны в русском интернете как раз в 20-е гг. XXI столетия. Иными словами, в российской журналистике проявились следы влияния иностранных интернет-изданий, в то время как китайская пресса больше следовала внутренним традициям развития жанра. Для более точных выводов требуется расширение базы данных, использование сплошной разметки референциальных цепочек и последующий квантитативный анализ. Перспективно также привлечение материала других языков или подобный анализ текстов другой тематики.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М. : Наука, 1976. EDN: YLAVZX
2. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М. : Наука, 1985.
3. Fox B. (Ed.) Studies in Anaphora. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1996.
4. Кибрик А.А. Механизмы устранения референциального конфликта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М. : Наука, 1987. С. 128–145.
5. Кибрик А.А. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 4. С. 94–105.
6. Кибрик А.А. Референция, рабочая память и нейронные сети: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой // Материалы первой российской интернет-конференции по когнитивной науке. М. : УМК Психология, 2004. С. 29–43.
7. Федорова О.В. Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка) // кого и когнитивного подходов (на материале цахурского языка) // Труды Международного семинара Диалог-2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. С. 299–310.

8. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции. М. : Праксис, 2001.
9. Кобзарева Т.Ю. Проблема кореференции в рамках поверхностно-синтаксического анализа русского текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог'2003». М. : Наука, 2003. С. 278–284. EDN: QBPLDX
10. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М. : Флинта, Наука, 2008. EDN: SUREYV
11. Ермаков А.Е., Плешко В.В. Компьютерная морфология в контексте анализа связного текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог'2004». М. : Наука, 2004. С. 185–190.
12. Ермаков А.Е. Референция обозначений персон и организаций в русскоязычных текстах СМИ: эмпирические закономерности для компьютерного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог'2005». М. : Наука, 2005. С. 131–135.
13. Givón T. Topic continuity in discourse: Quantified cross-language studies. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1983.
14. Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста. М. : Аспект Пресс, 2013. EDN: SCHJUN
15. Майкова Т.А. К вопросу о сохранении кореференции как средства связности текста при переводе // Litera. 2018. № 4. С. 201–208. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.4.28044> EDN: VXTZWO
16. Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М. : МГПИ, 1972. С. 120–127.
17. Гак В.Г. О семантической организации повествовательного текста // Лингвистика текста. Сб. научн. тр. Вып. 103. М. : Изд-во МГПИИЯ им. В.И. Ленина, 1976. С. 5—14.
18. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М. : Наука, 1977. С. 230–293.
19. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
20. Лыскова Т.В. Классификация перифрастических значений в аспекте денотативно-семантических корреляций // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1. № 4. С. 196–201. EDN: OHIINT
21. Гараева В.Ю. Каталогизация социальных типов в СМИ (на материале серийных перифраз) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 5. С. 194–209. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.5.194-209> EDN: GOSERU
22. Толоконникова А.В. (отв. ред.). Учебное пособие по спецкурсу «Журналистика и медиа». М. : Факультет журналистики МГУ, 2022.
23. Колесниченко А.В. Практическая журналистика. М. : Факультет журналистики МГУ, 2025.

References

1. Arutyunova, N.D. (1976). *Sentence and its meaning*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: YLAVZX
2. Paducheva, E.V. (1985). *Utterance and its relation to reality*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Fox, B. (Ed.) (1996). *Studies in Anaphora*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
4. Kibrik, A.A. (1987). Mechanisms of resolving referential conflict. In: *Modeling language activity in intelligent systems* (pp. 128—145). Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Kibrik, A.A. (1997). Modeling a multifactorial process: choosing a referential device in Russian discourse. *Moscow University Bulletin, Series 9. Philology*, 4, 94–105. (In Russ.).
6. Kibrik, A.A. (2004). Reference, working memory and neural networks: On the interaction of linguistics with psychology and cognitive science. In: *Proceedings of the First Russian Internet Conference on Cognitive Science* (pp. 29–43). Moscow: UMK Psikhologiya. (In Russ.).

7. Fedorova, O.V. (2000). Textual anaphora: Combining statistical and cognitive approaches (based on Tsakhur). In: *Proceedings of the International Seminar "Dialogue'2000" on Computational Linguistics and Its Applications* (pp. 299–310). Protvino. (In Russ.).
8. Lebedev, M.V., & Chernyak, A.Z. (2001). *Ontological problems of reference*. Moscow: Praxis. (In Russ.).
9. Kobzareva, T.Yu. (2003). Coreference problem in the framework of surface-syntactic analysis of Russian text. In: *International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue'2003"* (pp. 278–284). Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: QBPLDX
10. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R., & Salimovskiy, V.A. (2008). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.). EDN: SUREYV
11. Ermakov, A.E., & Pleshko, V.V. (2004). Computational morphology in the context of text analysis. In: *International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue'2004"* (pp. 185–190). Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Ermakov, A.E. (2005). Reference of persons and organizations in Russian mass media texts: empirical patterns for computational analysis. In: *International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue'2005"* (pp. 131–135). Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Givón, T. (1983). *Topic continuity in discourse: Quantified cross-language studies*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
14. Kolesnichenko, A.V. (2013). *Journalist's handbook*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.). EDN: SCHJUN
15. Maykova, T.A. (2018). Preservation of Co-Reference as the Means of Text Cohesion During Translation. *Litera*, 4, 201–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.4.28044> EDN: VXTZWO
16. Gak, V.G. (1972). Repeated nomination and its stylistic use. In: *Issues of French philology* (pp. 120–127). Moscow: MGPI. (In Russ.).
17. Gak, V.G. (1976). On the semantic organization of narrative text. In: *Text linguistics. Collected papers* (Iss. 103, pp. 5–14). Moscow: MGPIIYA. (In Russ.).
18. Gak, V.G. (1977). On the typology of linguistic nominations. In: *Language nomination. General principles* (pp. 230–293). Moscow: Nauka. (In Russ.).
19. Gak, V.G. (1998). *Language transformations*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury". (In Russ.).
20. Lyskova, T.V. (2010). Classification of periphrastic meanings in the aspect of denotative-semantic correlations. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(4), 196–201. (In Russ.). EDN: OHIINT
21. Garaeva, V.Yu. (2020). Classification of social types in the media (based on the material of serial periphrases). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 162(5), 194–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.5.194-209> EDN: GOSERU
22. Tolokonnikova, A.V. (Ed.) (2022). *Textbook on the special course "Journalism and Media"*. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. (In Russ.).
23. Kolesnichenko, A.V. (2025). *Practical journalism: textbook*. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Воейкова Мария Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом теории грамматики, Институт лингвистических исследований РАН (199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9); сфера научных интересов: теория грамматики, детская речь, корпусные исследования, ментальная грамматика; e-mail: maria.voeikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7459-1013; SPIN-код: 7570-9686; ResearcherID: A-9067-2016; Scopus ID: 542795 14900.

Краснощечкова Софья Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики, Институт лингвистических исследований РАН (199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9); *сфера научных интересов*: освоение языка, билингвизм, дейкис, референция; *e-mail*: krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru
ORCID: 0000-0001-8830-5121; SPIN-код: 3012-7590; ResearcherID: AAR-6848-2021; Scopus ID: 57190568433.

Ван Илин, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (518172, Китайская Народная Республика, г. Шэньчжэнь, ул. Международный Университетский проспект, д. 1); *сфера научных интересов*: семантика, грамматика конструкций, сравнение русского и китайского языков, преподавание русского языка; *e-mail*: 1608029882@qq.com
ResearcherID: V-3199-2018.

Information about the authors:

Maria V. Voeikova, Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (9 Tuchkov Per., Saint Petersburg, Russian Federation, 199053); *Research interests*: theory of grammar, children's speech, corpus studies, mental grammar; *e-mail*: maria.voeikova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7459-1013; SPIN-code: 7570-9686; ResearcherID: A-9067-2016; Scopus ID: 542795 14900.

Sofia V. Krasnoshchekova, PhD in Philology, Researcher in the Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (9 Tuchkov Per., Saint Petersburg, Russian Federation, 199053); *Research interests*: language acquisition, bilingualism, deixis, reference; *e-mail*: krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru
ORCID: 0000-0001-8830-5121; SPIN-code: 3012-7590; ResearcherID: AAR-6848-2021; Scopus ID: 57190568433.

Wang Yiling, PhD in Philology, Teacher of Russian language in the Centre of Russian language, Shenzhen MSU-BIT University (1 International University Park Road, Shenzhen, People's Republic of China, 518172); *Research interests*: semantics, construction grammar, comparison of Russian and Chinese, teaching Russian as a second language; *e-mail*: 1608029882@qq.com
ResearcherID: V-3199-2018.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1258-1271

EDN: NJVGYT

Research Article / Научная статья

Transformation of Political Discourse: Language Weaponisation

Anna V. Zabolotskikh¹ , Elena E. Sokolova² ,
Daria V. Tavberidze¹ , Yuri S. Medvedev¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russian Federation

 zabolotskikh-av@rudn.ru

Abstract. The authors see the purpose of the study as a comparative analysis of political discourse on the example of D. Trump's speeches during his election campaigns in 2016 and 2024. The scientific novelty lies in the confirmation of the concept of using language as a weapon, which acts in Trump's speeches as a tool to manipulate and control people through different discursive means and in different periods of time. Comparing the changes that discourse has undergone over time allowed the authors to analyse the priorities that reflect the general political tendency for positive emotional encouragement rather than threats and aggression. The relevance of this article is determined by the shift that has occurred in political discourse, which requires a rethinking of how the political actors select linguistic norms and how this selection will affect the formation of modern political language.

Keywords: language as a weapon, linguistic manipulation, critical discourse analysis, corpus research, political propaganda

Authors' contribution: Anna V. Zabolotskikh and Elena E. Sokolova performed the material preparation, data collection, and wrote the manuscript. They also elaborated the concept and design, as well as the interpretation of data. Daria V. Tavberidze was responsible for the critical revision of the manuscript and verified the analytical methods. Yuri S. Medvedev was in charge of planning and provided critical feedback. All authors discussed the results and contributed to the final manuscript.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 03.03.2025; accepted: 15.06.2025.

For citation: Zabolotskikh, A.V., Sokolova, E.E., Tavberidze, D.V., & Medvedev, Yu.S. (2025). Transformation of Political Discourse: Language Weaponisation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1258–1271. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1258-1271>

© Zabolotskikh A.V., Sokolova E.E., Tavberidze D.V., Medvedev Yu.S., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Трансформация политического дискурса: язык как оружие

А.В. Заболотских¹ , Е.Е. Соколова² ,
Д.В. Тавберидзе¹ , Ю.С. Медведев¹

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Московский физико-технический институт, Долгопрудный, Россия

 zabolotskikh-av@rudn.ru

Аннотация. Цель исследования — сравнительный анализ политического дискурса на примере речей Д. Трампа в периоды двух предвыборных компаний 2016 и 2024 гг. Научная новизна заключается в подтверждении концепции использования языка в качестве оружия, которая в речах Д. Трампа выступает как инструмент манипулирования и контроля над людьми с помощью разных дискурсивных средств в разные периоды времени. Сравнение изменений, которые претерпел дискурс с течением времени, позволило проанализировать приоритеты, отражающие общую политическую тенденцию к позитивному эмоциональному поощрению, а не к угрозам и агрессии. Актуальность исследования мотивирована потребностью переосмысления выбора лингвистических норм в политическом дискурсе в условиях произошедшего сдвига в речи действующих лиц в политике., и оценке того, как этот выбор повлияет на язык.

Ключевые слова: язык как оружие, языковое манипулирование, критический дискурсивный анализ, корпусные исследования, политическая пропаганда

Вклад авторов: А.В. Заболотских и Е.Е. Соколова — сбор и интерпретация данных, разработка концепции и дизайна, написание текста статьи. Д.В. Тавберидзе отвечала за критический анализ рукописи и проводила верификацию методов. Ю.С. Медведев отвечал за планирование и предоставил конструктивную критику. Все авторы обсуждали результаты и участвовали в подготовке окончательного варианта рукописи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 03.03.2025; дата приема в печать: 15.06.2025.

Для цитирования: Zabolotskikh A.V., Sokolova E.E., Tavberidze D.V., Medvedev Yu.S. Transformation of Political Discourse: Language Weaponisation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1258–1271. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1258-1271>

Introduction

Weaponisation of language is a phenomenon which clearly demonstrates the immense power a language holds. From political propaganda to online hate speech and disinformation, the manipulation of language can have far-reaching consequences for societies and individuals. This article explores the weaponisation of language in linguistics, examining how language can be used as a tool to divide, manipulate, and control people.

One of the key aspects of weaponisation in language lies in framing [1. P. 157], which involves presenting information or ideas in a particular manner to shape public opinion. Politicians and media outlets, such as newspapers, magazines, radio, TV, and websites, often employ framing techniques to influence the perception of events among the masses. By using selective language, emphasising certain aspects, or employing loaded terms, individuals or groups can manipulate public discourse

and steer it towards their desired narrative. The media's role is significant due to design, argument, and dissemination of ideology [2; 3]. Instances of conflicts in politics are as follows: neo-Nazi movements across Europe, Trump's election campaign, Brexit, and closing of borders (e.g. Serbia, Hungary) to refugees and asylum-seekers [4].

Current approaches to discourse practices address to critical discourse analysis (henceforth CDA) when considering social and political construct to which language weaponisation can be attributed. Even though CDA encompasses abundance of theoretical and methodological approaches, we need to pay tribute to the initial works by N. Fairclough, R. Wodak, T. Van Dijk, to name just a few, who incited further studies of the discourse analysis [5–7]. The authors share van Dijk's viewpoint on the multidisciplinary nature of CDA, as language is no longer used as an ideologically neutral means of communication [7].

Nowadays, researchers apply a corpus-based approach (a quantitative study), together with CDA (a qualitative study) to augment the potential of linguistic research. Baker (2006) describes the advantages of the corpus-based approach to discourse studies, stating that corpus can reduce biases, remove constraints in communication, and show the changing nature of discourses [8]. Chao Liu (2020) investigates national image, adopting corpus-based critical discourse analysis to social media [9]. L. Flowerdew (2012) speculates on multimodal view on the discourse presenting overlapping corpus-based, textual, critical, and contextual approaches [10]. These tendencies, together with a synergy of CDA and corpus-based discourse analysis (henceforth CBDA) motivated the authors to study the weaponisation of language of D. Trump. The authors' choice for merged methodology is relevant as weaponised language is studied within the political discourse on micro- and macro levels [11].

The evaluation of Donald Trump's speeches at the Republican National Convention in 2016 and 2024 was used for the data analysis.

We hypothesise that CBDA, together with CDA, increase the understanding of how leaders use language weaponisation to gain dominance in social and political groups. Research Questions

The article aims to investigate the shift of the weaponised language in D. Trump's political speeches.

RQ 1: Has Trump's language in 2024 become more weaponised compared to 2016?

RQ 2: Are there any specific rhetorical devices in Trump's weaponised language which can manipulate society's opinion?

RQ 3: What kind of linguistic strategies does Trump use in his speeches at the Republican National Convention to achieve his political goals?

Let us briefly outline the sociopolitical events from which the term weaponised language comes.

Historical Aspects

Since the inception of the concept of warfare tactics, formulated by the Chinese philosopher Sun Tzu (6th century BC) in *The Art of War*, that “*supreme excellence consists in breaking the enemy’s resistance without fighting*”, politicians applied the similar principle to the use of language as a weapon” [12]. The earliest usage of the term language weaponisation or — weaponisation of language — can not be traced exactly due to the lack of explicitness in the meaning. It dates back to early 1900s, starting with a metaphorical meaning and transforming to a weaponised political discourse¹. The propagation of a newly coined term encompassed the erupted linguistic battles. Alfred Korzybski in *Science and Sanity* (1933), and Stuart Chase in *The Tyranny of Words* (1938) discussed the ecological usage of language [13; 14]. Hayakawa’s ideas in *Language in Thought and Action* (1945) were further developed and extended by George W. Kelling in *Language: Mirror, Tool, and Weapon* (1975) where he hypothesised that language determines the perception and cognition of a person together with their social behaviour [15]. The similar idea was expressed in *La Manipulación del Hombre a Través del Lenguaje* (The manipulation of men through language) [16]. The breakthrough in linguistics, which analysed weaponised language from the perspective of communicative problems was in *Language, the Loaded Weapon: The Use and Abuse of Language Today* by Bolinger [17].

Since then, weaponisation of language has received different interpretations as increasing number of vivid practices or pillars of material violence [18]. This definition emphasises the idea of language weaponisation as a systematic process, which does not include inaccurate or false information produced by software bugs [19]. Subversive activities of the weaponised language are aimed at undermining community’s information-psychological core, affecting public trust and interaction. Weaponised narratives achieve influence on strategic level being very often integrated on various levels simultaneously to achieve maximum effect. In other words, it is an attack on the sociopolitical center of gravity [20].

Population may be oppressed “not only because of their language, but through it” [21]. Therefore, linguistic means may be harmful and linguistic choices people make could be associated with the dehumanisation of others [18; 22]. The term harm acquires significance in this context since it refers to minoritised individuals being affected by certain practices to destabilise their environment [23].

Theoretical Background

Weaponisation of language is particularly evident in political propaganda, where rhetoric is used to sway public opinion and consolidate power. Through the strategic use of persuasive techniques such as emotional appeals, euphemisms, or demonisation of opponents, politicians can manipulate language to create divisions, incite fear, and rally support for their agendas [5. P. 56].

¹ The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/science/2017/mar/27/weaponise-the-meaning-of-2017s-political-buzzword> (accessed: 15.10.2024).

In this respect good, defensible war rhetoric should be distinguished from pathos, propaganda, non-constructive “rhetrickery” [24]. Historical examples, such as Nazi Germany’s use of propaganda during World War II or more recent instances of political manipulation, highlight the dangerous potential of weaponisation of language. For example, a euphemism “Final Solution” applied by the NAZI leaders in Germany to implement their destructive policies against the Jews meant political, economic persecution and finally physical annihilation². However, contrary to euphemisms, other lexical means may be used to reveal threat and violence. The Washington Post (29 April, 2011) named the US Air Force’s “new revolutionary surveillance system” the “Gorgon Stare”³ using an allusion to Greek mythology and deliberately creating the feeling of fear and uneasiness.

Dehumanisation of vulnerable groups or political opponents is manifested in “depersonalisation” on the stylistic level. For example, Trump’s figurative comparison of immigrants with “a garbage can for the world” because of illegal border crossings; Hillary Clinton’s calling Trump supporters as ‘basket of deplorables’, or Benjamin Netanyahu’s reference to the Italian government as ‘wolf in sheep’s clothing’⁴.

Manipulation of public opinion in order to demonise the opponent may occur in the so-called truthful sandwiches when a lie is inserted deliberately in some context serving as a misleading factor. For instance, the Japanese Representative to the UN, Shino Mitsuko⁵, claimed that Japan is the only country that has ever suffered atomic bombings during war and highlighted the catastrophes of Hiroshima and Nagasaki without naming the country responsible. However, Russia’s nuclear threats were mentioned in this context, which was nothing but shifting the blame of using nuclear weapons to the other country.

Through linguistic manipulation, oppressive regimes or dominant social groups can reinforce existing power structures, suppress dissent. By controlling the narrative through censorship, surveillance, or linguistic restrictions, those in power can maintain their authority and silence opposition.

Research Methodology

Corpus-based Discourse Analysis

Data collection was focused on Donald Trump’s speeches after the first and second election campaigns at the same event The Republican National Convention,

² Holocaust Encyclopedia (2020). URL: <https://holocaustencyclopedia.com/> (accessed: 28.10.2024)

³ The Washington Post, 29.04.2011 Whitlock C. Gordon Stare surveillance system gazes over Afghan war zone. URL: https://www.washingtonpost.com/national/gorgon-stare-gazes-over-war-zone/2011/04/29/AF2xLiGF_story.html (accessed: 17.12.2024).

⁴ NPR 01.10.2013 Netanyahu: Iranian President ‘Wolf in Sheep’s Clothing’. URL: <https://www.npr.org/2013/10/01/228198603/netanyahu-iranian-president-wolf-in-sheeps-clothing> (accessed: 03.11.2024).

⁵ Global Research, 09.08.2022 Chossudovsky M. Commenting Hiroshima and Nagasaki. Blaming Russia for U.S. War Crimes. URL: <https://www.globalresearch.ca/commemorating-hiroshima-and-nagasaki-blaming-russia-for-u-s-war-crimes/5789233> (accessed: 28.10.2024).

July 21, 2016 and July 18, 2024 in order to identify, if there was a shift in his discourse.

The structure of the two speeches was comparable because of particular genre and communicative conditions, aimed at the wide heterogeneous audience. Primarily, the speeches were analysed using CBDA to identify common speech patterns, find general and specific lexis characteristic to Trump's discourse, and infer his lexicon to effectively manipulate social groups's opinion.

We formulated a research hypotheses on how the speaker's lexical and pragmatic choices may differ, and tested it through quantitative and qualitative analyses.

For CBDA the authors used AntConc and Voyant Tools as freeware instruments to analyse and visualise concordance lines, study words associations, semantic prosody and semantic preferences, identify frequencies, modality, and rhetorical strategies in Trump's speeches. The number of words in the first corpus amounted 5.264 words, and in the second one — 12.252 words, accordingly. The words related to the language weaponisation were extracted from the two corpora, and then raw frequencies were counted in both documents. As the speeches were unequal in size, relative frequency of the words was calculated to estimate the occurrence of the word in both corpora as if they comprised one million words (frequency was divided by the sample size). The frequency of the language weaponisation usage is presented in Figure 1.

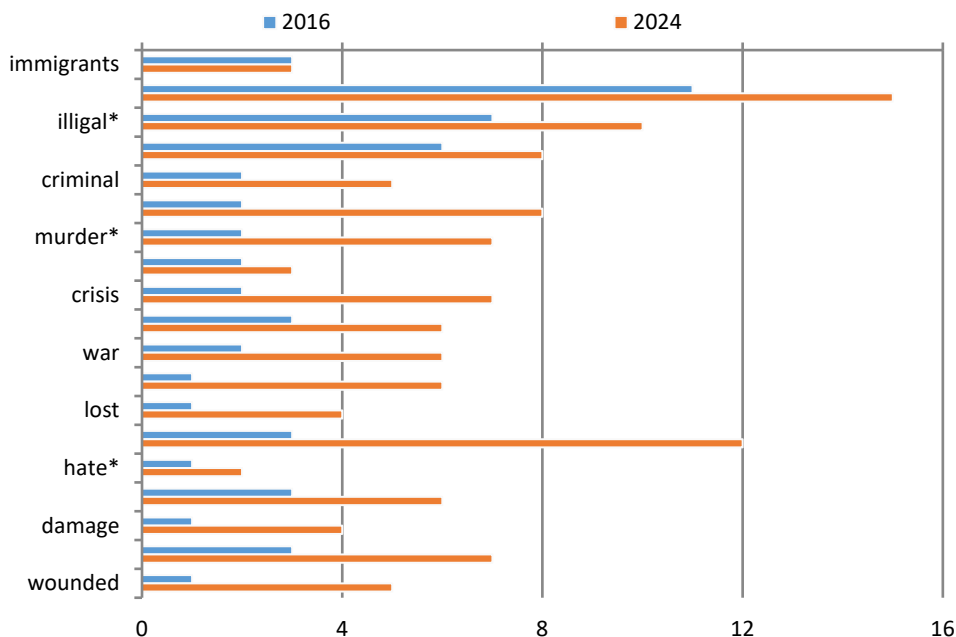

Figure 1. The increase in the frequency of weaponised language in 2024 compared to 2016

Source: compiled by Anna V. Zabolotskikh, Elena E. Sokolova, Daria V. Tavberidze, & Yuri S. Medvedev.

The obtained results presented in Figure 1 demonstrate an increase in the frequency of weaponised language in 2024 compared to 2016. Another set of words displayed the uncommonly low frequency rate of some of the weaponised words in 2024 compared to 2016 (Figure 2).

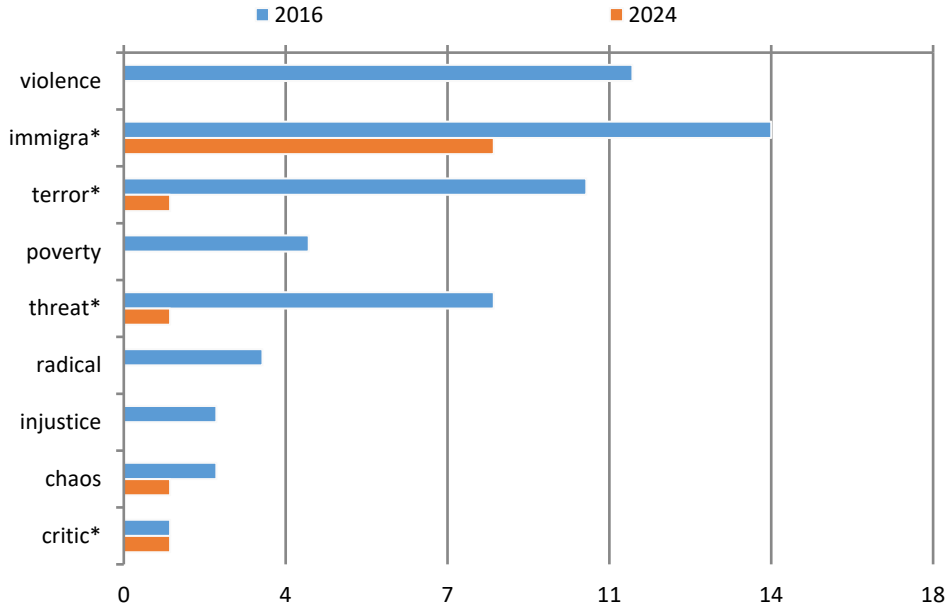

Figure 2. The decrease in the frequency of weaponised language in 2024 compared to 2016
Source: compiled by Anna V. Zabolotskikh, Elena E. Sokolova, Daria V. Tavberidze, & Yuri S. Medvedev.

Figure 2 represents the decline in using of such weaponised words as *violence*, *terror*, *threat*, etc. This discrepancy demonstrates that in 2024, Trump continued to concentrate on weaponisation, however, he changed his focus because of the political situation in the country.

The analysis of concordance lines using Key Word in Context (KWIC) in AntConc tool revealed, that negative semantic prosody was expressed through traditional weaponised language, such as *crime* (*violence*, *terrorism*, *chaos*, and *threat*) and *immigration* (*illegal*, *lawlessness*, *wall*). The following example is overloaded with weaponised rhetoric. “*Our convention occurs at a moment of **crisis** for our nation. The **attacks** on our police, and the **terrorism** in our cities, **threaten** our very way of life. Any politician who does not grasp this **danger** is not fit to lead our country. Americans watching this address tonight have seen the recent images of **violence** in our streets and the **chaos** in our communities. Many have witnessed this **violence** personally, some have even been its **victims**”*. Along with that, in 2016, *Hillary Clinton*, framed negatively, was associated with *disaster*, *weakness*, *corruption*, and *failed polices*. However, in 2024, the word *border* was a predominant negative association, which collocated with ‘*border crossing*’, ‘*closing our border*’, ‘*border patrol*’, ‘*border security*’, ‘*border nightmare*’, ‘*border*

polices, *‘seal the border’*, etc. These tendencies in Trump’s speeches are rather predictable, as through such strong negative emotional loading, he demonised his opponents and developed emotional attachment to him and evoked the feeling of the ‘perpetual existence of a hostile external world” [25].

Modality did not vary much in Trump’s speeches in both years, as he was still inclined to use *will* heavily to express certainty and give future promises (Table). E.g. “*Nothing **will** stop me in this mission because our vision is righteous and our cause is pure. No matter what obstacle comes our way, we **will** not break, we **will** not bend, we **will** not back down, and I **will** never stop fighting for you, your family, and our magnificent country. Never*”.

Distribution of modal verbs and expressions in Trump’s speeches (2016, 2024)

Modal verbs	2016	2024
	Total number	Total number
Can	14	39
Will	90	120
Must	7	8
Should	0	9
May	1	2
Have to	7	21
Need to	2	0

Source: compiled by Anna V. Zabolotskikh, Elena E. Sokolova, Daria V. Tavberidze, & Yuri S. Medvedev.

Critical Discourse Analysis

As the conducted research was twofold, the authors turned from the textual level, which is considered to be a micro-level, to a macro-level — critical discourse analysis — as an interpretative approach [26]. Such holistic approach reflects how the language weaponisation reinforces power dynamics, ideologies and social structures. Weaponised discourse used by Trump lacked logical and sophisticated thought processes [27]. For this purpose, he implemented a stylistic device called parataxis, which was attributed to a prominent feature of his speeches. To create a sense of urgency, emphasis, or to mimic natural speech patterns, Trump used short simple sentences and clauses without conjunction and subordination.

(1) “*We rise together or we fall apart.*”

This is an illustrative example of parataxis, with two contrasting ideas placed together. The simplicity of the sentence makes it memorable and impactful, reinforcing the idea of unity and collective action. This framing reinforces Trump’s populist narrative *us* versus *them*, depicting him and his supporters fighting against a corrupt establishment. This binary framing (*rise* vs. *fall*) creates a sense of urgency and positions Trump as the leader who can guide his electorate toward success.

(2) *“I am running to be President for all of America, not half of America, because there is no victory in winning for half of America.”*

This example emphasises Trump’s claim to represent all Americans, not just a portion. The paratactic structure simplifies the message, makes it accessible to a broad audience, particularly to those who may not engage with more nuanced or formal political discourse. This strategic use of language appeals to a specific demographic—often working-class or less politically engaged voters—who value straightforward, relatable communication. Trump represents himself as a unifying figure and, at the same time, subtly critiquing his opponents as divisive.

(3) *“Bullets were continuing to fly as very brave Secret Service agents rushed to the stage, and they really did. They rushed to the stage. These are great people at great risk, I will tell you, and pounced on top of me so that I would be protected.”*

The sentences are abrupt and fragmented; the repetition of *“they rushed to the stage”* creates a real sense of danger. Here the style heightens the drama of the moment to its peak, and the audience views Trump as a resilient leader who survived a life-threatening attack. This narrative humanises his image and serve to legitimise his leadership and reinforce his political agenda.

(4) *“They’re coming for your jobs, they’re coming for your homes, they’re coming for your families.”*

This statement uses repetition and vivid imagery to create a sense of existential threat. The phrase *“they’re coming for”* implies that immigrants are actively seeking to harm Americans, reinforcing the idea that they are a dangerous, predatory force. This language stokes fear and resentment, which can be used to justify restrictive immigration policies and rally support for Trump’s nationalist agenda.

Comparing rhetorical strategies in 2016 and 2024, the authors revealed that Trump used tried-and-tested methods to influence people’s minds. He reinforced his central message by repeating key phrases (*law and order*), he contrasted his political views with the perceived failures of previous administrations (*failed polices, weakness*), he used emotional appeal to reinforce ideological alignment among his supporters (*crying mothers, forgotten men and woman*). In 2014, being a right populist, Trump contrasted himself (*I*) with *elite media, big business and major donors*; however, in 2024, he was prone to use *us* in contrast to *them* (elites).

Findings and Discussion

The authors’ major findings are rather illustrative, and highlight the dynamic nature of Trump’s weaponisation discourse, reflecting both continuity and change in his rhetorical strategies. Figure 1 reveals a significant shift in the frequency of weaponised language to create a sense of crisis or threat. For example, describing immigration as an “invasion” and warning that “bad things are going to happen”

exploits fears of crime, terrorism, and economic insecurity. This fear-mongering is used to justify his harsh policies and mobilise support by appealing to emotions, rather than rational argument. Unlike Figure 2 demonstrates a contrasting trend, with a decline in the usage of specific weaponised words such as *violence*, *terror*, and *threat*. This indicates a possible strategic recalibration of Trump's rhetorical focus, avoiding overtly aggressive terminology which has become less effective with his electorate in 2016. Trump continues to maintain a weaponised discourse through other means, such as negative semantic prosody, however, he diversifies his rhetorical toolkit.

This deliberate spread of weaponised narratives leads to confusion, mistrust, and social division. By manipulating language, Trump creates a distorted reality, undermines public trust in institutions, sows doubt, and furthers his own agendas.

Overall, Trump's rhetoric in both speeches can be considered as nationalist populism, as he positioned himself (*I*) as the voice of the people, fighting against "*special interests*," "*elites*," and "*rigged systems*". This proved to be an affective genre cultivating people's sense of confrontation to 'dangerous' *others*, which means an elite and immigrants, refugees, and terrorists. On the contrary, in 2024 his topicalisation changed to *we* fighting with decision-makers *them*. Expressing anger, rage, malice, and revenge has become a marker of his presidential leadership. 'Going negative' as a phenomenon of political communication is coupled with vulnerability, which is expressed by simplicity, impulsivity, cruelty, and narcissism [28. P. 283]. To be easily understood, Trump's bumptious language is marked by simplicity and informality, which manifests itself in parataxis and certain rhetorical strategies. The choice of a personal pronoun signifies that the speaker wants to become closer to the audience.

Two of US parties are known to frame their key issues around different values: Democrats are focused on empowerment and recovery, whereas Republicans emphasise personal accountability, discipline, law and order [29]. Thus, Democratic leaders, in comparison with conservatives, show a stronger positive valence in terms of the language employing more abstract words. Republican rhetoric is simple, its direct language is characterised by the tendency to use more concrete words and less subjectivity.

We identified the top words by frequency from Trump's speeches, which demonstrate a tendency for the Republican leader to become more subjective in terms of evaluation (See Fig. 3.). The 2024 speech amplifies less resentment targeting scapegoats. In comparison with 2016, it includes positively charged words: *great*, *beautiful*, *good*, *wonderful*, *incredible*. If in 2016 speech the marker of an opponent was marked as *Hillary* and *Clinton*, in 2024 it was not so obvious. Weaponised and more concrete language is displayed to a bigger extent in 2016 speech: *violence*, *trade*, *law*, *terrorism*, *percent*, *work*, *opponent*.

The obvious rhetoric shift may be the evidence of language weaponisation through propaganda, disinformation, and mundane discourse, losing its relevance in today's world. Trump's campaign rhetoric suggested a shift in US priorities, with

some tactical modifications but with no substantial transitions. The attempt of escalation to be reduced is noticeable, however, the hostile character of the language remains the main strategic approach to convey the key messages.

Figure 3. The word cloud shows Trump's speeches representation with word size highlighting frequency of the most common lexis in their responses

Source: compiled by Anna V. Zabolotskikh, Elena E. Sokolova, Daria V. Tavberidze, & Yuri S. Medvedev.

Conclusions

The article analysed D. Trump's speeches at the Republican National Convention in 2016 and 2024 using CBDA analysis merged with CDA. Both methods helped the authors understand how D. Trump used weaponised language to gain dominance in social and political groups. The key findings revealed three tendencies in Trump's speeches.

First, in 2024, Trump's language became less weaponised compared to 2016. He reinforces his appeal to the audience using fear and division. Trump's weaponisation discourse has become less consistent in relying on negative semantic prosody and conflict-oriented framing. The researchers identified Trump's discourse adaptation to changing contexts and audience expectations.

Second, Trump heavily used parataxis to construct vivid narratives and to express emotional appeal. He used the utmost of this rhetorical device in his speeches: binary oppositions, abrupt, fragmented sentences, which helped him create emotional intensity and the need for immediate actions.

Third, Trump positions himself as the voice of people (*I*), fighting against elites, however, later he used *we* who fought against *them*. This so-called flexible populism in Trump's speeches showed that he learned lessons from the previous election campaign and unified himself with the people.

This study has some limitations due to the choice of the specific genre of the speeches. Further research can be conducted on a bigger dataset to investigate the nuances which were not studied within the scope of this research.

References

1. Alim, H.S., Rickford, J.R., & Ball, A.F. (2016). *Raciolinguistics: How language shapes our ideas about race*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof>
2. Thomas, L., & Wareing, S. (2004). *Language, Society and Power: An Introduction*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203426968>
3. Herman, E. S., & Chomsky, N. (1988). *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books.
4. Burke, R., Thapliyal, N., & Baker, S. (2018). The Weaponisation of Language: English Proficiency, Citizenship and the Politics of Belonging in Australia. *Journal of Critical Thought and Praxis*, 7(1), 84–102. <https://doi.org/10.31274/jctp-180810-107>
5. Bacchini, S. (2015). The Power in Language-Norman Fairclough, Language and Power. *English Today*, 34(1), 56–57. <https://doi.org/10.1017/S0266078417000013>
6. Wodak, R. (2002). Aspects of Critical Discourse Analysis. *Zeitschrift für angewandte Linguistik*, 36(10), 5–31.
7. Van Dijk, T.A. (1993). Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*, 4(2), 249–283. <https://doi.org/10.1177/0957926593004002006> EDN: JRJXUB
8. Baker, P. (2006). *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum Discourse Series.
9. Liu, C. (2020). Social Media Perspective on National Image: A corpus-based critical discourse analysis. *Revista Argentina de Clínica Psicológica*, 29(1), 1393–1401. <https://doi.org/10.24205/03276716.2020.201>
10. Flowerdew, L. (2023). Corpus-based discourse analysis. In: *The Routledge handbook of discourse analysis* (pp. 174–188). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003035244-11>
11. Van Dijk, T.A. (2015). Critical Discourse Analysis. In: *The handbook of discourse analysis* (pp. 466–485). London: Routledge. <https://doi.org/10.1002/9781118584194>
12. Giles, L. (2009). *The Art of War by Sun Tzu*. URL: <http://www.talesofoldchina.com/library/giles-suntzu.php> (accessed: 15.10.2024).
13. Korzybski, A. (1933). *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*. Lakeville: Institute of General Semantics publ.
14. Chase, S. (1938). *The Tyranny of Words*. London: Methuen & Co. Ltd.
15. Kelling, G. (1975). *W. Language: Mirror, Tool, and Weapon*. Chicago: Nelson-Hall Inc.
16. López Quintas, D.A. (1987). La Manipulación del Hombre a través del Lenguaje. In: *Anales de la Real Academia de Ciencias Morales y Políticas* (pp. 257–276). Madrid: Ministerio de Justicia.
17. Bolinger, D. (2014). *Language — the loaded weapon: The use and abuse of language today*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315842103>
18. Pascale, C.M. (2019). The Weaponization of Language: Discourses of Rising Right-Wing Authoritarianism. *Current Sociology*, 67(6), 898–917. <https://doi.org/10.1177/0011392119869963>
19. Jack, C. (2017). Lexicon of lies: Terms for problematic information. *Data & Society*, 3(22), 1094–1096.
20. Krieg, A. (2023). *Subversion: The Strategic Weaponization of Narratives*. Georgetown: Georgetown University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv31jm8tm>
21. Dubinsky, S., & Starr, H. (2022). Weaponizing Language: Linguistic Vectors of Ethnic Oppression. *Global Studies Quarterly*, 2(2), 1–13 <https://doi.org/10.1093/isagsq/ksab051> EDN: BWUURU
22. Rafael, V.L. (2016). *Motherless Tongues: The Insurgency of Language amid Wars of Translation*. Durham: Duke University Press.
23. Herrera, L.J.P., & Bryan, K.C. (2022). Language Weaponization in Society and Education: Introduction to the Special Issue. *International Journal of Literacy, Culture, and Language Education*, 2, 1–5. <https://doi.org/10.14434/ijlcle.v2iMay.34380> EDN: BITIXQ

24. Mafu, L. (2024). Discourse Structures, Weaponization of Language and Ethiopia's Civil War. *SAGE Open*, 14(3), 1–10. <https://doi.org/10.1177/21582440241262755> EDN: AWDJSJ
25. Kelly, M. (2019). Language and new forms of warfare. In: Kelly, M., Footitt, H., & Salama-Carr, M. (eds.) *The Palgrave Handbook of Languages and Conflict* (pp. 481–498). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04825-9_22
26. Van Dijk, T.A. (2014). Discourse and Knowledge: a Sociocognitive Approach. In: *Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach* (pp. 1–400). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107775404> EDN ULLBXO
27. Conway, L.G., & Zubrod, A. (2022). Are US Presidents Becoming Less Rhetorically Complex? Evaluating the Integrative Complexity of Joe Biden and Donald Trump in Historical Context. *Journal of Language and Social Psychology*, 41(5), 613–625. <https://doi.org/10.1177/0261927X221081126> EDN: VAVLCH
28. Crehan, K. (2018). The Common Sense of Donald J. Trump: A Gramscian Reading of Twenty-First Century Populist Rhetoric. In: Jaramillo Torres, A., & Sable, M. (eds.) *Trump and Political Philosophy* (pp. 275–291). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-74445-2_16
29. Wicke, P., & Bolognesi, M.M. (2024). Red and Blue Language: Word Choices in the Trump & Harris 2024 Presidential Debate. *arXiv*, preprint arXiv:2410.13654. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2410.13654>

Information about the authors:

Anna V. Zabolotskikh, Senior lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: lexicology, linguistics, TESOL, language acquisition, discourse analysis; *e-mail*: zabolotskikh-av@rudn.ru, zabolotskikh_av@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-5253-2733; Author ID 57217873153, SPIN-code: 6520-1445; Researcher ID: AAB-4687-2019

Elena E. Sokolova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology (9 Institutsky lane, Moscow region, Dolgoprudny, Russian Federation, 141701); *Research interests*: cognitive linguistics, cultural studies, discourse analysis; *e-mail*: sokolova.ee@mipt.ru, selenal2@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1467-3455, Author ID: 56579818200, SPIN-code: 2013-1826, Researcher ID: G-4265-2019

Daria V. Tavberidze, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: linguistics, language acquisition, language learning, philosophy; *e-mail*: tavberidze_dv@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-2727-6803, Author ID: 57195529929, SPIN-code: 3183-1668, Researcher ID: ABW-5226-2022

Yuri S. Medvedev, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: lingvo-culturology, ELT, Russian-british relations; *e-mail*: medvedev_yus@pfur.ru

ORCID: 0000-0003-1843-9110, SPIN-code: 7185-7796, Researcher ID: ACP-6391-2022

Сведения об авторах:

Заболотских Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); ведущий специалист в лексикологии; *сфера научных интересов*: лексикология, лингвистика, преподавание

английского языка как иностранного, изучение языка, анализ дискурса; *e-mail*: zabolotskikh-av@rudn.ru, zabolotskikh_av@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-5253-2733; Author ID 57217873153, SPIN-code: 6520-1445; Researcher ID: AAB-4687-2019

Соколова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент Департамента иностранных языков Московского физико-технического института (Национальный исследовательский университет) (141701, Российская Федерация, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский переулок, д. 9); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, культурология, анализ дискурса; *e-mail*: sokolova.ee@mipt.ru, selenal2@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1467-3455, Author ID: 56579818200, SPIN-code: 2013-1826, Researcher ID: G-4265-2019

Тавберидзе Дарья Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвистика, освоение языка, изучение языка, философия; *e-mail*: tavberidze_dv@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-2727-6803, Author ID: 57195529929, SPIN-code: 3183-1668, Researcher ID: ABW-5226-2022

Медведев Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лингвокультурология, преподавание английского языка, российско-британские связи; *e-mail*: medvedev_yus@pfur.ru

ORCID: 0000-0003-1843-9110, SPIN-code: 7185-7796, Researcher ID: ACP-6391-2022

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1272-1287

EDN: NRNDSC

Research Article / Научная статья

Features in Lexicography for Arabic Dialects: Multimedia Dictionary of the Syrian Dialect

Natalia V. Novospasskaya , Aida D. Haddad

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 khaddad_a@pfur.ru

Abstract. The linguistic situation in Arab countries is characterized by the presence of several variants of the Arabic language, which interact constantly, complicating the establishment of a lexical corpus for each dialect. This paper analyzes existing approaches to the study of Arabic dialects, identifies shortcomings in the methodology of dialect analysis, and discusses directions for comparative research. It establishes the growing research interest in dialects, highlights the lack of systematic analysis of dialectal vocabulary in Arabic, and notes the interest in the phonetic and grammatical levels of analysis of specific dialects, as well as the lexical level in comparative studies. The authors propose an overview of existing digital solutions to describe and analyze Arabic dialects, highlighting the need to find new lexicographic formats and sources of dialectal material that can help capture the lexical composition and phonetic and grammatical characteristics of dialectal units. They also propose a new approach to organizing a dialectal dictionary and present a project for a multimedia dictionary of the Syrian dialect of Arabic.

Keywords: dialectology, Arabic language, dictionary

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflicts of interest.

Financing: the publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050225-0-000 “Multimedia dictionary of specialized vocabulary”.

Article history: received: 23.07.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Novospasskaya, N.V., & Haddad, A.D. (2025). Features in Lexicography for Arabic Dialects: Multimedia Dictionary of the Syrian Dialect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1272–1287. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1272-1287>

Особенности лексикографирования арабских диалектов: мультимедийный словарь сирийского диалекта

Н.В. Новоспасская , А.Д. Хаддад

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 khaddad_a@pfur.ru

Аннотация. Языковая ситуация в арабских странах характеризуется наличием нескольких вариантов арабского языка, находящихся в постоянном взаимодействии, что затрудняет установление лексического корпуса каждого диалекта. В работе анализируются существующие подходы к изучению арабских диалектов, выявляются недостатки в методологии анализа диалектов арабского языка, рассматриваются направления сопоставительных исследований. Установлен рост исследовательского интереса к диалектам, зафиксирована проблема отсутствия системности анализа диалектной лексики арабского языка, отмечен интерес к фонетическому и грамматическому уровням анализа конкретных диалектов и к лексическому уровню в сопоставительном изучении. Авторами предложен обзор существующих цифровых решений для описания и анализа диалектов арабского языка, отмечена необходимость в нахождении новых лексикографических форматов и источников диалектного материала, способствующих фиксации лексического состава и фонетических, грамматических характеристик диалектных единиц. Авторы предлагают новый подход к организации диалектного словаря и представляют проект мультимедийного словаря сирийского диалекта арабского языка.

Ключевые слова: диалектология, арабский язык, словарь

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: публикация подготовлена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 050225-0-000 «Мультимодальный словарь специальной лексики».

История статьи: дата поступления: 23.07.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Novospasskaya N.V., Haddad A.D. (2025). Features in Lexicography for Arabic Dialects: Multimedia Dictionary of the Syrian Dialect // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1272–1287. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1272-1287>

Introduction

The linguistic situation in the Arab countries is characterized by linguists as the presence of “sociolinguistic phenomena such as bilingualism, multilingualism, and diglossia.” Researchers note that multilingualism (or polylingualism) is a striking sociolinguistic feature in the Arab world, which presents an extensive and interesting field of study for linguists, sociologists, and cultural scholars [1. P. 52]. This multilingual context complicates the study of Arabic dialects in several ways:

1. Determining the lexical corpus of a dialect is difficult, as Arabic dialects closely interact with the codified literary Arabic language, leading to partial overlap in the lexical systems and making it challenging to distinguish dialectal from common colloquial vocabulary.

2. Sociolinguistic factors must be considered, as the prestigious status of the literary language and the lower social status of dialects can result in code-switching by native Arabic speakers, who may adapt their speech to the communication situation by switching between dialect and literary language. Reem Bassiouney argues that Arabic speakers perceive all language varieties as “Arabic,” as they originate from regions where Modern Standard Arabic is the official language, and they do not distinguish between classical Arabic (CA) and modern standard Arabic (MSA) [2].

3. There is no consensus on the forms of the Arabic language, with some identifying three forms (the language of the Quran, literary Arabic, and dialectal forms), while others distinguish between literary Arabic (including both classical and modern standard forms) and colloquial/dialectal varieties [3–5].

4. There is significant regional variability in Arabic dialects, forming a linguistic continuum, making it difficult to unambiguously classify a linguistic form as either literary Arabic or a specific dialect.

5. In this context, we can distinguish three main varieties of the Arabic language: literary Arabic (the language of the Quran and modern literary Arabic), colloquial Arabic, and regional dialects. The differentiation between the literary and dialectal forms is primarily based on their domains of use, with literary Arabic being used in official, religious, and written spheres, while dialects are used in everyday oral communication. However, dialects can also be used in some formal situations and literary works, blurring the line between “high” literary and “low” dialectal language, as seen in the emergence of the poetic trend شعر بالمحكية [shi’ir bel’mihq’ie] (poems in colloquial language).

Literary Arabic, in its classical and modern standard forms, is the codified and official language of all Arab countries, functioning as the language of writing, education, media, religion, and legal documents. Colloquial Arabic, on the other hand, is an unstandardized version that arises from the use of literary lexical units and constructions with minimal phonetic or grammatical changes. This colloquial variety is understood by all Arabic speakers and serves a primarily communicative function, allowing adaptation of speech for interaction between speakers of different dialects.

These three varieties of Arabic are in complex interaction, with literary Arabic influencing the colloquial and dialectal forms, while the dialects remain the most changeable variants, as they do not strive to comply with literary norms like the colloquial variety.

Materials and methods of the research

The research comprised several stages, one of which involved analyzing existing trends in the study of Arabic dialects and reviewing contemporary scholarly works. The materials for this research included scientific articles and monographs focused on the Syrian dialect of Arabic, as well as comparative studies of various Arabic dialects. The final stage entailed the development of a multimedia

dialect dictionary for the Syrian dialect of Arabic, incorporating elements of the lexical network of the Arabic language¹.

Research results

The study showed that

1) at present, there is an increase in research interest in the dialects of the Arabic language and only conditionally can we talk about the presence of a developed methodology for analyzing dialectal linguistic units of all levels, since existing works demonstrate the use of various approaches to studying certain phenomena / lexemes, and do not offer a systemic analysis of the structure of the dialect in question (or one of its levels) as a whole;

2) there is a significantly large layer of research devoted to recording and identifying patterns in dialects and differences from the literary language at the phonetic level; at the grammatical level, research is focused primarily on the word-formation development of dialect forms and the analysis of the development of the verb system of dialects; principles for describing the syntactic level of Arabic dialects are developed; primary attention is paid to individual aspects of the lexical level of Arabic dialects;

3) comparative works largely reflect the existing methodological problems of dialect studies, allow us to see the heterogeneity of approaches to the description of dialect systems, the lack of generally accepted criteria for choosing dialects for comparison and establishing genealogical links, and also show the inadequacy of dialect research, which is expressed in the lack of the ability to conduct a full-fledged comparative historical analysis and identify general trends and patterns in the development of Arabic dialect speech;

4) the introduction of new tools in work with dialects allows us to expand the range of research tasks, in particular, the development of electronic resources for the “normalization” of dialects by translating them into literary form;

5) in order to continue the study and preservation of the linguistic material of Arabic dialects and the culture of their speakers, it is necessary to create electronic, including multimedia, dictionaries.

Discussion

Level studies of the Syrian dialect of Arabic

Since ancient times, the location of Syria and Greater Syria (Bilad al-Sham — the union of Syria, Lebanon, Palestine and Jordan with the capital in Damascus) was strategically important. This region, which includes Syria, Lebanon, Palestine, and Jordan with its capital in Damascus, served as a link between three continents,

¹ Lexical Network — a graph-based model of a language’s vocabulary, within which different types of relations between words (equivalence, antonymy, motivating-motivated) are shown using graphically distinct lines (Authors. — A.H., N.N.)

Aleppo, Damascus, Latakia, Palmyra, Dayr ez-Zor were cities of the Great Silk Road. “What other country, except Syria, can claim to have seen with its own eyes such a brilliant galaxy of warriors and conquerors of the world, starting with Thutmose, Nebuchadnezzar, Alexander the Great and Julius Caesar, continuing with Khalid ibn al-Walid, Saladin and Baybars and ending with Napoleon?”².

The Arabic language arrived in the region with the advent of Islam in the 7th century in two forms: literary Arabic and colloquial Arabic. Before that, it was primarily used orally by some tribes. LA was almost not subject to change, but the colloquial version was assimilated with the Aramaic and Syriac languages that were in the territory at that time. Literature in the Syriac language actively developed in Syria even in the first centuries of Arab domination. The significant influence of the Syriac language on Arabic can be observed in the study of Arabic etymology. Shapes of Arabic graphemes, the order of letters and their names also indicate a close connection between Arabic and Syriac languages. Another indicator of this influence is that both languages share the same graphemes that are not connected to the following letters when written: ر [r], د [d]. In many Arab countries, the names of settlements and regions of Syriac origin have been preserved: كفر [kafr], دير [daj'r], معرة [maara] (Table 1).

Table 1. Toponyms of Syriac Origin

معناها بالسرياني	الكلمة المتداولة	معناها بالسرياني	الكلمة المتداولة
مغارة الشحم	معارات الأثارب	المغائر	معرثا
مغارة خان طومان	مغارة خان طومان	مغارة المسلمية	مغارة المسلمية
مغارة الشيخ	مغارة الشلف	مغارة الماء	معرمايا
مغارة الدبس	مغارة دبسا	المغارة الشمالية	مغارة الشمالية
مغارة المثنابين	مغارة مصرين	المغارة العلوية	مغارة عليا
مغارة الفود أو المحراك	مغارة متمر	المغارة المحرمة	مغارة حرمة
مغارة اشقي السهام	مغارة شمراين	مغارة الزيت	مغارة زيتا
مغارة الشمس	مغارة شمشا	المغارة ذات الرائحة الكريهة	مغارة كريهة
مغارة صغيرة	مغارة معرونة	مغارة الاسوار	مغارة شورين
مغارة سوداء	مغارة معرشور	مدخل	مغارة ملولة

Source: compiled by Aida D. Haddad & Natalia V. Novospasskaya.

One of the indicators of the great influence of the One indicator of the significant influence of the Syriac language on Arabic in Syria is its presence in three localities: Jabdin and Bahaa, where the inhabitants are Muslims, and Maaloula

² Hitti, P. (2022). History of Syria: History of Syria: Including Lebanon and Palestine; translated from English by T.M. Shulikova. Moscow: Tsentrpoligraf. P. 11.

(Damascus Province), where both Muslims and Christians reside. Currently, the inhabitants of Maaloula speak Aramaic, Christian services are conducted in Aramaic, Greek and Arabic. The population of the city is about 3,000 people. The vocabulary of Syrian dialects reflects the period of the country's entry into the Ottoman Empire, which began in 1517 when Syria was conquered by Sultan Selim I. The borrowing of vocabulary from Turkish peaked during this period. At the beginning of the 19th century, Turkish national parties implemented a policy of Turkification, aiming for the linguistic assimilation of non-Turkic peoples, often leading to the partial or complete loss of their native languages. At this time, the use of Arabic was limited to religious services in mosques, while in other social spheres, Turkish was strictly used. This period lasted until World War I. Thus, dialectal Arabic borrowed many Turkish words, particularly evident in the Damascus dialect, since the Damascus Vilayet became one of the first Ottoman provinces, and was later named one of the main administrative-territorial vilayets. During World War I, the territory of Syria was liberated from the Ottoman Empire. From 1918 to 1920, it existed under the rule of King Faisal I. In 1920, Syria was conquered by France. As part of its colonial policy, France introduced French as a second official language alongside Arabic. French was used in official business, education, and the media. At the lexical level, the colloquial version of the language in Syria began to be enriched with French borrowings. Many words and expressions in the administrative, educational and cultural spheres were borrowed from the French language. The introduction of the French education system increased the number of French speakers in Syria. In 1946, Syria gained independence, and the influence of the French language began to decline. However, many French words, primarily borrowed orally, remained in the language due to the long-lasting impact of the colonial period. French is still taught in Syrian schools.

In the modern world, English holds significant importance as an international language. A large number of Anglicisms exist in all languages of the world, and in the case of the Arabic language, these lexemes can be considered pan-Arabic, since they are used in all dialects of the Arabic language.

Several dialects with unique pronunciation features, specific vocabulary, and distinct syntactic structures have developed in Syria. These include the Aleppo dialect, the coastal dialects of Latakia and Tartus, the Damascus dialect, the Homs dialect, and others. A review of modern scientific works on the Syrian dialect of Arabic reveals that many studies focus on identifying general phonetic patterns and differences between the Syrian dialect and literary Arabic, for example, the exchange of sounds: the replacement of the sound ق [k] with a glottal stop is found in some cities Syria and Lebanon; sound transposition: changing the order of two sounds within a single word. For example, جبّ [jabaz] instead of جذب [jazab] 'pull'; elision: dropping one or more sounds in a word, for example, dropping a glottal stop: مرا [mara] instead of امرأة [mra'a] 'woman'; adding a sound to the original structure of a word: بع [b''] 'sell' (imperative form) — بيع [bi']; changing the composition of the vowels of a lexical unit: مُحمّد [muhammad] becomes مُجمّد

[mhammad] ‘Muhammad’ [6]. At the grammatical level [7–10] such tendencies are noted as the formation of a new word by combining two or more literary bases (composition): أَيْش [aesh] ‘what’ comes from أَيَّ شَيْءٍ [aj] шaj’ъ ‘any thing’; frequent use of obsolete models: the active participle formed from verbs consisting of more than three letters in the dialect usually begins with a consonant, which corresponds to the model of the Aramaic language, in contrast to literary Arabic, which requires the use of hamza (همزة) as an auxiliary letter; the emergence of new derivational models: تَفَعَّلَ [tafaalal] — تَمَلَّعَ [tmalaan] ‘cheated’; changes in the verb system and expression of the category of time. Thus, E. de Blasio in his work devoted to the analysis of the verb system of the dialect of the city of Tartus in Syria [7] examines a number of dialectal features presented in the following conclusions: 1) negative constructions are most often formed using the prefix ما [ma] in combination with pronoun suffixes: ما شرب [ma shereb] ‘did not drink’; 2) in the imperative form, a reduction of the vowel is observed, which distinguishes this dialect from Damascus: امشي [imshi] — مشي [mshi] ‘go’; 3) the present tense is indicated by the prefix عم, which is sometimes accompanied by the prefix ب [b’]: عم بيلعب [am bilab] ‘plays’; 4) the future tense is indicated by the prefixes رح [rah] and ح [h]: مارح يشرب [ma rah eshrab] ‘will not drink’. We have noted a number of works devoted to a detailed analysis of individual lexical units that can be useful from a practical point of view in language teaching; paremiology, lexicography and translation, but in a broad sense they are limited - they do not describe the structure of the dialect as a whole. We have also noted discursive studies of the Syrian dialect of Arabic [11–16].

Comparative Studies of Arabic Dialects

The linguistic situation in the Arab world is complex and requires careful attention in linguistic research. Inherent diglossia, along with established sociocultural norms, political processes, and globalization, creates a complex linguistic system. Given this complexity, sociolinguistic analysis is a common approach to studying the linguistic landscape of Arab countries.

The following works, along with numerous studies on the linguistic features of individual Arabic dialects, highlight the fragmentation and lack of systematicity in Arabic studies. In comparative studies of Arabic dialects, the following aspects are frequently encountered:

1. Identification of common phonetic patterns and differences from literary Arabic [17];
2. Study of morphological and syntactic changes in dialects [18; 19];
3. Examination of the lexical level, including borrowings [20–23];
4. Discursive studies [24; 25].

A significant work analyzing the language situation in Arab countries is Reem Bassiouney’s “Arabic Sociolinguistics” [2]. This work discusses diglossia, analyzes the distribution of functions between the two forms of Arabic in public life, and examines the social and psychological factors influencing speakers’ choices of

language forms. It also examines the impact of gender differences on Arabic usage, analyzes speech behaviors and strategies characteristic of each gender, and considers sociocultural norms and stereotypes related to language and gender. The paper describes Arabic's role in forming individual and group identity and analyzes how linguistic variation affects the expression of ethnic, religious, and national identities. The author examines language policy in Arab countries and its impact on the status of Arabic, as well as its use in media, education, and public administration.

For instance, in 2008, Mazin al-Mubarak, a scholar and member of the Academy of the Arabic Language in Damascus, advocated for strengthening the status of Modern Standard Arabic (MSA) and gradually eradicating the use of dialects in colloquial speech in Syria. His plan included information programs for families, increased use of MSA in media, more songs, plays, and films in MSA, and a rejection of works not presented in literary Arabic, even if they were entertaining.

A key problem in analyzing Arabic dialects is the difficulty in obtaining linguistic material. Unlike literary Arabic, which has extensive databases of texts, grammars, and dictionaries, dialects are primarily oral, complicating data collection and analysis. To address this issue, researchers often rely on: 1) Secondary data (linguistic material collected by other researchers); 2) A lack of source indications for linguistic material.

By illustrating the linguistic situation in Arab countries through examples from Egyptian, Levantine, Maghreb, Mesopotamian, Sudanese, Yemeni, Hejazi, and Maltese dialects, the author draws several key conclusions [27]:

1. Plurality of dialects: Arabic is characterized by linguistic diversity, with many dialects varying by region, social group, and other sociocultural factors.

2. Phonetic variations: Different dialects show variations in phoneme pronunciation, leading to difficulties in speech recognition among speakers of different dialects.

3. Morphological differences: Dialects vary in their use of prefixes, suffixes, and clitics.

4. Syntactic differences: Dialects vary in word order usage.

5. Lexical and semantic differences: Dialects feature unique borrowings from other languages and many lexical units from literary Arabic that carry different meanings in dialects, along with changes in the phonetic structure of lexemes.

This work is based on linguistic material from monographs, scientific articles, fiction, and journalistic texts, aiming to: 1) Define the concept of dialect; 2) Describe and illustrate dialectal features across different Arabic dialects.

The author argues that literary Arabic functions in official contexts but is not the native language of its speakers. Dialectal Arabic is defined as an informal variant used in daily life, characterized by distinctive features at all language levels. This statement is controversial, as it addresses fundamental issues of linguistic identity and the formation and functioning of language in society. Such a claim

requires careful justification and evidence, as it challenges traditional views on the role and status of literary Arabic.

P.E. Demina's study [25] examines the features of international communication and professional foreign language communication across four dialects: Syrian, Omani, Egyptian, and Iraqi. The author identifies difficulties in interacting with native Arabic speakers and suggests ways to overcome these challenges. Key problems include a lack of dialect knowledge, the principle of speech economy observed at all levels, non-compliance with literary Arabic rules, pronunciation changes due to dialect phonetic systems, and the use of non-standard abbreviations.

The author's analysis of the language situation and empirical data on four Arabic dialects leads to the following conclusions:

1. Diglossia affects language functioning and interpretation in various communication contexts;

2. Each Arabic dialect has distinct phonetic, lexical, and morphological features that differentiate it from literary Arabic;

3. The choice of language variant depends on the communication context: literary Arabic is used in official meetings, while dialects dominate everyday conversations;

4. Vocabulary heterogeneity: Dialects feature borrowed vocabulary and many lexical units from literary Arabic that carry different meanings in dialects, along with changes in the phonetic structure of lexemes.

The work's debatable nature arises from several factors: most language examples lack source references, and some examples are drawn from other studies (as noted by the author).

Yasin Demir's study [13] provides a general description of the Syrian dialect of Arabic, highlighting its specific usage. The author notes that the vast geographical distribution of Arabic and the rich historical events in the regions where its speakers live create a continuum of dialects that reflect various cultural characteristics. The Syrian dialect, one of the most significant and widely used, plays a crucial role in communication among Syrians, particularly regarding the social integration of Syrian refugees in Europe.

O.I. Redkin's work offers a brief historical overview of the stages in the development of the Arabic language. The author distinguishes between two language variants: classical and modern literary Arabic, emphasizing the concept of diglossia—the coexistence of two language forms: formal (*fuskha*), used in official contexts, and informal (*ammiya*), used in daily communication [26]. This division creates challenges in teaching and learning Arabic.

The article examines the geographical distribution of the Syrian dialect, emphasizing its influences from various languages, including Arabic, Syriac (Aramaic), Greek, Turkish, and French, as reflected in its vocabulary and grammatical structure. The main section analyzes specific communicative situations and common expressions used in everyday life within the Syrian dialect.

The author offers numerous examples of phrases for greetings, expressing agreement or disagreement, farewells, weather descriptions, and other common everyday situations. Each example in the Syrian dialect is compared with its literary Arabic counterpart, aiding in identifying differences and features of dialectal speech.

The study presents language examples, but the selection method remains unclear. The main section consists of a list of expressions and their approximate translations. However, there is no analysis of the structure, semantics, or pragmatics of the presented lexical units.

The modern world is experiencing significant changes due to globalization, technological advances, and migration, all of which impact the linguistic situation and the use and perception of Arabic dialects. The sociolinguistic situation in the Arab world, particularly in Syria, is unique, as multiple varieties of Arabic coexist with English, French, and other languages. In light of the rapidly changing geopolitical situation, continuous updates on the linguistic landscape in Syria are essential. Migration flows, political changes, and the influence of foreign languages directly impact linguistic practices, the spread of dialects, and the functioning of literary Arabic.

Electronic tools for recognizing and transforming dialects into a literary version of the language

In the development of a multimedia dictionary for the Syrian dialect of Arabic, various studies on creating online resources for dialect “normalization” and electronic dictionaries were analyzed. Researchers are utilizing transformer-based models, specifically BERT and GPT-2, to address and overcome the linguistic differences between Arabic dialects and Modern Standard Arabic (MSA). These differences manifest not only at the phonetic level but also in morphology, grammar, and vocabulary. The MADAR³ corpus, which includes sentences in English and various Arabic dialects, serves as the primary data source for training the model. While results indicate challenges with automatic text normalization, manual analysis reveals that the model performs effectively overall, despite some shortcomings in the quality of the source data.

The Nâbra project has compiled a corpus of Syrian dialects that encompasses 10 territorial dialects and features approximately lexemes sourced from diverse materials, including social media, blogs, films, and local poetry. The primary objective of this project is to prepare a comprehensive corpus to facilitate further linguistic research rather than to create a traditional dictionary. The annotation of the texts was carried out using the Tawseem web interface, which streamlined the process and ensured high-quality annotations, achieving an average F1-score of about 0.85.

³ Madar. URL: <https://sites.google.com/nyu.edu/madar/> (accessed: 21.04.2025).

The Qabas⁴ project offers an open-access resource characterized by a heterogeneous vocabulary that includes both modern literary Arabic and dialectal lemmas. Despite its extensive vocabulary coverage and integration with various linguistic resources, Qabas is noted to lack sufficient etymological information on the lexemes it contains. Furthermore, the resource is primarily designed for native Arabic speakers, as the English translations provided are limited to word equivalents rather than comprehensive definitions.

The ongoing development of electronic dialect resources, such as text corpora, lexicographic databases, and grammatical descriptions, represents a promising direction in contemporary linguistics. These resources enable researchers to conduct empirical analyses of dialect systems, identify statistically significant patterns in their usage, and monitor the dynamics of language change over time. The incorporation of artificial intelligence (AI) technologies into the development and application of these electronic dialect resources significantly enhances researchers' capabilities in addressing practical challenges. Methods such as machine learning and natural language processing facilitate the automation of dialect text analysis, recognition and synthesis of dialect speech, and the creation of tools that support the learning of dialects.

Dictionary of the Syrian Dialect of Arabic

Currently, there is both a need and the technical capability to develop a multimedia dictionary that presents dialect lexemes distinct from literary Arabic, including the nuances of word usage in various contexts. The demand for a system of dialect dictionaries addresses both linguistic and extralinguistic needs, providing access to valuable information and enhancing the quality of research in the field of Arabic language studies.

The integration of audiovisual materials and interactive elements will make the dictionary more user-friendly, facilitating a deeper exploration of dialects and their unique features. The principles of vocabulary selection are outlined in Table 2. Additionally, the option to download data tailored for different categories of users enables the dictionary to serve educational, scientific, and translation purposes effectively.

Furthermore, the model of the multimedia dialect dictionary and the methodology for analyzing lexical units can be adapted for the lexicography of other Arabic dialects.

The dictionary implements a number of functions (Table 3).

⁴ Birzeit University. Qabas. URL: <https://sina.birzeit.edu/qabas/> (accessed: 21.04.2025).

Table 2. Principles of vocabulary selection

Principle	Implementation
The Principle of Dialectal Affiliation	Inclusion of lexemes that are unique to a specific dialect or group of dialects, which are not found in the literary language.
The Principle of Semantic Significance	Semantically significant vocabulary forms the basis of the linguistic picture of the world and reflects key cultural concepts. This includes words denoting the main spheres of human activity: work, communication, basic emotions, and objects of both material and non-material culture.
The Principle of Thematic Relevance	Inclusion of words related to specific topics or areas of knowledge, facilitating the formation of lexical-semantic groups.
The Principle of Chronological Relevance	Accounting for changes in vocabulary over a certain period, reflecting the evolution of language.
The Principle of Territorial Limitation	Consideration of the geographical distribution of words, including lexical units used within specific regions or localities, and recording information about the area of use in dictionary entries.
The Principle of Taking into Account Sociolinguistic Factors	Recording information about the social characteristics of dialect speakers (age, education, occupation, etc.), particularly relevant when conducting surveys to collect linguistic material.
The Principle of Reflecting Options	Documentation of different phonetic, morphological, and semantic variants of the same word across various parts of the dialect area.
The Principle of Ethnographic Significance	Inclusion of lexical units that denote unique elements of the material and spiritual culture of a region (e.g., household items, rituals, customs, folk beliefs), with a presumption of incorporating multimedia elements.
The Principle of Source Analysis	Utilizing a variety of sources to identify and select lexical units for inclusion in the dictionary.
The Principle of Audience Orientation	Considering the level of training, interests, and language skills of users (e.g., students, researchers, native speakers) to adapt the presentation of material to meet their needs.

Source: compiled by Aida D. Haddad & Natalia V. Novospasskaya.

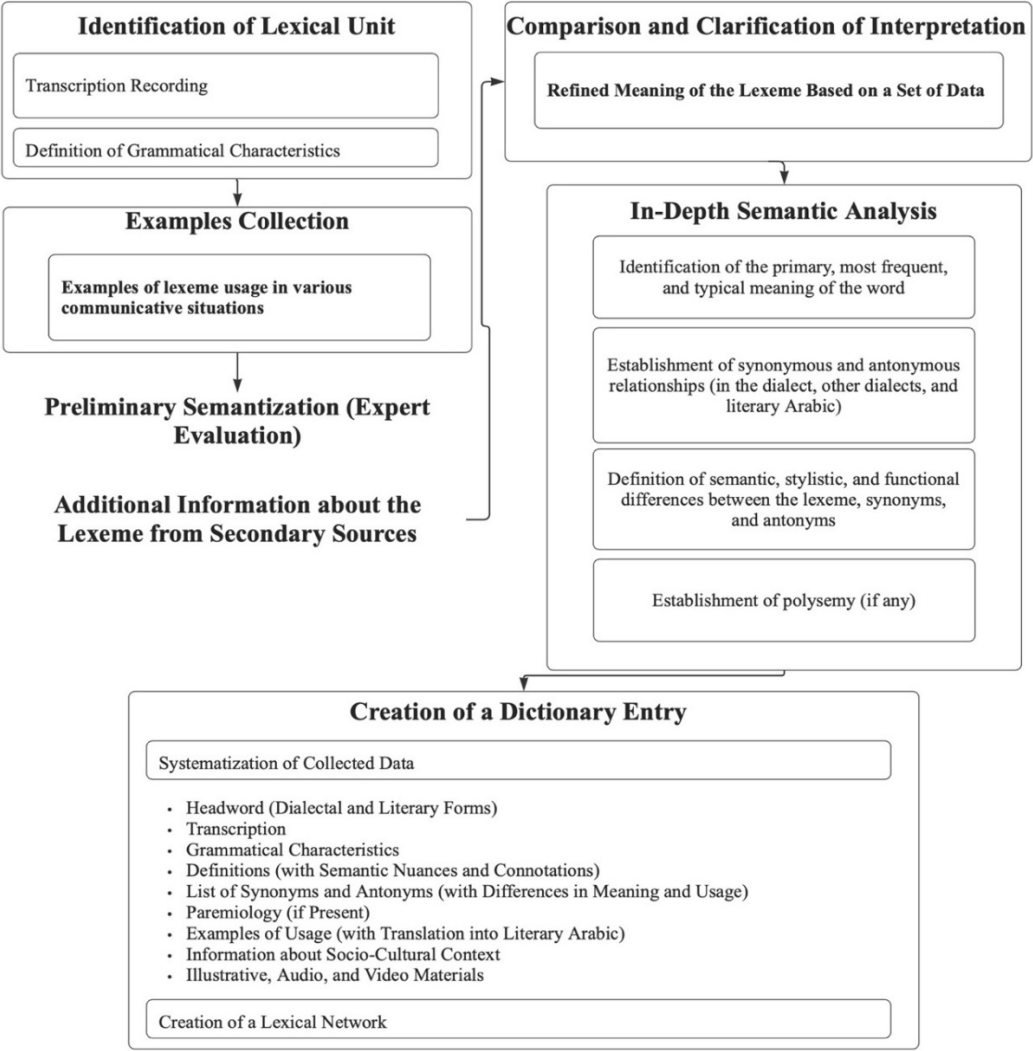
Table 3. Dictionary functions

Function	Description	Implementation
Informative Function	Providing the user with information about a word: interpretation, transcription, grammatical commentary, etymology, synonyms, antonyms, context of use	Text definitions, examples of usage in context, transcription
Attractive Function	Capturing the user’s attention and maintaining their interest	Use of multimedia content (audio, video, images)
Educational Function	Assisting the user in learning new lexical units and expanding their vocabulary	Interactive exercises, tests, flashcards, examples of usage in context, audio and video materials for practicing pronunciation, and the ability to download based on formulated requests

End of Table 3

Function	Description	Implementation
Cultural Memory Preservation Function	Preserving and transmitting information about cultural heritage, traditions, customs, and values associated with the dialect	Inclusion of information about cultural contexts of word usage, folklore texts, rituals, and traditions in dictionary entries, as well as visualization of cultural phenomena related to the dialect for clearer representation of information
Updating and Documenting Function	Recording the current state of the dialect, reflecting new words and expressions emerging in the speech of native speakers	Ability to edit existing dictionary entries and create new ones

Source: compiled by Aida D. Haddad & Natalia V. Novospasskaya.

The process of semantization of a lexeme and compilation of a dictionary entry

Source: compiled by Aida D. Haddad & Natalia V. Novospasskaya.

Conclusions

The multimedia dictionary of the Syrian dialect aims to address current challenges in the systematization and lexicography of Arabic dialectal vocabulary. It is a valuable tool for both practical study and research in the Arabic language, contributing to the preservation and popularization of the dialect. Additionally, the dictionary gives opportunities for cross-cultural research. By comparing the Syrian dialect with other Arabic dialects and languages, as well as examining its features within various social and cultural contexts, researchers can establish cultural and historical connections between different regions.

References / Библиографический список

1. Tuleubaeva, S. (2019). On the Modern Language Situation in Arabic Countries. *Eurasian Arabic Studies*, 2(8), 45–56. (In Russ.). EDN: RUVQZQ
Тулеубаева С.А. О современной языковой ситуации в арабских странах // Арабистика Евразии. 2019. Т. 2. № 8. С. 45–56. EDN: RUVQZQ
2. Bassiouney, R. (2020). *Arabic Sociolinguistics: Topics in Diglossia, Gender, Identity, and Politics*. Washington: George town University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv10kmbxg>
3. Dubinina, N.V., Merai, M.I., & Borisenko, E.A. (2024). Characteristics of Interethnic Communication of Native Speakers of Arabic. *Cognitive Studies of Language*, 1—1(57), 114—117. (In Russ.). EDN: UEEQTF
Дубинина Н.В., Мерай М.И., Борисенко Е.А. «Белый диалект» как язык межнационального общения в арабском языковом пространстве // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–1 (57). С. 114–117. EDN: UEEQTF
4. Zarytovskaya, V.N., & Al-Rahbi, A.M. Omani Arabic: Historical and Linguistic Description. *Philology. Theory & Practice*, 12(10), 302–307. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.64> EDN: FJLUBB
Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. Оманский диалект арабского языка: историко-лингвистическое описание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. С. 302—307. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.64> EDN: FJLUBB
5. Chagal, V.E. (1998). *Arab Countries: Language and Society*. Moscow. (In Russ.).
Шагаль В.Э. Арабские страны: язык и общество. М., 1998.
6. Khrisat, A., Alharthy, Z. (2015) Arabic Dialects and Classical Arabic Language. *Advances in Social Sciences Research Journal*, 2(3), 254–260. <https://doi.org/10.14738/assrj.24.1048>
7. Blasio, E. (2022). A Preliminary Study on the Verbal System of the Syrian Dialect of Ṭartūs. *Annali di Ca' Foscari. Serie orientale*, 58, 183–198. <https://doi.org/10.30687/AnnOr/2385-3042/2022/01/007>
8. Bernikova, O., & Redkin, O. (2019). Digital Humanities: The Case Study of Arabic Dialectology. In: *IMSCI 2019 — 13th International Multi-Conference on Society, Cybernetics and Informatics, Proceedings: 13, Orlando, FL, 06–09.07.2019* (vol. 1, pp. 1–60). Orlando. EDN: MGOAHI
9. Faraj, R. (2020). Morphosyntactic Transfer from a Spoken Heritage Dialect to the Standard Variety: The Case of Heritage Speakers of Syrian Arabic. *Heritage Language Journal*, 17, 202–233. <https://doi.org/10.46538/hlj.17.2.5> EDN: JVVLLN
10. Nayouf, A., Hammouda, T., Jarrar, M., Zaraket, F., & Kurdy, M.B. (2023). Nābra: Syrian Arabic dialects with morphological annotations. *arXiv*, Article 2310.17315. <https://doi.org/10.18653/v1/2023.arabicnlp-1.2>

11. Ramos, C. (2022). Idioms in Syrian Arabic: a Semantic and Grammatical Approach to the Verb. *Yearbook of Phraseology*, 13, 161–188. <https://doi.org/10.1515/phras-2022-0009> EDN: ZSMZXT
12. Hodeib, C. (2023). Conceptualizations and Evaluations of (Im)Politeness in Syrian Arabic. *Journal of Politeness Research*, 20. <https://doi.org/10.1515/pr-2020-0016> EDN: PJYQ GK
13. Demir, Y. (2022). General Characteristics of the Syrian Arabic Dial and Examples of a Common Usage in Daily Life. *European Journal of Applied Linguistics Studies*, 5. <https://doi.org/10.46827/ejals.v5i1.340> EDN: TKBSBY
14. Haddad, A.D., & Khalil, A.A.A. (2025). Lexicography of the Syrian Dialect of Arabic: Sources and Dictionary. *Training, Language and Culture*, 9(2), 20–30. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2025-9-2-20-30> EDN: LDJCVS
15. Khalil, A.A.A., & Larina, T.V. (2022). Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 27–44. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44> EDN: RUITPY
16. Novospasskaya, N.V., & Haddad, A.D. (2024). Film Discourse: a Resource for Creating a Dialect Dictionary. *Philology and Culture*, 4(78), 139–145. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2024-78-4-139-145> EDN: CWKELR
17. Kulikov, V., & Hazi, R. (2024). Phonetic Realization of the Emphasis Contrast in Voiceless Sops by Speakers of Four Arabic Varieties: The Case of F2 and VOT. *Arabic Linguistics*, 8, 1—31. <https://doi.org/10.1075/arli.00001.kul> EDN: JXOJNZ
18. Krasnoschekov, E.V. (2021). Teaching ESP for Law Students at Universities in Russia and Abroad. *Language and Culture*, 55, 103–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/55/7> EDN: ZZOGVS
- Краснощечков Е.В. Конструкции с идафой как средство выражения притяжательности в диалектах арабских языков // Язык и культура. 2021. № 55. С. 103–114. https://doi.org/10.17223/19996195/55/7 EDN: ZZOGVS*
19. Hallman, P., & Al-Balushi, R. (2022). Pronominalization and Clitic Doubling in Syrian and Omani Arabic. *Linguistics*, 60(5), 1295–1336. <https://doi.org/10.1515/ling-2019-0053>
20. Kalinina, G.S. (2021). Features of Clichéd Vocabulary in Classical Arabic and Its Dialects (in the Intentions “Greetings”, “Gratitude”, “Advice”, “Invitations”, “Congratulatory”, “Apologies” and “Farewells”). *Philology and Culture*, 1(63), 46–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-46-53> EDN: VLDZAN
- Калинина Г.С. Особенности клишированной лексики в классическом арабском языке и его диалектах (в интенциях «приветствие», «благодарность», «совет», «приглашение», «поздравление», «извинение», «прощание») // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 46–53. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-46-53 EDN: VLDZAN*
21. Antonian, A.S. (2024). Loanwords in the Arabic Dialects: Eponymisation Aspect. *Eurasian Arabic Studies*, 1, 16–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2619-1261.2024.7.1.16-30> EDN: UTKYXU
- Антонян А.С. Заимствования в арабских диалектах: аспект эпонимизации // Арабистика Евразии. 2024. № 1. С. 16–30. https://doi.org/10.26907/2619-1261.2024.7.1.16-30 EDN: UTKYXU*
22. Cherkasova, A.P. (2012). Innovations in Arabic Dialects of Maghreb Countries Caused by Interaction of the French and Arabic Languages. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1, 242–245. (In Russ.). EDN PCAFOX
- Черкасова А.П. Инновации в арабских диалектах стран Магриба как результат взаимодействия французского и арабского языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1. С. 242–245. EDN: PCAFOX*
23. Antonian, A.S. (2024). Orthographic and Morphological Variation of Loanwords in the Arabic Vernaculars. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 16(1), 81–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.106> EDN: IMLSYI

Антонян А.С. Орфографическая и морфологическая вариативность заимствований в разговорных диалектах арабского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. Т. 16. № 1. С. 81–99. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2024.106> EDN: IMLS YI

24. Dugalich, N.M., Shavtikova, A.T., & Izildin, O. (2023). Strategies for Creating the Image of a Politician in an Arabic Polycode Text of the Series “اختيار”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 946–959. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-946-959> EDN: ISLZAW

25. Demin, P.E. (2020). Specificities of International and Foreign Language Professional Communication in the Face of a Diversity of Arabic Dialects. *Political Linguistics*, 5(83), 149–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl20-05-13> EDN: KBGKYC

Демин П.Е. Особенности международного общения и профессиональной иноязычной коммуникации в условиях разнообразия диалектов арабского языка // Политическая лингвистика. 2020. № 5 (83). С. 149–156. <https://doi.org/10.26170/pl20-05-13> EDN: KBGKYC

26. Redkin, O., & Bernikova, O. (2022) Key Milestones in the History of the Arabic language: the Dialectics of Development. *Eurasian Arabic Studies*, 5(4), 16–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2619-1261.2022.5.4.16-31> EDN: NZDTZF

Редькин О.И., Берникова О.А. Основные вехи в истории арабского языка: диалектика развития // Арабистика Евразии. 2022. № 5 (4). С. 1–31. <https://doi.org/10.26907/2619-1261.2022.5.4.16-31>

27. Alnosairee, A., & Sartini, N. (2021). A Sociolinguistics Study in Arabic Dialects. *PRASASTI: Journal of Linguistics*, 6(1). <https://doi.org/10.20961/prasasti.v6i1.43127>

Information about the authors:

Natalia V. Novospasskaya, PhD in Philology, Associated Professor, Associated Professor at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: terminology, lexicography, typological linguistics; *e-mail*: novospasskaya_nv@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-7599-0246; SPIN-code: 1362-1820, AuthorID: 397500; Scopus Author ID: 57219297279; ResearcherID: 8769-2019.

Aida D. Haddad, PhD student in Philology, assistant at the General and Russian Linguistics Department, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: dialectology, Arabic language, lexicography, typological linguistics; *e-mail*: khaddad_a@pfur.ru ORCID: 0000-0002-7765-2133; SPIN-code: 1601-8469, AuthorID: 1156296.

Сведения об авторах:

Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: терминология, лексикография, типологическое языкознание; *e-mail*: novospasskaya_nv@pfur.ru

ORCID: 0000-0001-7599-0246; SPIN-код: 1362-1820, AuthorID: 397500; Scopus Author ID: 57219297279; ResearcherID: 8769-2019.

Хаддад Аида Джихадовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: диалектология, арабский язык, лексикография, типологическое языкознание; *e-mail*: khaddad_a@pfur.ru

ORCID: 0009-0009-5295-0802; SPIN-код: 1601-8469, AuthorID: 1156296.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1288-1308

EDN: NTRIFQ

Научная статья / Research Article

Средства гендерной маркированности в письменной речи Сары Вагенкнехт

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
 mchigasheva@mail.ru

Аннотация. В течение нескольких десятилетий гендерная тематика находится в фокусе лингвистических исследований современного немецкого языка. Особую актуальность средства гендерно-корректного языка (gendergerechte Sprache) приобретают при анализе политического дискурса в силу заметного влияния политических партий через своих лидеров на формирование общественного мнения и продвижение актуальной повестки. Обзор различных источников показал широкое разнообразие существующих средств, что определило необходимость их систематизации на основе единых критериев. Теоретически значимым представляется обоснованное введение гиперонима «гендерная маркированность», объединяющего средства гендерной нейтральности, гендерной корректности и гендерной асимметрии. Наибольшую последовательность в рекомендациях по гендерной корректности демонстрируют партии левого спектра, что обусловило выбор материала — текст книги Сары Вагенкнехт, изданной в период ее членства в «Левой партии». В ходе исследования использовались метод сплошной выборки, семантический, контекстуальный и количественный анализ. Цель исследования заключалась в определении соотношения выявленных языковых средств (546 номинаций) с рекомендациями партии. При помощи корпус-менеджера AntConc была установлена частотность употребления: всего 3109 случаев, из них 312 гендерно-асимметричных единиц (1174 употреблений), 128 гендерно-нейтральных единиц (1559 употреблений), 106 гендерно-корректных единиц (376 употреблений). Явный акцент в сторону номинаций по мужскому роду (generisches Maskulinum) по количеству единиц и отказ от графических средств гендерной маркированности подтверждает соответствие письменной речи С. Вагенкнехт норме немецкого языка. Частотность употребления различных средств указывает на сбалансированный характер ее речи (52 % гендерно-нейтральных и гендерно-корректных единиц против 48 % гендерно-асимметричных единиц) и явное предпочтение стратегии гендерной нейтральности. Было также выявлено непоследовательное соблюдение политиком рекомендаций своей партии: доля нейтральных и парных номинаций по количеству единиц составляет 43 %. Перспективным представляется применение предлагаемого подхода к анализу письменной речи представителей различных политических партий в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: немецкий язык, политический дискурс, гендерная корректность, гендерная асимметрия, гендерная нейтрализация, андроцентризм

© Чигашева М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Чигашева М.А. Средства гендерной маркированности в письменной речи Сары Вагенкнехт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1288–1308. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1288-1308>

Gender Marking Means in Wagenknecht's Written Discourse

Marina A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow,
Russian Federation

 mchigasheva@mail.ru

Abstract. For several decades, gender issues have been at the forefront of linguistic research on modern German. The means of gender-correct language are particularly relevant in the analysis of political discourse due to the significant influence of political parties and their leaders on shaping public opinion and promoting current agendas. A review of various sources revealed a wide diversity of existing means underscoring the need for their classification according to standardized principles. A key theoretical contribution of this study is the well-grounded introduction of the hypernym «gender marking», which encompasses means of gender neutrality, gender correctness and gender asymmetry. The greatest consistency in recommendations for gender correctness is demonstrated by left-wing parties, which determined the choice of material — the text of a book by Sahra Wagenknecht, published during her membership in The Left party. The study employed continuous sampling, as well as semantic, contextual and quantitative analysis. The research aimed to determine the correlation between the identified linguistic means (546 terms) and the party's recommendations. Using the corpus manager AntConc, the frequency of usage was established: a total of 3109 instances, including 312 gender-asymmetrical units (1174 occurrences), 128 gender-neutral units (1559 occurrences), and 106 gender-correct units (376 occurrences). The evident bias towards generic masculine in terms of the unit number and the avoidance of graphic gender markers confirms that Wagenknecht's written discourse adheres to the norms of the German language. The frequency of various means indicates a balanced character of her speech (52% gender-neutral and gender-correct units versus 48% gender-asymmetrical units) and a clear preference for the strategy of gender neutrality. It was also revealed that the politician inconsistently followed her party's recommendations: gender-neutral terms and pair forms account for only 43% of the total units. A promising direction for future research lies in applying the proposed approach to a comparative analysis of written texts by representatives of different political parties.

Key words: German language, political discourse, gender correctness, gender asymmetry, gender neutrality, androcentrism

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Article history: received: 29.05.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Chigasheva, M.A. (2025). Gender Marking Means in Wagenknecht's Written Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1288–1308. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1288-1308>

Введение

Научные дискуссии о гендерной корректности продолжаются не одно десятилетие и затрагивают разные европейские языки: немецкий, русский, английский, молдавский, хорватский, польский, украинский, испанский, португальский, французский, итальянский [1–4]. Это явление рассматривается с позиции как классической филологии и лингвистики, так и в русле перевода [5], социолингвистики [6–8], философии [9], социологии [10], в том числе с критической точки зрения [11], что неудивительно: понятие «гендер» (gender) изначально являлось экстралингвистической категорией и включало в себя описание социально приобретенных характеристик мужчин и женщин, то есть определяло так называемый «социальный пол». За прошедший период своего развития «гендер» стал междисциплинарной категорией, а лингвистические акценты в его исследовании все чаще смещаются в сторону профессиональных дискурсов, большей частью политического. В последнее время изучались, например, средства гендерно-нейтрального языка в академическом дискурсе Германии [12], гендерно-корректные речевые практики в административно-политическом дискурсе и в немецкоязычных СМИ [13], проводился сравнительный анализ средств гендерно-корректного языка на материале твитов немецких и польских политиков [14]. Особенно интенсивно гендерная повестка продвигается (или даже навязывается) именно в немецком языке. Однако отношение общества к этому неоднозначно. По данным социологических опросов и исследований, большая часть населения Германии относится негативно к гендерным тенденциям в языке [11] и при обозначении лиц отдает предпочтение универсализации по мужскому роду [15].

Одной из первых во второй половине XX в. андроцентричный характер немецкого языка подчеркивала Луиза Ф. Пуш. Именно она с лингвистической точки зрения проанализировала асимметричные средства номинации женщин и ввела в научный обиход термин *gendergerechte Sprache* [16]. Даже обозначения профессий, образованные от номинаций мужского рода при помощи суффикса *-in*, указывают, по ее мнению, на сексистский характер языка, так как являются производными от первоначальной формы мужского рода [16. С. 55]. Это направление сохраняет актуальность и сегодня. При рассмотрении данной проблематики, как подчеркивает Каролина Мюллер-Шпитцер, следует учитывать три аспекта: во-первых, в центре внимания находятся только обозначения лиц, во-вторых, необходимо дифференцированно рассматривать разные номинации (например, *die Person, der Mensch, der Lehrer* не могут быть равнозначны), в-третьих, проводить различия между категориями грамматического рода и биологического пола [17. С. 40–41]. Обобщение или универсализация по мужскому роду (*das generische Maskulinum*) при обозначении

лиц во множественном числе расценивается как средство дискриминации в языке, которое обладает неоднозначной семантикой и может нарушать процесс коммуникации [18. С. 88]. Тем не менее, несмотря на утверждения, что гендерная корректность (*das Gendern*) призвана равнозначно идентифицировать в языке женщин и мужчин и не связана с биологическим полом (*das Geschlecht*), так или иначе все дискуссии ведутся именно вокруг репрезентации в языке представителей разных (биологических) полов. Подтверждением этого служит семиотический код гендерной звездочки (*das Gender-Stern*), которая считается признаком идентичностей вне бинарной системы и благодаря большому количеству лучей символизирует разнообразие существующих полов. Неоднозначно можно оценивать тот факт, что чаще всего продвижению гендерной корректности содействуют не лингвисты и исследователи, а активисты, журналисты и политики, что, на наш взгляд, свидетельствует о политизации данного социального и уже явно лингвистического феномена, которое используется порой как инструмент манипуляции. С 2006 г. в Германии при Министерстве по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи функционирует федеральный орган по преодолению дискриминации (*Antidiskriminierungsstelle des Bundes*), в полномочия которого входит в том числе изучение и продвижение гендерно-корректного языка. Решение Федерального конституционного суда ФРГ в октябре 2017 г., вступившее в силу в декабре 2018 г., о признании на законодательном уровне «третьего пола», дало новый толчок к активизации гендерной повестки в языке. Так, каждая федеральная земля и практически каждый университет Германии имеют рекомендации, где перечисляются допустимые гендерно-корректные номинации лиц в устной и письменной речи, или уполномоченного по вопросам антидискриминации. Издательство Duden также предлагает и обосновывает решения по преодолению асимметрии при обозначении лиц разного пола [18]. Отметим, однако, что большинство предложений носят рекомендательный характер и не являются юридически обязывающими. Единственный на сегодняшний день нормативный документ, справочник федерального министерства юстиции ФРГ (*das Handbuch der Rechtsförmlichkeit des BMJ*), законодательно ограничивает в письменных текстах репрезентацию лиц графическими средствами, не допуская сокращенного упоминания парных форм и отклонения от общепринятых норм немецкого языка.

Языковые средства гендерной корректности неоднократно становились предметом анализа в работах отечественных и зарубежных исследователей [12; 18–20]. Обзор возможных вариаций, систематизированных по четырем блокам, представлен в табл. 1.

Отметим, что самое широкое разнообразие наблюдается в блоке графических средств. Данный перечень не претендует на абсолютную полноту и обладает динамичным характером. Употребление круглых скобок (*die Einklammerung*), например, уже не воспринимается гендерно-корректным средством и не рекомендуется к использованию, поскольку подчеркивает

вторичную роль лиц женского пола. То же самое относится и к косой черте с дефисом (Schrägstrich mit Bindestrich), хотя в официальном своде правил немецкой орфографии эти графические средства признаны нормативными¹.

Таблица 1. Средства гендерной корректности в немецком языке
Table 1. Gender Correctness Means in German

Блок / Part	Средства / Means	Примеры / Examples
Блок 1. Лексические средства / Part 1. Lexical means	гендерно-нейтральные номинации (geschlechtsneutrale Personenbezeichnungen) / gender-neutral terms	Mitglied, Leute, Mensch, Person, Individuum, Eltern
	обобщающие номинации (Kollektiv-, Funktions- und Institutionsbezeichnungen) / gender-neutral collective terms	Team, Gruppe, Leitung, Kräfte, Bürgertum
	парные номинации (Beidnennung, Doppelnennung) / pair form	Kolleginnen und Kollegen, Studentinnen und Studenten
	сокращения (Kurzwörter) / abbreviations	Prof, Studi, Prof.'in, Azubi
Блок 2. Грамматические средства / Part 2. Grammatical means	субстантивация (substantivierte Partizipien und Adjektive) / participial and adjectival nouns	Studierende, Lehrende, Promovierende, Beschäftigte
	гендерно-нейтральные местоимения (geschlechtsneutrale Pronomen) / gender-neutral pronouns	wer, alle, niemand, jemand
	не-бинарные местоимения (nicht-binäre Pronomen) / non-binary pronouns	dey, hän/hen, xier, sier, fey
Блок 3. Синтаксические средства / Part 3. Syntactic means	перефразирование (Umformulierungen) / paraphrasing	Menschen mit Armutserfahrung
	отказ от упоминания лиц (Weglassen von Personenbezeichnungen) / avoiding personal references	Das Material wird zeitnah zur Verfügung gestellt.
Блок 4. Графические средства / Part 4. Graphical means	гендерная звездочка (das Gender-Stern) / gender star	Teilnehmer*innen der*die Rektor*in
	гендерный пробел (das Gender-Gap) / gender gap	Abteilungsleiter_innen
	динамичный пробел (dynamischer Unterstrich) / dynamic gap	Mitarbei_terinnen
	косая черта (der Schrägstrich/das Splitting, der Schrägstrich mit Bindestrich) / splitting, slash, slash dash	Kollegin/Kollege Arbeiter/-innen Arbeiter/innen

¹ Amtliches Regelwerk der deutschen Rechtschreibung. Mannheim : Leibniz-Institut für Deutsche Sprache, 2024.

Окончание табл. 1/ End of Table 1

Блок / Part	Средства / Means	Примеры / Examples
	круглые скобки (die Einklammerung) / bracket	Kolleg(in) oder Student(in)
	двоеточие (der Gender-Doppelpunkt) / gender colon	Mitarbeiter:nnen
	буква I внутри слова (das Binnen-I) / Capital I	KollegIn StudentIn
	апостроф (der Gender-Apostroph) / gender apostroph	Autor'innen
	интерпункт (der Mediopunkt) / interpunct	Bürger·innen
	гендерно-нейтральные суффиксы (genderneutrale Suffixe) / gender-neutral suffix	Mitarbeitx (ед.ч.) Mitarbeitxs (мн.ч.)

Источник: составлено М.А.Чигашевой.

Source: compiled by Marina A. Chigasheva.

В настоящее время феминистские тенденции в языке все чаще подвергаются критике, в том числе со стороны лингвистов. Так, Гельмут Глюк считает, что субстантивированное причастие I (Partizip I), которому приписывается функция указания на гендер, стало средством идеологической борьбы. Оно действительно обладает гендерной маркированностью, когда указывает на лицо, выполняющее действие в момент речи, но не может всегда заменять номинации лиц по мужскому роду, выполняющих постоянно, профессионально или временно какие-либо действия или функции [22. С. 29–20]. Немецкий лингвист согласен с Рудольфом Бургером... dass Genderpolitik [...] in einen feministischen Neosexismus umschlage“ (что гендерная политика переходит в феминистский неосексизм²) [22. С. 39]. Абсурдными выглядят попытки внести гендерное разнообразие в устоявшиеся выражения и даже фразеологизмы, например, *das Sagen haben* (принимать решения) вместо *die Hosen anhaben*, так как лексема *die Hosen* потенциально указывает на лицо мужского пола. Разделяя эту позицию, добавим, что заменять в сложных словах первый компонент, выраженный номинацией по мужскому роду, на гендерно-нейтральное обозначение также представляется излишним. Вместо *Studentenfutter* предлагается *Studierendenfutter*, вместо *Teilnehmerliste* — *Teilnahmeliste*, вместо *Mitarbeitergespräch* — *Mitarbeiter*innengespräch*, вместо *Expertenrunde* — *Expert*innenrunde* и т.д. В соответствии с грамматической нормой немецкого языка ключевое значение сложного слова имеет последний компонент, а первый выполняет уточняющую функцию, то есть композит обозначает не лиц, а иной денотат, например, *Teilnehmerliste* — *список участников*. Возникает вопрос о целесообразности подобных замен. Луиза Ф. Пуш также считала это средство радикальной формой [16. С. 104–106]. Кроме того, не все альтернативные варианты гендерной корректности

² Прим. перевод М.А.Чигашевой.

представляются удачными: *Abschluss innehabende Person* вместо *Absolventen*, *Wegbegleitung* вместо *Kamerad*, *Wahl eines Lebensmenschen* вместо *Partnerwahl*³.

Разнообразие обозначений гендера как социального и языкового феномена говорит о стадии формирования его понятийного аппарата. Так, в источниках на немецком языке синонимично употребляются *geschlechtergerechte* (*gendergerechte*), *geschlechtssensible*, *diskriminierungsfreie*, *geschlechterbewusste*, *genderfaire*, *genderinklusive*, *geschlechterumfassende Sprache* и др. В отечественных публикациях также не наблюдается единства: *гендерно-справедливый*, *гендерно-чувствительный*, *гендерно-инклюзивный язык*, *гендерная принадлежность* и др., что является, скорее всего, буквальным переводом понятий с немецкого языка и попыткой найти точное соответствие. То же самое можно утверждать и в отношении асистемного употребления наименований языковых средств гендерно-корректного языка. В конечном итоге все они направлены на преодоление языковой асимметрии при обозначении лиц и на реализацию стратегий нейтрализации и однозначной репрезентации. Для изучения профессионального дискурса значение имеет и стратегия гендерной асимметрии, с ее помощью также представляется возможным охарактеризовать, например, политического актора. В данной работе в качестве гиперонима, объединяющего все языковые средства гендерной нейтральности, гендерной корректности и гендерной асимметрии, предлагается использовать термин «гендерная маркированность». Классификация средств гендерной маркированности при обозначении лиц во множественном числе представлена в табл. 2.

Считаем обоснованным утверждать, что унификация по мужскому роду является маркером гендерной асимметрии, субстантивация и парные формы, например, маркером гендерной корректности, а обобщающие наименования — маркером гендерной нейтральности. При обозначении лиц во множественном числе авторы могут намеренно использовать те или иные средства, демонстрируя таким образом свое отношение в том числе к гендерной повестке.

Тема гендерно-корректного языка включена в актуальный нарратив политических партий Германии. Наибольшей поддержкой различные средства гендерной маркированности пользуются у «Зеленых» (*Bündnis 90/Die Grünen*), «Левой партии» (*Die LINKE*) и социал-демократов (*SPD*⁴), категорически против выступают «Альтернатива для Германии» (*AfD*⁵) и «Союз Сары Вагенкнехт» (*BSW*⁶). Эта тема неоднократно обсуждалась на заседаниях бундестага, в том числе трижды по инициативе АдГ⁷ (2021, 2022, 2023 гг.).

³ Режим доступа: <https://geschichtgendern.de/> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴ Прим. SPD — сокращение от Sozialdemokratische Partei Deutschlands.

⁵ Прим. AfD — сокращение от Alternative für Deutschland.

⁶ Прим. BSW — сокращение от Bündnis Sahra Wagenknecht.

⁷ Прим. АдГ — сокращение от «Альтернатива для Германии».

Таблица 2. Средства гендерной маркированности в немецком языке
Table 2. Means of gender marking in German

стратегия/strategy	языковые средства/language units	примеры/examples
гендерная асимметрия/ gender asymmetry	унификация по мужскому роду/ generic masculine	die Demokraten, die Europäer
гендерная нейтральность/ gender neutrality	нейтральные номинации/neutral units	die Individuen, die Personen
	обобщающие наименования/gender-neutral collective terms	der Nachwuchs, die Belegschaft
	сокращения/abbreviations	die Azubis
	гендерно-нейтральные местоимения/ gender-neutral pronouns	wer, alle, niemand, jemand
	не-бинарные местоимения/non-binary pronouns	dey, hän/hen, xier, sier, fey
гендерная корректность/ gender correctness	парные формы/pair form	Bürgerinnen und Bürger
	субстантивация/participial and adjectival nouns	die Verbündeten, die Jüngeren
	синтаксические средства/syntactic means	ärztliche Hilfe
	графические средства/graphical means	die Translator_innen
	эксплицитное наименование лиц мужского и женского пола/explicit use of feminine and masculine forms	die Wählerinnen, die Arbeiter

Источник: составлено М.А.Чигашевой.

Source: compiled by Marina A. Chigasheva

Амбивалентной позицией отличается блок ХДС/ХСС (Union): с одной стороны, консерваторы поддерживают гендерную повестку в языке, с другой, ограничивают ее. Так, правительства двух федеральных земель (Гессен и Бавария), возглавляемые представителями ХДС⁸ Борисом Рейном и ХСС⁹ Маркусом Зёдером, в марте 2024 г. приняли решение о запрете в письменной речи официальных органов власти, в том числе в государственных учебных заведениях, графических средств гендерной корректности (гендерных знаков внутри слов)¹⁰. Глава новой партии «Союз Сары Вагенкнехт», которая в вопросах экономической повестки тяготеет скорее к левому спектру, в вопросах общественно-политической тематики — к консерваторам, выступает против «гендерного безумия» в письменной речи, считая необходимым следовать норме немецкого языка¹¹. В этом случае позиция С. Вагенкнехт расходится с позицией «Левой партии», провозгласившей социалистический феминизм одним из ключевых векторов своей политики и четко регламентирующей отражение гендерной повестки в языке при помощи лексических,

⁸ Прим. CDU — сокращение от Christlich Demokratische Union

⁹ Прим. CSU — сокращение от Christlich-Soziale Union

¹⁰ Режим доступа: <https://www.hessenschau.de/politik/ministerpraesident-rhein-verbietet-gendersprache-in-ministerien--v3,gendersprache-ministerium-100.html> (дата обращения: 19.04.2025); https://www.haufe.de/oeffentlicher-dienst/personal-tarifrecht/bayern-verbietet-gendern-in-behoerden-und-schulen_144_618824.html (дата обращения: 19.04.2025)

¹¹ Режим доступа: <https://uepo.de/2024/04/12/sahra-wagenknecht-zum-gendern-haesslich-und-regelwidrig/> (; дата обращения: 19.04.2025)

грамматических, стилистических, графических и иконических средств. Соответствующий документ был принят партией в 2017 г.¹² В нем запрещается использование обобщения по мужскому роду и местоимений, обладающих дискриминирующим значением (*keiner, jemanden*). К языковым средствам гендерной корректности «левые» относят: парные номинации (*Genossinnen und Genossen, Damen und Herren*); нейтральные обозначения (*Studierende, Gruppe, Parteimitglieder, Lehrkraft, Fachleute*); эксплицитные наименования мужчин и женщин (*Kauffrau/Kaufmann, weibliche/männliche Lehrlinge*); перефразирование; графические знаки (косая черта, буква I внутри слова, гендерный пробел).

На немецкоязычном портале geschicktgendern.de приводится сравнительный анализ средств гендерной корректности в программах партий, баллотировавшихся на выборах в бундестаг в 2021 г. и 2025 г.¹³ Самыми популярными являются парные номинации, гендерная звездочка и гендерно-нейтральные наименования в виде субстантивированных прилагательных и причастий, а также единиц с обобщающим значением. В программах 2021 г. чаще всего к средствам гендерной корректности прибегали «зелёные», социал-демократы, либералы (FDP¹⁴) и «левые». Подтверждают это и результаты более позднего исследования, проведенного С. Экле и опубликованного на странице Объединения политологов Германии¹⁵. В 2025 г. гендерно-корректными средствами отличалась также программа блока ХДС/ХСС. АдГ и «Союз Сары Вагенкнехт» принципиально негативно относятся к гендерной корректности и не используют эти средства. При этом позиции консервативного блока ХДС/ХСС и оппозиционной АдГ совпадают в отношении запрета гендерных знаков в письменной речи в общественно-публичном пространстве (сфера образования, СМИ, органы власти).

Таким образом, интерес данного исследования к средствам гендерной маркированности в речи политического актора на примере немецкого языка обусловлен актуальными лингвистическими тенденциями во взаимосвязи с внеязыковыми факторами. Предлагаемый термин «гендерная маркированность» в качестве гиперонима по отношению к гендерно-нейтральным, гендерно-корректным и гендерно-асимметричным номинациям свидетельствует о теоретической значимости исследования. Его новизна определяется отсутствием результатов лингвистического анализа письменной речи

¹² 8.1. Leitfaden zur geschlechtergerechten Ansprache. Режим доступа: <https://roterordner.die-linke.de/anlagen/> (дата обращения: 19.04.2025).

¹³ Gendern-Wahlprogramm-Check 2021. Режим доступа: <https://geschicktgendern.de/gendern-wahlprogramm-check-2025/> (дата обращения: 19.04.2025); Gendern-Wahlprogramm-Check 2025. Режим доступа: <https://geschicktgendern.de/gendern-wahlprogramm-check-2025/> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁴ Прим. FDP – сокращение от Freie Demokratische Partei.

¹⁵ Режим доступа: <https://www.dvpw.de/blog/genderstern-oder-generisches-maskulinum-welche-polit-soziologischen-faktoren-bedingen-die-jeweiligen-praeferenzen-in-der-deutschen-bevoelkerung-ein-beitrag-von-sebastian-jaeckle> (дата обращения: 19.04.2025).

С. Вагенкнехт с позиции гендерной корректности. Ранее отечественные исследователи изучали языковой портрет данного политика на основе текстов ее устных выступлений [23], выявляли на материале ее интервью маркеры женского политического дискурса [24], анализировали стратегии нейминга новой партии [25], проводили дискурсивный анализ образа данного политика [26], фрейм-анализ партийных документов [27]. Средства гендерной корректности некоторых немецких политиков рассматривались на материале их публичных, устных, выступлений, но в их числе не было С. Вагенкнехт [28]. В немецкоязычном научном дискурсе портрет данного политика выступает объектом анализа исключительно с позиции политической науки [29–31], лингвистическому анализу речь (устная и письменная) С. Вагенкнехт не подвергалась. С практической точки зрения акцент на гендерную маркированность позволит проследить степень приверженности политика актуальному нарративу.

Цель данного исследования заключалась в выявлении гендерно-маркированных средств в речи представителя оппозиционной партии современной Германии и их соотношения с существующими рекомендациями своей партии для корректного обозначения лиц во множественном числе. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение, что политики либеральной направленности стремятся в том числе через язык преодолевать социальное неравенство между мужчиной и женщиной. Проверка гипотезы осуществлялась на материале книги Сары Вагенкнехт, которая с 2021 г. по настоящее время входит в число десяти самых популярных политиков ФРГ¹⁶. По данным социологических опросов, одной из ее сильных сторон респонденты считают умение понятно выражать свои мысли¹⁷. Объектом исследования выступает гендерная маркированность письменной речи, так как именно этот материал позволяет выявить максимально возможное разнообразие средств гендерной нейтральности, гендерной корректности и гендерной асимметрии. Предметом исследования являются лексические, грамматические и графические средства гендерной маркированности. Синтаксические средства в данной работе не рассматривались.

Методология исследования

В ходе исследования использовались метод сплошной выборки, семантический и контекстуальный анализ, а также количественный метод. Материалом послужила книга С. Вагенкнехт „Die Selbstgerechten“¹⁸ (Самодовольные),

¹⁶ Режим доступа: <https://www.bild.de/politik/inland/politiker-ranking-wer-vor-boris-pistorius-beliebtester-politiker-war-67a1b68308bc756e749d5eb7> (дата обращения 13.04.2025); Режим доступа: <https://web.de/magazine/politik/inland/rangliste-deutsche-politiker-beliebtesten-40486964> (дата обращения 13.04.2025).

¹⁷ Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1455812/umfrage/eigenschaftsprofil-von-sahra-wagenknecht/> (дата обращения 13.04.2025).

¹⁸ Режим доступа: Wagenknecht S. Die Selbstgerechten. Meine Gegenprogramm – für Gemeinsinn und Zusammenhalt. Frankfurt/New York. Campus Verlag. 2021 (дата обращения 13.04.2025).

изданная в 2021 г., в период кампании по выборам в бундестаг 20-го созыва. В то время С. Вагенкнехт представляла «Левую партию» Германии. Общий объем текста составляет 394 страниц, включая оглавление и исключая список источников (18,3 а.л.). С привлечением метода сплошной выборки из текста были отобраны лексические единицы, обозначающие лиц во множественном числе или в их совокупности, всего 546 единиц. Данные лексемы были распределены на три группы: гендерно-нейтральные, гендерно-корректные и гендерно-асимметричные номинации. В первую группу вошли слова, обозначающие в равной мере лиц любого пола как в единственном, так и во множественном числе (39), и единицы, обладающие собирательным значением (89). Ко второй группе относятся субстантивированные прилагательные и причастия (104), а также парные наименования (2). Третья группа представлена универсальными обозначениями лиц по мужскому роду (312). Основанием для включения единиц в ту или иную группу являлись контекст, наличие или отсутствие парной формы по женскому роду и дефиниция. Поиск парной формы и уточнение дефиниций проводилось с привлечением данных корпуса современного немецкого языка (DWDS) и онлайн-словаря Duden. При определении значения слов, обладающих собирательным значением, ключевым показателем считалось указание на «совокупность лиц» (*Gruppe/Gesamtheit von Menschen/Beschäftigten/Personen*). С помощью корпус-менеджера AntConc было выявлено количество употреблений отобранных единиц (всего 3109). При этом учитывались примеры, имеющие отношение лишь к обозначению лиц во множественном числе; аналогичные по структуре, но иные по семантике единицы в статистику не включались, например, *die Kapitalgesellschaft* (обозначение правовой формы юридического лица), *die Mehrheit der Befragten* (обозначение количества, а не лиц). Не учитывались также сложные слова, в которых первым компонентом выступало обозначение лиц во множественном числе, например, *der Kindergarten*, *der Schüleraustausch*, *der Fachkräftemangel* и др., так как считаем данные значения нерелевантными для нашего исследования.

Результаты исследования

Анализ текста книги показал, что ее автор использует исключительно лексические и грамматические средства гендерной маркированности. Не было выявлено ни одного случая употребления графических средств, что для современного этапа развития немецкого языка можно считать скорее исключением, или небинарных местоимений. В ходе исследования встречались также нейтральные местоимения (*wer*, *alle*, *niemand*, *jemand*) и синтаксические средства (перифразирование), однако они не являлись задачей нашего анализа и не рассматриваются в данной работе, так как не было установлено однозначно, что автор намеренно использует эти средства для реализации стратегии гендерной нейтральности. Рисунок 1 наглядно демонстрирует

превалирование лексических средств гендерной маркированности в анализируемом материале. Они составляют 81 % от общего количества выявленных единиц.

Рис. 1. Соотношение лексических и грамматических средств гендерной маркированности (по количеству единиц)

Источник: составлено М.А.Чигашевой.

Figure 1. Frequency distribution of lexical and grammatical gender-marked units

Source: compiled by Marina A. Chigasheva.

К лексическим средствам относятся универсальные по семантике единицы (39 обозначений), именующие в равной степени лиц разного пола в единственном и во множественном числе, например, *die Personen*, *die Menschen*, *die Mitglieder*, *die Opfer*, *die Kinder*, *die Genies*, *die Individuen*, существительные с суффиксом *-ling* (*die Flüchtlinge*, *die Sprösslinge*) и др. Самыми частотными оказались номинации *die Menschen* (260 употреблений) и *die Kinder* (86 употреблений). Сюда же входят слова, обладающие собирательным значением, на что указывали словарные дефиниции. Из 89 случаев только 7 (9 %) представляли собой существительные во множественном числе: *die Leute* и единицы с этим компонентом (*die Bergleute*, *die Landsleute*, *die Fernsehleute*, *die Kaufleute*, *die Vertrauensleute*, *die Werbefachleute*). При этом не было выявлено ни одного случая отдельного упоминания единицы *die Fachleute*. 19 слов (21 %) употребляются преимущественно в единственном числе (*das Bürgertum*, *das Personal*, *die Basis*, *die Belegschaft*, *die Wählerschaft* и др.). 63 слова (70 %) встречаются как в форме единственного, так и в форме множественного числа (*die Kreise*, *die Eliten*, *die Gruppen* и др.). Наибольшей частотностью отличаются *die Schicht* (208 случаев), *die Gesellschaft* (204 случаев), *die Bevölkerung* (97 случаев), *das Milieu* (80 случаев), *die Gruppe* (79 случаев). Среди парных, гендерно-симметричных, форм автор употребляет только две единицы: *Migrantinnen und Migranten* (1 случай) и *Bürgerinnen und Bürger* (2 употребления). Лексическим средством является, с нашей точки зрения, обозначение лиц по форме множественного числа мужского рода.

Представители феминисткой критики языка считают данное средство гендерно-асимметричным, оно подчеркивает явный андроцентризм немецкого языка. В книге С. Вагенкнехт встречается 312 подобных единиц, среди них автор чаще всего употребляет следующие номинации: *die Arbeiter*, включая композиты с этим компонентом (133 случая), *die Wähler* (48 случаев), *die Politiker* (45 случаев), *die Bürger* (40 случаев).

К грамматическим средствам мы отнесли случаи субстантивации прилагательных и причастий (104 единицы). Самой частотной является единица *die Beschäftigten* — 50 случаев употребления, включая композиты (*die Dienstleistungsbeschäftigten*, *die Niedriglohnbeschäftigten*, *die Servicebeschäftigten*). Большая часть представлена причастиями (61 единица), меньшая — прилагательными (43 единицы). При этом встречаются случаи субстантивации в том числе сравнительной (5 единиц) и превосходной степеней (1 единица): *die Älteren*, *die Ärmeren*, *die Ärmsten*, *die Jüngeren*, *die Schwächeren*, *die Wohlhabenderen*, а также авторские номинации (*die Im-Stich-Gelassenen*, *die Mallorca-Billigflugreisenden*).

Все выявленные случаи гендерной маркированности мы разделили на три группы: гендерно-нейтральные, гендерно-корректные и гендерно-асимметричные единицы.

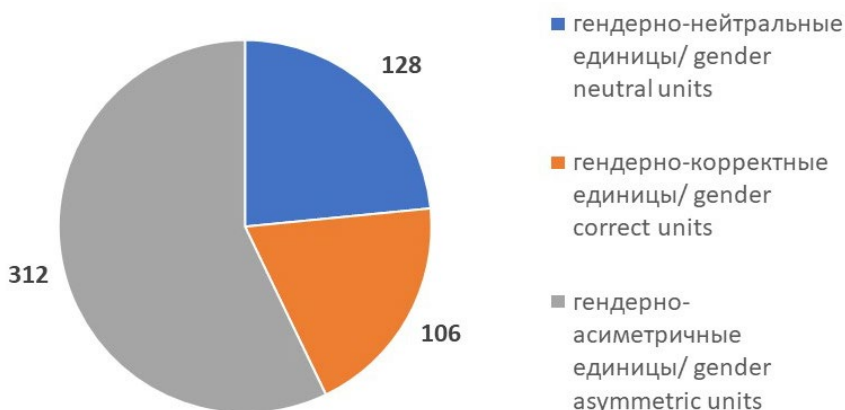

Рис. 2. Гендерно-маркированные единицы по количеству выявленных случаев

Источник: составлено М.А.Чигашевой.

Figure 2. Gender-marked units (by frequency of occurrence)

Source: compiled by Marina A. Chigasheva.

По количеству выявленных единиц в письменной речи С. Вагенкнехт преобладают случаи гендерной асимметрии (312 против 234), то есть наблюдается преимущественное употребление номинаций в виде обобщения по мужскому роду. Стоит отметить разнообразие данных средств, среди которых почти треть единиц (89) характеризуются единичностью употребления, 20 % (56) имеют латинские корни, например, *die Abiturienten*, *die Aktivisten*, *die Demokraten*, *die Hauptsponsoren*, *die Konkurrenten* и др. Приведем пример

оправданного употребления обобщения по мужскому роду. Автор критично оценивает усилия правительства в сфере образовательной политики, упоминая утерянную репутацию Германии как страны мыслителей и поэтов: „Dass in Deutschland heute <...> rund 30 Milliarden Euro weniger für Bildung aufgewandt werden als in den Jahren der Bildungsexpansion in den späten Siebzigern <...>, zeigt überdeutlich, wie weit das einstige *Land der Dichter und Denker* sich vom Anspruch der Chancengleichheit entfernt hat.“ — «То, что в Германии сегодня <...> инвестиции в образование примерно на 30 миллиардов евро меньше, чем это было в годы кардинальных изменений в системе образования или позже в 70-е <...>, наглядно показывает, как далеко когда-то *страна мыслителей и поэтов* ушла от идеи равных шансов¹⁹». Фраза *das Land der Dichter und Denker* является прецедентной, ее первые упоминания датируются второй половиной XVIII в. и встречаются в работе филолога и писателя Иоганна Карла Августа Музеуса. Однако упоминание данного образа в отношении Германии связывают с именем литературного критика и историка XIX в. Вольфганга Менцеля, после чего выражение приобрело метафорический характер. Автор сохраняет оригинальность, очевидно, считая алогичным менять устоявшуюся фразу в угоду актуальным феминистским тенденциям.

Преобладание гендерно-асимметричных номинаций позволяет, на первый взгляд, говорить об андроцентричном характере письменной речи С. Вагенкнехт. Однако этот вывод оказывается поспешным, если обратиться к количеству употреблений выявленных единиц.

Рис. 3. Гендерно-маркированные единицы по количеству употреблений

Источник: составлено М.А.Чигашевой.

Figure 3. Gender-marked units (by frequency of use)

Source: compiled by Marina A. Chigasheva.

¹⁹ Wagenknecht S. Die Selbstgerechten. Meine Gegenprogramm – für Gemeinssinn und Zusammenhalt. Frankfurt/New York. Campus Verlag. 2021. S. 359. Прим.: Курсив и перевод М.А.Чигашевой.

Большая доля (52 %) употреблений приходится на гендерно-нейтральные и гендерно-корректные единицы, гендерно-асимметричные единицы оказываются в меньшинстве (48 %). Данные результаты могут свидетельствовать о довольно сбалансированном характере употребления средств гендерной маркированности в письменной речи С. Вагенкнехт, слишком большого разрыва между нейтральностью/корректностью и асимметрией не наблюдается. Вместе с тем заметно явное отклонение от современных трендов гендерно-корректного языка, прежде всего рекомендаций партии. Табл. 3 наглядно показывает это расхождение.

Таблица 3. Соответствие средств гендерной маркированности в письменной речи С. Вагенкнехт рекомендациям партии
Table 3. Adherence to party-mandated gender guidelines in Wagenknecht's written discourse

рекомендации партии / party-mandated gender guidelines	употребление в речи политика / use in written discourse of the politician
запрет на использование универсализации по мужскому роду / exclusion of generic masculine	312 единиц / 1174 случаев употребления 312 units / 1174 occurrences
запрет на использование местоимений дискриминирующей семантики / exclusion of the pronouns of discriminatory semantics	не анализировалось / not analyzed
парные номинации / pair form	2 единицы / 3 случая употребления 2 units / 3 occurrences
нейтральные обозначения / neutral units	232 единицы / 1932 случая употребления 232 units / 1932 occurrences
эксплицитное наименование лиц мужского и женского пола / explicit use of feminine and masculine forms	не анализировалось / not analyzed
перефразирование / paraphrasing	не анализировалось / not analyzed
графические знаки (косая черта, буква I внутри слова, гендерный пробел) / graphical means (slash, Capital I, gender gap)	отсутствуют not found

Источник: составлено М.А.Чигашевой.
Source: compiled by Marina A. Chigasheva

Три положения не являлись предметом настоящего исследования. Местоимения дискриминирующей семантики (*er, sie*) и перефразирование не являются ключевыми средствами гендерной маркированности, а эксплицитное наименование лиц мужского и женского пола всегда оправдано коммуникативной ситуацией и считается корректным априори. Данные таблицы позволяют утверждать, что в 2021 г. С. Вагенкнехт непоследовательно придерживалась рекомендаций партии в своей письменной речи: доля нейтральных и парных номинаций по количеству единиц составляет 43 % от общего количества выявленных обозначений. В отношении обобщения по мужскому роду и

графических средств она занимает принципиально иную позицию, которая расходится с общей партийной линией. Складывается впечатление о намеренном употреблении автором универсализации по мужскому роду (доля таких номинаций составляет 57 %) и намеренного отказа от употребления графических знаков. Вместе с тем отметим, что частотность употребления таких единиц, как *das Milieu*, *die Bevölkerung*, *die Gemeinschaft*, *die Gesellschaft*, *die Gruppe*, *die Schicht*, *die Bürger*, *die Arbeiter*, *die Politiker* подтверждает ее приверженность политическому профилю. Ключевыми векторами своей политики «Левая партия» Германии провозгласила социальную справедливость, социальное равенство, равные возможности для всех социальных групп населения.

Заключение

Затронутая в данном исследовании тема представляется актуальной в свете изучения профессиональных дискурсов. Гендерная проблематика, зародившись как социальный феномен, тесно переплетается со сферой лингвистики и все чаще становится инструментом политической борьбы между партиями и за электорат, которая реализуется прежде всего через язык. Обзор теоретических источников и практических рекомендаций позволил систематизировать широкий спектр существующих в немецком языке средств гендерно-корректного языка и предложить в качестве гиперонима термин «гендерная маркированность». Любое средство можно рассматривать как маркер той или иной стратегии: гендерной нейтрализации, гендерной корректности, гендерной асимметрии. Таким образом, это исследование вносит вклад в развитие лингвистического аспекта гендерной корректности, так как в других публикациях стратегия гендерной асимметрии в таком ключе не рассматривается.

Выявленные средства стали отправной точкой для анализа письменной речи политического актора на предмет соответствия актуальным тенденциям его партии. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о сбалансированном, скорее гендерно-нейтральном, характере письменной речи С. Вагенкнехт и о наличии у этого политика собственной позиции в отношении гендерных трендов, о чем свидетельствует отказ от любых графических знаков и частотное употребление во множественном числе номинаций по мужскому роду, что соответствует норме современного немецкого языка. Разнообразие номинаций (546 единиц) говорит о богатом словарном запасе политика, свидетельствует об образованности, умении формулировать свои мысли и доносить их до потенциальных сторонников и избирателей. Неслучайно в опросах общественного мнения это качество данного политика получило максимальную оценку респондентов. Количественный и качественный анализ средств гендерной маркированности лишь частично подтвердил выдвинутую гипотезу о стремлении политика либеральной направленности через язык преодолевать социальное неравенство между мужчиной

и женщиной. Эта цель, как и социалистический феминизм в целом, не являются приоритетными для С. Вагенкнехт. Она концентрируется не на модных тенденциях гендерной лингвокреативности, а на содержательных вопросах актуальной политической повестки. Приверженность С. Вагенкнехт партийно-политическому левому спектру доказывает частотное употребление единиц, семантика которых эксплицитно и имплицитно указывает на потенциальный электорат своей партии (средний класс, трудящиеся, молодежь), их потребностей и прав (право на труд, достойную оплату труда, образование), а также существующие проблемы (мигранты, расслоение общества).

Перспективным представляется применить предлагаемый подход к анализу языкового материала на примере других типов текста и других политических акторов, представителей различных партий, в том числе в сопоставительном аспекте, а также привлечь статистические методы исследования для получения надежной доказательной базы.

Библиографический список

1. Читахова Л.Л., Огородов М.К., Селиванова Н.А. Языковые и социальные аспекты функционирования феминитивов в современном французском языке: словарное исследование // Филология и культура. 2019. № 4(58). С. 129–138. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-58-4-129-138> EDN: WTEDZP
2. Замышляева Ю.С. Тенденции в использовании феминитивов в современных европейских языках // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2021. № 4(33). С. 23–27.
3. Кубаева О.В. Новая волна феминитивов в современном русском языке // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 418–422. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.51828> EDN: UQHLBE
4. Малышева Е.Ю. Гендерная маркированность молдавского варианта румынского языка как современная тенденция его развития // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 3. С. 941–947. <https://doi.org/10.30853/phil20240137> EDN: NVMXNQ
5. Мацкевич Е.Э., Флакман А.А. Проблема гендерно-корректного перевода профессионально-ориентированных текстов // Балтийский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 3(40). С. 22–25. https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_03_05 EDN: WKHOWK
6. Ширяева Т.А., Авакова М.Л. Гендерный аспект коммуникативного доминирования (на материале англоязычного дискурса интервью) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3(31). С. 54–60. [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3\(31\)-54-60](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3(31)-54-60) EDN: XZKZJ
7. Игнатова Е.М. Гендерная деривация: женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО (экспериментальное исследование) // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 4(20). С. 40–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-4-20-40-49> EDN: SSCUYC
8. Балакин Ю.В., Товкес М.Ю. Лингвистические средства конструирования образа женщины-политика (на материале микроблога Твиттер) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16. № 3. С. 381–399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.304> EDN: ADKNSI
9. Kipke R. Sind wir moralisch verpflichtet, eine gendergerechte Sprache zu verwenden? // ZEMO. 2023. no. 6. P. 59–80. <https://doi.org/10.1007/s42048-023-00137-2> EDN: OMQJOA

10. Толстокорова А.В. Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 87–110.
11. Кошелева О.Н., Маслова А.Н. К вопросу о проблемах употребления гендерного языка // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 10(46). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.46.3> EDN: RRWSRL
12. Дойникова М.И. Гендерно-нейтральный язык в университетской среде Германии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 9. С. 2900–2904. <https://doi.org/10.30853/phil20220502> EDN: QOSMCQ
13. Ситникова И.О., Смолоногина Е.А. Влияние языковой гендерной политики на речевую практику в немецкоязычных странах // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 6(848). С. 171–181. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_171 EDN: TPTESQ
14. Mikolajczyk B., Aptacy J. Gendern in der Politik. Weibliche Personenbezeichnungen in deutschen und polnischen Partei-Tweet // *Convivium. Germanistisches Jahrbuch Polen*. 2023. P. 51–83. <https://doi.org/10.18778/2196-8403.2022.04> EDN: WMUAQC
15. Jäckle S. Per aspera ad astra — Eine politikwissenschaftliche Analyse der Akzeptanz des Gendersterns in der deutschen Bevölkerung auf Basis einer Online-Umfrage // *Polit Vierteljahresschr.* 2022. no. 63. P. 469–497. <https://doi.org/10.1007/s11615-022-00380-z> EDN: RLNYFI
16. Pusch L.F. *Deutsch als Männersprache*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2017.
17. Müller-Spitzer C. Gendergerechter Sprachgebrauch. Ein komplexes Feld für die Aushandlung von „richtig“ und „gut“ // *Der Deutschunterricht*. 2022. Jg. 74. Nr. 4. P. 39–49.
18. Diwald G., Steinhauer A. *Handbuch geschlechtergerechte Sprache*. Wie Sie angemessen und verständlich gendern. Berlin : Dudenverlag, 2022.
19. Едличко А.И. Графическая вариативность как феномен политкорректности // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018. № 4. С. 60–68.
20. Едличко А.И. К вопросу о феминистской критике языка // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 1. С. 158–166.
21. Трошина Н.Н. Гендерная корректность в немецкоязычной коммуникации // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2022. № 5(860). С. 105–111. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_105 EDN: TUKVYT
22. Glück H. *Das Partizip I im Deutschen und seine Karriere als Sexusmarker*. Paderborn : IFB Verlag Deutsche Sprache, 2020.
23. Степаненко О.А., Тютин Н.С. Особенности языковой личности Сары Вагенкнехт (дискурсивный анализ текстов политических выступлений) // *Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. № 1(40). С. 27–30.
24. Синеокая Н.А. Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии) // *Верхневолжский филологический вестник*. 2019. № 1(16). С. 115–122. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10321> EDN: ZAQXZJ
25. Ткаченко О.А. Кризис нейминга в германском партийном аппарате: на примере новой партии Сары Вагенкнехт // *Политическая лингвистика*. 2024. № 3(105). С. 123–131.
26. Салжанова Л.Е., Бактиярова Р.М. Влияние медиапространства на формирование дискурсивной личности (на основе исследования личности Сары Вагенкнехт) // *Известия. Серия: Филологические науки*. 2024. Т. 72. № 1. С. 219–232. <https://doi.org/10.48371/PHILS.2024.72.1>
27. Каминченко Д.И. «Союз Сары Вагенкнехт» как новая политическая сила Германии: результаты фрейм-анализа // *PolitBook*. 2024. № 4. С. 103–118. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-103-118> EDN: GGVSCX

28. Чугашева М.А. Гендерная политкорректность в немецком языке (на материале публичных выступлений политических деятелей) // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3(23). С. 72–79. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-3-23-72-79> EDN: AIYSLC
29. Thomeczek J.P. Bündnis Sahra Wagenknecht (BSW): Left-Wing Authoritarian — and Populist? An Empirical Analysis // Polit Vierteljahresschr. 2024. No. 65. P. 535–552. <https://doi.org/10.1007/s11615-024-00544-z> EDN: AWKYJM
30. Bitschnau M. Linkskonservativ, linksautoritär, linksnationalistisch? : sprachliche Wünschelrutengänge um das Bündnis Sahra Wagenknecht // Zeitschrift für Parteienwissenschaften. 2024. No. 3. P. 332–347 <https://doi.org/10.24338/mip-2024332-347>
31. Jankowski M. Das Schließen der Repräsentationslücke? Die Wählerschaft des Bündnis Sahra Wagenknecht — Eine Analyse basierend auf Paneldaten // Polit Vierteljahresschr. 2024. <https://doi.org/10.1007/s11615-024-00583-6> EDN: ITTUAV

References

1. Chitakhova, L.L., Ogorodov, M.K., Selivanova N.A. (2019). Linguistic and Social Aspects of Femininitives Functioning in Modern French: A Dictionary Study. *Philology and Culture*, 4(58), 129–138. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2019-58-4-129-138> EDN: WTEDZP (In Russ.).
2. Zamyshliaeva, Iu. (2021). Tendencies in the Use of Femininitives in Modern European Language. *Scientific and theoretical journal / bulletin of Naberezhnye Chelny state pedagogical University*, 4(33), 23–27. (In Russ.).
3. Kubayeva, O.V. (2022). A new wave of femininitives in modern Russian. *Social and humanitarian knowledge*, 3, 418–422. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.3.51828> EDN: UQHLBE (In Russ.).
4. Malysheva, E.Y. (2024). Gender Specificity in the Moldavian Variant of the Romanian Language as a Modern Trend in its Development. *Philology. Theory & Practice*, 17(3), 941–947. <https://doi.org/10.30853/phil20240137> EDN: NVMXNQ (In Russ.).
5. Matskevich, E.E., Flaksman, A.A. (2022). The Problem of Gender Correct Translation of Professionally-Oriented Texts. *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 11. Iss. 3(40), 22–25. https://doi.org/10.57145/27129780_2022_11_03_05 EDN: WKHOWK (In Russ.).
6. Shiryaeva, T.A., Avakova, M.L. (2018). Gender aspect of communicative dominance (of the English-language interview discourse). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3(31), 54–60. [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3\(31\)-54-60](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3(31)-54-60) EDN: XZKZNJ (In Russ.).
7. Ignatova, E.M. (2019). Gender-Based Word Derivation: Feminine Variations of Occupation Titles as Seen by MGIMO Students (Experimental Study). *Linguistics & Polyglot Studies*, 4(20), 40–49. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-4-20-40-49> EDN: SSCUYC (In Russ.).
8. Balakina, Ju.V., Tovkes, M.Yu. (2019). Linguistic Means of Constructing the Image of a Female-Politician (on the Example of the Microblog Twitter). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 16(3), 381–399. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.304> EDN: ADKNSI (In Russ.).
9. Kipke, R. (2023) Sind wir moralisch verpflichtet, eine genderechte Sprache zu verwenden? *ZEMO*, 6, 59–80. <https://doi.org/10.1007/s42048-023-00137-2> EDN: OMQJOA. (In Germ.).
10. Tolstokorova, A.V. (2005). Gender-Sensitive Language Reform as an Element of Global Social Policy: The Experience of the International Women's Movement. *The Journal of Social Policy Studies*, 3(1), 87–110. (In Russ.).
11. Kosheleva, O.N., Maslova, A.N. (2023). On the Problems of Gender Language Use. *Russian Linguistic Bulletin*, 10(46). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.46.3> EDN: RRWSRL (In Russ.).

12. Doynikova, M.I. (2022). Gender-Neutral Language in the University Environment in Germany, *Philology. Theory & Practice*, 15(9), 2900–2904 <https://doi.org/10.30853/phil20220502> EDN: QOSMCQ (In Russ.)
13. Sitnikova, I.A., Smolonogina, E.A. (2021). The Impact of Language Gender Policies on Speech Practices in German-Speaking Countries. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(848), 171–181. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_171 EDN: TPTESQ (In Russ.).
14. Mikołajczyk, B., Aptacy, J. (2023). Gendern in der Politik. Weibliche Personenbezeichnungen in deutschen und polnischen Partei-Tweets. *Convivium. Germanistisches Jahrbuch Polen*, 51–83. <https://doi.org/10.18778/2196-8403.2022.04> EDN: WMUAQC (In Germ.).
15. Jäckle, S. (2022). Per aspera ad astra — Eine politikwissenschaftliche Analyse der Akzeptanz des Gendersterns in der deutschen Bevölkerung auf Basis einer Online-Umfrage. *Polit Vierteljahresschr*, 63, 469–497. <https://doi.org/10.1007/s11615-022-00380-z> EDN: RLNYFI (In Germ.).
16. Pusch, L.F. (2017). Deutsch als Mönnersprache. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In Germ.).
17. Müller-Spitzer, C. (2022). Gendergerechter Sprachgebrauch. Ein komplexes Feld für die Aushandlung von „richtig“ und „gut“. *Der Deutschunterricht*, 74(4), 39–49. (In Germ.).
18. Diewald, G., Steinhauer, A. (2022). Handbuch geschlechtergerechte Sprache. Wie Sie angemessen und verständlich gendern. Berlin: Dudenverlag. (In Germ.).
19. Edlichko, A.I. (2018). Graphic variability as a phenomenon of political correctness. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 60–68. (In Russ.).
20. Edlichko, A.I. (2019). On feminist criticism of language. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 158–166. (In Russ.).
21. Troshina, N.N. (2022). Gender correctness in German speaking communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(860), 105–111. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_5_860_105 EDN: TUKVYT (In Russ.).
22. Glück, H. (2020). Das Partizip I im Deutschen und seine Karriere als Sexusmarker. Paderborn: IFB Verlag Deutsche Sprache. (In Germ.).
23. Stepanenko, O.A., Tyutin N.S. (2016). The Peculiarities of Sara Wagenknecht's Linguistic Personality (Discursive Analysis of the Political Speeches). *Bulletin of Kurgan State University. Series: Humanities*, 1(40), 27–30. (In Russ.).
24. Sineokaya, N.A. (2019). Masculine Communication Strategies and Tactics in the Female Political Discourse (on the example of Women Politicians' Interviews in Germany). *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 1(16), 115–122. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10321> EDN: ZAQXZJ (In Russ.).
25. Tkachenko, O.A. (2024). A Naming Crisis in the German Party Apparatus: The Example of Sahra Wagenknecht's New Party. *Political Linguistics*, 3(105), 123–131. (In Russ.).
26. Salzhanova, L.E., Baktiyarova, R.M. (2024). The Influence of the Media Space on the Formation of a Discursive Personality (based on the analysis of Sarah Wagenknecht's personality). *Bulletin. Series: Philological sciences*, 72(1), 219–232. <https://doi.org/10.48371/PHILS.2024.72.1> (In Kaz.).
27. Kaminchenko, D.I. (2024). “Bündnis Sahra Wagenknecht” as a New Political Force in Germany: Results of Frame-Analysis. *PolitBook*, 4, 103–118. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-103-118> EDN: GGVSCX (In Russ.).
28. Chigasheva, M.A. (2020). Gender Political Correctness in German (on the Material of Political Leaders Public Performances). *Linguistics & Polyglot Studies*, 3(23), 72–79. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-3-23-72-79> (In Russ.).
29. Thomeczek, J.P. (2024). Bündnis Sahra Wagenknecht (BSW): Left-Wing Authoritarian — and Populist? An Empirical Analysis. *Polit Vierteljahresschr*, 65, 535–552. <https://doi.org/10.1007/s11615-024-00544-z> EDN: AWKYJM (In Germ.).

30. Bitschnau, M. (2024). Linkskonservativ, linksautoritär, linksnationalistisch? *Zeitschrift für Parteienwissenschaften*, 3, 332–347. <https://doi.org/10.24338/mip-2024332-347> (In Germ.).

31. Jankowski, M. (2024). Das Schließen der Repräsentationslücke? Die Wählerschaft des Bündnis Sahra Wagenknecht — Eine Analyse basierend auf Paneldaten. *Polit Vierteljahresschr.* <https://doi.org/10.1007/s11615-024-00583-6> EDN: ITTUAV (In Germ.)

Сведения об авторе:

Чигашева Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка факультета международных отношений, МГИМО МИД России (119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76); *сфера научных интересов*: политический дискурс, семантика, перевод и переводоведение; *e-mail*: mchigasheva@mail.ru ORCID: 0000-0003-1423-5479; SPIN-код: 2974-4313; AuthorID: 473963; ResearcherID: AAP-4748-2020; Scopus Author ID: 57220201657.

Information about the author:

Marina A. Chigasheva, PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the German Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University) (76, Vernadsky avenue, Moscow, Russian Federation, 119454); *Research interests*: political discourse, semantics, translation; *e-mail*: mchigasheva@mail.ru ORCID: 0000-0003-1423-5479; SPIN-code: 2974-4313; AuthorID: 473963; ResearcherID: AAP-4748-2020; Scopus Author ID: 57220201657.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1309-1326

EDN: OCHWEL

Научная статья / Research Article

Акустический анализ интонационных характеристик вопросительных эмоционально окрашенных фраз во французском и марийском языках

И.Г. Иванова , Р.А. Егошина

¹Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Российская Федерация
 affaires@mail.ru

Аннотация. Результаты экспериментального исследования просодических параметров вопросительных фраз в разноструктурных французском и марийском языках представляют собой итоги анализа акустических характеристик эмоционально-окрашенных конструкций, их общие черты и различия. Фонетическое исследование демонстрирует наличие некоторых универсальных интонационных аспектов: движение основного тона; частота основного тона, повышающаяся на термине, содержащем вопрос; замедление темпа речи в финальной части конструкции; динамическая организация высказывания. Вопросительные высказывания в исследуемых языках характеризуются резким подъемом на логическом центре фразы. К общим характеристикам относятся также восходяще-нисходящий характер мелодии, отличающийся лишь интенсивностью перепадов основного тона и темпом произнесения. С возрастанием эмоционального напряжения говорящего увеличивается интенсивность динамической организации эмоциональных вопросительных фраз. Инструментальный анализ позволил выявить различия частотного диапазона, ритма и темпа высказываний в сравниваемых языках. Динамическая концентрация фокусируется в различных частях фразы: во французском языке она локализуется в начальной части, в марийском языке — финальном сегменте. Выбор интонационных средств во многом зависит от способов актуального членения предложения, характерных для каждого из языков. Французский язык широко использует фонетико-грамматические средства, тогда как для марийского языка являются нормативными фонетико-лексические средства. Этим и обусловлена специфика просодических характеристик изученных фраз, которая обладает высокой степенью эмоционального воздействия на собеседника. Эмоционально окрашенные вопросительные фразы отличаются ярко выраженной коммуникативной направленностью, передавая разнообразные эмоциональные состояния участников речевого акта, в частности, с использованием таких просодических средств, как частота и направленность основного тона, частотный диапазон, темп речи, связанный со скоростью артикуляции.

Ключевые слова: инструментальный анализ, вопросительная конструкция, фонетико-грамматические средства

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Иванова И.Г., Егошина Р.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 11.08.2025; дата приема в печать: 15.12.2025.

Для цитирования: Иванова И.Г., Егошина Р.А. Акустический анализ интонационных характеристик вопросительных эмоционально окрашенных фраз во французском и марийском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1309–1326. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1309-1326>

Acoustic Analysis of Intonation Characteristics of Interrogative Emotionally Colored Phrases in French and Mari

Iraida G. Ivanova , Rita A. Egoshina

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

 affaires@mail.ru

Abstract. The results of an experimental study of the prosodic parameters of interrogative phrases in the differently structured French and Mari languages represent the analysis of the acoustic characteristics of emotionally charged constructions, their common features and differences. Phonetic research demonstrates the presence of some universal intonation aspects: the movement of the fundamental tone; the frequency of the fundamental tone, increasing on the term containing the question; slowing down the pace of speech in the final part of the construction; dynamic organization of utterance. Interrogative utterances in the studied languages are characterized by a sharp rise in the logical center of the phrase. The general characteristics also include the ascending-descending character of the melody, which differs only in the intensity of pitch fluctuations and the tempo of pronunciation. As the speaker's emotional stress increases, the intensity of the dynamic organization of emotional interrogative phrases increases. The instrumental analysis revealed differences in the frequency range, rhythm and tempo of utterances in the compared languages. Dynamic concentration is focused in different parts of the phrase: in French it is localized in the initial part, whereas in Mari, it is in the final segment. The choice of intonation tools largely depends on the ways of actual sentence division, characteristic of each of the languages. The French language makes extensive use of phonetic and grammatical means, whereas the Mari language uses normative phonetic and lexical means. This is the reason for the specificity of the prosodic characteristics of the studied phrases, which has a high degree of emotional impact on the interlocutor. Emotionally colored interrogative phrases are characterized by a pronounced communicative orientation, conveying a variety of emotional states of participants in a speech act, in particular, using such prosodic means as the frequency and orientation of the main tone, frequency range, and tempo of speech associated with the speed of articulation.

Keywords: instrumental analysis, interrogative construction, phonetic and grammatical means

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: received: 11.08.2025; accepted: 15.12.2025.

For citation: Ivanova, I.G., & Egoshina, R.A. (2025). Acoustic Analysis of Intonation Characteristics of Interrogative Emotionally Colored Phrases in French and Mari. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1309–1326. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1309-1326>

Введение

Актуальность настоящей работы объясняется неразработанностью теоретических аспектов просодической системы марийского языка, отсутствием сравнительно-сопоставительных исследований в области эмоционально-экспрессивных характеристик речи в финно-угорских и романских языках. Цель исследования состоит в изучении и сравнении ритмико-интонационных показателей вопросительных фраз во французском и марийском языках. Новизна работы заключается в том, что, наряду с теоретическим исследованием данной проблемы, освещаются прикладные аспекты фонетики, в частности, ее экспрессивно-эмоциональные проявления в речи. Предмет исследования составляют мелодические характеристики французских и марийских эмоционально-окрашенных высказываний.

Новая научная парадигма предполагает изучение лингвистических единиц с точки зрения человеческого общения в его социальном и ситуативном контексте. Как известно, человек передает оттенки эмоции с помощью интонационных средств, и таким образом оказывает воздействие на собеседников. Эмоционально окрашенные фразы представляют собой вид дискурса, обладающий высоким потенциалом коммуникативной направленности, и ориентацией на тесное взаимодействие участников речевого акта. Для адекватного восприятия смысла произнесенной фразы речь коммуникантов должна оформляться с помощью соответствующих интонационных средств, которые могут быть универсальны или различны в разносистемных языках. Французский и марийский языки предполагают универсальный нисходящий терминальный тон, который является доминирующим в утвердительных фразах, а часто и в вопросительных, в том числе и эмоционально-окрашенных фразах. В то же время широко используются внешние ударения, паузы, темпоральные характеристики с целью придания большей выразительности, важности тому или иному члену синтагмы.

Обзор литературы

В основе современных исследований в области просодики лежат труды таких известных лингвистов, как А.М. Пешковский (1928), В.А. Богородицкий (1959), Л.В. Щерба (1974), Н.С. Трубецкой (1960), Р.О. Якобсон (1985) и др. Однако типологические исследования неродственных языков требуют более детального сравнительно-сопоставительного изучения их просодических систем. Изучение просодических характеристик речи в определенной коммуникативной ситуации, в частности, ее ритмико-интонационной структуры способствует более глубокому пониманию такого явления, как коммуникативная эмоциональность, и дополняет языкознание сведениями о функционировании универсальных просодических явлений в неродственных языках.

Интонация определяется как ритмико-мелодическая структура речи, способствующая членению речевого потока, с одной стороны, и делающая акцент на синтаксических значениях, модальности и эмоционально-экспрессивной окраске предложения. В современной лингвистике под термином «интонация» понимается совокупность взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения звуков [1. С. 14–16].

Ученые, исследующие просодические явления (Н.Д. Арутюнова (1990), А. Вежбицкая (2001), В.И. Шаховский (2008), З.Г. Зорина (2008), А.Н. Ку克林 (2013), рассматривают текст с позиций говорящего и чувствующего человека. Эмоции играют важную роль в выражении коммуникативных намерений, придавая речи экспрессивность и выразительность. А.М. Пешковский называет основной / исконной функцией интонации именно ее предназначение отражать эмоциональную сторону речи¹. Н.Д. Светозарова определяет как самую специфичную для интонации функцию выражения эмоциональной окраски высказывания [2. С. 86–90]. Эмоции, выступают элементом смыслообразования, структурируют и обеспечивают выбор лингвистических средств их репрезентации. Таким образом, они представляют мотивационный аспект психолингвистической деятельности человека. В качестве элемента образования смысла эмоции присутствуют в смысловой структуре речи как эмоциональный компонент личностного отношения говорящего. Эмоциональная окрашенность проявляется в эмоциональной модальности высказывания; выявление эмоционального характера может быть проанализирована с точки зрения использования единиц речи и специфических особенностей связей между ними. Субъект способен самостоятельно осуществлять эмоциональную регуляцию своих речемыслительных процессов, как осознанно, так и неосознанно. Именно этот факт позволяет исследовать значение подобной регуляции. Модальность и сегментация предложения в устной речи рассматриваются П. Мартином; при этом автор выделяет, помимо выразительной, отличительную функцию интонации, позволяющую различать утверждение, вопрос и восклицание, а также разграничительную функцию для обозначения границ между ритмическими группами. Фонетист является сторонником грамматического подхода, сосредоточенного на сегментации, модальности высказывания и функциях интонации в языковой системе [3]. Детальный анализ функционирования просодии, подкрепленный исследованием взаимосвязи между просодией и синтаксисом, осуществлен М. Вотийоном [4].

Вопрос о произвольной и непроизвольной регуляции выразительности речевой интонации подробно рассмотрен Н.И. Жинкиным, который выявил, что слоговая и мелодическая структура речи находятся в прямой зависимости от эмоциональной окраски контекста: гнев, удивление, сожаление, радость².

¹ Пешковский А.М. Интонация и грамматика // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 458–476.

² Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982.

Интонация — совокупность просодических средств, подразумевающих тон, интенсивность, паузы, темп, тембр [5. С. 5]. Это явление рассматривается лингвистами как языковое явление, выполняющее, с одной стороны, логико-грамматические функции, а с другой стороны, как звуковое выражение эмоций [6]. При передаче эмоциональной информации особая роль отводится «вокальному каналу», то есть голосу и дыханию [7. С. 77–80].

Фоностилистические исследования эмоциональных вариантов речи занимают важное место в работах французских лингвистов. П. Леон посвятил свои работы (1971, 1993, 2009) таким проблемам, как звуковое воспроизведение письменного текста, фоностилистические образцы, звуковая семиотика, лингвистические способы выражения эмоций, коммуникативная ситуативность, социальная и региональная вариативность [8]. Французский фонетист исследовал способы выражения страха, гнева, удивления, иронии, сомнения. По его мнению, экспрессивная функция языка является некой кодовой системой, содержащей определенное количество знаков, не совпадающих с правилами денотативных функций. Продолжая исследования в этой области, Г. Ферре рассматривает роль демаркационных пауз в интонации французского политического дискурса, определяя их как одну из важнейших структурирующих категорий на интонационном уровне [9].

Что касается просодической системы марийского языка, она изучена фрагментарно и требует комплексных исследований и систематизации. В рамках рассматриваемой проблематики опубликованы некоторые экспериментальные исследования и научные статьи: З.Г. Зорина сравнивает неэмоциональные интонации и их особенности в луговом и горномарийском вариантах марийского языка, описывая акустические параметры их супrasegmentных единиц [10. С. 11–19]. Экспериментальная работа Е.В. Сагдуллиной посвящена исследованию мелодических характеристик неэмоциональных интонационных конструкций горномарийского наречия. Автор подчеркивает низкий уровень тона в начале вопросительной и восклицательной фраз как его характерную черту [11. С. 83–88]. Труды марийского ученого А.Н. Куклина касаются сегментного уровня марийского языка, природы и места ударения, а также его связи с морфемной структурой слова [12]. В аспекте компаративной лингвистики выделяются труды И.Г. Ивановой и Р.А. Егосиной, в которых анализируется мелодика некоторых неэмоциональных коммуникативных типов фраз в марийском и французском языках [13. С. 23–31], выделяются случаи интонационной интерференции во французской речи студентов мари [14. С. 219–225]. Авторами проведено сравнительно-сопоставительное экспериментальное исследование фонетических систем на сегментном и супrasegmentном уровне разноструктурных языков. Исследователи подчеркивают связь интонации с эмоциями, проявляющуюся в виде акустических коррелятов, используемых для выражения эмоций: диапазон основного тона, его регистр, форма мелодического контура, длительность произнесения и интенсивность артикуляции.

Многочисленные исследования демонстрируют важность сравнения фонетических систем разноструктурных языков с целью прогнозирования и предотвращения ошибок на сегментном [15] и супraseгментном уровнях [16].

Материалы и методы исследования

Материал исследования включает специально отобранные образцы устной речи в виде звукозаписей носителей рассматриваемых языков. Акустические параметры были подвергнуты обработке с помощью специализированного программного обеспечения PRAAT. С помощью экспериментально-фонетических методов (осциллографический, гистографический, интонографический) анализировались следующие аспекты: показатели частоты основного тона, спектральный состав сигнала, продолжительность произнесения отдельных сегментов и пауз, амплитуда голосового сигнала и динамика ее изменений внутри конструкции. Инструментальный анализ дополнялся статистическим и лингвистическим методами, выявляющими сходства и различия марийской и французской речи. Инструментальному анализу подверглись 30 вопросительных конструкций, 15 высказываний в каждом из анализируемых языков.

Результаты исследования

Основная цель вопросительной фразы состоит в получении говорящим информации от собеседника. Языки используют при этом различные способы построения вопросительного предложения. Во французском языке вопрос может выражаться фонетическими (интонация), грамматическими (инверсия), лексико-грамматическими (вопросительные слова и частицы) способами. Интонационный рисунок вопросительной конструкции напрямую зависит от модели вопроса. Прямой порядок слов во французском вопросительном предложении предполагает восходящую мелодию, которая выполняет грамматическую функцию, то есть придает фразе вопросительный характер: фр. *Vous allez au café?* «Вы идете в кафе?» Инверсионный способ также сопровождается восходящим тоном: фр. *Allez-vous au café?* «Вы идете в кафе?» При наличии нескольких второстепенных членов предложения мелодия становится восходяще-нисходящей, подразумевая два или несколько вопросов и выделяя с помощью восходящей мелодии смысловое ядро, приходящееся на середину фразы: фр. *Vous allez au café ce soir?* «Вы идете в кафе сегодня вечером?».

Вопросительный оборот *est-ce que* «разве» сопровождается максимальным мелодическим подъемом на его финальном слог *que*. Последующая часть высказывания произносится с нисходящим тоном с легким его повышением на последнем слог: фр. *Est-ce que vous allez au café?* «Разве вы идете в кафе?». Вопросительное наречие или местоимение, занимающее, как правило, первое место в предложении, несет на себе всю смысловую нагрузку

вопроса, представляет собой семантический центр высказывания и произносится на максимально высоком тоне, то есть подобная грамматическая конструкция предполагает нисходящую мелодику: фр. *Quand allez-vous au café?* «Когда вы идете в кафе?» Следует отметить, что финальный слог характеризуется незначительным повышением тона.

Мелодико-грамматическая модель с вопросительным словом в финале фразы является типичной для разговорного стиля речи: фр. *Vous partez où?* «Вы уезжаете куда?» Фонетическая норма французского языка XX века предполагала повышение тона на вопросительном слове, в то время как современный разговорный стиль имеет тенденцию к произношению подобных конструкций с резким понижением тона на функциональном слове (вопросительном наречии / местоимении). Все большее количество респондентов придерживается подобной мелодической модели. Таким образом, мелодическим пиком отмечен, как правило, семантический центр вопросительной фразы, непосредственно заключающий в себе вопрос.

В марийском языке, как показывают экспериментальные исследования, данный коммуникативный тип фразы использует интонационные средства, например: мар. *Те тоштерыш каеда?* «Вы идете в музей?», грамматические способы (вопросительные наречия и прилагательные), например: мар. *Кушко те каеда?* «Куда вы идете?», лексические приемы — десемантизированное вопросительное слово *мо* «что», усиливающее вопросительное значение фразы, например: мар. *Тоштерыш каеда мо?* «В музей идете?». Как демонстрирует инструментальный мелодический анализ, для подобных фонетических единиц характерна восходяще-нисходящая мелодия. Слово, представляющее собой семантический центр и выражающее вопрос, является мелодическим максимумом, как во французском языке. Мелодический рисунок фразы претерпевает изменения в соответствии со способом постановки вопроса.

Эмоционально окрашенные высказывания с вопросительным словом

Вопросительные высказывания, начинающиеся с вопросительного слова, характеризуются нисходящей мелодией: мелодический максимум приходится на вопросительное слово, за которым следует понижение тона, вплоть до финального сегмента фразы. В качестве примера проанализированы французский и марийский эквиваленты вопросительного высказывания (рус.) «Почему ты пришел так поздно?», произносимого с эмоциональной окраской. Французский и марийский варианты демонстрируют совпадение направления движения основного тона: от его пика, локализованного на вопросительном наречии, к минимальному значению финальной части фразы. На рисунке 1 иллюстрируется нисходящий тон французского варианта от максимума на вопросительном слове *pourquoi* ‘почему’ (3439 Гц) до мелодического минимума (1412 Гц). Следовательно, показатели осцилограммы указывают на широкий мелодический диапазон данного звукового фрагмента. Соответствующий эквивалент в марийском языке (рис. 2) достигает максимального

значения на вопросительном слове *молан* ‘почему’ (3336 Гц) и понижения тона к финальному слогу фразы (1289 Гц). Мелодические параметры осциллограммы указывают на широту диапазона данной модели. Параметры частотного диапазона данного примера отражены в табл. 1. Как показывает фонетический анализ, оба языка оперируют фонетико-лексическим способом выделения коммуникативного ядра предложения. Вместе с тем интонограмма французского высказывания не содержит резких тональных подъёмов, в отличие от графики марийской фразы, что свидетельствует о более динамичном ритме марийского варианта. Марийское предложение обладает заметно более высоким темпом французского эквивалента.

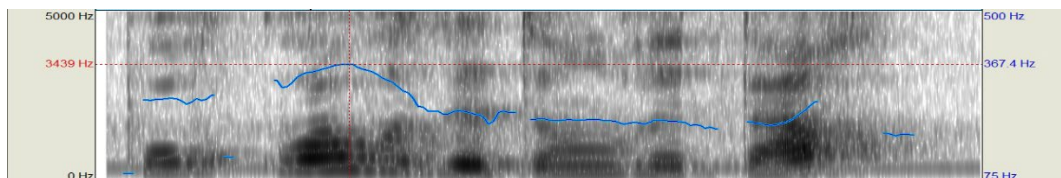

Рис. 1. Акустические параметры фразы Pourquoi tu es venu si tard?
Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.
Figure 1. Acoustic Phrase Parameters Pourquoi tu es venu si tard?
Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

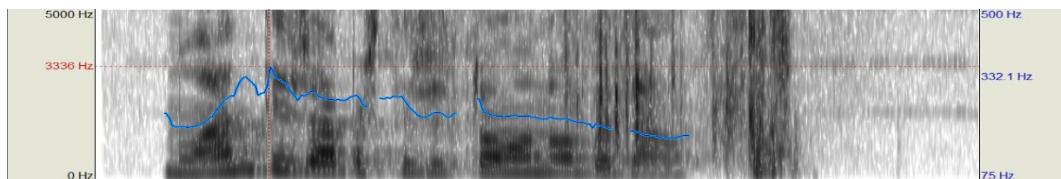

Рис. 2. Акустические параметры фразы Молан тый тыге вараш толынат?
Частотный диапазон фраз
Pourquoi tu es venu si tard? / Молан тый тыге вараш толынат?
Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.
Figure 2. Acoustic Phrase Parameters Молан тый тыге вараш толынат?
Phrase frequency range
Pourquoi tu es venu si tard? / Молан тый тыге вараш толынат?
Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Таблица 1. Акустические параметры сравниваемых фраз
Table 1. Acoustic parameters of the matched phrases

Пример / Example	Мелодический максимум / Melodic maximum	Мелодический минимум / Melodic minimum	Диапазон / Range	Направление тона / Tone direction
Французский язык / French	3439 Hz	1412 Hz	Широкий / Wider	Нисходящее / Descending
Марийский язык / Mari	3336 Hz	1289 Hz	Широкий / Wider	Нисходящее / Descending

Источник: составлено И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.
Source: compiled by Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

При сравнении эквивалентов французской и марийской фраз, соответствующих русскому высказыванию *Как это случилось?*, мелодическая кривая иллюстрирует сходство направления движения основного тона и частичное совпадение точек концентрации частотных максимумов фраз. Обе фразы произносятся нисходящим тоном и содержат мелодический пик на вопросительных словах, составляющих начальный сегмент высказываний. Максимальная высота тона вопросительного наречия (фр.) *comment* ‘как’ — 3216 Гц (рис. 3). В марийском эквиваленте мелодический максимум концентрируется на слове (мар.) *кузе* ‘как’ — 3078 Гц (рис. 4). Эти данные свидетельствуют о фонетико-лексическом способе выделения коммуникативного ядра в обоих языках. Оба высказывания обладают достаточно широким диапазоном. В то же время ритм и темп французского эквивалента являются более высокими в сравнении с марийским примером.

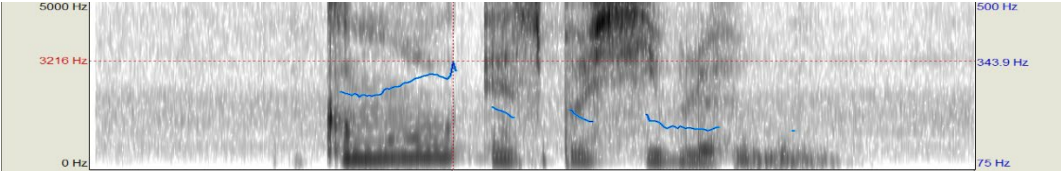

Рис. 3. Акустические параметры фразы Comment est-il arrivé?

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 3. Acoustic Phrase Parameters Comment est-il arrivé?

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

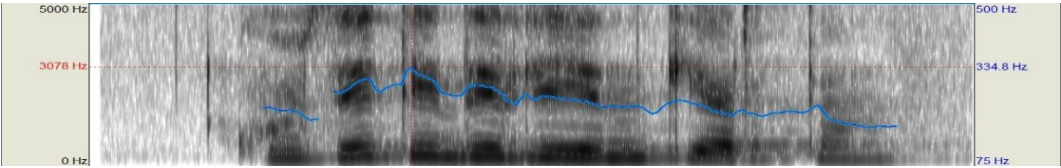

Рис. 4. Акустические параметры фразы Кузе тиде лийын колтен?

Частотный диапазон фраз Comment est-il arrivé? / Кузе тиде лийын колтен?

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 4. Acoustic Phrase Parameters Кузе тиде лийын колтен? Phrase frequency range Comment est-il arrivé? / Кузе тиде лийын колтен?

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Таблица 2. Акустические параметры сравниваемых фраз
Table 2. Acoustic parameters of the matched phrases

Пример / Example	Мелодический максимум / Melodic maximum	Мелодический минимум / Melodic minimum	Диапазон / Range	Направление тона / Tone direction
Французский язык / French	3216 Hz	654 Hz	Широкий / Wider	Нисходящее / Descending
Марийский язык / Mari	3078 Hz	1430 Hz	Широкий / Wider	Нисходящее / Descending

Источник: составлено И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Source: compiled by Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Сравнительный фонетический анализ эмоционально окрашенных фраз-эквивалентов русского выражения *Зачем ты это сказал?* показал совпадение таких параметров, как: направление движения основного тона, максимальная концентрация его частоты, широкий мелодический диапазон. Как и предыдущие примеры, данные высказывания демонстрируют нисходящий тон, максимальная высота которого концентрируется на вопросительном слове.

Наибольшее частотное значение французского *pourquoi* ‘зачем’ (рис. 5) является его отличительной чертой (2786 Гц) как ядра интеррогативного предложения; вопросительное слово (мар.) *молан* (рис. 6) также представляет собой тональный пик (3216 Гц.). Следовательно, смысловое членение предложения реализуется в марийском и французском языках посредством фонетико-лексического способа.

Мелодический диапазон французского и марийского высказываний достаточно широк. Параметры частотного диапазона отражены в табл. 3.

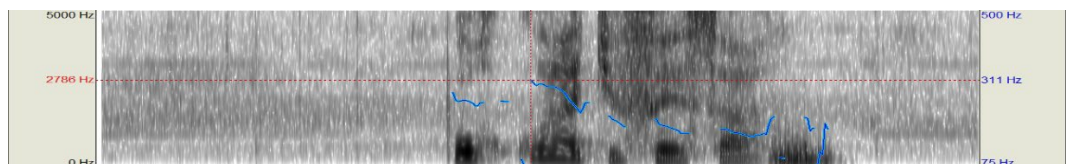

Рис. 5. Акустические параметры фразы Pourquoi tu as dit ça?

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 5. Acoustic Phrase Parameters Pourquoi tu as dit ça?

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

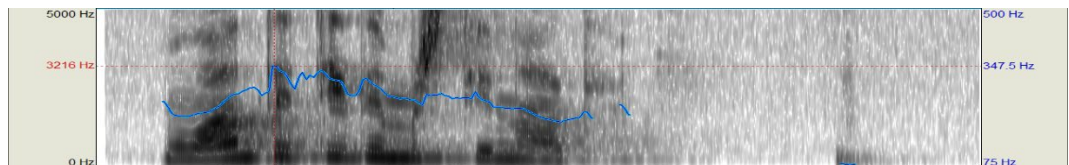

Рис. 6. Акустические параметры фразы Молан тый тидым ойленат?

Частотный диапазон фраз Pourquoi tu as dit ça? / Молан тый тидым ойленат?

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 6. Acoustic Phrase Parameters Молан тый тидым ойленат?

Phrase frequency range Pourquoi tu as dit ça? / Молан тый тидым ойленат?

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Таблица 3. Акустические параметры сравниваемых фраз

Table 3. Acoustic parameters of the matched phrases

Пример / Example	Мелодический максимум / Melodic maximum	Мелодический минимум / Melodic minimum	Диапазон / Range	Направление тона / Tone direction
Французский язык / French	2786 Hz	1017 Hz	Широкий / Wider	Нисходящее / Descending
Марийский язык / Mari	3216 Hz	1430 Hz	Широкий / Wider	Нисходящее / Descending

Источник: составлено И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Source: complied by Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Русская вопросительная конструкция типа *Что произошло?*, то есть вопрос к неодушевленному подлежащему, передается в рассматриваемых языках различными грамматическими структурами. Такой тип вопроса во французском языке строится с использованием оборота *qu'est-ce qui* «что» и предполагает повышение тона на последнем слоге вопросительного оборота и его понижение до минимума на финальном слоге синтагмы, то есть восходяще-нисходящий тон с резким и быстрым мелодическим подъемом и падением, а также высоким темпом артикуляции, что в целом соответствует орфоэпическим нормам французского языка. В марийском эквиваленте употребляется вопросительное слово *мо* «что», которое, являясь смысловым центром, произносится на повышенном тоне с его дальнейшим понижением. Высказывание в целом характеризуется достаточно широким диапазоном и относительно замедленным темпом. Таким образом, различные грамматические структуры высказываний данного типа в сравниваемых языках влекут за собой значительные различия в их мелодическом оформлении. Мелодический пик (4420 Гц) приходится на начальную часть французского варианта. Минимально частотное значение составляет 1575 Гц и относится к финальной части данной мелодической модели (рис. 7). Мелодическая кривая марийского образца (рис. 8) демонстрирует восходяще-нисходящий тон, который характеризуется плавным подъемом и понижением. Пик высоты, который равняется 3601 Гц и концентрируется на коммуникативном ядре — вопросительном слове *мо* «что», сменяется плавным понижением тона до 1227 Hz к концу фразы. Подобные французские и марийские модели, используя различные структуры для своего грамматического оформления, предполагают использование отличных друг от друга типов мелодического рисунка. Тем не менее, наблюдаются сходные черты рассматриваемых синтагм: широкий диапазон и восходяще-нисходящее направление движения основного тона.

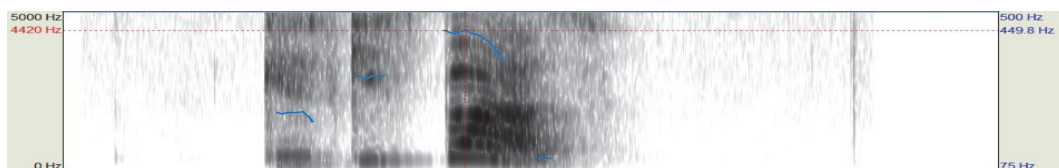

Рис. 7. Акустические параметры фразы *Qu'est-ce qui s'est passé?*

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 7. Acoustic Phrase Parameters *Qu'est-ce qui s'est passé?*

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

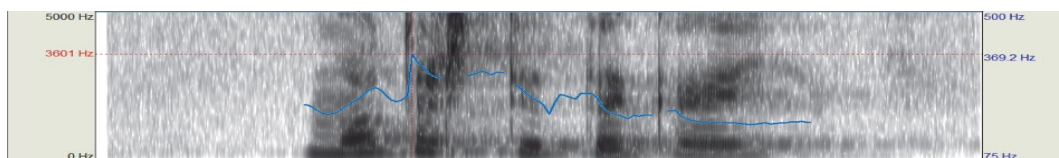

Рис. 8. Акустические параметры фразы *Мо тыште лийын?*

Частотный диапазон фраз *Qu'est-ce qui s'est passé?* / *Мо тыште лийын?*

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 8. Acoustic Phrase Parameters *Мо тыште лийын?*

Phrase frequency range *Qu'est-ce qui s'est passé?* / *Мо тыште лийын?*

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Таблица 4. Акустические параметры сравниваемых фраз
Table 4. Acoustic parameters of the matched phrases

Пример / Example	Мелодический максимум / Melodic maximum	Мелодический минимум / Melodic minimum	Диапазон / Range	Направление тона / Tone direction
Французский язык / French	4420 Hz	1575 Hz	Широкий / Wider	Восходяще- нисходящее / Ascending- descending
Марийский язык / Mari	3601 Hz	1227 Hz	Широкий / Wider	Восходяще- Нисходящее / Ascending- descending

Источник: составлено И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.
Source: complied by Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Вопросительные фразы без вопросительного слова

Интонационное оформление подобных фраз отличается своеобразным мелодическим рисунком. Иллюстрацией их мелодики являются примеры французского и марийского высказываний, соответствующие русской фразе Сегодня очень теплая погода, не так ли? Для придания эмоционального характера высказыванию в сопоставляемых языках используется лексическо-фонетический способ выражения вопроса, то есть частица (фр.) *n'est-ce pas* ‘не так ли’, идиоматическое выражение (мар.) *туге вет* ‘так ведь, не так ли’. Как любое эмоционально окрашенное вопросительное высказывание, подобные фразы имеют специфическое фонетическое (мелодическое) оформление.

Кроме того, французский вариант прибегает к использованию грамматического способа выделения коммуникативного центра. Осциллограмма французского варианта (рис. 9) показывает два существенных мелодических пика. Наибольший частотный показатель концентрируется на финальном слоге частицы *n'est-ce pas* ‘не так ли’ (4277 Гц), поскольку именно она представляет смысловой центр высказывания. Второй по значимости пик, как свидетельствует осциллограмма, концентрируется на слове *chaud* (4040 Гц), так как данный элемент является ремой предложения. Значения частотного диапазона приведены в таблице 5. В марийской фразе осциллограмма демонстрирует многократные, но не столь значительные, как во французском эквиваленте, повышения тона (рис. 10). Мелодический пик отмечен на начальных слогах фразы, концентрируется на наречии *пеш* ‘очень’ (2838 Гц). Идиоматическое выражение *туге вет* ‘так ведь’ отмечено менее значительным повышением тона (2599 Гц), конечный слог произносится с его резким понижением. Темп марийского и французского высказываний аналогичен. Однако диапазон французского варианта значительно шире по отношению к марийскому эквиваленту. Ударные слоги, несущие внутренние и внешние ударения, во французской модели произносятся с более явным повышением тона, что создает

специфичный ритм эмоциональной французской фразы. Своеобразный ритм марийской фразы создается за счет повторения относительно коротких, соизмеримых речевых единиц, выполняющих структурирующую и экспрессивно-эмоциональную функции. Особую ритмичность придает модели регулярность воспроизведения интонационных модификаций.

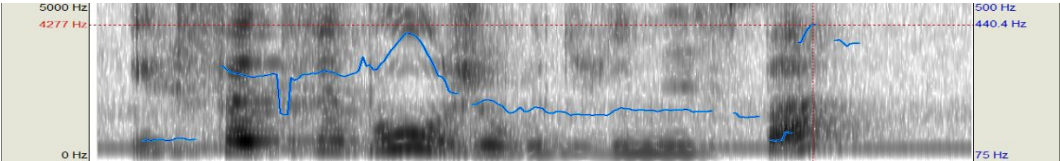

Рис. 9. Акустические параметры фразы Il fait très chaud aujourd'hui, n'est-ce pas?
Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 9. Acoustic Phrase Parameters Il fait très chaud aujourd'hui, n'est-ce pas?
Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

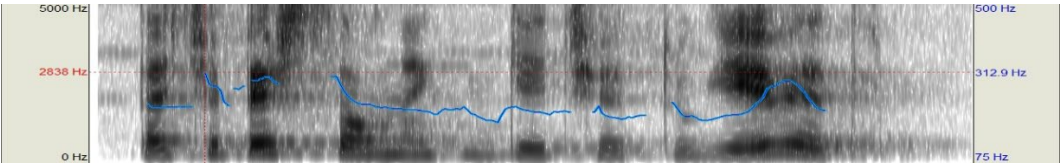

Рис. 10. Акустические параметры фразы Таче пеш шокшо игече, туге вет?
Частотный диапазон фраз Il fait très chaud aujourd'hui, n'est-ce pas? /
Таче пеш шокшо игече, туге вет?

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.
Figure 10. Acoustic Phrase Parameters Таче пеш шокшо игече, туге вет?
Phrase frequency range Il fait très chaud aujourd'hui, n'est-ce pas? /
Таче пеш шокшо игече, туге вет?
Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Таблица 5. Акустические параметры сравниваемых фраз
Table 5. Acoustic parameters of the matched phrases

Пример / Example	Мелодический максимум / Melodic maximum	Мелодический минимум / Melodic minimum	Диапазон / Range	Направление тона / Tone direction
Французский язык / French	4277 Hz	634 Hz	Широкий / Wider	Восходящее / Rising
Марийский язык / Mari	2838 Hz	1241 Hz	Узкий / Narrower	Восходящее / Rising

Источник: составлено И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.
Source: compiled by Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Как правило, вопросительные высказывания во французском и марийском языках оформляются с использованием различных способов, отражающих суть их грамматических норм. Французское вопросительное предложение *Vas-tu au théâtre?* «Ты пойдешь в театр?» строится с помощью инверсии.

В марийском варианте присутствует вопросительное слово *мо* «что», подвергшееся десемантизации.

Французская фраза *Vas-tu au théâtre?* (рис. 11) характеризуется нисходяще-восходящим тоном, не имеющим пиков и падений, и узким мелодическим диапазоном. Финальный слог синтагмы характеризуется максимальной высотой тона (2599 Hz), так как он представляет собой семантический центр высказывания (*théâtre*). В таблице 6 описаны значения частотного диапазона. Минимальная частота тона (1477 Hz) фиксируется на начальном слоге: данная мелодическая модель соответствует орфоэпическим нормам французской вопросительной фразы, содержащей инверсию. При этом средством актуального членения предложения выступает грамматический способ.

Мелодия марийского эквивалента *Тый театрыш кает мо?* (рис. 12) является восходяще-нисходящей. Его частотный диапазон достаточно узок. Мелодический пик (2391 Hz) сосредоточен на реме — глаголе *кает* «пойдешь»; минимальная частота тона (1275 Hz) концентрируется на финальном слове «мо», выполняющем грамматическую функцию. Следовательно, интонационная структура фразы акцентирует ее коммуникативное ядро, реализующееся грамматическим способом.

Для обоих высказываний присущ ровный ритмический рисунок, который достигается внутренней акцентуацией при отсутствии внешних ударений. Марийский вариант характеризуется наличием большого количества пауз, вызванных эмоциональным характером речи.

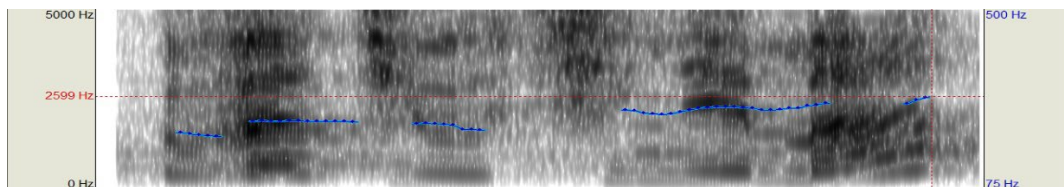

Рис. 11. Акустические параметры фразы *Vas-tu au théâtre?*

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 11. Acoustic Phrase Parameters *Vas-tu au théâtre?*

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

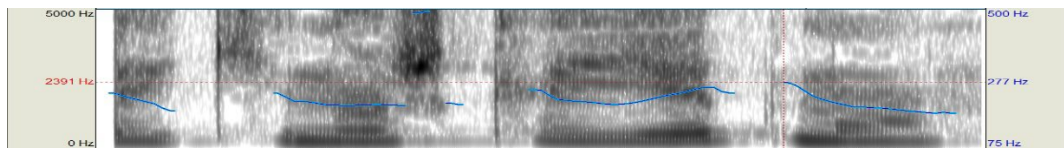

Рис. 12. Акустические параметры фразы *Тый театрыш кает мо?*

Частотный диапазон фраз *Vas-tu au théâtre?* / *Тый театрыш кает мо?*

Источник: фотографии из архива И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.

Figure 12. Acoustic Phrase Parameters *Тый театрыш кает мо?*

Phrase frequency range *Vas-tu au théâtre?* / *Тый театрыш кает мо?*

Source: photos from the archive of Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Таблица 6. Акустические параметры сравниваемых фраз
Table 6. Acoustic parameters of the matched phrases

Пример / Example	Мелодический максимум / Melodic maximum	Мелодический минимум / Melodic minimum	Диапазон / Range	Направление тона / Tone direction
Французский язык / French	2599 Hz	1477 Hz	Узкий / Narrower	Нисходяще-вос- ходящее / descending- ascending
Марийский язык / Mari	2391 Hz	1275 Hz	Узкий / Narrower	Восходяще- нисходящее / Ascending- descending

Источник: составлено И.Г. Ивановой, Р.А. Егошиной.
Source: compiled by Iraida G. Ivanova, & Rita A. Egoshina.

Заключение

Мелодическое оформление фраз, несущих в себе эмоциональную окраску, зависит от темперамента, высоты голоса, цели высказывания говорящего. Таким образом, типичными просодическими признаками эмоционального характера вопросительных фраз являются параметры высоты основного тона, его максимально широкий либо узкий диапазон, ускорение или замедление ритма, увеличение количества пауз, темпоральные особенности речи. Объективными показателями данных просодических явлений выступают: колебания частоты основного тона от минимального к максимальному, направление движения основного тона и варьирование темпа речи за счет ускорения или замедления артикуляции. Ведущим акустическим параметром являются значения частоты основного тона. Как демонстрируют экспериментальные фонетические исследования, ритм, паузы и темпоральные характеристики речи и интенсивность играют ограниченную роль и выступают в качестве дополнительных характеристик. Общее эмоциональное состояние говорящего проявляется в виде всего арсенала перечисленных просодических явлений.

Интонационное оформление французских и марийских вопросительных высказываний также имеет ряд схожих и дифференциальных черт. Французские и марийские вопросительные высказывания характеризуются резким подъемом на логическом центре фразы, содержащем вопрос, каким является, как правило, вопросительное слово. Мелодия французской и марийской фраз совпадает на 100 % и имеет восходяще-нисходящий характер, отличаясь лишь интенсивностью перепадов основного тона и темпом произнесения. При отсутствии вопросительного слова в высказывании процент совпадений снижается и равняется 75 %. К общим чертам интонационного оформления эмоционально окрашенных вопросительных фраз во французском и марийском языках следует отнести: движение основного тона, присутствие мелодического пика, акцентирующего смысловой центр, ширина диапазона,

замедление темпа финальной части фразы. В то же время вместе с возрастанием эмоционального напряжения увеличивается и интенсивность динамической организации подобных фраз в исследуемых языках. Интонация, как известно, служит для членения речевого потока на фонетически оформленные единицы и их организации в речи. Существуют различия в смысловой организации фраз — во французском языке используется грамматический способ актуального членения предложения, а для марийского эквивалента характерен фонетико-лексический способ. Этот факт находит свое отражение в просодической организации высказываний: наблюдаются несоответствия французских и марийских интонационных характеристик эмоциональных вопросительных фраз. Эти расхождения проявляются в более замедленном темпе и ритме с меньшим частотным диапазоном в марийских образцах. Французские модели характеризуются наибольшей ритмической концентрацией в начале фразы, их марийские эквиваленты предполагают подобное явление на финальных слогах.

В просодической организации эмоциональных вопросов во французском и марийском языках наблюдается достаточное количество отличий, касающиеся динамики темпорального аспекта звучания: французские эмоциональные вопросы, как правило, произносятся быстрее, с меньшими временными промежутками между сегментами, тогда как марийский язык допускает большое количество коротких пауз и замедлений, особенно перед ключевыми словами. Несмотря на глубокие расхождения просодических систем французского и марийского языков, в них присутствует универсальный характер выражения эмоций. Оба языка демонстрируют богатство звучания и уникальность акустических характеристик.

Библиографический список

1. Иванова И.Г., Хабибуллина Ф.Я., Егошина Р.А. Сравнительно-сопоставительный анализ фонетических систем разноструктурных языков: монография. Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2021. EDN: KNKOIK
2. Светозарова Н.Д. Функции и средства фразовой интонации: специализация или взаимодействие // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 5. С. 86–93. EDN: SXSNVB
3. Martin P. Enseignement de l'intonation en FLE aujourd'hui // Recherches en didactique des langues et des cultures. Les cahiers de l'Acedle. 2019. No. 16(1). URL: <http://journals.openedition.org/rdlc/4431> (accessed: 12.02.2024). <https://doi.org/10.4000/rdlc.4431>.
4. Wauthion M. Organisation prosodique et style de parole en Français parlé // Proceedings of SHS Web of Conferences, Congrès Mondial de Linguistique Française (CMLF 2020). 2020. Vol. 78. 07005. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207807005> EDN: YWASFC
5. Агафонова М.П. Индивидуальные особенности мелодических контуров интонации незавершенности в спонтанной речи (на материале русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 5–15. <https://doi.org/10.17223/15617793/451/1> EDN: ZCPHEA
6. Mamode M-L. L'intonation du français au Canada : Étude de cas des patrons intonatifs et des syllabes accentuées dans les variétés parlées au Nouveau-Brunswick et au Québec // Journal of French Language Studies. 2019. Vol. 29. № 3. P. 397–421. <https://doi.org/10.1017/S0959269519000139>

7. Носенко Э.Л. Изменения характеристик речи при эмоциональной напряженности // Вопросы психологии. 1978. № 6. С. 76–85.
8. Léon P. Nouveau regard sur la phonostylistique // La linguistique. 2009. Vol. 45. No. 1. P. 159–170.
9. Ferré G. Les pauses démarcatives déplacées en anglais spontané. Marquage kinésique et prosodique // Revue de linguistique et de didactique des langues. 2003. Vol. 26. P. 155–169.
10. Зорина З.Г. Особенности интонации марийских языков // Модернизация системы образования в области международных отношений, иностранных языков, связей с общественностью, документоведения и менеджмента. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2008. С. 11–19. EDN: QWITKT
11. Сагдуллина Е.В. Интонационные характеристики горномарийского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 2. С. 83–88. EDN: OXVJSJ
12. Куклин А.Н. Олык-эрвел марий фонетика. Йошкар-Ола: Марий кутыжаныш ун-т., 2013.
13. Иванова И.Г., Егوشина Р.А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 1. С. 16–28. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28> EDN: LFEQXN
14. Ivanova I.G., Egoshina R.A., Bazhenova N.G., Rusinova N.V. On the importance of comparative phonetic analysis for bilingual language learning // Issues and Trends in Interdisciplinary Behavior and Social Science. Boca Raton: CRC Press, 2018. P. 219–225. EDN: YBYOOL
15. Nawafleh A. Étude Comparative de la Réalisation de la Liaison et de L'enchaînement par des Locuteurs Natifs du Français et des Apprenants Jordaniens // Human and Social Sciences. 2023. Vol. 50. No. 4. P. 31–47. <https://doi.org/10.35516/hum.v50i4.329> EDN: HUSAEH
16. Трубоч О.К., Горишкова Д.И., Скляр Л.Н. Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 171–188. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-171-188> EDN: PWGICA.

References

1. Ivanova, I.G., Khabibullina, F.Ya., & Egoshina, R.A. (2021). *Comparative analysis of phonetic systems of different structural languages: monograph*. Yoshkar-Ola: Mari State University. (In Russ.). EDN: KNKOIK
2. Svetozarova, N.D. (2014). Functions and means of phrasal intonation: specialization or interaction. *Herald of Vyatka State University*, 5, 86–93. (In Russ.). EDN: SXSNVB
3. Martin, P. (2019). Enseignement de l'intonation en FLE aujourd'hui. *Recherches en didactique des langues et des cultures. Les cahiers de l'Acedle*, 16(1). URL: <http://journals.openedition.org/rdlc/4431> (accessed: 12.02.2024). <https://doi.org/10.4000/rdlc.4431>
4. Wauthion, M. (2020). Organisation prosodique et style de parole en français parlé. In: *Proceedings of SHS Web of Conferences, Congrès Mondial de Linguistique Française (CMLF 2020)*, 78, 07005. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2020/06/shsconf_cmlf2020_07005.pdf. (accessed: 12.02.2024). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207807005> EDN: YWASFC
5. Agafonova, M.P. (2020). Individual features of melodic contours of intonation of incompleteness in spontaneous speech (based on the material of the Russian language). *Tomsk State University Journal*, 451, 5–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/451/1> EDN: ZCPHEA
6. Mamode, M-L. (2019). L'intonation du Français au Canada : Étude de cas des patrons intonatifs et des syllabes accentuées dans les variétés parlées au Nouveau-Brunswick et au Québec. *Journal of French Language Studies*, 29(3), 397–421. <https://doi.org/10.1017/S0959269519000139>.

7. Nosenko, E.L. (1978). Changes in speech characteristics with emotional tension. *Voprosy Psychologii*, 6, 76–85.
8. Léon, P. (2009). Nouveau regard sur la phonostylistique. *La linguistique*, 45(1), 159–170.
9. Ferré, G. (2003). Les pauses démarcatives déplacées en anglais. *Revue de Linguistique et de Didactique des Langues*, 26, 155–169.
10. Zorina, Z.G. (2008). Features of intonation of Mari languages. In: *Modernization of the education system in the field of international relations, foreign languages, public relations, documentation and management* (pp. 11–19). Yoshkar-Ola: Mari State University publ. (In Russ.). EDN: QWITKT
11. Sagdullina, E.V. (2012). Intonational characteristics of the Mountain-Aryan language. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 83–88. (In Russ.). EDN: OXVJSJ
12. Kuklin, A.N. (2013). *Olyk-er vel mari phonetics*. Yoshkar-Ola: Mari State University publ. (In Mari).
13. Ivanova, I.G., & Egoshina, R.A. (2021). Prosodic characteristics of emotionally colored phrases in typologically unrelated languages: on the material of the Mari and French languages. *Finno-Ugric World*, 13(1), 16–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28> EDN: LFEQXN
14. Ivanova, I.G., Egoshina, R.A., Bazhenova, N.G., & Rusinova, N.V. (2018). On the importance of comparative phonetic analysis for bilingual language learning. In: *Issues and Trends in Interdisciplinary Behavior and Social Science* (pp. 219–225). Boca Raton: CRC Press. EDN: YBYOOL
15. Nawafleh, A. (2023). Étude Comparative de la Réalisation de la Liaison et de L'enchaînement par des Locuteurs Natifs du Français et des Apprenants Jordaniens. *Human and Social Sciences*, 50(4), 31–47. <https://doi.org/10.35516/hum.v50i4.329> EDN: HUSAEN
16. Trubach, O.K., Gorshkova, D.I., & Sklyar, L.N. (2023). Comparative analysis of phonetic systems of Russian, French and Chinese languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 171–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-171-188>. EDN: PWGICA.

Сведения об авторах:

Иванова Ираида Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1); *сфера научных интересов*: языкознание, общее языкознание, сравнительная типология, фонетика; *e-mail*: iraida44@yandex.ru
ORCID 0000-0001-5247-0125, SPIN-код 4081-7299, AuthorID: 592839.

Егошина Рита Александровна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1); *сфера научных интересов*: языкознание; общее языкознание, психолингвистика, сравнительная фонетика; *e-mail*: affaires@mail.ru
ORCID 0000-0001-7295-8793, SPIN-код 4725-1166, AuthorID: 701196.

Information about the authors:

Iraida G. Ivanova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Fundamental Medicine, Mari State University (1 Lenin Square, Yoshkar-Ola, Russian Federation, 424000); *Research interests*: linguistics; general linguistics, comparative typology, phonetics; *e-mail*: iraida44@yandex.ru.
ORCID 0000-0001-5247-0125, SPIN-code 4081-7299, AuthorID: 592839.

Rita A. Egoshina, Senior Lecturer at the Department of Romano-Germanic Philology, Mari State University (1 Lenin Square, Yoshkar-Ola, Russian Federation, 424000); *Research interests*: linguistics; general linguistics, psycholinguistics, comparative phonetics; *e-mail*: affaires@mail.ru
ORCID 0000-0001-7295-8793, SPIN-code 4725-1166, AuthorID: 701196.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1327-1342

EDN: ODIRXH

Научная статья / Research Article

Дискуссионные вопросы соблюдения правил согласования в сложных французских временах: на материале интернет-форума Reddit.com

Т.В. Сланикова^{ID}, Е.И. Черкашина^{ID}✉

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ cherkashinaei@mgpu.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в попытке аргументированного и обобщающего освещения частной проблемы французской грамматики, касающейся упрощения правила согласования причастия прошедшего времени *participe passé* (далее — PP) с предшествующим дополнением в сложных французских временах. Проблема согласования причастия прошедшего времени PP глаголов, спрягающихся с глаголом *avoir*, с предшествующим прямым дополнением с конца XIX в. часто была предметом обсуждения комиссиями по реформам в министерстве образования Франции. Обзор теоретических исследований франкофонных ученых в период с конца XX в. по настоящее время показал, что данный вопрос остается актуальным и дискуссионным для французских, бельгийских, канадских ученых. Представленный в статье анализ обсуждаемого вопроса о согласовании причастия прошедшего времени в сложных французских временах впервые рассматривается в рамках интернет дискурса, что определяет новизну исследования. При решении одной из поставленных задач — выявить частотность и корректность употребления данного правила в текстовых сообщениях интернет-форума Reddit.com — был сделан вывод, что правило согласования причастия прошедшего времени PP с прямым дополнением, предшествующим глаголу, соблюдается молодой франкофонной аудиторией в возрасте от 18 до 35 лет. Для лингвистического анализа корректности употребления правила согласования причастия прошедшего времени PP в сложных временах французского глагола были отобраны текстовые сообщения с франкоязычного раздела сайта «t/france», на обновления которого подписаны 1,7 млн пользователей. Гипотеза о том, что молодое поколение пользователей форума Reddit.com проявляет большую гибкость в использовании сложных времен французского глагола, и как следствие, позволяет отступление от правил согласования причастия прошедшего времени PP, не нашла своего подтверждения. Делается вывод, что частная проблема французской грамматики по согласованию причастия прошедшего времени PP в сложных временах не теряет своей значимости в XXI в., когда отклонения от языковых норм ярко проявляются в таком виде межличностного общения, как интернет-дискурс.

Ключевые слова: французская грамматика, грамматико-орфографическая реформа, сложные глагольные времена, правило согласования причастия прошедшего времени, интернет-форум

© Сланикова Т.В., Черкашина Е.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 29.05.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Сластникова Т.В., Черкашина Е.И. Дискуссионные вопросы соблюдения правил согласования в сложных французских временах: на материале интернет-форума Reddit.com // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1327–1342. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1327-1342>

Controversial Issues of Compliance with the Rules of Agreement in Complex French Tenses: Based on the Internet Forum Reddit.Com

Tamara V. Slastnikova^{}, Elena I. Cherkashina^{}✉

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

✉cherkashinaei@mgpu.ru

Abstract. The purpose of the article is to attempt to provide a reasoned and generalized coverage of a particular problem of French grammar concerning the simplification of the rule of agreement of the past participle *participe passé* (hereinafter PP) with the preceding object in complex French tenses. The problem of agreement of the past participle PP of verbs conjugated with the verb *avoir* with the preceding direct object has often been the subject of discussion by reform commissions in the French Ministry of Education since the end of the 19th century. A review of theoretical studies by Francophone scholars from the end of the 20th century to the present has shown that this issue remains relevant and controversial for French, Belgian, and Canadian scholars. The analysis of the controversial issue of past participle agreement in French compound tenses presented in the article is considered for the first time within the framework of the Internet discourse, which determines the novelty of the study. When solving one of the tasks — to identify the frequency and correctness of the use of this rule in text messages of the Internet forum Reddit.com — it was concluded that the rule of agreement of the past participle PP with a direct object preceding the verb is observed by a young French-speaking audience aged 18 to 35. For a linguistic analysis of the correctness of the use of the rule of agreement of the past participle PP in compound tenses of the French verb, text messages from the French-language section of the site “r/France”, to whose updates 1.7 million users are subscribed, were selected. The hypothesis that the younger generation of Reddit.com forum users show greater flexibility in the use of compound tenses of the French verb, and, as a result, allow deviations from the rules of agreement of the past participle PP, was not confirmed. It is concluded that the particular problem of French grammar on the agreement of the past participle PP in complex tenses does not lose its significance in the 21st century, when deviations from language norms are clearly manifested in such a form of interpersonal communication as Internet discourse.

Key words: French grammar, grammatical and spelling reform, complex verb tenses, the rule of agreement of the past participle, Internet forum

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interests: the authors declare no conflicts of interest.

Article history: received: 29.05.2025; accepted: 15.08.2025.

For citation: Slastnikova, T.V., & Cherkashina, E.I. (2025). Controversial Issues of Compliance with the Rules of Agreement in Complex French Tenses: Based on the Internet Forum Reddit.com. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1327–1342. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1327-1342>

Введение

С середины XIX в. дискуссионным остается вопрос о необходимости соблюдения правил согласования причастия прошедшего времени РР с предшествующим дополнением во французском языке. Это демонстрирует ряд работ франкофонных лингвистов (Канада, Франция, Бельгия, Швейцария)¹, в которых подчеркивается сложность усвоения данного правила с орфографической, фонетической и грамматической точки зрения. Французские лингвисты, со своей стороны, делают акцент на ряде трудностей овладения правилом согласования причастия прошедшего времени РР с предшествующим дополнением в рамках образовательной программы начальной школы. Исследователи выступают за упрощение данного правила и подкрепляют это тезисом о том, что к упрощению логично ведет принцип экономии языка. Используя это правило в речи, носитель языка затрачивает слишком много когнитивных и металингвистических ресурсов [1].

Диахроническая ретроспектива работ французских грамматистов Луи Мегре (Louis Meigret) «Le trettè de la grammere françoëze» (1550)²; Джона Пальсграва (John Palsgrave)³ выявила факторы изменений в значениях, формах и функциях глаголов в определенные периоды развития языка. К ним относят полисемантичесность или сокращение значений, проявление прототипического или абстрактного значения [2], а также обусловленность изменениями актантных структур и валентностных трансформаций [3. Р. 51–52]. Подобные наблюдения позволяют рассматривать глагольные конструкции не как формальные синтагматические структуры, а как сложные языковые знаки, сочетающие значение с формой или функцией. Следует отметить, что многие правила, сформировавшиеся в среднефранцузском периоде, остаются неизменными на протяжении веков и являются базовыми в современной грамматике французского языка. Примером подобных правил является формирование и закрепление сложных прошедших времен французского глагола

¹ Duchesnes L. Les erreurs d'orthographe grammaticale dans les rédactions de futurs enseignants. Mémoire de Maîtrise en Linguistique, Université du Québec, Montréal. 2012. Laurent R. Past Participles from Latin to Romance. Auckland : University of California Presse, 1999. Sibille J. L'accord du participe passé des verbes conjugués avec 'avoir' dans plusieurs langues romanes, avec un focus sur l'occitan. L'accord du participe passé des verbes conjugués avec 'avoir' dans plusieurs langues romanes, avec un focus sur l'occitan // *Studia Linguistica Romanica*. 2021. No. 6. P. 45–78. Willmet M. Le participe passé autrement : protocole d'accord, exercices et corrigés. Paris—Bruxelles : De Boeck-Larcier, 1999. Wilmet M. Une procédure méthodique d'accord du participe passé // *Le français aujourd'hui*. 2018. Vol. 2. Iss. 201. P. 171–192.

² Meigret L. Le trettè de la grammere françoëze. Heilbronn : Gebr. Henninger, 1888.

³ Palsgrave J., Du Guez. G. L'éclaircissement de la langue française. Suivi de la Grammaire. Paris : Imprimerie nationale, 1852.

и появление правила согласования причастия прошедшего времени РР с прямым дополнением, стоящим перед вспомогательным глаголом *avoir*.

Анализ корректного употребления правила согласования причастия прошедшего времени РР с предшествующим дополнением обсуждается во франкофонном сообществе последние десятилетия. При всем разнообразии работ отечественных лингвистов, занимавшихся исследованиями в области французской грамматики, подчеркиваем, что публикаций, посвященных углубленному изучению грамматической конструкции *avoir + participe passé*, на данный момент не существует.

В реалиях повседневной жизни, когда межличностное общение перемещается в интернет-пространство, встает вопрос, насколько корректно используется язык, соблюдаются ли правила правописания и грамматики при быстром наборе текста, отражающем устную речь на письме (в сообщениях, комментариях, письмах). Для французского языка проблемными являются случаи, когда особенности согласования некоторых грамматических форм проявляются в большей степени в письменной речи. В этой связи видится актуальным изучение и анализ форумов как одного из видов интернет-дискурса. Отклонения от языковых норм ярко проявляется в этом виде межличностного общения, которое осуществляется посредством электронных устройств. Форум, являясь частью интернет-дискурса, представляет собой уникальную площадку для лингвистических исследований, где можно наблюдать современные тенденции развития языка и его расширение, так как его характерной особенностью является устная речь, выраженная на письме в комментариях пользователей.

Материалы и методы исследования. Материалом нашего исследования послужили текстовые сообщения форума Reddit.com⁴. Это социальный новостной агрегатор и интернет-форум, где зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на контент из Интернета, такой как статьи, изображения и видео, а также создавать текстовые посты, комментировать и голосовать за контент других пользователей.

Корпус примеров, сформированный методом сплошной выборки из указанного источника, составил 386 комментариев (текстовых сообщений). Целью данной работы является анализ соблюдения правила согласования причастия прошедшего времени РР глаголов, спрягающихся с *avoir*, с предшествующим прямым дополнением в комментариях интернет-форума Reddit.com.

При анализе комментариев пользователей интернет-форума были использованы теоретические методы исследования: метод морфологического и семантического анализов, метод сплошной выборки, описательный метод.

С развитием лингвистической науки с середины XIX в. вопрос о сложности соблюдения данного правила во французском языке остается в центре

⁴ Reddit.com. Режим доступа: <https://www.reddit.com/r/france/hot/?rdt=36468> (дата обращения: 23.02.2024).

внимания франкофонных пользователей. В настоящее время проблема согласования причастия прошедшего времени РР с глаголом *avoir* рассматривается французскими лингвистами в разных аспектах [1. Р. 4–14]. Однако исследований российских лингвистов, посвященных изучению функционирования причастия прошедшего времени РР во французском языке, по-прежнему мало, а те, что есть, как правило, посвящены функциональному анализу глагола.

Дискуссионные вопросы по согласованию причастия прошедшего времени РР в исследованиях франкофонных лингвистов

Впервые, в 1538 г., правило согласования причастия прошедшего времени РР со вспомогательным глаголом *avoir* было сформулировано французским поэтом Клеманом Маро (Clément Marot) в тексте эпиграмм своим ученикам:

*Enfants, oyez une leçon:
Nostre langue a ceste façon,
Que le terme, qui va devant,
Vouluntiers regist le suyvant :
Les vieulx exemples je suyvray
Pour le mieulx : car, à dire vray,
La chanson fut bien ordonnée,
Qui dit : M'amour vous ay donnée :
Et du bateau est estonné,
Qui dit : M'amour vous ay donné⁵.*

В конце XIX в. франкофонные грамматисты братья Бешерель (les frères Bescherelle) первыми указали на сложность согласования причастия прошедшего времени РР с глаголом *avoir*. В своем труде «Grammaire nationale» (1852) один из братьев, специалист в области грамматики, другой — лексикограф, в соавторстве с членом парижского грамматического сообщества Литэ де Го (Litais de Gaux) пишут: «*Les participes, telle est la partie importante du discours qui va nous occuper; les participes, l'épouvantail des enfants, la ressource consolante de l'ignorant pédagogue, le sujet de méditation du vrai grammairien!*» (Причастия — вот важная часть речи, которая нас занимает; причастия являются детским кошмаром, утешением для невежественного педагога, предметом размышлений истинного грамматиста!) (здесь и далее перевод наш)⁶.

Спустя почти 90 лет, 8 февраля 1989 г., в газете «*Le monde*» публикуется статья с призывом преобразовать преподавание французской орфографии в школах («*Moderniser l'orthographe? La solution: ne pas l'enseigner*»). Это воззвание послужило поводом к созданию Высшего совета французского языка (Conseil supérieur de la langue française) и Новой делегации французского

⁵ Marot C. Œuvres poétiques complètes. Paris : Classiques Jaunes, 1993. P. 978.

⁶ Bescherelle A., Bescherelle J. Grammaire nationale. Paris : Simon éditeur, 1852. P. 667.

языка (*la DGLFLF*), которым было поручено урегулировать отдельные орфографические трудности французского языка. В том числе рассматривались предложения об упрощении правила согласования причастия прошедшего времени РР, представляющего трудность для изучающих французский язык. Однако по данному вопросу не было принято согласованного решения.

В июле 1900 г. Национальный институт педагогических исследований (*l'Institut national de recherche pédagogique*) публикует первое постановление об упрощении преподавания французского синтаксиса (*Arrêté relatif à la simplification de la syntaxe française*), в котором рассматриваются некоторые случаи употребления причастия прошедшего времени РР. Уточняется, что это правило выходит из употребления и «кажется ненужным упорствовать в искусственном поддержании правила, которое является лишь причиной затруднений в обучении. Оно бесполезно для развития интеллекта и затрудняет изучение французского языка иностранцами»⁷. Этот вопрос снова был затронут в постановлении от 26 февраля 1901 г., но не привел ни к каким изменениям нормы современного французского языка.

В своем социолингвистическом труде «*L'accord du participe passé : entre compétition de procédures et récupération en mémoire*» Мишель Файоль и Себастьян Пактон (Michel Fayol, Sébastien Pacton) ставят перед собой цель – показать, что при изучении и использовании правила согласования французского причастия прошедшего времени РР носители языка полагаются на те же принципы, что и при согласовании числа имен существительных, прилагательных. Ошибки, встречающиеся в причастиях прошедшего времени РР, употребляемых с глаголом *avoir*, обусловлены искаженным мышлением, которое возникает из-за того, что говорящий экстраполирует ранее изученное правило согласования в конструкции *être + adjectif* на случаи употребления причастия РР с глаголом *avoir*, например, *ils ont mangés*.

Авторы приходят к выводу, что взрослые коммуниканты лучше справляются с правописанием форм инфинитива глаголов, которые имеют менее частые омофоны причастий прошедшего времени РР, чем при работе с другими видами глаголов (т.е. глаголами без омофонов или глаголами, имеющими более частые омофонные причастия прошедшего времени). Этот результат говорит о том, что взрослые иногда извлекают непосредственно из памяти измененные формы РР, а не применяют процедуру согласования, следуя принципу наименьшего сопротивления [4].

Французское сообщество лингвистов «Исследования по рационализации современной французской орфографии» (*Études pour une Rationalisation de l'Orthographe Française d'Aujourd'hui*), во главе с французским грамматистом Клодом Грюазом (Claude Gruaz) в январе 2011 г. выпустило коллективную работу, посвященную проблеме согласования причастия прошедшего времени

⁷ Chervel A. L'enseignement du Français à l'école primaire. Paris : Institut national de recherche pédagogique, 1995. (перевод авторов).

«*L'accord du participe passé*». В статьях этого сборника, подготовленных совместно исследователями и носителями французского языка из Франции, Швейцарии, Бельгии и Квебека, предлагается новый подход к реформе французской орфографии. Каждая из статей посвящена определенному пункту правила орфографии, признанному источником частых ошибок. Предлагается прийти к общему правилу, сформулированному простыми словами, чтобы его можно было легко запомнить. Авторы коллективного труда утверждают, что причастие прошедшего времени РР, спрягаемое со вспомогательными глаголами *avoir* и *être*, может оставаться неизменным или может согласовываться иногда с подлежащим, а иногда с прямым дополнением [5].

Авторитетный бельгийский грамматист Морис Гревис (Maurice Grevisse), проанализировавший все нюансы употребления причастия прошедшего времени РР, описывает в своем фундаментальном труде около тридцати правил и исключений, что приводит его к заключению, что этот аспект грамматики является самым сложным во французском языке⁸.

Исследование под руководством грамматиста Клода Грюаза (Claude Gruaz) предлагает совершенно новый подход к этому сложному аспекту французской грамматики, который строится на трех основных принципах:

1. Не ослаблять, а усиливать орфографическую систему за счет уменьшения количества исключений.
2. Устанавливать иерархию правил на основе «традиционных правил».
3. Отличать синтаксис от грамматики и семантики. В случае конфликта между ними отдавать приоритет синтаксису [5].

Вопрос согласования причастия прошедшего времени РР в сложных временах является предметом исследования не только лингвистов Франции, но и ученых франкофонного пространства. Швейцарский исследователь Мари-Жозе Бегелен (Marie-José Béguelin) в статье «*Faut-il simplifier les règles d'accord du participe passé?*» представляет несколько обсуждаемых в начале XXI в. решений по упрощению правил согласования причастия прошедшего времени РР с глаголом *avoir* при прямом дополнении или части этих правил. М.-Ж. Бегелен отмечает, что, независимо от выбранного варианта предложенных решений, пересмотр данного правила будет иметь только частичный эффект, что неизбежно повлияет на различные области грамматического дискурса. К такому выводу автор приходит, сравнивая реформу французской орфографии 1990 г. и проект языковой реформы Бельгийского совета по вопросам французского языка [6].

Менее радикальный проект упрощения правил согласования причастия прошедшего времени РР с глаголом *avoir* направлен на то, чтобы одобрить случаи несогласования в определенных «проблемных» ситуациях. Однако в случае, когда при прямом дополнении появляется предикативное определение

⁸ Grevisse M. Savoir accorder le participe passé: toutes les règles avec des exercices et leurs corrigés. Gembloux : Duculot, 1975.

(или именная часть сказуемого), причастие согласуется в зависимости от смысла высказывания, например:

- (1) *Marie, je l'ai cru jeune (j'ai cru qu'elle était jeune)* (я верил, что она молодая);
- (2) *Marie, je l'ai crue jeune (je l'ai crue quand elle était jeune)* (я ей верил, когда она была молодой).

В более кардинальной версии Бельгийский совет по вопросам французского языка предлагает изменить существующие правила анализируемого явления следующим образом:

- во-первых, причастие прошедшего времени РР глаголов, спрягающихся с *avoir*, остается всегда неизменяемым с целью объединения и сближения письменной и устной форм французского языка;
- во-вторых, причастие прошедшего времени РР глаголов, спрягающихся с *être*, всегда согласуется с подлежащим в соответствии с числом и родом [6].

Проанализировав имевшие место реформы, М.-Ж. Бегелен приходит к выводу, что при введении любых из них, необходимо:

- оценить спрос со стороны общества на предлагаемые реформы;
- возможность их реализации;
- последствия, к которым они могут привести;
- характер ожидаемых затрат и выгод для образования, языковой политики и языковых отраслей.

Согласимся с мнением М.-Ж. Бегелена, что реформы должны охватывать все франкоязычные сообщества и все профессиональные круги, чтобы основные заинтересованные стороны были вовлечены в процессы принятия решений.

Предлагаемые изменения с лингвистической и дидактической точки зрения, несомненно, затронут все области французской грамматики. Следовательно, для успешного проведения реформы необходимо расширенное обоснование значимости упражнений, которые будут вводиться в процессе обучения для постепенного внедрения упрощенного использования правила согласования причастия прошедшего времени РР с модальным глаголом [7].

В сентябре 2016 г. в Бельгии вновь встает вопрос об упрощении правила согласования причастия прошедшего времени РР, поскольку в бельгийской прессе публикуются статьи о выступлении двух бельгийских лингвистов Арно Ута и Жерома Пирона (Arnaud Hoedt et Jérôme Piron) на фестивале «Le Festival Bruxellons!»⁹. Исследователи критикуют абсурдность французской орфографии, в том числе и сложность согласования причастия прошедшего времени РР с глаголом *avoir* в сложных временах.

⁹ Режим доступа: <https://tedxrennes.com/arnaud-hoedt-et-jerome-piron/> (дата обращения: 23.02.2024).

Можно сделать вывод, что дискуссионная проблема французской грамматики, согласования причастия прошедшего времени РР в сложных временах, не теряет своей актуальности в XXI в., когда отклонения от языковых норм ярко проявляется в таком виде межличностного общения, как интернет-дискурс.

Результаты исследования

Рассматривая особенности создания и восприятия текста в Интернете, исследователь А.А. Ионина выделяет «требования современного пользователя к электронному тексту, а также условия информационного гиперпространства, которые определяют правила создания как микроконтента (заголовков), так и макроконтента (текста) в целях их максимальной эффективности» [8. С. 33]. Форум, являясь частью интернет-дискурса, представляет собой уникальную площадку для лингвистических исследований, где появляется возможность наблюдать тенденции развития языка и его расширение, так как его характерной особенностью является устная речь, выраженная на письме в комментариях пользователей [9]. Форум Reddit.com является одним из крупнейших форумов в мире, привлекая миллионы пользователей ежедневно. Он популярен в разной степени во многих франкоязычных странах и регионах, включая Францию, Канаду (провинция Квебек), Бельгию, Швейцарию и другие. Однако уровень популярности может различаться в зависимости от конкретной страны, культурных особенностей и других факторов.

Как жанр сетевой коммуникации форум представляет собой гипержанр, интегрирующий диалогические по своей сути жанры (вопросно-ответный диалог, полемика, дискуссия, спор, ссора), монологические (новость, анонс, объявление), этикетные (поздравления, соболезнования, комплимент) и литературно-художественные (стихотворение, эссе, анекдот) [10. С. 25].

Для лингвистического анализа корректности употребления правила согласования причастия прошедшего времени РР в сложных временах французского глагола были отобраны текстовые сообщения с франкоязычного раздела сайта «r/france», на обновления которого подписаны 1,7 млн пользователей. Следует отметить, что форум Reddit.com предназначен для широкого круга пользователей всех возрастов и интересов. Он привлекает как молодежь, так и взрослых, благодаря разнообразию тематик и сообществ. 66 % аудитории сайта составляет молодежь от 18 до 35 лет, 34 % аудитории сайта — это пользователи от 35 до 66+ лет. Таким образом, можно сделать вывод, что в комментариях на данном форуме отражаются изменения, происходящие во французском языке, в том числе отклонения от грамматической нормы.

Проанализировав 386 текстовых сообщений (комментариев) на форуме Reddit.com, отмечаем, что в отобранных 178 комментариях использовались сложные времена в активном залоге, требующие употребления глаголов *avoir*

или *être*, что составляет 46 % изученных записей от общего числа. Среди использованных сложных времен отмечаем наиболее частое употребление сложного прошедшего времени *passé composé* (152):

- (3) *J'ai accordé ma confiance à cette femme que j'aime et qui m'a trahie après 12 ans de relation.*
- (4) *Comme d'autres ont déjà dit, en France on est plutôt du genre à faire « au feeling » mais si t'as vraiment du mal à comprendre ce que veux/ressent ton partenaire (potentiel), une discussion honnête c'est bien.*

Наряду с частотным употреблением *passé composé* пользователи форума используют будущее предшествующее время *futur antérieur* (6):

- (5) [...] *Mais bon, comme dit plus haut, une fois que j'aurai peut-être remis un peu d'ordre dans ma vie j'arriverai à me distancer de tout cela.*
- (6) *Exactement ce que je pensais, et mieux exprimé que je ne l'aurai pu!*

Отметим случаи употребления опережающего действия в прошлом *plus-que parfait* (13):

- (7) [...] *contrairement à toi je n'avais pas réussi à aller chercher de l'aide.*
- (8) *Pour être honnête, si je n'avais pas eu ce travail, je crois que ne je n'aurais pas vu le passage à la nouvelle année.*
- (9) [...] *en réalité la relation était arrivé a un point de non retour deux ans plus tôt quand j'étais tombé sur « ne lui envoie pas de messages elle est avec moi cette semaine ».*

Также в изученных комментариях встречаются случаи употребления условного наклонения *conditionnel passé* (7):

- (10) [...] *mais c'est probable que j'aurais raté d'autres choses, quoique ce soit dur de voir quoi vu la situation.*
- (11) *Mais c'est dur, je suis en boucle dans ma tête sur beaucoup de « j'aurais dû »...*

В проанализированных комментариях на форуме Reddit.com общее число конструкций с прямым дополнением, предшествующим глаголу, составило 72 конструкции, 18 % от рассмотренного числа комментариев. Из них 23 предложения включают прямое дополнение, предшествующее глаголу *avoir* в сложных временах. Отмечаем корректное употребление согласования причастия прошедшего времени с предшествующим дополнением в 22 предложениях из 23.

Прямое дополнение, предшествующее глаголу в таких конструкциях, может быть выражено с помощью форм личных местоимений (*me, te, le, la, nous, vous, les*), нейтрального местоимения («*le*» *neutre*) и существительного в составе придаточного определительного предложения с предлогом *que*¹⁰. Например:

¹⁰ Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française avec des Remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Paris-Gembloux : Duculot, 1980. P. 841.

- (12) *Moi aussi **je t'ai lue et je vous ai lues** et je suis aussi maman solo depuis dix ans.*
- (13) *Ma fille (15ans) avait même fait une lettre terrible à mon sujet décrivant une mère que je ne suis pas : c'est l'avocat de **mon ex-mari qui la lui avait dictée.***
- (14) *Exactement ce que je pensais, et mieux exprimé **que je ne l'aurai pu!***
- (15) *Du coup **je l'ai pas fait.***

Согласно такой классификации примеры с прямым дополнением, предшествующим глаголу *avoir* в сложном времени, распределяем следующим образом: 17 случаев употребления личных местоимений, 3 случая употребления нейтрального местоимения и 3 случая употребления существительного в качестве прямого дополнения. Классифицировав примеры прямых дополнений по роду и числу, делаем вывод, что наиболее частотным употреблением, в рамках изучаемой нами конструкции является прямое дополнение мужского рода единственного числа *le* (16), далее по распространенности идут дополнения женского рода единственного числа *la* (5), дополнения мужского и женского рода множественного числа *les* встречаются по одному разу.

Приведенные примеры демонстрируют случаи корректного употребления форм причастия прошедшего времени РР в сложных временах французского языка, на основании чего был сделан вывод, что правило согласования причастия прошедшего времени РР с прямым дополнением, предшествующим глаголу, соблюдается молодой аудиторией от 18 до 35 лет:

- (16) *En comparaison, j'ai été en ligne plusieurs fois avec ceux d'Australie et là c'était impeccable et à chaque fois, j'ai encore **des conversations qui m'ont marquées.***
- (17) *Tu n'as pas précisé **la direction qu'elle a prise**, donc dans mon headcanon elle a creusé et s'est dégoté un poste dans le noyau interne de notre planète.*
- (18) *J'ai eu des amis qui **m'ont tous déçus** donc je suis mieux comme ça.*
- (19) *Ils vont donc passer un mois chez leurs grands-parents paternels, alors **que je ne les ai vus** que quelques semaines cette année.*

Гипотеза о том, что молодые французы часто делают ошибки в употреблении сложных времен в интернет дискурсе, не нашла своего подтверждения. Тем не менее, присутствует ряд грамматико-орфографических ошибок в комментариях пользователей. Рассмотрим подробнее ошибки, допущенные пользователями форума Reddit.com при применении правила согласования причастия прошедшего времени с предшествующим прямым дополнением:

- (20) *J'avais vue une patiente plus jeune que toi, déprimée, anxiété majeure, insomnie, qui a acceptée d'être hospitalisée 3 semaines et **ça l'a transformé.***

В данном предложении пользователь не делает согласование РР с прямым дополнением, выраженным личным местоимением женского рода *la*. Несмотря на усеченную форму местоимения (*l'*), из контекста мы понимаем, что

речь идет о женщине (*une patiente*). Все описательные прилагательные в данном высказывании подтверждают эту грамматическую форму. Особо обратим внимание на то, что пользователь допустил несколько ошибок в согласовании причастий прошедшего времени с глаголом *avoir*:

(21) *J'avais vue une patiente; qui a accepté.*

По правилам грамматики французского языка в данном случае согласования причастия прошедшего времени РР не требуется: *J'avais vu une patiente; qui a accepté.*

Отметим ряд грамматико-орфографических ошибок в комментариях разных пользователей, на которые в процессе нашего исследования мы обратили внимание:

1. Отсутствие согласования причастия прошедшего времени РР в прошедших временах с глаголом *être*:

(22) [...] *que je ne pouvais pas lui raconter a lui mais en réalité la relation était arrivé a un point de non retour.*

2. Неверное употребление формы причастия прошедшего времени РР:

(23) *Durant cette période, je lui avais dis que notre relation était temporaire et que tout pouvait s'arrêter à tout moment ;*

(24) *J'ai écrits ce message en one shot, comme un exutoire ;*

(25) *J'ai jamais dis que ce que j'avais fait était sain et pour autant je ne regrette rien car sans ça, je n'aurai rien su ;*

(26) *...si des gens ont réussis à retrouver leurs émotions après un si long temps.*

Исходя из этого, делаем вывод, что несмотря на правильное применение правила согласования причастия прошедшего времени РР с предшествующим дополнением французскими пользователями в отдельных случаях допускаются ошибки в вопросах согласования причастия прошедшего времени РР с глаголами *avoir* и *être*, а также в выборе правильной формы причастия прошедшего времени РР.

Однако эти ошибки были отмечены лишь в письменной речи. В устной коммуникации подобные ошибки не очевидны и текст звучит грамотно, что позволяет говорить о грамматико-орфографических ошибках, проявляющихся лишь на письме. Это подтверждает наше утверждение об особенностях французского языка, в котором происходит сближение устной речи с письменной, репрезентируемой в комментариях пользователей форума.

Заключение

Проведя анализ дискуссий по реформам французского языка, отмечаем, что инициатива модернизировать правило согласования причастия прошедшего времени РР с предшествующим дополнением исходила исключительно

от бельгийских лингвистов. Это прослеживается в ряде научных статей, докладах научных сообществ и заявлениях Высшего совета по французскому языку Бельгии.

Согласимся с выводом французских лингвистов, что носители французского языка часто экстраполируют правило согласования причастия прошедшего времени РР, используемое с глаголом *être*, на употребление причастия прошедшего времени РР с вспомогательным глаголом *avoir*. В этом случае правописание связано с неверной интерпретацией грамматических категорий в контексте предложения либо с неправильным написанием форм, что приводит нас к отнесению этих ошибок к грамматико-орфографическим, так как они связаны с нарушениями норм французского словообразования.

Выполнив грамматический анализ текстов сообщений французских форумов (386 комментариев), приходим к выводу, что пользователи часто употребляют сложные времена французского глагола (*passé composé*, *plus-que-parfait*, *futur antérieur*) и наклонения (*conditionnel passé*). Однако констатируем, что конструкция прямое дополнение, предшествующее глаголу *COD + avoir + participe passé*, встречается редко.

Проведенный обзор франкофонных исследований по упрощению правила согласования причастия прошедшего времени РР с глаголом *avoir* показал необходимость поиска комплексных подходов к решению частной проблемы этого аспекта французской грамматики. Полагаем, следует структурировать изучение правила согласования причастия прошедшего времени РР, постепенно расширяя знания о его специфических и сложных аспектах употребления в сложных временах французского глагола для осознанного использования этого правила в письменной коммуникации.

Полученные результаты могут быть использованы в рамках лингводидактики для изменения подхода к преподаванию правила согласования причастия прошедшего времени с предшествующим дополнением в процессе обучения французскому языку как родному, так и иностранному.

Библиографический список

1. Brissaud C., Cogis D. L'accord du participe passé. Reconsidération d'un problème ancien à la lumière de données récentes sur l'acquisition // Congrès mondial de linguistique française. 2008. P. 413–424. <http://www.linguistiquefrancaise.org>
2. Meigret L. Le tretté de la grammaire françoëze. Heilbronn : Gebr. Henninger, 1888.
3. Palsgrave J., Du Guez. G. L'éclaircissement de la langue française. Suivi de la Grammaire. Paris : Imprimerie nationale. 1852.
4. Legallois D., Patard A. Les constructions comme unités fondamentales de la langue, 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.fle.fr/IMG/pdf/languefrancaisedanslemonde_synthe_se2022.pdf (accessed: 21.01.2025).
5. Koch P. Changement lexical et constructionnalisation dans le domaine du verbe // Congrès Mondial de Linguistique Française. CMLF. 2012. Vol. 4. P. 43–80.
6. Béguelin M.J. Faut-il simplifier l'accord du participe passé? // Travaux neuchâtelois de linguistique (TRANEL) 37, déc. 2002. P. 163–179.

7. *Duchesnes L.* Les erreurs d'orthographe grammaticale dans les rédactions de futurs enseignants. Mémoire de Maitrise en Linguistique, Université du Québec, Montréal. 2012.
8. *Fayol M., Pacton S.* L'accord du participe passé: entre compétition de procédures et récupération en mémoire // *Langue française*. 2006. No. 151(3). P. 59–73.
9. *Grevisse M.* Le bon usage. Grammaire française avec des Remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Paris-Gembloux : Duculot, 1980.
10. *Gruaz C.* Etudes pour une rationalisation de l'orthographe française : L'accord du participe passé. Limoges : Lambert-Lucas. 2012.
11. *Laurent R.* Past Participles from Latin to Romance. Auckland : University of California Presse. 1999.
12. *Sibille J.* L'accord du participe passé des verbes conjugués avec 'avoir' dans plusieurs langues romanes, avec un focus sur l'occitan // L'accord du participe passé des verbes conjugués avec 'avoir' dans plusieurs langues romanes, avec un focus sur l'occitan. *Studia Linguistica Romanica*, 2021, The interlinguistic space in the Romance continuum: convergences and divergences between the Ibero-Romance and GalloRomance areas, 6. P. 45–78.
13. *Willmet M.* Le participe passé autrement : protocole d'accord, exercices et corrigés. Paris—Bruxelles : De Boeck-Larcier, 1999.
14. *Wilmet M.* Une procédure méthodique d'accord du participe passé // *Le français aujourd'hui*. 2018. Vol. 2. Iss. 201. P. 171–192.
15. *Marot C.* Œuvres poétiques complètes. Paris : Classiques Jaunes , 1993.
16. *Bescherelle A., Bescherelle J.* Grammaire nationale. Paris : Simon éditeur, 1852.
17. *Chervel A.* L'enseignement du Français à l'école primaire. Paris : Institut national de recherche pédagogique, 1995.
18. *Grevisse M.* Savoir accorder le participe passé: toutes les règles avec des exercices et leurs corrigés. Gembloux : Duculot, 1975.
19. *Ионина А.А.* Особенности создания и восприятия текста в Интернете // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 2(6). С. 33–39. EDN NBJTKH.
20. *Сулейманова О.А.* К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52–61. EDN YSKPOD.
21. *Усачева О.Ю.* Опыт жанрового описания коммуникации, осуществляемой в формате русскоязычного интернет-форума // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 4. С. 25–31. EDN NBVZAJ.

Источники

<https://www.reddit.com/r/france/hot/?rdt=36468>

References

1. Brissaud, C., & Cogis, D. (2008). L'accord du participe passé. Reconsidération d'un problème ancien à la lumière de données récentes sur l'acquisition. *Congrès mondial de linguistique française*. Pp. 413–424. <http://www.linguistiquefrancaise.org>.
2. Meigret, L. (1888). *Le tretté de la grammère françoëze*. Heilbronn: Gebr. Henninger.
3. Palsgrave, J., & Du Guez, G. (1852). *L'éclaircissement de la langue française. Suivi de la Grammaire*. Paris: Imprimerie nationale.
4. Legallois, D., & Patard, A. Les constructions comme unités fondamentales de la langue [Electronic resource]. URL: https://www.fle.fr/IMG/pdf/languefrancaisedanslemonde_synthe_se2022.pdf (accessed: 21.01.2025).
5. Koch, P. (2012). Changement lexical et constructionnalisation dans le domaine du verbe. *Congrès Mondial de Linguistique Française. CMLF*. Vol. 4. P. 43–80.

6. Béguelin, M.J. (2002). Faut-il simplifier l'accord du participe passé? *Travaux neuchâtelois de linguistique (TRANEL)* 37, déc, 163–179.
7. Duchesnes, L. (2012). Les erreurs d'orthographe grammaticale dans les rédactions de futurs enseignants. *Mémoire de Maîtrise en Linguistique*, Université du Québec, Montréal.
8. Fayol, M., & Pacton, S. (2006). L'accord du participe passé: entre compétition de procédures et récupération en mémoire. *Langue française*, 151(3), 59–73.
9. Grevisse, M. (1980). Le bon usage. Grammaire française avec des Remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Paris-Gembloux : Duculot.
10. Gruaz, C. (2012). *Etudes pour une rationalisation de l'orthographe française: L'accord du participe passé*. Limoges: Lambert-Lucas.
11. Laurent, R. (1999). *Past Participles from Latin to Romance*. Auckland: University of California Presse.
12. Sibille, J. (2021). L'accord du participe passé des verbes conjugués avec 'avoir' dans plusieurs langues romanes, avec un focus sur l'occitan. *L'accord du participe passé des verbes conjugués avec 'avoir' dans plusieurs langues romanes, avec un focus sur l'occitan. Studia Linguistica Romanica, 2021, The interlinguistic space in the Romance continuum: convergences and divergences between the Ibero-Romance and GalloRomance areas*, 6, 45–78.
13. Willmet, M. (1999). Le participe passé autrement : protocole d'accord, exercices et corrigés. Paris—Bruxelles: De Boeck-Larcier.
14. Willmet, M. (2018). Une procédure méthodique d'accord du participe passé. *Le français aujourd'hui*, 2(201), 171–192.
15. Marot, C. (1993). Œuvres poétiques complètes. Paris: Classiques Jaunes.
16. Bescherelle, A., & Bescherelle, J. (1852). *Grammaire nationale*. Paris: Simon éditeur.
17. Chervel, A. (1995). *L'enseignement du Français à l'école primaire*. Paris: Institut national de recherche pédagogique.
18. Grevisse, M. (1975). *Savoir accorder le participe passé: toutes les règles avec des exercices et leurs corrigés*. Gembloux: Duculot.
19. Ionina, A.A. (2010). Features of the creation and perception of text on the Internet. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(6), 33–39. EDN NBJTKH. (In Russ.).
20. Suleimanova, O.A. (2017). On the issue of the normativity of written academic discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(26), 52–61. EDN YSKPOD. (In Russ.).
21. Usacheva, O.Yu. (2010). Experience of genre description of communication carried out in the format of a Russian-language Internet forum. *Journal of the Center for International Education of Moscow State University. Philology. Cultural Studies. Pedagogy. Methodology*, 4, 25–31. EDN NBVZAJ. (In Russ.).

Sources

<https://www.reddit.com/r/france/hot/?rdt=36468>

Сведения об авторах:

Сластникова Тамара Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4); *сфера научных интересов*: теория языка, синтаксис, семантика французского языка; *e-mail*: Slastnikovatv@mgpu.ru
ORCID: 0000-0001-9455-0254. SPIN-код: 7936-6966, AuthorID: 622870.

Черкашина Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романских языков и лингводидактики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4); *сфера научных интересов*: дискурсивная лингвистика, синтаксис французского языка *e-mail*: Cherkashinaei@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-3665-2807. SPIN-код: 1782-0574, AuthorID: 472360.

Information about the authors:

Tamara V. Slastnikova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance Languages and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (4, 2-y Sel'skokhozyaystvennyy pr-d, Moscow, Russian Federation, 129226); *Research interests*: theory of language, syntax, semantics of the French language; *e-mail*: slastnikovatv@mgpu.ru

ORCID: 0000-0001-9455-0254. SPIN-code: 7936-6966, AuthorID: 622870.

Elena I. Cherkashina, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Romance Languages and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (4, 2-y Sel'skokhozyaystvennyy pr-d, Moscow, Russian Federation, 129226); *Research interests*: discursive linguistics, the syntax of the French language; *e-mail*: Cherkashinaei@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-3665-2807. SPIN-code: 1782-0574, AuthorID: 472360.

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1343-1357

EDN: OMAZVM

Научная статья / Research Article

Критерии конфликтогенного миромоделирования в анонимном политическом дискурсе Telegram

С.Л. Кушнерук

Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

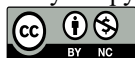
 Svetlana_kush@mail.ru

Аннотация. Стремительный рост неверифицированных телеграм-сообществ, поднимающих проблемы конфликтов российских граждан с представителями инокультур, которые приезжают в нашу страну для осуществления трудовой деятельности, делает актуальным исследование механизмов конфликтогенного миромоделирования. Цель работы состоит в выделении критериев конфликтогенного миромоделирования в формально анонимных телеграм-каналах политической направленности с учетом сложной природы процессов трудовой миграции из Центральной Азии и Закавказья и их вербально-знаковой репрезентации в телеграм-дискурсе. Методология работы базируется на установках политической лингвистики, дискурсологии, конфликтологии, теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования. К основополагающим относятся методы дискурсивного и контекстологического анализа, а также методика Case-study. Материалом исследования являются посты, опубликованные в течение календарного 2024 г. в двух телеграм-каналах с охватом более 200 тысяч подписчиков и отобранные из категории «Политика» при помощи сервиса аналитики TGstat. Фокусный корпус, включающий 587 431 словоупотребление, формируется при помощи мультиплатформенного средства анализа текста AntConc. В результате исследования предложена трактовка конфликтогенного миромоделирования, определено, что оно акцентирует противостояние между титульной и нетитульными группами этнофоров и свидетельствует о социальной напряженности в российском обществе. Систематизированы три группы критериев конфликтогенного миромоделирования в зависимости от: а) социально-психологической природы конфликтов; б) формата телеграм-коммуникации; в) количества и качества словесно-речевых средств. Демонстрируется, что они определяют специфику межкультурного взаимодействия в нормативно-правовом, субъектно-объектном, гипертекстовом, мультимодальном, количественном, семантико-стилистическом, этико-речевом и метатекстовом аспектах. Работа вносит вклад в понимание того, как моделируется реальность о трудовых мигрантах в телеграм-коммуникации. Перспективы исследования включают разработку методик идентификации речевых и неречевых конфликтогенов в цифровой среде для своевременного упреждения и конструктивного разрешения межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: социальные медиа, трудовые мигранты, межкультурное взаимодействие, социальные проблемы

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

© Кушнерук С.Л., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.07.2025; дата приема в печать: 15.08.2025.

Для цитирования: Кушнерук С.Л. Критерии конфликтогенного миромоделирования в анонимном политическом дискурсе Telegram // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. С. 1343–1357. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1343-1357>

Criteria of Conflictogenic World-Modeling in Anonymous Political Discourse of Telegram

Svetlana L. Kushneruk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

 Svetlana_kush@mail.ru

Abstract. The rapid growth of unverified Telegram communities raising issues of conflict between Russian citizens and representatives of other cultures who come to our country to work makes research into the mechanisms of conflict-generating world modeling relevant. The objective of the research is to systematize the criteria for conflictogenic world-modeling, taking into account the complex nature of the social problem. The sample consists of posts published throughout 2024 on two Telegram channels with more than 200 thousand subscribers, retrieved from the “Politics” category. The main methods are Discourse analysis, Contextual analysis, and Case study method. The conflictogenic world-modeling reveals ideological contradictions between the dominant ethnic groups (Russians) and the non-dominant groups of ethnophores (Tajiks, Uzbeks, Kirghiz, Turkmens, Azerbaijanis, Armenians) and the crisis of the intercultural relations, caused by the influx of labor migrants into Russia. It is argued that the criteria of conflictogenic world-modeling draw on three types of factors: the complex nature of labor migration processes and the interethnic conflicts; the affordances of the Internet-mediated Telegram communication, and the specifics of the digital language. The socio-psychological and legal factors determine the regulatory and subject-object criteria. The format of the Telegram discourse foregrounds the hypertext criterion and the multimodal criterion. The language, used by the moderators, determines the frequency criterion, the semantic and stylistic criterion, the ethical-speech criterion, the metatextual criterion. The research prospects include the development of the methods for identifying conflictogenic world-models in the digital environment for the timely prevention and constructive resolution of the interethnic conflicts.

Keywords: political discourse, conflictogenic world-modeling, criteria of world-modeling, social media, Telegram, migrant workers, intercultural interaction, social problems

Funding: The research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation grant № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

Article history: received: 11.08.2025; accepted: 15.12.2025.

Conflict of interests: the author states that shee are no conflicts of interest.

For citation: Kushneruk, S.L. (2025). Criteria of Conflictogenic World-Modeling in Anonymous Political Discourse of Telegram. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1343–1357 (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-1343-1357>

Введение

Настоящее исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом и посвященного изучению индикаторов

конфликтогенности межкультурного взаимодействия в цифровом дискурсе Telegram. Его *актуальность* и новизна обусловлены: стремительным ростом числа телеграм-каналов, поднимающих острые социально-политические проблемы, к которым относится приток в Россию иностранных специалистов из азиатских стран; возросшей ролью телеграм-сообществ, принимающих участие в регулировании межнациональных вопросов на основаниях анонимности; неизученностью речевых механизмов конфликтогенного миромоделирования, приводящего к одностороннему восприятию межкультурного взаимодействия в телеграм-коммуникации.

Цель настоящего исследования заключается в выделении критериев конфликтогенного миромоделирования в условиях новой формации политического влияния, создаваемой анонимными агентами в российских телеграм-каналах о трудовых мигрантах.

Теоретические основы исследования, материал и методы

В первой четверти XXI в. проблематика исследования политического дискурса сохраняет статус высоко актуальной [1]. В связи с повсеместной телеграммизацией коммуникации особый интерес представляет политический дискурс реагирования. Эти вопросы впервые поднимаются в работах И.В. Савельевой, которая вводит понятие непрофессионального политического дискурса, существующего в виде комментариев пользователей, и рассматривает его как «полноценный дискурсотип» [2]. Полагаем, что выход за пределы официального политического дискурсопроизводства в неинституциональную сферу дает возможность глубже понять механизмы влияния на адресата и выявить специфику миромоделирования, за счет которой формируются устойчивые представления о межкультурных конфликтах в обществе.

Возможности Telegram способствуют увеличению числа формально анонимных телеграм-каналов политической направленности [3]. Их порождающими субъектами являются модераторы, которые дают оценку социальным явлениям. Даже если канал является верифицированным, сведения об имени и профессиональной деятельности автора остаются неизвестными подписчикам. Такие каналы продуцируют анонимный политический дискурс, который по мере увеличения числа неавторизованных сообществ расширяет сферу своего влияния и демонстрирует признаки конфликтогенности.

В психологии и конфликтологии это понятие определяется как «деструктивный потенциал общества, связанный с нарушением сложившихся связей и отношений, ростом социальной напряженности, нарастающих противоречий в политической сфере, деградацией социальных отношений»¹. Индикаторами феномена выступают конфликтогены, которые могут быть поведенческими и речевыми [4]. Речевые конфликтогены являются показателями вербальной

¹ Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Режим доступа: https://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 08.01.2025).

агрессии, нацеленной на причинение вреда и оскорбление индивида или группы людей².

Исследования речевых аспектов конфликтогенности обширно представлены. Обозначим наиболее значимые для выделения критериев конфликтогенного миромоделирования теоретические установки: 1) политический дискурс является конфликтогенным [5]; 2) конфликтогенность соотносится с распространением деструктивной [6], вредоносной [7], негативной [8] информации; 3) конфликтогенным считается текст, провоцирующий конфликт и/или свидетельствующий о его наличии [9]; 4) конфликтогенные тексты содержат речевую агрессию, которая проявляется в вербальном выражении негативных эмоций, оценок [10]; 5) основой конфликтов с трудовыми мигрантами служит отторжение «чужого» [11].

Изучение конфликтогенности политической коммуникации часто ограничивается исследованием лексико-стилистических средств. Думается, что это сложное социальное и языковое явление должно рассматриваться холистично, то есть на основе собственно языковых и неязыковых факторов, совокупность которых обеспечивает функционирование миромоделей, формирующих у адресата картину социальной реальности. В последние годы понятие миромоделирования активно разрабатывается в российской лингвистике применительно к художественному [12], политическому [13], медийному и другим дискурсам. Подробный обзор публикаций и основные направления исследования миромоделирования представлены в статье С.Л. Кушнерук, определяющей феномен как «контекстуально обусловленный процесс и результат конструирования реальности в дискурсе средствами языка» [14. С. 443]. При таком подходе миромоделирование рассматривается сквозь призму репрезентационных структур (миромоделей), или смысловых фигур, которые соотносятся с представлением мира в дискурсе, выполняют функцию ориентации адресата и регулируют жизнь общества.

Обращаясь к миромоделированию в анонимном политическом телеграм-дискурсе, мы разделяем идею о полиреальности, заключающуюся в том, что «варианты виртуальной реальности как искусственно созданной информационной среды... прочно вошли в повседневную жизнь», поэтому о современном человеке «можно говорить как о присутствующем одновременно во многих смысловых регионах, в различных мирах» [15. С. 169]. Морфема *поли-* передает идею множественности миромоделей [12], сосуществующих в телеграм-пространстве и являющихся конфликтогенными.

С учетом этого в исследовании интегрируются установки, доказанные в теории политической коммуникации, дискурсологии, конфликтологии, теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования [14]. Основными методами выступают дискурсивный анализ (для выделения структур содержания и выражения с учетом контекста), контекстологический анализ (для

² Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 562.

осмысления синтагматических связей ключевых лексем), а также методика Case study (для формирования выборки контекстов и ее ограничения тематикой трудовой миграции).

В качестве материала исследования использовались два канала в категории «Политика» (<https://t.me/mnogonazi>; <https://t.me/Russiansword>) за календарный 2024 г. Они были отобраны при помощи сервиса аналитики TGstat согласно следующим параметрам: тематика (проблемы взаимодействия с этнофорами); охват (более 200 тыс. подписчиков); индекс цитируемости; вовлеченность аудитории. Для обоснования критериев конфликтогенного миромоделирования применялись инструменты мультиплатформенного средства лингвостатистического анализа текста AntConc. Фокусный корпус составил 587 431 словоупотребление.

Результаты исследования

Рефлексия над содержанием анонимной политической коммуникации в телеграм-каналах способствует выработке понятия конфликтогенного миромоделирования. Под конфликтом понимают «столкновение противоположных интересов, взглядов, позиций; разногласие, острый спор»³. Ключевые семы: «столкновение», «разногласия», «спор». Термин **конфликтогенное миромоделирование** предлагается использовать для обозначения *структурирования информации о среде и человеке в телеграм-дискурсе посредством вербально-знаковых средств, направляющих внимание на противостояние групповых интересов, мнений, взглядов и рост социальной напряженности в обществе*. В контексте трудовой миграции оно способствует акцентированию различий между взаимодействующими сторонами, принимает многообразные формы и удовлетворяет трем группам критериев.

Критерии, обусловленные социально-психологической природой конфликтов

Нормативно-правовой критерий

Любая социальная проблема имеет юридический аспект. В рассматриваемых телеграм-каналах материалы преимущественно носят негативно-оценочный характер. Актуализируется типичная для политического дискурса оппозиция «свои — чужие». Крайние формы противостояния между оппонентами приводят к развитию нетерпимости в отношении недоминантных этнокультурных групп, что способствует эскалации конфликтов. По этой причине проявлением конфликтогенного миромоделирования можно признать наличие в тексте информации, которая является юридически «запрещенной», «противоправной», а также материалы «с деструктивным информационным

³ Портал ГРАМОТА.RU. Режим доступа: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 04.02.2025).

воздействием», что получает закрепление в нормативных документах и законах (149-ФЗ, 2124-1-ФЗ⁴ и др.).

Распространение такой информации является уголовно и административно наказуемым. Так, в целях противодействия ксенофобии и дискриминации мигрантов создан перечень, который систематизирует признаки враждебности в отношении этой социальной группы⁵: призывы к насилию и дискриминации; пропаганда «позитивных» примеров насилия или дискриминации; создание отрицательного образа этнической группы; оправдание случаев насилия и дискриминации; высказывания, которые подвергают сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; утверждения о неполноценности, исторических преступлениях, криминальности, моральных недостатках любой этнической группы; рассуждения о превосходстве одной из этнических групп в материальном достатке; обвинение в отрицательном влиянии этнической группы на общество; упоминание этнофоров в оскорбительном или унижительном контексте; призывы не допустить закрепления в городе мигрантов, которые принадлежат к любой этнической группе. Такие проявления в большей мере соотносятся с предконфликтной стадией. Без должного внимания со стороны компетентных органов они могут разжигать конфликты на межкультурной основе за пределами виртуальной среды. Предконфликтная стадия является латентной, которая может перерасти в открытый конфликт.

Субъектно-объектный критерий

Данный критерий учитывает фактор структуры и динамики межэтнического конфликта, а также его повлекшую ситуацию. Субъект конфликта — это «сторона, способная создать конфликтную ситуацию и влиять на ход развития конфликта в зависимости от своих интересов»⁶. Сторонами конфликта выступают индивиды или социальные группы людей. В телеграм-каналах выделяются два основных субъекта: граждане России и группы этнофоров — представители стран Центральной Азии и Закавказья. Объектом конфликта выступает проблемная ситуация, в которой пересекаются интересы сторон. Она может свидетельствовать о латентной (назревание), открытой (инцидент, эскалация, завершение) и постконфликтной (ликвидация напряженности) стадиях конфликта.

Начало открытой фазы конфликта знаменует инцидент, который провоцируется субъектом конфликта. Ср.: *мужчина абу-бандитской наружности жестоко избил девушку на глазах у прохожих; Мужчина сделал им [детям*

⁴ Система информационно-правового обеспечения «Гарант». Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 04.02.2025).

⁵ Официальный сайт администрации Нижневарттовского района. Режим доступа: <https://www.lvraion.ru/o-rayone/indigenous-numerically-small-peoples-of-the-north/protivodeystvie-ksenofobii/> (дата обращения: 04.02.2025).

⁶ Конфликтология: учебное пособие. Ставрополь, 2015. С. 30.

мигрантов] замечание, один из подростков ущемился и ударил пенсионера. Эскалация конфликта предполагает интенсификацию противостояния, что выражается в усилении эмоциональной составляющей коммуникации, создании образа врага, против которого нужно объединяться⁷. Это находит многообразное выражение в языке.

Критерии, обусловленные форматом телеграм-коммуникации

Гипертекстовый критерий

В телеграм-коммуникации большое значение приобретает мультимедийность — «процесс интеграции текста, звука, графических элементов, видео и анимации; одна из характеристик гипертекста»⁸. По этому основанию конфликтогенное миромоделирование анализируется на уровне гипертекста. Информация об иностранных специалистах представлена линейно и нелинейно, что открывает перед подписчиками множество виртуальных структур, обращение к которым создает «объемность» миромодели. Данный критерий позволяет установить «глубину» конфликтогенного миромоделирования и свидетельствует о кризисе межнациональных отношений. В качестве примера приведем обсуждение теракта в «Крокус Сити Холле» (22.03.2024). Обнаруживается несколько уровней гипертекста. Средствами когезии выступают два вида гиперссылок (выделены подчеркиванием).

Интратекстуальные гиперссылки создают тематическую целостность миромодели в пределах одного канала. Схематично уровни гипертекста можно представить как взаимодействие исходного и производного. Исходный уровень: *В [место] был остановлен один из автомобилей, который проходил по ориентировке*. Он активируется рядом ссылок из других постов. (1): *Автомобиль с террористами был остановлен недалеко от поселка [название]*. В машине находилось шесть человек: двое были задержаны, еще четверым удалось сбежать. Задержанными оказались граждане Таджикистана. На этот же уровень выводит гиперссылка (2): *Стали известны личности четверых из шести террористов, устроивших стрельбу в Крокус Сити Холл*⁹. Гиперссылка (3) позволяет активировать два предыдущих уровня, усиливая степень детализации проблемы. Ср.: *МИД Таджикистана назвал фейком информацию о причастности граждан республики к теракту*.

Интертекстуальные гиперссылки активируют связи за пределами Telegram и выводят адресата на внешние ресурсы, приглашая ознакомиться с профилем лиц в социальных сетях. Ср.: *Профиль в одноклассниках одного из террористов напавших вчера на Крокус; ... один из террористов [имя] успел стать новым россиянином и получил паспорт РФ; ... нашли профиль террориста [имя] в ВК*.

⁷ Конфликтология: учебное пособие. Ставрополь, 2015. С. 30.

⁸ Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М. : Флинта, 2020. С. 399.

⁹ Во всех примерах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

Навигация по интратекстуальным гиперссылкам обеспечивает смысловую связность миромодели, представленной семантической сетью из тематически объединенных постов в рамках одного сообщества. Интертекстуальные ссылки размыкают систему, насыщают ее дополнительным содержанием, усиливают мобилизационный потенциал коммуникации. Необходимо производить своевременное отслеживание подобного контента в анонимном телеграм-дискурсе в целях упреждения межнациональных конфликтов.

Мультимодальный критерий

По этому основанию конфликтогенное миромоделирование рассматривается в аспекте взаимодействия модусов, или знаков разной семиотической природы (от англ. *mode* — способ). В социально-семиотической трактовке Г. Кресса, вербальные, визуальные, звуковые знаки представляют собой совокупность ресурсов для конструирования миромодели [16]. В телеграм-постах наблюдается *модусная конвергенция*, при которой в отношения взаимной корреляции вступают несколько семиотических кодов [17]. Формируется **мультимодальный код миромоделирования** — система разнотипных семиотических ресурсов, структурно-содержательное единство которых способствует созданию репрезентационной структуры, реализующей прагматические цели.

В условиях конфликтогенного миромоделирования, порождаемого столкновением интересов групп этнофоров, в семиотический модус письма уверенно внедряются модусы изображения и звука. Все большая роль отводится аудиально-иконическим средствам, производящим эффект подлинности и усиливающим эмоциональное воздействие на подписчиков. Наиболее характерными для анонимного политического телеграм-дискурса о трудовых мигрантах являются димодусные композиции (греч. *di* — двойной), представленные семиотической моделью *письмо* (текст) + *изображение* (динамическое — видео, статическое — фото). Они существенно усложняют структуру телеграм-поста, превращая его в текст монтажной природы. При этом селективно используемые семиотические ресурсы не сводятся к простой сумме значений модусов-компонентов, но создают смысл эмерджентно (от англ. *emergent* — появляющийся). Это, в частности, проявляется в звукозрительной объемности миромодели. Конфликтогенность межкультурного взаимодействия усиливается за счет внедрения и комбинации знаков-иллюстраторов (видеоизображений и фотографий) в суперструктуре телеграм-поста. Ср.:

Вербальный модуль (конструктивный блок) поста включает следующий контекст: *В [название города] узбек отрабатывает удары на бездомных, стариках и подростках. Нападения на людей он и его подельники снимают на видео и выкладывают в свой ТГ канал. На кадрах одного из видео абу-бандит жестоко бьет старика, который не понимает за что его подвергают такой экзекуции.* В препозиции к данному модулю находятся модули динамического и статического изображения: а) модуль 1 (видео)

проблематизирует отношения между этнофорами, выполняя выделительную функцию; видео демонстрирует, как человек азиатской внешности наносит удар в лицо пожилому человеку; б) модуль 2 (видео) не имеет прямого отношения к ситуации с пожилым человеком, но интенсифицирует названное действие: в кадре человек наносит удар другому гражданину; в) модуль 3 (фото) представляет изображение человека азиатской внешности, осуществляет конкретизирующую функцию, указывая на «абу-бандита» из текста поста; г) модуль 4 (скриншот) включает изображение блоков информации начальной страницы пользователя в социальной сети с указанием имени, города, места работы и выполняет выделительную функцию.

Конвергенция модулей и модусов усиливает эмоциональный посыл модератора. Благодаря семиотической монтажности каждый модуль вступает в смысловое отношение со смежными модулями, что закрепляет негативные смыслы. Подобно кадрам кинофильма, соположенные модули создают единое смысловое и синтаксическое целое телеграм-поста, заставляя адресата припоминать, удерживать впечатление, мысленно совмещать и накладывать друг на друга содержание, активируемое по отдельности.

Критерии, обусловленные количеством и качеством словесно-речевых средств

Критерий частотности

Резонанс проблем трудовой миграции в российском обществе¹⁰ обуславливает высокую частотность лексемы *мигрант* (2567) и этнонимов, обозначающих представителей центральноазиатских стран (*тадж** — 1161, *узбек** — 797, *киргиз** — 266, *туркмен** — 14,) и Закавказья (*азерб** — 425, *армян** — 80), в анонимных политических телеграм-каналах. В общем выявлено 2743 этнонима. Поскольку фокусный корпус включает 587431 словоупотребление, относительная частота перечисленных словоформ округленно составляет 0,0047. Чтобы оценить полученный результат, мы обратились к референциальному корпусу «Социальные сети» в НКРЯ¹¹, который включает 161432452 слова, установили количество вхождений каждого этнонима (*тадж** — 2040, *узбек** — 617, *киргиз** — 180, *туркмен** — 75, *азерб** — 1801, *армян** — 2921) и определили относительную частоту словоформ (7634/161432452), равную 0,000047. На заключительном этапе была произведена оценка относительной частоты употребления этнонимов в телеграм-каналах по сравнению с референциальным корпусом ($0,0047/0,000047 = 100$) и определено, что частота их употребления в 100 раз больше, чем в корпусе «Социальные сети». Данный факт является аргументом в пользу того, что

¹⁰ Исследования общественного мнения ВЦИОМ (2024). Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7383856> (дата обращения: 04.02.2025).

¹¹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2025).

межэтнические вопросы присутствуют в поле повышенного внимания модераторов анонимных телеграм-каналов. Вместе с тем характер конфликтогенного миромоделирования можно установить только через обращение к формам выражения смыслов, что, со всей очевидностью, прогнозирует выделение соответствующего критерия.

Семантико-стилистический критерий

Конфликтогенный телеграм-пост содержит речевую агрессию, то есть «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда человеку, группе людей»¹². Она обусловлена агрессивными эмоциями или состоянием агента дискурса, которое передается адресату за счет семантики средств языка, выступающих речевыми конфликтогенами. В формальном отношении это единицы разной протяженности, выражающие резко отрицательные оценки явлений действительности. Стигматичные (греч. *stigma* — пятно) семы в значении единиц закрепляют идею отрицательных качеств мигрантов, осуждаемой деятельности и актуализируются в: а) денотативном компоненте значения лексем, обозначающих этнофоров (*педофил*, *извращенец*, *грабитель*, *убийца* и др.). Ср: *силовики пресекли въезд в регион группы мигрантов-извращенцев; приезжий педофил попытался украсть маленькую девочку*; б) стилистическом, ассоциативно-образном компоненте значения слов и словосочетаний, употребляемых переносно (*дикарята*, *обезьяныч*, *обезьяны*, *бабуин* и др.). Ср.: *По словам [имя], на него налетела стая обезьян, состоящая из кавказцев и среднеазиатов; стая абу-бандитов напала на человека; приезжий бабуин решил продемонстрировать свои атлетические способности*.

Устанавливаются основные группы апеллятивов, регулярно используемые модераторами телеграм-каналов в целях референции к мигранту, — а) изначально содержащие негативно-оценочные семы (*хулиган*, *террорист*, *наркобарон*, *нелегал*, *боевик*, *нечисть*); б) приобретающие отрицательную коннотацию в результате «контекстуального наведения» (Б.Ю. Норман) стигматичных сем (Ср.: *исполнителем теракта был уроженец Узбекистана*; системное значение лексемы *уроженец* является нейтральным — родившийся в каком-либо месте); в) окказионализмы, транслирующие пейоративную оценку (*закладчик*, *бомбила*, *понаехавший*, *беспредельщик*, *нарковаххабит*, *собакофоб* и др.).

Этико-речевой критерий

Выделяется в связи с тем, что стилистическое значение конфликтогенных единиц содержит экспрессию грубости, порицания субъекта, и это нарушает этико-речевую норму — «совокупность правил речевого общения,

¹² Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 562.

которые обеспечивают гармонизацию интересов общающихся»¹³. По степени возрастания экспрессии грубости можно выделить следующие объединения:

Просторечная лексика и жаргонизмы используются модераторами для критики действий трудовых мигрантов. Ср.: *малолетние дикари задираются, обзываются, забивают стрелки; жестоко забили человека; швырнул о тротуар прохожего; дикарь наварлся на ответку; отжал квартиру; передознулся наркотиками* и др.

Вульгаризмы принадлежат периферии просторечной лексики, отличаются еще более резкой оценочностью и экспрессивностью, не совместимыми с нормами нравственности. Ср.: *мужчина вступился за избиваемую, съездив по морде бабуина; пьяное быдло много матерится*.

Инвективы (сквернословие) демонстрируют агрессию враждебности [18]. Они материализуют сильные эмоции модераторов каналов в самом крайнем виде. Примерами служат слова и выражения, нарушающие этические табу. В телеграм-постах они достигают максимума оскорбительности. Ср.: *подобных ублюдков начали сажать; мразь, которая зарабатывает на горе людей; среднеазиатские свиньи* и др.

Метатекстовый критерий

В телеграм-постах высказывания о трудовых мигрантах из центрально-азиатских стран переплетаются «нитем высказываний» о самих высказываниях, или «инструкциями» по пониманию текста (по А. Вежбицкой). Это метатекстовые компоненты, существующие в виде авторских комментариев и содержащие мнение отправителя речи. За счет них модераторы управляют вниманием подписчиков. «Вклад» метатекста как «инородного тела» в структуре телеграм-поста является важным маркером конфликтности. Вербальными метатекстовыми операторами регулярно выступают вводные слова и предложения, указывающие направление хода мысли адресанта.

Например, анонимные телеграм-посты изобилуют лексическими маркерами выражения мнения, оценки, предположения, возможности (*наверное, сомнительно, предположительно, видимо, вероятно, кажется, можно сказать, может быть*). Это является признаком «погромного» дискурса [19. С. 8], то есть отличающегося злоупотреблением правом в рамках ст. 152 ГК РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Об иностранных специалистах преимущественно распространяются негативные сведения. Ср.: **Очевидно, что в странах Средней Азии стоимость жизни гораздо ниже, чем в крупных городах России. Большинство мигрантов в странах исхода имеют свое жилье, а здесь им придется его снимать, продукты дороже, все услуги дороже. Почему же они тогда сюда? Наверное, потому что члены их семей**

¹³ Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 366.

работают неофициально в теневом секторе экономики и при этом используют нашу социальную инфраструктуру.

Вставные конструкции также являются «инородным телом» в структуре телеграм-поста, поскольку их связь с основным предложением имеет содержательно-ассоциативный, а не грамматический характер. Благодаря ассоциациям модератор задает перспективу восприятия факта или ситуации. Ср.: *Сотрудники МВД накрыли очередной этнический бордель низких цен, в котором трудолюбиво работали иностранные специалисты из Средней Азии. <...> там занимались проституцией 3 транса (2 узбека, 1 таджик).* Конструкция *(2 узбека, 1 таджик)* направляет ход мысли адресата, связывая наказуемые и запрещенные в России деяния (занятие проституцией, смена пола) с представителями конкретных инокультур (узбеки, таджик). Она увеличивает содержательно-информационный объем поста и одновременно несет избыточную информацию в виде мелких деталей (признак этнической принадлежности), что нарушает максимум количества (по Г. Грайсу) и может рассматриваться как проявление конфликтогенной риторики. Метатекстовые операторы обеспечивают цельность конструируемой системы смыслов на уровне авторского мировидения.

Заключение

В процессах структурирования информации о представителях центральноазиатских стран и Закавказья в анонимных политических телеграм-каналах реализуется конфликтогенное миромоделирование, которое которое обнажает кризис межкультурных отношений в связи с притоком трудовых мигрантов в Россию.

Критерии конфликтогенного миромоделирования выделяются с учетом, во-первых, сложной природы процессов трудовой миграции и межэтнических конфликтов, во-вторых, — особенностей интернет-опосредованной телеграм-коммуникации, в-третьих, — специфики цифровой текстуальности.

Социально-психологические и юридические факторы обуславливают нормативно-правовой и субъектно-объектный критерии. Форматные характеристики телеграм-коммуникации задают гипертекстовый и мультимодальный критерии. Особенности словесно-речевых средств определяют критерий частотности, семантико-стилистический, этико-речевой и метатекстовый критерии конфликтогенного миромоделирования.

Дальнейшее развитие обозначенной проблематики открывает широкие перспективы. Выделенные в анонимном политическом дискурсе Telegram критерии конфликтогенного миромоделирования представляют интерес для использования в прикладных целях, в частности, для идентификации вредоносных миромоделей, искажающих представления о межэтнической и межкультурной коммуникации и усиливающих нетерпимость этнофоров по отношению друг к другу.

Библиографический список

1. Чудинов А.П., Сегал Н.А., Будаев Э.В. Театральная метафора как основа моделирования образа России в украинских СМИ 2014–2024 гг. // *Язык и культура*. 2024. № 67. С. 76–88. <https://doi.org/10.17223/19996195/67/4> EDN: JRMATI
2. Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты : монография. СПб., 2021. EDN: NRPILL
3. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4. № 1. С. 114–144. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.230> EDN: HSTPMV
4. Леонов Н.И. Конфликтология. М.; Воронеж, 2006.
5. Кошкарлова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве : Монография. Челябинск, 2021.
6. Карабулатова И.С., Копнина Г.А. Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти // *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 3. С. 319–335. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.303> EDN: EVSJW
7. Лукина Е.И. Вредоносная информация: сущность и содержание понятия // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 256–259. EDN: VZXPSR
8. Смирнов А.А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования // *Информационное право*. 2015. № 2. С. 18–25. EDN: TTZXUD
9. Макаренко Г.С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. EDN: GTMYPP
10. Щербинина Ю.В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления. М. : Флинта, 2018.
11. Гусейнова Л.Д., Дугалич Н.М., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Эбзеева Ю.Н. Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 4. С. 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043> .
12. Гарипова Г.Т. Специфика художественного миромоделирования в прозе русского символизма: теория, тенденции, трансперсональные модели // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2020. Т. 25. № 3. С. 399–423. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-399-423> EDN: DBNBVK
13. Дмитриева А.В. Функциональный и прагматический потенциал топонимов в видеотекстах российской политической рекламы // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. № 2. С. 206–218. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-206-218> EDN: HZCYBH
14. Кушнерук С.Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28. № 2. Р. 439–465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762> EDN: DVZOQG
15. Ладов В.А. Феноменология виртуальной реальности // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2011. № 2. С. 169–176. EDN: OPJKJR
16. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 77–100. EDN: XCGBMF
17. Кушнерук С.Л. Телеграм-дискурс как порождение цифровой экосистемы: визуализация формата // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 2. С. 85–91. <https://doi.org/10.18721/JHSS.15208> EDN: TPYUQU
18. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.

19. Баранов А.Н. Злоупотребление правом как лингвистический феномен // Язык. Право. Общество : сб. статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 22–25 мая 2018 г. Пенза, 2018. С. 7–10.

References

1. Chudinov, A.P., Segal, N.A., & Budaev, E.V. (2024). Theatrical metaphor as the basis for modeling the image of Russia in the Ukrainian media 2014—2024. *Language and Culture*, 67, 76–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/67/4> EDN: JRMATI
2. Savel'eva, I.V. (2021). *Non-professional political discourse: linguopragmatic and linguopersonological aspects*: Monografiya. Saint Peterburg. (In Russ.). EDN: NRPILL
3. Lyakhovenko, O.I. (2022). Telegram Channels in the System of Expert and Political Communication in Modern Russia. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(1), 114–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.230> EDN: HSTPMV
4. Leonov, N.I. (2006). *Conflictology*. Moscow; Voronezh. (In Russ.).
5. Koshkarova, N.N. (2021). *Conflict and cooperative types of discourse in the intercultural political space*: Monografiya. Chelyabinsk. (In Russ.).
6. Karabulatova, I.S., & Kopnina, G.A. (2023). Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory. *Medialingvistika*, 10(3), 319–335. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.303> EDN: EVSJW
7. Lukina, E.I. (2016). Malicious information: the essence and content of the concept. *Gaps in Russian Legislation*, 4, 256–259. (In Russ.). EDN: VZXPSR
8. Smirnov, A.A. (2015). Negative content: identification issues in the context of legal regulation. *Information Law*, 2, 18–25. (In Russ.). EDN: TTZXUD
9. Makarenko, G.S. (2018). *Conflict text as an object of linguistic research: structural, semantic and pragmatic aspects* [PhD Thesis]. Ufa. (In Russ.). EDN: GTMYPP
10. Shcherbinina, Yu.V. (2018). *Russian language: speech aggression and ways to overcome it*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
11. Guseynova, L.D., Dugalich, N.M., Lomakina, O.V., Neliubova, N.Yu. & Ebzeeva, Yu.N. (2022). The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1020–1043. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043> EDN: INAPKU
12. Garipova, G.T. (2020). Specific of artistic world modeling in the Russian symbolism fiction: theory, trends, transpersonal models. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(3), 399–423. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-399-423> EDN: DBNBVK
13. Dmitrieva, A.V. (2022). Functional and Pragmatic Potential of Toponyms in Russian Political Advertising Videotexts. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 206–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-206-218> EDN: HZCYBH
14. Kushneruk, S.L. (2024). Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus. *Russian Journal of Linguistics*, 28(2), 439–465. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.15208> EDN: TPYUQU
15. Ladov, V.A. (2011). The phenomenology of virtual reality. *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*, 2, 169–176. (In Russ.). EDN: OPJKJR
16. Kress, G. (2016). Social semiotic and the challenge of multimodality. *Political Science*, 3, 77–100. (In Russ.). EDN: XCGBMF
17. Kushneruk, S.L. (2024). Telegram discourse as product of digital ecosystem: visualization of format. *Terra Linguistica*, 15(2), 85–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.18721/JHSS.15208> EDN: TPYUQU
18. Zhel'vis, V.I. (2001). *The battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world*. Moscow. (In Russ.).

19. Baranov, A.N. (2018). Abuse of law as a linguistic phenomenon. In: *Yazyk. Pravo. Obshchestvo*: Proceedings of V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Penza, 22–25 maya 2018 (pp. 7–10). Penza. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры теории и практики английского языка, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет (454001, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129); *сфера научных интересов*: дискурс-анализ, медиалингвистика, миромоделирование в дискурсе, *e-mail*: Svetlana_kush@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4447-4606, Scopus Author ID: 57204431355; ResearcherID: GQA-3089-2022, SPIN-код: 8328-6722.

Information about the author:

Svetlana L. Kushneruk, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Theory and Practice of the English language, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University (129 Str. Br. Kashirinov, Chelyabinsk, Russian Federation, 454001); *Research interests*: discourse analysis, media linguistics, world-modeling in discourse, *e-mail*: Svetlana_kush@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4447-4606, Scopus Author ID: 57204431355; ResearcherID: GQA-3089-2022, SPIN-code: 8328-6722.